

А.А.ВВЕДЕНСКИЙ

**ДОМ
СТРОГА-
-НОВЫХ**

В XVI-XVII ВЕКАХ.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1962**

9 (C) 13

В 24

**Оформление художника
А. СКОРОДУМОВА**

ВВЕДЕНИЕ

Торгово-промышленный дом Строгановых, представляющий собой уникальное явление не только в отечественной, но и в мировой истории, стал предметом изучения автора прежде всего потому, что выяснение разнообразной хозяйственной деятельности Строгановых позволяет осветить коренные вопросы экономической истории России XVI—XVII вв. Процессы, протекавшие в их обширном хозяйстве, были характерны для страны в целом. Кроме того, богатые вотчинники, солепромышленники и торговцы оказывали влияние на экономическую жизнь всего Русского государства. Поэтому исследование истории Строгановых есть в то же время изучение складывания всероссийского рынка и генезиса капитализма в России.

Начало деятельности Строгановых относится к XV в., когда четыре представителя этой фамилии — Спиридон, Кузьма, Лука и Федор, посадские люди, вышедшие из поморского крестьянства, — стали основателями могущественной торгово-промышленной фамилии, продолжавшей свою деятельность до Великой Октябрьской социалистической революции.

В XV—XVIII вв. было много предпринимательских и торговых домов, но обычно их существование продолжалось в течение одного-двух, редко трех поколений. Они сходили с исторической арены, не оставив в целости своих семейных архивов, и об их деятельности историки судят лишь по отдельным сохранившимся документам.

Торгово-промышленный дом Строгановых, бывший единым в XV в., с начала XVI в. распался на три самостоятельные ветви: тотемских Строгановых, угасших через три поколения, в 1618 г.; сольвычегодско-пермских Строгановых, действовавших пятьсот лет; циренниковских Строгановых, окрестянившихся в XVII в. Потомки последних и поныне живут в деревне Циренниково в полукилометре от Сольвычегодска.

В настоящей монографии исследуется история только одной ветви этой фамилии — сольвычегодско-пермских Строгановых.

О тотемских и циренниковских Строгановых до сих пор вообще не было ничего известно нашей исторической науке. Первый очерк о них нами опубликован сравнительно недавно¹.

Воссоздать историю тотемских Строгановых представляется весьма трудным делом. Этот дом просуществовал только три поколения, вымерли его представители во втором десятилетии XVII в., не оставив наследников. Семейный архив не сохранился. И история этой ветви Строгановых может быть восстановлена лишь по единичным и случайным документам московских и тотемских архивов, а между тем роль тотемских Строгановых, как пионеров в русском освоении Арктики, весьма важна.

Выйдя из разбогатевших поморских мужиков, Строгановы поднялись до звания гостей, стали в начале XVII в. единственными в стране именитыми людьми, в XVIII в. превратились в баронов, а позже — в графов Российской империи.

Инициативные и алчные эксплуататоры народного труда, сольвычегодско-пермские Строгановы являются рыцарями так называемого первоначального накопления капитала в России; активно участвуют в политической жизни феодального Русского государства, являются агентами правительства по управлению Сольвычегодским и Пермским краем; организуют тысячный отряд и содержат его на свой счет во время Ливонской войны при Иване Грозном, посылают своего, строгановского, полководца — Ермака на завоевание царства Кучума, следствием чего было присоединение Западной Сибири к Русскому государству; участвуют в обороне страны от польско-шведской интервенции в 1608—1613 гг.

Если далеко не все эти факты, то некоторые из них упоминаются в учебниках для средних школ и в университетских курсах по истории СССР. И в то же время целостного изложения истории торгово-промышленного дома сольвычегодско-пермских Строгановых еще нет.

Нет ни одного историка, изучающего период XVI—XVII вв., который бы не касался в той или иной степени деятельности Строгановых. И тем не менее далеко не все стороны ее освещены.

¹ См. А. А. Введенский, Крестьяне Строгановы в XVI—XVII вв., «Труды Тбилисского государственного университета», т. 10, 1939, стр. 21—58.

В исторической литературе о Строгановых имеется много пробелов. Из-за невыеявленности первоисточников совершенно не изучался сложный комплекс вопросов, связанный с сольвычегодской вотчиной, промыслами, торговлей именитых людей. Поэтому в настоящей монографии уделяется большое внимание этой вотчине, бывшей в XVI в. и в первой половине XVII в. основным хозяйственно-организационным центром обширного строгановского хозяйства. Лучше известна история пермских, приуральских вотчин Строгановых, почему им и уделено несколько меньше внимания: нами исследуются те стороны жизни пермских вотчин, которые не получили должного освещения в исторической литературе. Не изучались вопросы техники вотчинных производств, организация торговли в поморских, прикамских, приокских городах и в городах Замосковского края. Не освещалось в должной мере и использование крепостного и вольнонаемного труда в строгановских вотчинах. Нами ставится вопрос и о характере строгановских производств. Была ли эта организация зачаточной формой мануфактуры — этот вопрос еще не изучен и ждет своего решения, для которого даются некоторые материалы.

В исторической литературе относительно хорошо и полно изучены проблемы, связанные со строгановским завоеванием и присоединением Сибири, со строгановской школой иконописания, с политической деятельностью Строгановых как агентов правительства Русского государства. По этим уже обсужденным в науке вопросам нами сообщаются новые материалы и обосновываются новые выводы.

Изучение истории торгово-промышленного дома сольвычегодско-пермских Строгановых началось еще в 30—40-е годы XVII в., когда безвестный для нас автор из строгановских послужильцев создал Строгановскую летопись.

Строгановская летопись была составлена как историческое сочинение о походе Ермака, завоевании им Сибири. Ее автор хорошо знал документы строгановского архива. Позже, с XIX в. по наши дни, это литературное произведение используется как один из важнейших первоисточников. История изучения Строгановской летописи с анализом всей литературы о ней дается нами во второй главе. Там же мы рассматриваем и другие литературные произведения конца XVII в. о строгановском завоевании Сибири — Кунгурскую и Ремезовскую летописи, являющиеся для нас первоисточником.

В XVIII в. два историка увеличили знания о пермских вотчинах Строгановых: Г. Миллер («Описание Сибири», т. 1, М., 1750 г.) и главноуправляющий строгановскими имениями Петр Икосов («История о роде и отечественных заслугах фамилии Строгановых», Пермь, 1789 г.).

Г. Миллер напечатал впервые значительное количество царских грамот Строгановым, а Икосов, знавший акты строгановских архивов, в своем примитивном, прагматическом изложении истории Строгановых в Приуралье сообщает ряд фактов из документов, не дошедших до нашего времени.

В XVIII в. по истории Строгановых на основании утраченных ныне документальных местных материалов написали свои сочинения два поморских краеведа-историка: сольвычегодский мещанин Алексей Соскин в 1789 г. завершил работу над сочинением «История города Соли Вычегодской в древние и новейшие времена»; рукопись его в двух экземплярах еще в 1928 г. находилась у частных лиц Сольвычегодска и была напечатана в сокращенной редакции в «Вологодских Епархиальных Ведомостях» за 1881—1882 гг.; архангельский крестьянин Василий Васильевич Крестинин напечатал «Прибавление первое к географическому известию о Новой Земле полунощного края» в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (изд. Академии наук, т. XXXI, январь, СПб., 1789 г.). Автор сообщает сведения о промыслах Строгановых на Новой Земле. Свидетельства В. Крестинина подтверждаются в анонимно изданной на французском языке в 1762 г. книге, написанной чиновником архангельского губернатора Клингштедом¹.

И, наконец, очень важные факты, не сохранившиеся в документах о Строгановых, приводятся в сочинении амстердамского бургомистра Николая Витзена, изданном трижды на голландском языке в Амстердаме — в 1692, 1705 и 1785 гг.²

К сожалению, этот весьма важный источник по истории Русского государства XVI—XVII вв. остается не переведенным на русский язык. Н. Витзен сообщает много сведений о Строгановых XVI—XVII вв.

Этими работами исчерпывается литература о Строгановых, вышедшая в XVII и XVIII вв.

Только один Герард Миллер ввел в научный оборот впервые значительное количество документальных материалов. Все другие авторы не дают публикаций документов, а ограничиваются лишь их пересказом.

¹ [Klingstedt], Memoire sur les Samojedes et les Lapons, 1762.

² N. Witsen, Noord en oost Tartarye etc., II. deel, Amsterdam, 1785. Это третье издание напечатано без изменений со второго (Amsterdam, 1705), с той же пагинацией. Сравнительно с первым (Amsterdam, 1692) второе издание подверглось коренной переработке: первая часть, компилятивная по преимуществу, сокращена, но расширена новыми сведениями часть вторая, где речь идет о Сибири, о ее географии, этнографии, ее археологических древностях и т. п.

Специально о Витзене см. монографии: J. T. Bodel Nijenhuis, Verspreide bijzonderheden over Mr. Nic. Cornz. Witsen, S. I., 1852; J. F. Gebhard, Het leven van Mr. Nicolas Cornelis Witsen (1641—1717), v. 1—2, Utrecht, 1881—1882; K. Müller, Gottfried Wilhelm Leibnitz und Nicolas Witsen, Berlin, 1955.

При наличии достаточно обширной литературы о Строгановых (см. библиографию в конце книги), хотя и не освещающей всех сторон жизни этого дома, для написания новой работы потребовалась прежде всего мобилизация новых архивных источников, ускользавших от внимания всех исследователей, изучавших историю Строгановых. С этой целью были предприняты длительные разыскания архивных материалов не только в московских и ленинградских архивах, но и в периферийных древлехранилищах Урала, Тотьмы, Сольвычегодска, Архангельска, Устюга Великого, Киева. До Великой Октябрьской революции ряд архивных фондов из семейных архивов был недоступен для исследователей, потому что графы Строгановы никого из историков не пускали в свои архивы. Исключение было сделано для одного Н. Г. Устрялова, использовавшего весьма ограниченное число архивных документов. Семейные архивы Строгановых были известны и двум строгановским служащим — П. Икосову в XVIII в. и Ф. А. Волегову в первой половине XIX в., которые были главноуправляющими всеми уральскими имениями.

Изучение всех архивных остатков, дошедших до настоящего времени, позволило прежде всего вскрыть состояние, систему хранения и использования семейных архивов Строгановыми в XVI—XVII вв.

Строгановы уже в XVI в. в Соли Вычегодской имели свои архивы. Наблюдения над внешним видом сохранившихся документов убеждают нас не только в существовании этих хранилищ, но и в том, что документы хранились там в определенном порядке.

Каждому веку свойственны свои понятия о порядке и системе хранения архивных дел, и на строгановских документах мы сможем проследить эту смену взглядов строгановских архивистов на свое дело на протяжении длинной цепи лет. В XVI в. при Анике Строганове документы, по-видимому, едва ли не впервые приводятся в порядок. О более раннем времени у нас нет сведений, так как пока неизвестно ни одного документа XV в. Аника Строганов из своего домашнего архива в Соли Вычегодской дает справки в Москву своим приказчикам, ведущим судебные дела. При нем же, видимо, по данным этого домашнего архива составляется систематический семейный синодик, причем уже в половине XVI в. не смогли отыскать имени жены и детей родоначальника фамилии — Спиридона, а также сведений о составе семьи его сына Кузьмы. Подробные свидетельства начинаются только с состава семьи Луки. Это подтверждает, что в XVI в. архива или не было, или он хранился так небрежно, что документы, составленные до XVI в., не уцелели. Энергичная деятельность Аники Строганова создала в ряде городов Верхнего Поволжья и Оки цепь торгово-промышленных контор, в каждой из которых начали создаваться свои архивы. Всякого рода крепостные

документы на людей, а также на недвижимые имущества и угодья переводятся Аникой в Москву, по-видимому в целях удобства и хранения такого рода документов в столице для ведения судно-приказных дел.

Но, несмотря на некоторое сосредоточие части документов в столице, основной архив в родовом гнезде рода Строгановых — в Соли Вычегодской и местные архивы в ряде городов, где были их отделения, остались. Это вызывалось нуждами децентрализованного до некоторой степени управления хозяйством: через доверенных лиц, приказчиков и управителей с большой полнотой власти.

После смерти Аники, когда его наследники принялись за раздел имущества, был разделен и архив в Москве и Соли Вычегодской с особой тщательностью, так как он состоял из крепостных документов. За этими документами скрывалась реальная ценность: они были как бы векселями на розданные в долг деньги, проценты и погашение которых возмещались трудом кабальных людей, поделенных в точной пропорции между наследниками. Архивы на местах (в Калуге, Переяславле-Рязанском, Великом Устюге, Вологде, Казани, Нижнем Новгороде), часть которых составляли кабальные документы, также были поделены, но все они, переменяв владельцев, остались на своих местах до XVII в. При новом же разделе, в 1610 г., крепостной архив из Москвы был переведен в Сольвычегодск. И местные архивы были Максимом, Андреем и Петром Строгановыми сосредоточены в Соли Вычегодской. Сольвычегодский архив, получив ряд фондов, выросши количественно, начал устраиваться и качественно. Происходит разборка, сортировка документов, улучшаются приемы хранения, что вызвано было требованиями практических справок, за которыми приходилось обращаться к архиву. Последние наводить было затруднительно при прежних, довольно бессистемных способах хранения бумаг в коробах и сундуках.

Если присмотреться к внешнему виду дошедших до нас из фамильного архива Строгановых актов, хранящихся в настоящее время в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, и тех остатков актового материала, которые хранятся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, то можно вскрыть явственную картину работы строгановских архивистов XVII в., когда они приводили в порядок архив в Соли Вычегодской. Так, например, почти каждый акт имеет или имел приклеенную этикетку, длиною часто соответствующей длине самого акта, а иногда и превосходящую акт своей величиной. Эта этикетка называлась сставой. На тылу этой приклейки писался старательным полууставным почерком заголовок документа и его краткое содержание с датой, например: «Деловая Андрея да Петра Семеновичей Строгановых, что поделили у Соли подцерковья под папертьми и под пределы, за рукою Петра Семеновича,

писана лета 1610 (7118) года, марта в 25 день» или «1615 (123) году, декабря в 14 день сотняя Очерская, что Никите Григорьевичу Строганову дали писцы в Казанские письма, своего дозору Девятый Змеев, да подьячева Симен Михайлов. А у сотные печать д(ана) на конце, а припись по Сставам назаде подьячего Василья Михайлова, а 1620 (7128) года, Генваря в 1 день перепись, что досталось 3 жеребья Микитинских крепостей Григорьевича Строганова в обчих держати для береженья Максиму Яковлевичь да Андрею да Петру Семеновичей, а позаде переписи Максим Яковлевичь руку приложил, а письмо переписи Максимова человека Яковлевича Ждана Воронина».

Как видно из этих примеров, строгановские архивисты почитали нужным довольно точно указывать дипломатические особенности акта; в этих архивных ярлыках приводятся дата, писец, послухи, рукоприкладство, печать и т. п. Иногда даются детальные указания: «печать перстневая», «бык с рогами», иногда же глухо обозначается: «и иные многие послухи руки свои приложили». Сбоку, в левом углу от полуустановной надписи, в архивном ярлыке обязательно проставляется славянскими полуустановными же буквами порядковый номер данного документа. Эти приклеенные к основному акту сставы, с лица чистые и только на тылу имеющие упомянутые выше архивные пометы, судя по водяным знакам (большей частью кувшинчик с асимметричной буквой М), были подклеены к документам в 30—40-х годах XVII столетия, к каковому времени, очевидно, и надлежит приурочить большую работу по общему упорядочению строгановского архива в Соли Вычегодской. В эти приклеенные сставы — архивные ярлыки — акт и завертывался трубочкой, так что этот ярлык был одновременно и футляром для акта, почему все такие акты дошли до нас в прекрасном состоянии. Позже, во второй половине XVII в., мы уже не замечаем такой тщательности в работе строгановских архивистов: сставы из чистой полосы бумаги уже не приклеиваются, заголовок документа пишется прямо на тылу акта, в верхней его части, небрежно, торопливой скорописью, чаще же заголовок вообще отсутствует, проставляется только порядковый буквенный номер киноварью: «113-я», «25-я». После каждой цифры следует буква «я», видимо, обозначающая именно порядковый номер грамоты и только.

Из работ, связанных с архивом, следует отметить постоянно производившееся копирование документов, нужных для справки и сведения на местах и в столице строгановским приказчикам и подьячим. Особенно часто копируются основные акты, на которых зиждилось право владения земельной собственностью у Строгановых. Царские жалованные грамоты, сотные выписи и писцовые книги, деловые наследников, купции — все эти акты дошли до нас, часто во многих копиях. Копии встречаются и снятые с единичных документов, а также копируются и

целые сборники — тетради в малую восьмушку, в четверку и в полулист. Писцовая книга, бывшая в одной из пермских вотчин, в Орле, переписывается, например, для нужд другой вотчины, на Чусовой, и пересылается в Чусовской городок, о чем осталась надпись на переплете одной писцовой книги из собрания А. А. Дмитриева в Пермском музее.

Самая пересылка бумаг, особенно если была надобность в пересылке важных документов, обставлялась рядом предосторожностей. Так, например, в начале XVII в. крепостные акты из дома владельцев в Москве посылались в родное гнездо Строгановых — в Сольвычегодск, упакованные в холщовые мешки, на которые накладывалась печать, составлялась опись — «ропись перечневая» — пересылаемых документов, и все это отправлялось с особым человеком, строгановским приказным или «дьячком у письменных дел».

Эти «дьячки у письменных дел» вели текущее делопроизводство торгово-промышленного дома, составляли всякого рода письменные документы и крепостные акты, множили с них копии для нужд многочисленных филиальных отделений в провинциальных центрах Поволжья, Приокского края и для пермских вотчин, сопровождали торговые караваны и даже экспедиции, которые связывали между собой все торговые провинциальные конторы, и даже направлялись в далекие края через Усть-Вым в Северную Сибирь, через пермские вотчины в Западную Сибирь и через Астрахань в Бухару и на Восток. При этих поездках вся счетно-бухгалтерская деятельность, а также и вся переписка были сосредоточены в их руках. Эти дьяки были ходатаями, ведшими всякого рода судебные дела. В документах они называются «люди, которые за дела ходят»¹, а со второй половины XVII в. — «стряпчие»².

В крупном хозяйстве Строгановых по документам мы часто встречаемся со стряпчими — этими своеобразными адвокатами и практиками-юристами средневековой Руси, которых Строгановы нанимали к себе на службу за высокое вознаграждение. Эти стряпчие и «дьячки у письменных дел» соединяют в своих руках много разнообразных обязанностей: и юристов-ходатаев по делам, и писцов, и бухгалтеров-счетоводов, и архивистов, и подьячих-составителей, и писателей актов.

В последней роли составителя-писца выступает, например, строгановский «дьячок у письменных дел» Ждан Воронин из их дворовых людей в единственном своем акте — переписи, «рописи» крепостных и иных документов, разжеребьевавшихся при разделе имущества недавно умершего Никиты Григорьевича Строганова, с обозначением, какие именно

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 7, дело 1678 г., февраля 17, л. 7.

² А. А. Введенский, Монастырский стряпчий (Очерки по истории древнерусской адвокатуры), «Русский исторический журнал», кн. 6, Пг., 1922.

документы достались «держать в опчих для береженья» Максиму Яковлевичу, с одной стороны, и Андрею и Петру Семеновичам Строгановым — с другой. Акт писан 1 января 1620 г., причем он осложнен присоединением к нему другого акта — предварительного домашнего соглашения между теми же контрагентами, предусматривающего некоторые условия будущего раздела еще пока не поделенного имущества Никиты Григорьевича Строганова, раздела, который позже будет оформлен документом — деловой. В этом любопытном акте, сохранившем для нас ряд ценных сообщений о не дошедших до нас документах, интересно отметить манеру описания документов строгановского дьячка Ждана Воронина¹.

Ждан Воронин описывает грамоту сжато, указывая контрагентов, канцелярию акта, и кратко излагает ее содержание. Эта же манера описания акта, как мы видели выше, выдерживается и строгановскими архивистами 30—40-х годов XVII в., обозначавшими то же самое в своих сставах — ярлыках, приклеивавшихся к актам. По-видимому, здесь мы имеем дело с давно сложившейся традицией делопроизводства строгановских канцелярий, выработавшей свой тип описания акта.

Хранились местные архивы в пермских вотчинах в господских дворах, где если не жил владелец, то жил его приказчик — управитель с помощником и делопроизводителем — подьячим, например в Очере, по сотной 1615 (123) г. Девятого Змеева, был «в острошке ж двор Микиты Строганова, живет Микитин прикащик Шестой Федоров, да подьячий Второй Епифанов, да деловые люди». В Соли Вычегодской была особая приказная изба, «изба казенная», где, очевидно, и хранились документы. В этой «избе казенной», помещавшейся на особом «казенном дворе», примыкавшем к хоромам Строгановых, жил обычно главный приказчик Строгановых — «главноуправляющий» с целым штатом приказных. Крепостные же акты, вероятнее всего, были в горницах у владельцев — в ларцах и коробах, которые сами по себе представляли большую ценность, так, например, в деловой 1578 (7086) г. от 6 января

¹ Не вышел ли этот Ждан Воронин из известной суздальской стряпчей семьи Ворониных, которая дала ряд поколений выдающихся практиков-юристов, стряпчих? Ждан Воронин на должность стряпчего был взят на Москве в 1615 (123) г. Макс. Макс. Строгановым (в этой же должности Ж. Воронин служил и при отце М. М. Строганова, при Макс. Яковлевице), причем ему был положен чрезвычайно высокий оклад — 30 рублей на год «да платье ему сулено праздничное и по воскресным дням и носильное платье сукно ему всякое, как и иным ево братье всякое платье давано на Москве, а на однорядку на носильную и на зипун и на нагавицы, в штанов место, посулены ему у Соли, настрафильные или английские» (ЦГАДА, Строгановские дела, картон 2, дело 1627 г., № 4, л. 27—28). Высокий оклад жалованья дан расчетливым купцом недаром: талант и сноровка стряпчего Ж. Воронина проявляются позже в ряде умело и с блеском проведенных им дел в приказном суде.

упоминается «луб... золотом и серебром шито волоченым и з бецдми (?) золочеными и серебряными, что куплены на Москве у Самойла». От XVII в. мы имеем определенные сведения о хранении документов, нужных для текущего управления делами и пока еще не перемещенных в архив — в палатку, в подпапертья Благовещенского собора. Расхожие документы, нужные для справки или имеющие особую ценность, документы крепостные хранились в горницах хозяйских хором. Так, из описи имущества Федора Петровича Строганова, произведенной в марте 1686 г. сольвычегодским подьячим Данилом Никифоровым сыном Митреевым, мы знаем, что такого рода документы находились в «средней горнице» старых хором «тройни», где были: «сундучек в полтора аршина со всякими письмами», «коробка маленькая с письмами же», «коробка со всякими ж казенными письмами» и «коробка окованная с приходными и расходными книгами прикащиков Якимка Годового с товарищем». Таким образом, эта «средняя горница» представляется нам настоящим деловым кабинетом именитого купца Федора Петровича Строганова.

Из этой же описи имущества (1686 г.) Федора Петровича Строганова мы узнаем, где находился и архив для хранения старых документов: архив был в тех «палатках», которые были в подвальном помещении Благовещенского собора в Соли Вычегодской. Здесь мы находим «под соборною церковью и под приделом Федора Сикиоста в палатках подголовков с писмами всякими», кроме того, «12 коробов без замков со всякими письмами», «4 короба лубочных со всякими письмами», «6 подголовков все окованы железом», «сундук большой, окован железом» и т. д.¹

Архивистами были, очевидно, все те же дьячки письменные, подьячие и писчики из дворовых строгановских людей, имена которых часто встречаются в документах.

Позднейшее время принесло с собой и лучшие способы хранения архивных документов. Пример тому — хотя бы центральный вотчинный архив в селе Ильинском, который в XVIII в. объединил в себе все вотчинные местные архивы пермских имений. Централизация управления привела к слиянию канцелярий с их архивами в одном месте.

Архивы же из приволжских и приокских городов в XVIII в. странствовали в Москву, в Петербург и Сольвычегодск и, быть может, благодаря этим странствованиям в большей своей части и погибли.

Вотчинный центральный архив в Сольвычегодске с его отделениями в городах пермских вотчин и в Москве был единым при жизни Аники Федоровича Строганова. С его смертью единый архив был разделен между его сыновьями — Яковом, Григорием и Семеном — в 1577—1578 гг., а позже происходили семейные разделы архивов между

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1657 г., мая 15, л. 9—9 об.

внуками и правнуками Аники Семеновича. И, наконец, в 1685 г. все разделенные семейные архивы вновь собрались в единый архив при Григории Дмитриевиче Строганове (1656—1715 гг.), ставшем вновь единоличным хозяином всех пермских и поморских вотчин Строгановых.

Единый строгановский архив просуществовал с 1685 г. до так называемого баронского раздела 1739 г. и больше уже никогда не объединялся, будучи разделенным на три части между баронами Александром, Николаем и Сергеем Григорьевичами.

На протяжении второй половины XVIII в., всего XIX в. и начала XX в. строгановские архивные документы из вотчинных архивов частью оказались утраченными. В сохранившихся же своих частях до Великой Октябрьской революции они находились в центральном вотчинном архиве Строгановых в селе Ильинском Пермской губернии, а древнейшие акты XVI—XVII вв. хранились в доме-дворце Строгановых в Петербурге, на углу Невского и Мойки. Небольшая часть актов XVI—XVII вв. была в составе Эрмитажной коллекции и в рукописном отделении публичной библиотеки в Петербурге¹ и в библиотеке Академии наук СССР. Часть документов из главной конторы Строгановых в Петербурге находится в ЦГАДА.

Из вотчинных архивов Строгановых часть их документов различными путями просочилась в частные собрания Н. П. Лихачева, учителя пермской гимназии А. А. Дмитриева, пермского краеведа В. Н. Шишонко, митрополита Евгения Болховитинова, в коллекцию Е. Н. Барсова в Государственном Историческом музее в Москве (№ 1819), в коллекцию Д. Прозоровского в ЛОИИ. Некоторые памятники были изданы в собрании старинных бумаг купца Д. И. Щукина, не имеющем научной ценности. Ряд рукописей попал в собрание Н. П. Румянцева (ныне в библиотеке имени В. И. Ленина).

Все, что уцелело от вотчинных архивов на Урале, теперь находится в Пермском областном и частично в Свердловском областном архивах. Акты XVI—XVII вв. из Ильинского архива переданы в ЦГАДА².

Собрания строгановских документов трех сольвычегодских краеведов-историков — Алексея Соскина (XVIII в.), В. Попова и учителя Протопопова, — по-видимому, безвозвратно погибли и известны лишь по изложению в их сочинениях.

Второй комплекс вотчинных архивов: документы окрестянившейся ветви фамилии — циренниковских Строгановых, сохранился в небольших

¹ «Обзор рукописного собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. 2, Л., 1958.

² О состоянии вотчинных архивов Строгановых к началу 20-х годов XX в. см. нашу статью: «Архивы Приуралья». «Дела и дни», кн. 1, Пг., 1920.

семейных архивах крестьян этой деревни, потерпев большой урон в XVIII и XIX вв. Часть этих деревенских архивов приобретена В. И. Срезневским и находится ныне в ЛОИИ¹. Остальная часть документов изучена автором монографии на месте, в деревне Циренниково, в 1927—1928 гг.

Третий комплекс вотчинных архивов — тотемских Строгановых — полностью погиб. Последний представитель этой ветви умер в 1618 г., не оставив потомства. Единичные документы хранятся ныне в Тотемском краеведческом музее. Документы тотемских Строгановых, бывшие в частных собраниях тотемских краеведов Григорова и В. Попова, с их смертью бесследно исчезли.

Относительно лучше сохранился четвертый комплекс архивных документов Строгановых — материалы, находившиеся в делопроизводственных делах московских приказов². Все, что уцелело от московского пожара 1626 г. и во время наполеоновской оккупации Москвы в 1812 г., сохранилось до нашего времени. Приказные документы никогда не были в составе строгановских вотчинных архивов, всегда находились на централизованном, правительственном хранении, а потому и сохранились лучше, чем все собрания частных лиц.

Изучение как опубликованных, так и всех оказавшихся доступными в оригиналах и современных копиях архивных документов легло в основу настоящей монографии.

Если на протяжении XV—XVII вв. в Русском государстве, в его экономической жизни действовали многие дома гостей-торговцев и предпринимателей, то их деятельность не выходила за рамки двух-трех поколений, а их семейные архивы до нашего времени не дошли. Строгановы же, участвуя в экономической жизни страны на протяжении почти пяти веков, сохранили свои архивы.

Многообразная жизнь дома Строгановых представляет собою значительный научный интерес. Следует еще раз подчеркнуть, что разносторонняя хозяйственная и политическая их деятельность далеко выходит за рамки дома Строгановых. В XVI—XVII вв. она влияла на всю экономическую жизнь страны. Поэтому раскрытие истории торгово-промышленного дома Строгановых может помочь в изучении проблем складывания всероссийского рынка и возникновения процесса так называемого первоначального накопления капитала. Нужный для понимания этих явлений конкретный исторический материал представлен в настоящем исследовании.

¹ «ЛОИИ, Путеводитель», Л., 1958, стр. 232, ф. 125.

² Документы о Строгановых из Новгородского приказа: ЦГАДА, ф. 375. О материалах из других приказов см. «ЦГАДА, Путеводитель», ч. 1, М., 1946, стр. 114—115; ч. II, М., 1947, стр. 109—112.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ТОРГОВО- ПРОМЫШЛЕННЫЙ ДОМ СОЛВЫЧЕГОДСКО- ПЕРМСКИХ СТРОГАНОВЫХ В XVI ВЕКЕ

История торгового дома Строгановых берет свое начало в XV в. Деятельность первых основателей фирмы — Спиридона и его сына Кузьмы Строгановых покрыта облаком родословных легенд об их происхождении: то от мурз Золотой Орды, то от новгородских бояр.

Эти родословные легенды сложились в роду Строгановых во второй половине XVII в., когда они породнились с княжескими и боярскими фамилиями.

Свое фактическое происхождение из разбогатевших поморских крестьян Строгановы стремились прикрыть вымышленными легендами о своем якобы аристократическом происхождении¹.

Родословная, представленная Строгановыми в 1722 г. в сенат при возведении их в баронское звание, в отличие от всех остальных имеет хронологию.

Здесь даны даты смерти Спиридона — 1395 г. (по другому списку — 1361 г.), Кузьмы — 1381 г., Луки — 1424 г., Федора — 1461 г., а также годы жизни Аники — 1497—1570².

¹ См. А. А. Введенский, Происхождение Строгановых, «Север» (Вологда) № 2, 1923.

² Публ. Библ., № 669.

Даты смерти Кузьмы, Луки и Федора Строгановых фантастичны, так как если Кузьма участвовал в выкупе Василия Темного, то он был жив еще в 1445 г. Лука, по свидетельству двинских судейских списков, жил в 1472—1478 гг., по родословной же он умер в 1424 г. Если Федор умер в 1461 г., то его сын Аника Федорович, о котором мы точно знаем, что он родился в 1497 г., не мог родиться 36 лет спустя после смерти своего отца. Вероятно, так же фантастичны и даты смерти Спиридона и его сына Кузьмы. Предположительно можно исправить хронологию первых Строгановых таким образом (даты деятельности, но не даты рождения и не всегда даты смерти): Спиридон — ум. 1395 г. (?), Кузьма — 1395—1445 гг. (?), Лука — 1445—1478 гг. (?), Федор — 1478—1497 гг. (?), Аника — 1497—1570 гг.

Следовательно, на XV в. падает деятельность Кузьмы, Луки и Федора Строгановых, закладывающих основы феодальных вотчин и промыслово-торговых предприятий. Представить реально, в чем состояла эта деятельность, мы не можем, так как знаем только по одному факту о Луке Кузьмиче и Федоре Лукиче Строгановых. О Луке Кузьмиче Строганове мы знаем уже как о московском человеке по его выступлению истцом в 1472—1478 гг. против новгородцев. Едва ли Лука Строганов ищет свои владения, так как из обширнейших территорий, которые он пытается заполучить по суду, буквально ни одной мы не видим во владении следующих поколений Строгановых. Поэтому предполагать, как это делают многие историки, что Лука Строганов как новгородский или двинской боярин был собственником обширных феодальных вотчин, нет никаких оснований. Если бы Лука Строганов действительно владел всеми или частью земель, которые он искал по суду в 1472—1478 гг., то эти земли хотя бы в ничтожном количестве были бы унаследованы Аникой Федоровичем. Но известные источники не подтверждают подобного предположения. Стало быть, Лука Строганов не был владельцем обширных территорий, указанных в двинских судейских списках¹, но не исключена возможность, что у него были какие-то прочные экономические интересы в Поморье, которые, быть может, и заставили его искать целый ряд земель от новгородцев. Если Лука Строганов имел крупные торговые или промысловые дела в Поморье, то он управлял ими не без помощи своих собственников Юровых, или Юрьевых. Семейные синодики, приведенные в порядок при его внуке Анике, упоминают наряду с его женой Марьей Дементьевной Юрьевой ее брата Ивана с женой Матрёной, его брата Дементия — тестя Луки Строганова. Судя по позднейшим примерам занесения в синодик собственников, принятых в семью в качестве полноправных членов ее и деловых

¹ ААЭ, т. 1, № 94.

агентов фирмы, полагаем, что Иван и Дементий Юрьевы являлись помощниками и участниками в предприятиях Луки Строганова. К сожалению, пока неизвестны документы, которые могут осветить положение и направление хозяйства первых Строгановых. Знаем только, что Лука оставил после себя трех сыновей — Федора, Семена и Ивана, причем последние два умерли в малолетстве, и все начатые Лукой предприятия, если они были, достались бы его сыну Федору.

О Федоре Лукиче Строганове знаем также единственный факт, а именно: в одном писцовом описании Сольвычегодска (в челобитной 1596 г. Афанасия Владимировича) мимоходом упоминается двор «на посаде в Строганове улице деда его Афанасьева Федора Строганова место дворовое лежит пусто»¹.

Этот факт крупной значимости, так как является первым свидетельством оседания Строгановых в только что основывающемся и строящемся Сольвычегодске, который в XVI—XVII вв. станет родовой резиденцией мощной торгово-промышленной фирмы и главным центром управления строгановских феодальных вотчин.

Сольвычегодск — город сравнительно позднего происхождения. Житие Стефана Великопермского, составленное Епифанием Премудрым не позднее первой половины XV в. и упоминающее все значительные селения по Вычегде от Устюга до Усть-Выма, еще не знает Сольвычегодска, а также ранее возникших и смежных с Сольвычегодском Чернигова и Выбора. Эти три города, разновремененно возникшие, не представляли компактного целого, а были небольшими отдельными поселками, созданными новгородской и суздальской колонизациями на торговых путях в Сибирь.

Строгановы появляются в Вычегодском крае, по-видимому, не ранее 1472 г., в годы деятельности Луки Кузьмича Строганова. Их привлекла сюда возможность организовать торговое и промысловое предприятие без сильных конкурентов и без большой затраты капитала.

Федор Лукич Строганов одним из первых оценил силу поднимающегося города Сольвычегодска и прочно поселился в нем, устроив свой двор на Строгановой улице; другой его двор находился в конце XV в. на Береговой улице. Федор Лукич Строганов умер в Сольвычегодске в 1497 г.

Исторические документы начинают более полно освещать жизнь семьи Строгановых со времени смерти Федора Лукича и перехода всех дел к его сыновьям. Эти сыновья — Степан, Осип и Владимир — в компании с Ромашкой Фроловым получают 9 апреля 1517 г. от великого князя Василия Ивановича жалованную грамоту на Соль Качаловскую,

¹ ЛОИИ, ф. 125, Крестьянские столбцы Строгановых. 45.7.80.

которую некоторые историки приурочивают к местности с соленым озером, где возник Сольвычегодск, что, однако, сомнительно, так как в акте точно указано, что Соль Вычегодская находилась в Вондокурской волости Устюжского уезда. Хотя старый Устюжский уезд и включил в себя Сольвычегодск, но входил ли в Вондокурскую волость Сольвычегодск — неизвестно. Упоминание в акте р. Торовицы указывает, что Вондокурская волость доходила до устья р. Вычегды.

Соль Качаловскую Строгановы получили с «лесом диким, старым, липовым раменьем», с правом призывать крестьян, ставить дворы и заводить пашню, с освобождением крестьян от дани и пошлыны на пятнадцать лет, а от суда и дани наместников и волостелей бессрочно¹.

Если XV в. можно считать первым периодом, то второй период в истории феодальной вотчины и торгового дома Строгановых падает на XVI в., точнее, на годы жизни и деятельности подлинного основателя мощи огромной фирмы — Аники Федоровича Строганова (1497—1570) — и небольшой промежуток времени до строгановского завоевания Сибири (1581 г.). Центром гигантского хозяйства оставалось сольвычегодское родовое гнездо, где крепким пауком сидел сам хозяин Аника Строганов, «лаской» и жесточью эксплуатировавший манси (вогуличей), татар, ханты (остяков), коми — зырян и пермяков. Здесь батожьем засекались на смерть деловые и дворовые люди и на свирепой крепостнической эксплуатации создавались разнообразные производства и широко поставленные вотчинные земледельческие хозяйства. Здесь создавались торговлей большие капиталы. Здесь вынашивались планы завоевания Сибири. Владельцы имения оказывали услуги Ивану Грозному поставкой вооруженных сил и расхожих товаров — соболей, пуха, ширинок². Они любили книгу, ценили живописное искусство.

В русской истории в этот и последующий периоды Строгановы являли собою более не повторявшийся тип и русских Фуггеров, и русских Пизарро, и Кортеса одновременно.

С историей города Сольвычегодска с самого его возникновения в конце XV в. тесно связана и история сложения и расцвета торгового дома Строгановых. Эта тесная связь с городом Сольвычегодском продолжалась два столетия — XVI и XVII вв. Основателем сольвычегодской ветви был младший сын Федора Лукича — Аника Федорович Строганов.

Аника Федорович Строганов, родившийся в 1497 г. и умерший монахом Иосифом в 1570 г., был любопытной фигурой в рядах купечества. Расчетливый делец, прикрывающийся благочестием, он строит соляные

¹ ААЭ, т. 1, № 163, стр. 132—133.

² Ш и р и н к и — персидские шелковые платки, иногда шитые золотом.

варницы, а рядом с ними — церкви на далекой Коле, Вычегде и Каме. Инстинкты крупного предпринимателя, умело использующего промах конкурента и слабость зависимого от него человека, сочетаются в нем с умом и дальновидным расчетом политика, умеющего получить содействие церкви и центральной власти, для чего он умеет оказать услуги и двору, и московскому митрополиту. Неприхотливый в своих потребностях, носящий кафтаны и шубы своих предков, он обнаруживает выдающийся интерес к рукописной и печатной книге и оставляет после себя большую библиотеку. Вечно деятельный, приумножающий свои богатства, образцовый церковник (а под конец своей жизни и монах) и вместе с тем свирепый крепостник и хитрый эксплуататор местного населения Печоры, Сибири и Урала, изворотливый торговец и смелый предприниматель, умевший идти на риск, — таков облик родоначальника сольвычегодской ветви рода Строгановых. Аника рано привлек своих трех сыновей к делам, заставляя их работать самостоятельно, когда они постигали сущность и методы ведения торговых и промысловых дел под непосредственным его руководством. И мы знаем, что отцовская выучка пошла впредь и дала отличные результаты.

Нам ничего неизвестно о начальном периоде самостоятельной деятельности Аники, если не считать указания устюжского летописца, отметившего под 1515 г., что Аника по своей инициативе первый в Соли Вычегодской завел солеваренный промысел¹.

Характерно, что восемнадцатилетний юноша Аника уже является хозяином и начинает свое дело. Его отец, очевидно, уже умер, братья если и живут в Сольвычегодске, то действуют за пределами этого города: три его старших брата в 1517 г. получили земли в Устюжском уезде, в Вондокурском стане, где у Соли Качаловской зачали соляной промысел. По-видимому, некоторые братья там и остаются, а Афонасий перемещается в Тотьму, где в середине XVI в. мы видим сына Афонасия Федоровича — Григория в роли тотемского волостеля и крупного солепромышленника. Аника же прочно устраивается в Сольвычегодске, который в это время был не административным центром (роль последнего выполнял соседний городок Чернигов), а лишь поселком, возникшим для эксплуатации находящегося здесь соляного озера.

В этом промышленном поселке и обосновался отец Аники, Федор Лукич, поставивший на Никольской Береговой улице на Троицкой стороне свои дворы, игнорируя близ расположенные посады — Чернигов и Выбор. Федоровский двор на Строгановой улице на Никольской стороне достался по семейному разделу Владимиру Федоровичу

¹ См. «Хронологическая летопись города Устюга Великого», «Северный архив» № 12, 1822, стр. 405—406.

Строганову. Так, мы видим этот двор в XVII в. все время в роду циренниковских крестьян Строгановых — Владимировичей. Аника Федорович с отцовской усадьбы на Береговой улице Троицкой стороны переместился в непосредственное соседство с соляным озером, заведя дворы на западной половине от речки Солониhi — на Никольской стороне. Путем скупки соседних дворов и солеваренных угодий он стал расширять свою территорию на юг, к реке Вычегде. К середине XVI в. Анике Строганову принадлежала почти половина посадской земли Сольвычегодска, главным образом сосредоточенная в западной, Никольской стороне. Здесь строгановские быстро множившиеся промыслы и дворы повытеснили соседей. Аника разорил их до положения «убогих», кормящихся «перехожею работой» у него же на промыслах, а иных и покабалил и похолопил. Здесь на части прибрежной у реки Вычегды Никольской стороны сложился свой, особый, строгановский, мирок и свой поселок вместе с посадской Троицкой стороной, в общем и целом называвшийся Солью Вычегодской.

До нас дошли далеко не все документы, рисующие этот процесс нарастания посадской территории в руках Аники Строганова. Так, известен ряд актов, по которым к Анике с 1526 г. переходят промыслы его соседей-солеваров¹.

В 1526 г. Аника Строганов в качестве покупателя совершает две купчие на варницы в Сольвычегодске, которыми для нас начинается документальная история его скупочно-предпринимательской деятельности. Но несомненно, что это не первые его покупки, это лишь первые дошедшие до нас документы о его приобретениях, которые были много раньше и не в единичном числе.

18 февраля 1526 г. Аника Строганов покупает «треть варницы без цырена² место варнишное подле Ондreja Теребина» у Якова Федорова сына Бизимова за две гривны³, а 3 июня «у Овдотьи у Максимовой дочери у Степановские жены у Зуевы, да у ее внука у Василья Онтонанова сына варницу и с цыреном, а цырен з дугами и с ношками и со всем нарядом, что к варнице и с колодами» за большую сумму денег —

¹ ГИМ (Барсов), копии XVI—XVII, л. 1—1 об.; ЛОИИ, ф. 125, Строгановские акты, купчие: 1540 (7048) г., июля 15; 1540 (7048) г., августа 1; 1562 (7070) г., марта 2 (два акта); 1562 (7070) г., марта 3; 1581 (7089) г., августа 26, и 1582 (7090) г., ноября 4; «льготная грамота» и «данная» сольвычегодского волостеля В. Г. Дровнина 1550 г. Анике Федоровичу Строганову на варнишное место. Все эти акты в списках XVI в. очень ветхи, некоторые приходится подбирать булавкой из отдельных истлевших кусочков бумаги.

² Цырен, цирен, црен, чрен — железная жаровня для выпаривания соляного рассола.

³ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские купчие.

20 руб.¹. Из купчей, писанной также от имени покупателя Аники Строганова и помеченной 15 июля 1540 г., мы узнаем, что он «купил себе и своим детям (у Василья да Дмитрия) детей Вороницына варница (и с цыреном и с дугами) и с ношками и с местом, а варница стоит (на речке в межах) с моими же с Оникеевыми варницами с Козловскою да с Лукинскою Кузнецовою, а стоит та варница за двор к озеру». За эту варницу с местом уплачено 17 руб. В этой купчей между прочими обязательствами продавцов мы находим следующее: «А в оцыщение нам Васко да Дмитрею в твои варнице и в месте и цырене не отыматись ни полетными и слобоцкими некоторыми льготными грамотами Великого князя» ... «и нам Василью да Дмитрею тое варницу с цырена у Аникея назад не откупати»².

По этому поводу заметим, что в развитии солеварения в возникающем посаде Соли Вычегодской, по-видимому, было сильно заинтересовано правительство, которое раздает здесь всяческие льготы промышленникам, чтобы их сюда привлечь и наладить поскорее промысловое дело. С этой целью 24 октября 1545 г. посылается на посад к Соли Вычегодской всем промышленникам особая царская поощрительная грамота о размножении соляных промыслов³.

Здесь же солевары, как свидетельствует только что упомянутая грамота, имели «полетные и слобоцкие, льготные грамоты Великого князя». Такие же грамоты выбирал себе и Аника. Так, например, в 1550 г. «по цареву великого князя слову», волостель Соли Вычегодской дал «Оникею Федорову сыну Строганову под варницу место пустое, а бывала на том месте варница Васильевская Оскентьева», на льготу «на шесть лет», в течение которых Аника не платит «пошлины варничные и оброку до тех урошных лет», причем истечение льготных урочных лет начинается согласно условиям этой данной с момента, когда Аника «дойдет росолу и заварит варницею». Эта грамота, данная ясельничим В. Г. Дровниным⁴ за своею волостельскою печатью, показывает, что волостель имел право и поручение от власти выдавать льготы

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские купчие.

² Там же.

³ Грамота эта пока неизвестна, но о ней есть сведения у двух строгановских историков — управляющих строгановскими имениями, имевших в своих руках текст акта. См. П. С. Икоsov, История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 году. Изданная В. Шишонко (далее — П. С. Икоsov, История...), Пермь, 1881; Ф. А. Волегов, Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории Строгановых (далее — Ф. А. Волегов, Хронологический реестр...), «Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии». Под ред. А. А. Дмитриева, т. 3, 1895, стр. 149.

⁴ В. Г. Дровнин — с 1540 г. ясельничий, умер в том же чине в 1556 г. См. «Древняя Российская Вивлиофика», т. 20, М., 1791, стр. 31, 40.

для поощрения промышленности. Старания правительства не остались бесплодными. На льготу потянулись сюда церковные и светские феодалы — соловецкие монахи и князь Юрий Иванович Токмаков, бывший видной фигурой при дворе Ивана Грозного. Но прочных корней им не удалось здесь пустить. Мы видим, как предприятия этих новоприходцев скоро переходят в руки Аники Строганова, который постепенно, путем скупки, сосредоточил в своем владении ряд промыслов, ранее конкурировавших с ним. Но если у этих крупных владельцев солеварен Анике Строганову удастся скупить их промыслы не без труда и по прошествии некоторого времени, в течение которого эти многомочные солевары сами хотели, видимо, укрепиться в Соли Вычегодской, то сравнительно легче шло подбирание промысловых мест у мелких держателей, которые по несколько человек — складчиков имели в долевом владении солеварни. Так, из купчей и отводной от 1 августа 1540 г. мы узнаем, что Аника Строганов купил «за гривну денег московских ходячих» половину места варничного у вдовы Ульяны Патракеевой, дочери попа, Ермолинской жены Плешкиной и у ее сына Юрия Ермольева. Этот участок, как говорят продавцы в купчей, «у нас то место (с) Ширяевыми вместе, не в разделе по половинам»¹. Купив жеребий Плешкиной, несколько позже Аника Строганов приобретает и другой ширяевский жеребий, о чем мы узнаем из деловой братьев Строгановых от 1577 г., декабря 29. Из этой же деловой мы узнаем, что и все ширяевское хозяйство, равно как и «Воронцовские путики» (промыслы), вместе с проданными варницами переходит к Анике Строганову.

Ширяевское владение состояло из двора с двумя избами с подклетами и сенями, с двумя сенниками, погребом, мыльнею, двумя соляными амбарами, «да в городе... горница с подклетом и с сенями и с повалушею, анбар, погреб со струбом и кузница на полянке»².

Таких примеров приобретения целых хозяйств Аникой Строгановым мы можем по деловым насчитать целый ряд. Так, были скуплены Аникой Строгановым двор Якова Балакшина с срубами и с промысловыми колодезями, двор Осиповский с соляными амбарами, двор Некраса Кожина с рассольными трубами и с колодезями, Якишинский Плющев соляной амбар и другие многие дворы — все с полным комплектом всех необходимых хозяйственных строений, приблизительно одинакового типа, с перечисленными выше дворовыми владениями.

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские купчие.

² Там же, Строгановские столбцы, № 1, деловая под № 3. Деловые занумерованы буквенными числами копиястов XVI в., когда были списаны в эту тетрадь. В дальнейшем ссылаемся на эту нумерацию. Нумерация тетрадей сделана почерком XIX в., ее мы также принимаем во внимание при указании документов.

В этих покупках виден хозяйственный расчет и дальновидность: если покупаются промыслы у кого-либо, но не удастся купить сразу и двора, то через некоторое время обязательно покупается и этот двор, не купленный своевременно, и наоборот. Эти наблюдения приводят к важному выводу о том, что утверждение Устюжского летописца об Анике Строганове как первом устроителе Сольвычегодских варниц бесспорно ошибочно. Мы видим, что уже к началу деятельности Аники Строганова Сольвычегодский посад покрыт деятельными мелкими крестьянскими товариществами солеваров. И Аника Строганов не сразу подымается до высокого положения владущего и многомочного монополиста. Он постепенно, благодаря своей повседневной деляческой деятельности, скупкой, закладом, насилием разрушает изнутри эти союзы и, экспроприруя их собственность, концентрирует ее в своих руках.

Итак, Аника Строганов — не первый и не единственный предприниматель в Соли Вычегодской с начала XVI в., а один из многих дельцов-крестьян, бросившихся эксплуатировать соляное озеро, вокруг которого тесным кольцом прижались многочисленные варничные места крестьянских товариществ. Но Аника Строганов был, бесспорно, первым владельцем, сумевшим в ожесточенной борьбе раздавить их и подчинить соседние промыслы себе.

Примером, иллюстрирующим насилие Строгановых над крестьянами и посадскими-складниками, может служить указание купчей 1585 г. Афанасия Труфанова, откуда узнаем, что последний принужден был продать Семену Аникиевичу Строганову все то, что в свое время «взял Семен у брата моего у Офанасья насильством»¹.

Таким образом, с территории, занятой Строгановыми в западной части посада «насильством», выбивались соседи, и промысловое дело сосредоточивалось в руках одного хозяина — Аники Строганова. В тех случаях, когда в пределах территории соляного озера промысловые участки уходили помимо него в другие руки, Аника Строганов умел перехватывать из этих рук нужные ему владения. Такой пример видим из двух купчих 1562 г., от 2 марта, по которым приказчики кн. Юрия Ивановича Токмакова от имени своего господина продают по отдельности цирен и варницу за семь рублей Огапиту Еремееву Дудорову, и уже через шесть дней на этих купчих появляется надпись: «по сей купчей цирен и варницу Агапитко Дудоров продал Якову Аникееву сыну Строганова. А взял есми у Якова те же денги семь рублей, а подписал Огапитко своею рукою лета 1562 (7070), марта в 8 день».

Обширное хозяйство заставило Анику рано припускать к нему своих сыновей — Якова, Григория и Семена, которые с 20—25-летнего

¹ ГИМ (Барсов), л. 50 об.

возраста становятся уже деятельными помощниками в сложном деле руководства и управления торгово-промышленными делами фирмы, которая кроме соляного промысла имела железодутный и кузнечный промысел, ярмарочную торговлю по селам Поморья и по посадам Русского государства, добывала пушнину, имела оптовую и розничную торговлю печорской красной рыбой, иконами, железными плитами и разнообразными товарами как своего производства и промысла, так и купленными. Все это обозначилось достаточно рельефно уже во время жизни и деятельности основателя сольвычегодского дома Строгановых, при Анике Федоровиче Строганове. И в зрелом возрасте его сыновья, уже женившиеся, не отделяются от отца, а составляют одну большую семью, которая вместе ведет все дела и в которой если и бывают семейные нелады и неурядицы, то все они подавляются властным авторитетом старика-отца, про которого народное предание сохранило рассказ, где гневный Аника за непослушание бросает свою непокорную дочь в Вычегду и водворяет крутой расправой мир в семье. Единство в семье, конечно, поддерживалось не этими или не только этими способами семейной расправы, чинимой главой семьи. Объединяло всех всеобщее участие в большом деле. И позже, когда после смерти Аники Строганова его сыновья разделились, мы можем наблюдать, что, несмотря на формально раздельное имущество, дела ведутся во многих случаях от лица всех братьев, которые входят друг с другом в специальные, иногда письменные, договоры, регулирующие их общие выступления. Это понимание общих интересов предприятия предохраняло его от измельчания и распада.

Очерченная выше приобретательская политика Аники Строганова в конечном своем результате собрала значительное число варничных угодий и дворов с хозяйственными постройками, в которых разместились большая семья Аники Строганова и его дворовые люди, занятые по промыслу, транспорту товаров и торговле. Из деловой от 29 декабря 1577 г. мы узнаем, что после Аники Строганова осталось десять варниц на полном ходу с необходимым оборудованием и запасными солеваренными принадлежностями, с трубами, из которых тянулся рассол, буровыми скважинами — «колодезями» и пр.¹

Сообщение местных летописцев и историков о 30 и 90 варницах, принадлежащих Анике Строганову, не подтверждается документами, и его следует считать их домыслом.

Тесно связанными с солеварением представляются железодутный и кузнечно-железоделательный промыслы, о развитии которых также заботился Аника Строганов. Железо было дорого, редко и в то же время

¹ ЛОИИ, ф. 125, тетр. 1, № 3.

совершенно необходимо в варничном строении. Старый цирен, например, Аника Строганов покупает в 1562 г. за шесть рублей, в то время как все остальное оборудование варницы вместе с местом и варничным двором стоит всего один рубль. Цирены, дужки, ножки, цепи и прочие железные части приходилось время от времени менять или чинить, так как они выбывали из работы из-за пережога, износа, а то и просто из-за поломки. В хозяйстве Аники Строганова поэтому заведены были свои кузницы «на полянке, за дворами», за чертой посада, где его крепостные кузнецы или кузнецы-холопы занимались ковкой и изготовкой необходимых для промысла железных частей. Кузница с ручным трудом кузнецов и молотобойцев была в XVI в. универсальным металлургическим предприятием, где от начала до конца изготовлялись «солеваренная снасть» и набор буровых инструментов разнообразных типов.

Мастерство строгановского кузнеца было высоко. Работая только клещами и молотком, кузнец искусно делал изящное узорочье храмовых решеток, оконных переплетов и плотничий и буровой инструмент. Для работы своих кузниц нужно было бесперебойно доставать железо, покупка которого в первой половине XVI в. не всегда была возможна, а провоз дорог. Аника Строганов находит более выгодным для себя иметь своих рудознатцев и самому добывать железо из болотистых, богатых железной рудой мест и заняться плавкой руды сыродутным способом в своих домницах в железные крицы. Аника Строганов подыскивает подходящие для добычи железяка болотистые, пустые места и челобитьем к царю выпрашивает их себе на льготу в вотчинное или оброчное владение. Нам известны два таких пожалования. Одно относится к 1556 г., когда 12 апреля Иван Грозный выдал разрешение Анике Федоровичу Строганову искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и в ряде других мест. Другое пожалование относится к 1577 г., когда уже после смерти Аники Федоровича была дана царская жалованная грамота его сыну Якову Аникиевичу на болотистые земли на Ваге в Содролинской волости, содержащие железную руду, с правом ставить домницы для дутья железа из оброка по полуполтине с домницы: «Оброк по большой статье, потому ж как оброк положен в Устюжинском уезде на Цывозере». Болота были даны с правом сечь близлежащие леса для топлива, но в просимых льготных годах было отказано¹.

Промыслы в старину на Цывозере и в Содролинской волости были широко поставлены, их свидетелем остаются и до сих пор имеющиеся горы шлака. На дне Цывозера и посейчас так много шлаковых кусков, что купающемуся легко порезать об острые их грани свои ноги.

¹ См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, Л., 1924, стр. 97—98.

Нужда в железе для удовлетворения потребностей солеваренного промысла заставила наладить железорудное дело на болотистых рудах и в пермских вотчинах, где, например, по писцовой книге 1623—24 гг. отмечается: «Да в слободке ж в Слудке две *кузницы*, а в них делают кричное *железо*, *руду* емают в своей же вотчине вверх по речке по Косье на речке на Гнилом Лугу»¹.

Строгановы добывали железо на Яйве, Чусовой, медь — на Григоровой горе у Пыскорского монастыря. По деловым (документам о разделе наследства) 1577 г. мы узнаем, что при разделе дворовых людей разной ремесленной специальности и квалификации братья, между прочим, получили: Семен Аникиевич — «Тимошу рудовщика с семьею» и Максим Яковлевич — «Ивашко Передерня рудовщика с женою». Полагаем, что уже Аника Федорович имел налаженное железодутное дело, для чего у него была подобрана соответствующая рабочая сила специалистов — рудовщиков, кузнецов и молотобойцев. Грамота от 13 апреля 1556 г., приведенная выше, определенно указывает на то, что подтверждается и деловой 1577 г.

Техника производства железа при Анике Строганове была примитивна, подобная той, какую наблюдал шведский дипломат И. Ф. Кильбургер в 1674 г. в крестьянских хозяйствах, «где крестьяне железо делают ручными раздувальными мехами»². Но спустя 50—70 лет в строгановском производстве железа мы видим прогресс: первобытная при Анике Федоровиче сыродутная техника плавки железа сменяется в начале XVII в. кричным «немецким» способом обработки тех же болотных руд. Возможно, что Строгановы эту улучшенную технику заимствовали от англичан, которые, как известно, по привилегии, полученной послом Рандольфом в 1569 г., приобрели право искать руду и строить для ее обработки на Вычегде заводы³.

Строгановым было поручено грамотой от 8 августа 1570 г. следить за правильностью выполнения англичанами своих обязательств, «англинским немцам» было дозволено «ставить у железных руд, где железо делают, домницы, и ныне то повольство отставить, делати им не осложбжати»⁴.

По-видимому, лишение льгот заставило отказаться «англинских гостей» от постройки на Вычегде железоделательных заводов, но англи-

¹ А. Дмитриев, Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае, вып. 4, Пермь, 1892, стр. 148.

² Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича (далее — Б. Г. Курц, Сочинения Кильбургера...), Киев, 1915, стр. 115.

³ R. Hakluyt, The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation..., v. 3. London, 1908, p. 108—118.

⁴ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские акты.

чане на Вычегде добывали руду и на русской руде плавил в Лондоне железо в 1578 г.¹

Возможно, что Строгановы, несшие службу «государственных контролеров» над предпринимателями-англичанами, познакомившись с их техникой горнорудных дел, узнали новую технику производства и эту технику позаимствовали. По этой же грамоте Ивана Грозного от 8 августа 1570 г. Строгановым поручался многообразный контроль над англичанами. Они должны были следить, чтобы англичане не торговали в розницу. Они осуществляли надзор за взиманием с англичан пошлин и «заповеди» за нарушение запрещения скупки льна и поскони и т. д. Выполнение контроля постоянно сталкивало Строгановых с английскими купцами.

О том, что Аника Строганов имел сношения и постоянный контакт с англичанами, имеются сведения у историка XVIII в. П. С. Икосова, который, к сожалению, основательно спутал имевшиеся у него сведения по этому и другим вопросам. Икосов первый беспритязательно изложил историю рода Строгановых по хорошим, имевшимся у него источникам, до нас не дошедшим. Проверая Икосова там, где это возможно, легко убедиться в его добросовестности. Он точен в своем пересказе царских грамот, все его сочинение и есть, собственно, только такой примитивный пересказ².

¹ См. И. Любименко, Труд иноземцев в Московском государстве, «Архив истории труда в России» (Пг.), кн. 6—7, 1923, стр. 67.

² П. С. Икосов, История., стр. 13—14.

П. С. Икосов так передает эти грамоты, сливая их содержание в единое целое: «Его Царское Величество, по особливой к нему, Аникию, милости и знатности его, поручил ему и сыну его Якову в смотрение, чтоб как англичане, так и другие иноземцы, которые от порту города Архангельского, проезжая с привозными товарами своими в Москву, оными у Соли-вычегодской и по другим Российским городам и уездам до самой Москвы, теми товарами, врознь не торговали и продавали б оптом, також имели бы смотрение, чтоб те англичане пеньку не покупали и из оной канатов не спускали, а земские бы люди *железоделаемых ручных домниц не имели*, и железо иноземцам не продавали и о корабельном лесе, который бран был из тех мест в продажу англичанам, о том присылать ведомости, по сколько одного в год на корабельное строение в продажу выходит, и какими они, англичане, у Соли-вычегодской товарами торгуют,—о всем том особливую грамотою Его Царского Величества велено им, Строгановым, по часту в Москву уведомлять, а из привозных к городу Архангельскому немецких товаров, что надлежало ко двору Его Царского Величества ему ж (Аникею) велено покупать вольную ценою. Поручены ж были им, Строгановым, и другие комиссии. Оное все от Его Царского Величества приказанное с пользою государственною и во угодность Его Царскому Величеству чинено было без малейшего упущения, что тогда в похвалу их, Строгановых, и грамотами 1552 (7060), 1555 (7063), 1560 (7068) годов засвидетельствовано». В этом изложении соединено вместе различное содержание по крайней мере трех-четырех грамот, до нас не дошедших.

Отсюда мы узнаем, что Анике Строганову посылались в 1552, 1555 и в 1560 гг. царские грамоты с поручениями покупок на царский обиход ряда английских и неанглийских товаров и с благодарностью за успешное выполнение всякого рода комиссионных поручений в Холмогорах и других городах для царского двора.

Думаем, что закупка товаров для царской казны происходила и на Коле, так как упоминаемая Икосовым грамота от 1552 г., конечно не могла говорить о каких-либо сношениях с англичанами, поскольку торговля с ними началась не ранее осени 1553 г., а вернее, с лета 1554 г.

Быть может, грамота 1552 г. имеет в виду именно торговлю с иноземцами в Коле, так как есть указания, что Аника Строганов принимал участие в кольской ярмарочной торговле. В деловой от 24 января 1578 г. упоминается «товар., что привезли к Москве с Мурманского немецкого торгу, товар всякой». Из этой же деловой узнаем, что у Строгановых «на Мурманском же в Коле варница старая и с цыренем и з двором», «на Мурманском в Коле двор со всеми хоромы и з заплотиною», «варница новая и с... цыренем в лавне реке и с двором»¹, который был, несомненно, и местом склада товаров и торгово-агентурной конторой такого же типа и назначения, какие у Аники Строганова были в Москве, Коломне, Калуге, Рязани, Переяславле-Залесском, в Устье Великом, Вологде, Казани и в других местах.

Варницы на Коле, заведенные Аникой Строгановым, были ликвидированы в 1579 г., когда Семен Аникиевич дал их вкладом в Печенгский монастырь «для вечного поминовения» его родителей и его рода, впрочем, вынув из этих варниц самое ценное — цирены, которые в этот вклад не вошли.

В деловых, писанных семь лет спустя после смерти Аники Строганова, находим много ценных указаний как на деятельность Аники Федоровича, так и на комплекс хозяйственного фонда, созданного его предприимчивостью. Деловые эти, пока не опубликованные, тщательно различают имущество «старое» и «новое», причем под «старым» всегда разумеется имущество Аники: «две горницы, старые Оникиевские с сенями и с комнатами и с подклетом» и т. д., тогда как «новое» — это приобретения, сделанные уже после смерти Аники его сыновьями. Пользуемся этими деловыми 1577—1578 гг. для определения имущества и характеристики хозяйства Аники, когда у нас не имеется других данных или когда эти данные недостаточны.

О крупной хлебной торговле Строгановых есть известие, к сожалению, относящееся ко времени, когда Аники Федоровича уже не было в

¹ ЛОИИ, ф. 125, тетр. 1, деловая № 8.

живых, но та картина крупных хлебных операций, ведшихся его сыновьями и внуками спустя восемь лет после его смерти, говорит о том, что начало этой торговле было положено еще при Анике. В самом деле, Аника Строганов с хлебным делом имел операции по поручению правительства, не раз выполняя крупные операции в пользу государственной казны. Например, Иван Грозный в грамоте от 15 сентября 1566 г. сообщает: «Писал к нам ты Оникей Строганов, что ты, по нашему наказу у Вондокурских и у Пачеозерских ключников наш оброчный хлеб обмерил весь сполна», и далее приказывает: «и как к вам ся грамота приидет и вы б часа того, тот хлеб, рож и овес и ячмень продали по тамошнему и по усольской цене, почему у Вычегодцкие Соли меж себя ржи и овса и ячменя четверть купят. А что на том хлебе денег возьмете, и вы б те денги все сполна привезли на Москву к нашей казне и отдали в четверть диаком Дружине Володимерову, да Федору Рылову сполна». Однако эту хлебную операцию Аника Федорович проводит не один, грамота адресована «к Соли Вычегодцкой Оникею Федорову сыну Строганову, да Клинку Просужеву, да Усольских деревень Офоне Князеву, да в Пачеозеро Федору Причину, да Калинке Мелентьеву, да в Баскаче село Тимошке Обакумову».

Аника Строганов в этот момент еще не «именитый человек», а один из прожиточных местных людей, возглавляющий выборные земские власти Сольвычегодска, но хорошо известный опричному двору, пожалованный взятием в «государеву опришнину» со всеми своими и сольвычегодскими и пермскими вотчинами. Анике Строганову правительство поручает, как возглавляющему местные выборные земские власти, стать во главе операции, дающей возможность реализовать государев оброчный хлеб в деньги, в которых была острая нужда¹.

Но хлебные операции проводились Строгановыми и личной инициативой. Из памяти от 16 марта 1578 г., которую дал Никита Строганов своему дяде Семену и двоюродному брату Максиму, мы видим, что они все вместе, в компании, взяли на себя поставку овса, круп, толокна в Астрахань на общую сумму в 2000 руб., очень крупную для XVI в., причем закупку продуктов производили через «закащиков» — мелких подрядчиков, бывших агентами-комиссионерами дома Строгановых².

В первой половине XVI в., как и во второй половине этого века, когда еще отсутствовала система государственной хлебной монополии, государство в некоторых случаях обращалось к частным поставщикам хлеба, в числе которых фирма Аники Строганова занимала не последнее место.

¹ См. А. А. Еведенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 91—92.

² ЛОИИ, ф. 125, тетр. № 1, память от 16 марта 1578 г., № 14.

Особенно же крупной статьей дохода в хозяйстве Аники Строганова являлась торговля пушниной, которую он вел из своего родового гнезда в Соли Вычегодской с сибирскими народами: ханты, манси, а также с коми и с приуральскими татарами.

Еще в начале XIX в. в Соли Вычегодской, а в Чердыни до начала Февральской революции 1917 г. были группы купцов-промышленников, ведших товарообменную торговлю с кочевыми манси и ханты и получавших огромные барыши от промена муки, бус, безделушек, спирта и примитивных железных орудий и вещей на дорогие сорта мехов. Такого же типа товарообменная торговля существовала, без сомнения, и в глубокой старине, когда еще в Поморье была крепка новгородская суверенная власть. Эта торговля носила явно хищнический, колониально-разбойничий характер с постоянным насилием над местным населением. Вооруженные ватаги новгородской повольницы не мирно, а с угрозой и прямым примучиванием производили односторонне выгодный для себя промен пушнины и «закамского серебра».

Аника Строганов в первой половине XVI в. был одним из первых купцов, применивших новые методы в такой хищнической торговле, привычной, а потому и обычной. Аника Строганов постарался перейти в своих сношениях с местным населением от вооруженного насилия к «добровольным» оговорам, создавшим видимую выгоду для постоянно притесняемого прежде контрагента сделки.

По существу, конечно, это была та же типично колониальная торговля, но построена она была на эффекте иного, чисто психологического, подхода к местному жителю. Теперь новый купец старался представить себя приятелем и доброжелателем последнего.

Примененный Аникоем Федоровичем «метод пряника» в колониальной торговле не остался единственным методом Строгановых и отнюдь не был родовой их добродетелью. Уже его сыновья и внуки, используя аникийскую колониальную торговлю, применяли в многочисленных войнах из своих пермских острогов и старый новгородский метод кнута и колониального грабежа и разбоя. Достаточно отчетливое изображение новых способов торговли с сибирскими жителями Аники Строганова мы находим у ученого компилятора XVII в. голландца Н. Витзена, который включил рассказ об этой торговле в свою книгу «Северная и восточная Татария».

Свои сведения о сибирской торговле Аники Строганова Н. Витзен позаимствовал от Исаака Массы, который в свою очередь записал в начале XVII в. устное предание о факте, имевшем место за 50—70 лет до этого. Витзен рассказывает, что «Аника, богатый землею», наблюдал, что самоеды и другие народы, имевшие особый язык, одежду, религию и нравы, «ежегодно спускались по реке Вычегде со своими товарами,

торгуя с русскими в городах Сольвычегодске (Osoyl) ¹ и Устюге (Ustaga) на Двине, которые в то время были складочными местами для всего, между прочим, и для мехов». Наблюдая это, Аника Строганов, «побуждаемый большою жадностью, пожелал узнать, какими землями (они владеют) и где обитают (эти) народы, ежегодно приезжающие в Московию для торговли вообще или для торговли драгоценными мехами... Этот Аника полагал, что можно приобрести большие богатства, так как прекрасные меха, которые они привозили, представляли большую ценность. Аника тайком подружился с некоторыми из этих народов, а также послал некоторых своих рабов и слуг (Slaven en Knechten) с ними в их страну, приказав им хорошенько присмотреться к местности, через которую они поедут, и старательно отметить все их нравы, жизнь и поведение, чтобы представить точный отчет по возвращении. Это было исполнено, и тех, которые там побывали, он хорошо принял и проявил к ним особенную милость, но приказал им решительно молчать и сам сохранял про себя, никому не говоря про это. В следующий год он послал туда больше народу, а также несколько своих друзей с товарами малой ценности, как-то: немецкими безделушками (kramerye), бубенчиками (bellen) и тому подобным. Эти так же, как и их предшественники, основательно пронюхали (dovrfnuffelt), осмотрели и добрались до р. Оби через многие пустыни и различные реки, которых там много, и очень подружился там с самоедами (так Н. Витзен называет местное население Севера.— Авт.). Узнали, что меха там не имеют большой ценности и что там можно приобрести большое богатство... Так он (Аника) со своими друзьями торговали с ними в течение нескольких лет, и стали Аниковичи (Anisonu) очень могущественны и скупили повсюду кругом много земли, так что люди удивлялись этому страшному (schrikkelijke) богатству, не зная, откуда оно происходит» ².

Это сообщение, сохраненное для нас голландцами Массой и Витзеном, в общем верно передает картину товарообменной торговли Аники Строганова с сибирскими народами. Предприимчивость, неустанная жажда барышей, умение организовать сложную экспедицию в далекую Сибирь, наличие в составе двора Аники Строганова представителей сибирских народов и даже иностранцев с Запада, владевших туземными и русским языками, готовность рисковать и в то же время осмотрительность и осторожность в действиях и, наконец, необходимые для налаживания большого торгового предприятия денежные средства — все эти

¹ Под словом Osoyl Н. Витзен понимает именно Сольвычегодск, что ясно из его дальнейшего текста, где говорится, что Строгановы, накопив большие богатства, «построили... в Osoyl на р. Вычегде один прекрасный храм, там, где они жили» (N. Witsen, Noord en oost Tartarye, s. 826).

² N. Witsen, Noord en oost Tartarye, s. 826.

характерные черты энергичного хозяина у Аники Строганова были налицо. Проложив себе дорогу в Сибирь, познакомившись с нею через своих агентов, Аника Строганов часть своих хозяйственных расчетов начинает строить и в других территориальных областях. Мы имеем в виду заведение им пермских вотчин с 1558 г.

С этого года внимание Аники Строганова начинает двоиться. Почасту живя в пермских владениях со своими сыновьями Яковом и Григорием и налаживая здесь хозяйство феодальной вотчины сразу с широким размахом, заводя ряд соляных и железоделательных промыслов и устраивая пашню и новоприбылое население, Аника Строганов на время своих отлучек оставляет в своем родовом гнезде третьего своего сына Семена и таким образом не упускает из виду налаженные дела в Соли Вычегодской, постоянно заботясь об их улучшении и расширении.

Получив огромные пермские вотчины и деятельно их осваивая, Аника Строганов не оставлял пушной торговли. Наоборот, есть основания думать, что она расширилась. Теперь пушнина получалась не только через Усть-Вым, но скупалась и в пермских вотчинах, склады мехов и их торговля были не только в Соли Вычегодской, но и во всех городах и новопоставленных острожках пермских вотчин. Понятно, что когда Иван Грозный имел надобность в получении партии особо ценных шкурок соболей, то он обращался сразу к Строгановым. Сохранились отрывки переписки Ивана Грозного со Строгановыми по такому именно поводу. В грамоте Ивана Грозного читаем: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси к Якову Аникиеву сыну Строганову. Как к тебе ся наша грамота придет и ты б купил на нас соболей сорок по осми рублев и по девяти рублев, и по десяти рублев, и по одиннацати, и по двенатцати, и по тринатцати рублев. Да и дорогих соболей одинцов купил сколько добудешь, та и скупив те соболи и одинцы прислал бы еси к нам часа того на борзе. А на которые соболи у тебя денег нет и ты б соболи поймал на договоре, да и к нам отписал, и мы к тебе за те соболи денги пришлем тотчас. Писан в Слободе, лете 1573 (7082) году декабря в 12 день».

Яков Аникиевич Строганов, бывший в это время в Москве, немедленно отвечал царю: «И яз, сирота твоя Государева, соболей на Москве напытати не могл. И добрых соболей одинцов на Москве не напытал же. А будет где скажут, соболи купя, и к тебе, Государю, привезем». Через некоторое время «сирота Государева Якуш Строганов» опять пишет Ивану Грозному, что «в кою пору твоя Государева грамота пришла, и в те поры на Москве соболей продажных не мог добыти ни у кого. А привезли, Государь, сорочек соболей из Перми наши на соляных судишках, а цена тому сорочку по нашей Пермской купле десять рублев. А в кою пору твоя Государева пришла грамота о соболях, и яз в те же

Общий вид тотемского кремля.
Реконструкция художника Вахрушева (1870—1931 гг.)

По типу этого кремля был сооружен и строгановский кремль
в Сольвычегодске на Никольской стороне.

поры послал к Вычегде и на Вым и в Пермь, а велел купити соболей сколько добудут»¹.

Действительно, Яков Аникиевич тотчас же послал царскую грамоту со своим письмом в Сольвычегодск к своему сыну Максиму и к своим пермским приказчикам для экстренной присылки требуемых сортов пушного товара. Этот документ позволяет до некоторой степени подтвердить сообщение Массы и Витзена о торговле пушниной Строгановых с сибирскими народами через Вычегду и Усть-Вым, с одной стороны, и через Каму и пермские вотчины Строгановых — с другой. Конечно, сношения эти, особенно через Вычегду, начались не с 1573 г., к которому относится переписка Ивана Грозного с Яковом Аникиевичем, а значительно ранее, со времени Аники Строганова и его сольвычегодского периода жизни.

Нам известны не только их соболиные поставки царскому двору; они поставляли Ивану Грозному довольно широкий круг товаров. В грамоте от 23 сентября 1574 г. Иван Грозный зачитывает в счет налогов, следуемых со Строгановых, суммы денег за товары, которые доставлены

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 92—94.

ими ко двору: «Прислали есте к нам ширинки... и что у вас иманы на нас иные товары». Грамотой от 1 октября 1574 г. Иван Грозный предписывает Якову и Григорию Строгановым: «Чтоб есте купили часа того пуху густина доброго, мелкаго, новаго, чистаго — пуд с пять или больше, а денег послали есми к вам двадцать рублей; и вы б единолично новаго пуху купили и прислали тот пух к нам с Шестаком с Васильевым наборзо»¹.

Наконец, последний нам известный факт строгановской поставки царскому опричному двору товаров известен из грамоты от 8 декабря 1574 г., где от имени царя Строгановым сообщается: «Послали есми к Москве Семена Володимировича Безобразова, да с ним 300 рублей, а велели ему на те денги с вами вместе купити на нас ширинок, шитых золотом да серебром, накищываны (с кистями?), или которые не накищываны — полторы тысячи... меньше, которые ширинки по цене доведца купити; и вы б с Семеном Безобразовым вместе за один купили, а купили бы есте ширинки лутче тех, как вы преж сего купили. А будет у вас денег наших не достанет, и вы бы за те ширинки доплатили свои денги; а что вы денег своих за те ширинки доплатите, и вы о том к нам отписали, и мы вам велим те денги в зачет подписать; а однолично б есте полторы тысячи купили нам ширинок добрых»².

Строгановы являются не только поставщиками товаров, но и банкирами Ивана Грозного, который довольно бесцеремонно требует себе кредита. Они приняты с 1566 г. по грамоте от 16 августа в опричину по челобитью Аники Федоровича и его сыновей. Опричники Строгановы бывали у царя по его вызову не раз. Например, 12 марта 1574 г. Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы получили такой вызов: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б были к нам в Слободу часа того на подводах, а подорожную есми к вам послали с сею ж грамотою вместе»³. Сохранилась и эта приложенная подорожная.

Благоволение Ивана Грозного к Строгановым объясняется не только уменьем последних лучше других купцов давать нужные двору товары, но и услугами политического характера. Известно, например, что Строгановы в трудный для Грозного момент набега крымских татар на Москву послали к границе, к Серпухову, на государеву службу свой отряд в тысячу казаков с пищальми и всем необходимым припасом за свой счет⁴.

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 91.

² А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 6, Пермь, 1895, стр. 134.

³ Там же, стр. 133.

⁴ См. С. М. Середонин, Наказ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года, «Записки Русского археологического общества». Новая серия, т. 8, вып. 1 и 2, СПб., 1896, стр. 59.

В 50-х годах XVI в. Аника Строганов занимал в своем родовом гнезде на посаде Сольвычегодске и в его уезде также достаточно видное положение в местном управлении.

М. М. Богословский выяснил, что «в актах всеуездных собраний из перечня посадских людей некоторые имена иногда выделяются и ставятся выше всеуездных выборных властей. В Сольвычегодске такое первенствующее место отводится Строгановым»¹.

Действительно, с самого начала действия земского самоуправления в Сольвычегодске Аника Строганов занял в нем первенствующее положение. Жалованной грамоты на введение земского самоуправления в Сольвычегодске неизвестно, по-видимому, ее и не было, а «их самоуправление опирается только на старину, на то, что «у них издавна так повелось»².

Ведущую роль в земском самоуправлении Аники Строганова можно подтвердить неопубликованным документом, из которого мы узнаем, что Аника Строганов был главой в выборной коллегии земских судей и занимал, по-видимому, в 1558 г. место всеуездного земского старосты. Это видно из двух поручных 1559 (7067) г., декабря 28. В документе «Олександров сын Нечай», «Федор Якимов Федец» и Семен Никонов, половник Леонтия Пырскова, поручились о явке в суд «Дарьи Григорьеве дочери, а по Михайлове жене Быкова» старосте посадскому Емельяну Корнилову «и выняли ее из тюрьмы в статье; стати ее за нашею порукою у Соли Вычегоцкие перед Аникием и перед его товарищы, как ее судьи попытают; а не поставим мы Дарьи на ту пору перед судьями, как попытают судьи Оникий Федоров сын с товарищы (в) Воскресенской трапезе... а на нас на порущиках пеня царя Государя великого князя, что укажет, а судьи приговорят Аникий с товарищы»³.

Аника Строганов в 1558 г., следовательно, находится во главе исполнительного органа «всеуездного земского мира». Только его имя значится в перечне властей, его товарищи даже не поименованы. В компетенцию этого исполнительного органа входил и сбор налогов, и управление правосудия. Местом присутствия исполнительного органа является трапезная Воскресенской церкви, стоящая в центре торговой площади посадской Троицкой стороны.

Исключительное положение Аники Строганова в самоуправлении Сольвычегодска облегчало переход в наступление против крестьянского

¹ М. Богословский, *Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.* (далее — М. Богословский, *Земское самоуправление...*), т. 1, М., 1909, стр. 236.

² Там же, стр. 268.

³ ЛОИИ, ф. 125, Коллекция Археологического общества по описи Прозоровского, коробка 3, № 75.

землевладения за пределами посада Сольвычегодска. И это не является случайностью. Как характерную черту крупных владений Аники следует отметить его тесную связь с вотчинным земледельческим хозяйством. Для XVI в. в условиях преобладающего натурального быта соединение торгово-промышленного хозяйства с земельным держанием — явление обычное и объяснимое. Рост денежного капитала был медленным, страна жила по преимуществу самообслуживающимися мелкими крестьянскими хозяйствами, которые были единственно прочным фундаментом всей экономики того времени.

Понятно поэтому, что, несмотря на относительную мощь торгово-промышленного хозяйства, впрочем, выражавшуюся не столько в деньгах, сколько в товарах, хозяйство Аники Строганова прежде всего базировалось на земледельческой основе. Эта основа подчеркивается в сообщениях Массы и Витзена, которые постоянно говорят об «Анике, богатом землею», «страшное богатство» которого выражается в факте скупки «многих земель». Во владении Строгановых, действительно, мы рано видим значительный земельный фонд. Вокруг Сольвычегодска, равно как и в соседнем Устюжском уезде, у них были деревни на Вилляди, Лахоме, Паче-озере, Комарице, Ватце, Цывозере, ряд островов по р. Вычегде, ряд деревень вниз по р. Вычегде. По обеим сторонам Двины в станах Ярокурском, Вондокурском, в волости Вотложемской они имели деревни; на Нимяди, Яре, Пице — ряд «пожен», «полянок», «присад» и рыбных ловель: «деревни все же и с лесами и с угодьями по купчим и по порядным и по крепостям»¹.

Из сохранившихся земельных актов видно, что Аника Строганов и его сыновья приобретали земли не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под заклад имущества. Нужда в кредите гнала поморского крестьянина и мелкого промышленника к Строгановым, которые через ссуду и заклад сильно расширили свое землевладение. Эти функции банкиров и ростовщиков Аника Строганов и его сыновья выполняли теми же способами и на тех же основаниях, на которых действовали поморские монастыри.

Объединенные единым управлением и сенъериальным оброком, эти деревни входили в обширное хозяйственное целое Аники Строганова, отдавая лишь часть своей сельскохозяйственной продукции, но оставаясь внутри самостоятельными и самоуправляющимися организмами. Собираемые в виде ли оброка или в виде других доходных статей продукты сельского хозяйства частью шли на удовлетворение потребности

¹ ЛОИИ, ф. 125, тетр. № 1, деловые № 3, 13, 14; № 2, л. 1—10; ЦГАДА, Писцовые книги по Устюжскому уезду, № 506—507; Публ. Библ. Писцовая книга по Сольвычегодску, Q. IV. 497.501.

самих феодалов Строгановых, на содержание обширной строгановской дворни и промыслового, рабочего люда, частью же выделялись из хозяйства для продажи на рынок. Известно, что, например, сено, собранное в сольвычегодских деревнях, большими партиями запродавалось гостям-скупщикам, а в пермских вотчинах, где не хватало своего хлеба для промысловых рабочих, на хлеб обменивалось сено и соль с промысла в соседних уездах.

Обширное хозяйство Аники Строганова, дававшее большую продукцию промысловую, сельскохозяйственную и скупочно-торговую, требовало соответствующего аппарата по организации транспорта, складочных помещений и пунктов для промена и продажи товаров в различных хозяйственных районах страны. По-видимому, Аника Строганов уже довольно рано, не ограничиваясь близлежащими поморскими рынками сбыта, организовал ряд пунктов для сбыта своих товаров как в столице, так главным образом и в приокских и приволжских посадах. Деловые 1577 г. о разделе аникиевского имущества между его сыновьями и внуками — Семеном, Максимом и Никитой Строгановыми дают картину хорошо, не со вчерашнего дня, налаженного транспортного и распределительного аппарата в Вологде, Великом Устюге, Москве, Коломне, Калуге, Переяславле-Залесском, а позднее и в Рязани, Нижнем Новгороде, Казани и в некоторых других центрах.

Из этих пунктов продажи и обмена особую роль играла Калуга, бывшая для строгановской торговли передаточным местом в Литву и на Украину. Сюда привозилась не только в большом количестве соль, шедшая за рубеж, но водным же путем доставлялись различные «товары и рухлядь» с далекого «немецкого торгова в Коле на Мурманском». Аника Строганов и его сыновья развивали торговлю и со Средней Азией.

Сохранилось в архивной описи XVIII в. любопытное свидетельство о документе, рисующем связи Строгановых с Бухарой: «От царя и великого князя Ивана Васильевича в Астрахань воеводам князю Василью Васильевичу Кривоборскому да князю Григорью Ивановичу Коркодынову да дьяком Ивану Пурину, да Поснику Штилову о пропуске Яковлева и Григорья Оникеевичев Строгановых людей четырех человек с посланником Захарьем Богдановым в Бухарию за товарами 1574 (7082) года августа 12»¹. Значит, и торговля восточными товарами у фирмы Строгановых началась довольно рано.

В свете этого указания становится понятным множество серебряных блюд, кубков восточной работы и с восточным орнаментом в имуществе Аники Строганова. Строгановские серебряники творчески подражали

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 94.

восточному рисунку, восточной технике чернения, восточные мотивы перерабатывали и, освоив технику, дали ряду поколений серебряников северного края то высокое мастерство сканного дела, техники перегородчатой эмали и чернения, которыми славится Советский Север и до сих пор.

В самой Соли Вычегодской Аника Строганов имел на посадском торгу лавки для торговли, но едва ли они имели крупное значение, так как относительно маленький посад не мог служить местом большого сбыта строгановских товаров. Только три сольвычегодские ярмарки имели большое значение: Алексеевская с 7 по 14 марта, Прокопьевская «соболиная» с 7 по 10 июля и Введенская. На ярмарки съезжались во множестве крестьяне из ближних и дальних волостей. С Виляды сюда доставлялся знаменитый своим шелковистым качеством лен-долгунец, особо ценимый английскими скупщиками; с притоков Виляды пригонялись на продажу лодки. На ярмарках нанимались для уборочных работ строгановского сельского хозяйства «казахи-работницы», ярыжки для соляного транспорта на Устюг и Вологду, подыскивались невесты для дворовых из «девок-приплавух». Особое значение для Строгановых имели посещения сольвычегодских ярмарок представителями местных народностей с Печоры, Приуралья и Оби, доставлявшие партии особо ценной пушнины, которая Строгановыми жадно скупалась. Значительную роль, видимо, играла торговля по селам Приморья. Так, например, в Никольском погосте у Строгановых была соляная лавка, с которой в XVII в. платилось 5 алтын оброку.

Интересно выяснить число строгановской дворни, обслуживавшей хозяйство во время Аники Строганова. Имеем данные только из деловых 1583 г. от 23 и 25 сентября, по которым Семен Аникиевич и Максим Яковлевич разделили своих людей, со времени смерти Аники Строганова в 1570 г. находившихся в их общем владении. По этим деловым мы узнаем, что у них было в Сольвычегодске 233 человека без определенной квалификации и 37 человек, специализация которых была зафиксирована: дьяков — 5, серебряников — 2, циренников — 5, седельников — 1, поваров соляных — 1, рудовщиков — 2, кожевенников — 2, иконник — 1, конюх — 1, кузнецов — 2, плотников — 5, сапожников — 4, плужник — 1, портной — 1, приказчиков-управителей — 2, варничных приказчиков — 2¹. Если ко всему числу дворни (271 человек) прибавить долю Никиты Григорьевича, который в 1577 г. на свой третий «жеребей» получил вполтину меньше всякого рода имущества и людей против двух жеребьев Семена и Максима, то получим цифру в 406 человек. В 1570—1571 гг., после смерти Аники Строганова, его

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские дела, тетради деловых.

сыновья Семен, Яков и Григорий разделились поровну, по третям. Полученная нами цифра в 406 человек представляет число людей, пошедших в раздел в 1577 г., после смерти Якова и Григория Аникиевичей Строгановых. К этой цифре надлежит прибавить еще 200 человек семеновской доли по разделу 1570—1571 гг. Всего к моменту смерти Аники Строганова, следовательно, у него в Соли Вычегодской было приблизительно 606 человек дворовых людей.

В эти приблизительные цифровые расчеты совсем не вошло население пермских вотчин, которое было довольно многочисленным. Так, по деловым 1623 г., только в этих владениях мы насчитываем крепостного населения у всех Строгановых до 1200 человек. Данные расчеты, хотя и приблизительны, все-таки основаны на документальном материале деловых. Они должны заставить нас усомниться в сообщении Флетчера о 20 тыс. человек, бывших у Строгановых¹. Что Флетчер давал фантастические цифры о пошлинах, платимых в казну Строгановыми, уже убедительно показано Середониным, отмечавшим, что английский автор «преувеличил платежи Строгановых ровно в 100 раз»². Думается, что сообщение Д. Флетчера о числе людей Строгановых — плод такого же преувеличения. Можно считать, что у Аники Строганова было в общей сложности 2—3 тыс. человек. Кроме Соли Вычегодской и пермских вотчин, у Строгановых были люди в ряде городов, где у них находились торгово-агентурные конторы. Люди, в них служившие, в приводимые выше цифры не вошли. О том, что количество зависимых людей могло быть значительно, может говорить деловая от 7 января 1578 г., по которой Семен, Максим и Никита Строгановы разделили между собою «полюбовно по третям, что было на Москве кабал», на общую сумму в 545 руб.³ В Соли Вычегодской в этом же, 1578 г. по деловой от 10 июня между теми же лицами были поделены «кабалы все и порядные и купчи[е], деревенские отписы» на общую сумму в 541 рубль 17 алтын, 12 денег⁴. Таким образом, предположительная численность людей, обслуживавших хозяйство Аники Строганова, должна быть еще несколько увеличена. Она могла составлять 2500—3000 человек. Столько же было занято и сезонных транспортных рабочих, судовых ярыжек на соляных судах, грузчиков, дровосеков и т. п. Это значит, что всего в хозяйстве Аники Строганова было занято не менее 5000—6000 человек, бывших или крепостными, или наемными людьми.

¹ См. С. М. Середонин, Сочинения Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник (далее — С. М. Середонин, Сочинение Джильса Флетчера...), СПб., 1891, стр. 209.

² Там же.

³ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские дела, тетради деловых.

⁴ Там же.

В высшей степени любопытен процесс собирания рабочей силы крупным хозяйством Аники Федоровича Строганова. Попадали в крепостную зависимость к Строгановым «люди русаки по крепостем и полонские люди немцы и литвяки по купчим... иманные и купленные»¹. За скупкой полонных людей и тюремных сидельцев Аника Строганов откомандировывает своих сыновей в Москву. Знаем, например, что здесь «литвяков Яков ис тюрем покупал»². В первый период Ливонской войны, когда «счастьем государевым» победы и удачи сопутствовали войскам Грозного, из Ливонии во множестве были доставлены в Москву и в другие города пленные, которых из тюрем легко раздавали феодалам и купцам. Строгановы подбирали пленных с большим разбором и расчетливостью, заполучая прежде всего ремесленников высокой квалификации, моряков, переводчиков, строителей.

Особенно значителен был прилив крепостной рабочей силы у Строгановых после 1558 г., когда основное сольвычегодское хозяйство было расширено приобретением пермских вотчин. Народы Приуралья (татары, ханты, манси, пермяки) легко становились жертвами строгановской эксплуатации, попадая в кабалу к Строгановым, которые благодаря своим пермским острожкам держали край в руках.

С народами Приуралья Строгановы не считались, как не считались и с их правом собственности на земли. Строгановы энергично осваивали их территории, несмотря на протесты и жалобы, которые приносили в Москве ходоки «вогулятники» и представители других народностей. Строгановы сбивали жителей с насиженных мест и отгоняли их дальше, оставшаяся же их часть попадала в крепостную зависимость от Строгановых и уже в качестве таковых жила на прежних своих землях изоброченная и покабаленная.

Деловая от 6 декабря 1578 г. всех таких местных жителей передает Никите Григорьевичу: «Вогуличи и остяки и татарове, которые в Перме в государском жалованье по сей день куплены — и те люди все Никите»³.

В составе строгановских людей была и небольшая группа крепостной интеллигенции: переводчики, мастера судостроительного дела, практики-геологи — розыскатели полезных ископаемых в «черепе земном» и даже врачи. Так, в составе строгановской дворни был врач Кайбышев, обслуживавший работных людей на солеварнях. О нем сохранилась ссылка в одном рукописном лечебнике, где говорится, что Кайбышев перевел с иноземных языков лечебник. В последнем был приведен

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские дела, тетради деловых.

² Там же.

³ ЛОИИ, ф. 125, тетр. № 1, деловые № 1, 6, 10.

состав ртутного лечения «шелудивой и чепучинной болезни» (сифилиса), взятый из «Строгановых лекарств переводу Кайбышева»¹.

Из общей массы крепостного и зависимого люда в хозяйстве Строгановых должна быть отличена сравнительно небольшая группа, по-видимому, полных холопов, из которых Аника Строганов, а потом его сыновья и внуки подбирали своих помощников, управителей, доверенных приказчиков и инструкторов-ремесленников. Холопы были крепостной интеллигенцией — мозгом в аппарате фирмы. На этих людей в 1583 г., например, была написана особая деловая, когда 22 сентября они были поделены между Семеном и Максимом Строгановыми в количестве 18 человек, с 1577 г. бывших в общем их владении.

Таких своих доверенных Никита Строганов, оставшийся в Москве, посылает вместо себя с Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем в Соль Вычегодскую и в пермские вотчины, где эти лица — «Митя Колужанин, Янко Литвин, Степанка Немчин да Ларка дьячек Ярославец» — должны были, заступая место Никиты, разделить «всякого живота, скота, и соли, и хлеба всякого, и сена, и кабал всяких кабальных, и дворы и суды большие» и прочее имущество, в чем бы оно ни заключалось². Эти холопы были строгановской гвардией, трудами и деятельностью которых создавались строгановские богатства. Почти все особо доверенные холопы — люди, поседевшие на строгановской службе, прослужившие Строгановым по 20—30 лет. Все эти кадры крепостной интеллигенции и управителей подобрал и расставил по местам основатель фирмы Аника Строганов.

После описания отдельных слагаемых, составивших в своей сумме сольвычегодское хозяйство Аники Строганова, описания, во многом по состоянию наших источников недостаточного и беглого, необходимо для полноты характеристики остановиться еще на одной черте деятельности Аники Федоровича. Разумею его церковное строительство и меценатство, его книжное коллекционерство и религиозную настроенность, надевшую на него в конце жизни монашескую рясу, когда он из купца стал смиренным схимником Иосафом. Заботы о церквях занимали всю жизнь Аники Строганова. Величественные храмы Сольвычегодска и по сию пору хранят в себе вещественные доказательства попечения Строгановых о церкви как главном средстве освящения эксплуатации. И не они одни. В близлежащем от Сольвычегодска Коряжемском монастыре по монастырским вкладным книгам «даяния в монастырь старцы сочли» в год смерти Аники Федоровича, и оказалось, что им было всего дано «по накладной книге двести тридцать восемь рублей семь гривен в дом

¹ В. Груздев, Русские рукописные лечебники, Л., 1946.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские дела, тетради деловых.

в тот же монастырь на Коряжму»¹. Но церковное строительство Аники Строганова развернулось особенно широко с возникновением пермских вотчин. Сохранились неопубликованные жалованные, льготные и благословенные грамоты московских митрополитов Макария и Афанасия на имя Григория Аникиевича, из которых мы узнаем, что в 1559 г., т. е. на другой же год после получения пермских вотчин, Аника Строганов через своего сына Григория уже обратился к митрополиту Макарию с челобитной, где испрашивал митрополичьего позволения и благословения на постройку церквей в новых своих вотчинах. Митрополит Макарий удовлетворил это ходатайство, разрешив постройку церквей и их устройство грамотой от 4 апреля 1559 г. Вместе с тем он дал право называть необходимый церковный причт и освободил от всяких пошлин и поборов вновь возникающие церкви «на том новом месте в царской великого князя отчине, а в своей митрополье в городе и на посаде». Он позволил Строгановым, кроме того, не давать «митрополичьей дани», «данного корму» и «всяких зборных Петровских и Рождественских никторных пошлин» «до урочных лет, доколе льгота», данная царем, «отойдет». По миновании же льготного времени митрополит в грамоте обещает: «И мы к ним тогда пошлем писца своего и велим у них приходы описать, да по приходу на них и дань свою положити с выти по две денги».

Такие митрополичьи описания, к сожалению, остаются неизвестными, а они бы дали прекрасный материал для характеристик церковного строительства Строгановых и общего состояния их вотчин. Затем эта митрополичья грамота категорически изымает из их компетенции суд по всем духовным делам: «А в духовных делах Григорию Аникееву судити есми их не велел, в духовных делах велети их Григорью давати на крепкие поруки и срочити им велити перед меня Макарья митрополита всеа Руси к Москве»². Начало наступления на земли народов Приуралья в пермских вотчинах обусловило обращение Аники Строганова за поддержкой к московскому митрополиту. «Нынеча деи приходят к ним» — читаем мы в другой митрополичьей грамоте от 4 мая 1565 г., в части, излагающей существо челобитья Строгановых, «иноземцы татарове и вогуличи июгричи некрещенные люди и помышляют креститись в нашу православную христианскую веру и их де слободские игумены и попы без нашего благословения крестити их не смеют». В действительности, конечно, местное население не «помышляло» о крещении, но тем не менее митрополит Афанасий дает необходимое разрешение на это

¹ Отрывки из вкладных приведены в рукописи: В. Попов. Сольвычегодская старина, приложение 3, стр. 68. Публ. Библ., Q. IV. 404.

² ЛОИИ, ф. 125, тетр. № 5, л. 17—19, 19 об.

обращение иноверных народов Приуралья в православную веру в церк-
вах пермских вотчин Строгановых: «И яз благословил, ослободил сло-
боцких игуменом и попом приходящих иноземцев, некрещеных людей
крестити по уставу о святых отецъ в нашу православную христианскую
веру греческого закона»¹.

Тот же митрополит Афонасий грамотой от 24 марта 1575 г., кроме
того, подтвердил от своего имени известную уже нам грамоту митропо-
лита Макария. Этими данными и ограничиваются наши сведения
о сношениях Строгановых с московской митрополией за время Аники
Строганова. Их, однако, достаточно, чтобы видеть, как в колониальном
освоении окраинных территорий Приуралья Аника Строганов сумел
заручиться немаловажным для него союзом и поддержкой церкви,
ставшей одной из опор строгановского наступления на земли языче-
ского населения.

Понятно поэтому, что устройство вновь построенных церквей и их
украшение стало одной из главных задач Аники Строганова, не жалев-
шего для этого ни внимания, ни средств. Но, по-видимому, во времена
Аники Федоровича у Строгановых в Соли Вычегодской еще не воз-
никли специальные свои иконописные мастерские и число мастеров-
иконников у него было незначительно. Деловые 1577 г. отмечают всего
только одного такого иконника. Возникновение и развитие таких спе-
циально иконных, а может быть, и ювелирных мастерских должно быть
отнесено на время самостоятельной уже деятельности сыновей и внуков
Аники Федоровича после его смерти.

Характерно, что Аника Строганов после себя оставил своим сы-
новьям «яхонту и жемчугу и перстней золотых и алмазов и серег вся-
ких и лапы золотые», однако не в таком количестве, которое мы вправе
были бы ожидать от столь крупного для своего времени феодала и про-
мышленника. Богатого же платья после себя он и совсем не оставил,
в то время как от его первой жены Мавры, умершей в Соли Вычегод-
ской в 1544 г., и от второй — Софии, умершей в Камгорте в 1567 г.,
остался порядочный гардероб, в котором обычны «летники», «камчат
желтой во швы шитый золотом и серебром на белой земле с передцы
сплетеными» или «опашен скорлатной Мавринской с пуговицы сереб-
ряными»² и т. д.

Конечно, «горницы ослюдяные, старые Аникеевские» в Соли Выче-
годской были обставлены так, как полагалось большому богатею. В до-
машнем обиходе были и «ковши серебряные», и «ковши каповые», и

¹ ЛОИИ, ф. 125, тетр. № 5, л. 21—22.

² ЛОИИ, ф. 125, тетр. № 1, деловая 1578 г., января 2 (№ 4) и деловая
1578 г., января 4 (№ 5).

«часы песочные немецкие» и т. д., но это роскошь, не переходившая границ. По-видимому, не жалели денег на покупку книг и украшение горниц иконами в дорогих окладах.

В приобретение икон Аника Строганов вкладывал значительные средства. Все они в золотых и серебряных окладах, венчики из драгоценных камней и жемчуга, который добывался на реке Иксе, близ Сольвычегодска, и около хорм в Сольвычегодске на «жемчужном» строгановском озере, где, по-видимому, искусственно разводились жемчужные раковины. Во главе этого жемчужного промысла, по народному преданию, был «немец, доктор» и «аптекарь», и очень возможно, что им был кто-либо из пленных, выкупленных Аникой Федоровичем из московских тюрем. Приобретались от заезжих греков в Москве и дорогие киоты, резные кипарисные, и божницы, частицы мощей. Все это требовало расходов, на которые не скупился обычно прижимистый и нерасточительный хозяин.

Аника Строганов прожил долгую жизнь (1497—1570). У него была большая семья: от двух жен он имел 13 детей, из которых, впрочем, большинство умерло в младенчестве, а не вышедшие замуж дочери были устроены монахинями. Но три его сына Яков, Григорий и Семен, давшие потомство, составили сольвычегодскую ветвь Строгановых, сохранившую фирму, богатство, энергию и предприимчивость Аники.

Аника Строганов умер 2 сентября 1570 г., постригшись в монахи уже на закате своей жизни. Но еще в 1566 г. он не был монахом, жил мирскими стяжательскими интересами. 16 августа 1566 г. грамота Ивана Грозного дана на имя «Оникия Федоровича» о принятии его с детьми в опричнину¹. Монашеский постриг он принял в основанном им Пыскорском монастыре в пермских своих вотчинах, но умер и был похоронен в своем родовом гнезде — в Соли Вычегодской.

Смерть основателя сольвычегодской и пермской вотчин Аники Федоровича Строганова была отмечена его сыновьями многочисленными и богатыми вкладами в монастыри. Документы об этом проливают свет на экономическую мощь дома Строгановых. Сыновья Аники Федоровича делают вклад в 300 рублей в Кирилло-Белозерский монастырь «на помин по нем панихида пети и служити священнику з дьяконом, а корму нет», в Коряжемский монастырь вкладу дали 11 января 1570 г. «на Едоме починки и с пустоши, Юрьевской починок, пашенную землю и с пустоши по двум купчим, пятнадцать рублей десять алтын и с рожью, что в земле сеяно — три четверика, да за половником два рубли, да ржи два четверика». За этот вклад Коряжемский монастырь должен был служить «игумену с собором четыре заупокойной службы в год» доколе

¹ ДАИ, т. 1, № 172.

святое место стоит «непропущая», и корм давать из монастырской казны, «а на них вкладу не спрашивать». В далекий Печенгский монастырь на Коле Семен Аникиевич дал «двор на нижнем посаде». Старцы, впрочем, скоро «тот двор до приходу свейских воинских немец сожгли сами». Кроме двора Семен Аникиевич дал в монастырь еще и «соляная варница на Кольской губе, пониже волости». В Печенгский монастырь были даны «ризы вкладные по душе Строгановых новые». Щедрые дачи на помин души Аникея Федоровича даны церквам Сольвычегодска, пермских вотчин и ряду других монастырей¹.

Кроме денег, земель, дворов и варниц сыновья Аники Федоровича жертвовали в монастыри то «жеребца рыжа с навесом, грива на обе стороны, ценою восемь рублей», то «лошадь, мерин сер», то «яйцо к паникадилу с переплеты серебряны, золочены, кисть серебряна», то «ковши серебряны» да «чарку, кутья поставляют, а веса в них два фунта с четвертью, а против денег тянут 19 рублей», то «кадило», то «на ризы одеяло камчатое» и т. д. Розданы были множество икон письма своих мастерских, евангелий «своего писания» апостолов и других богослужебных книг.

Со смертью Аники Федоровича Строганова в управление обширных сольвычегодских и пермских вотчин вступили его сыновья Яков, Григорий и Семен Аникиевичи — второе поколение «старых Строгановых» сольвычегодской ветви. Братья произвели раздел сольвычегодской и пермской вотчин после смерти своего отца. К сожалению, мы не знаем деловых, эти документы не сохранились до нашего времени, но известно, что при этом происходила борьба из-за богатств Аники Федоровича. При разделе Семен Аникиевич «своровал». В чем выразилось это воровство, мы не знаем; ясно только, что семейный раздел был произведен по распоряжению царской грамоты за приписью Дружины Володиминова сольвычегодскими посадскими людьми из местных солепромышленников и богачей — Леонтием Пырским и Семеном Клисовым сыном Просужева. Во время раздела Семен Аникиевич так крупно «своровал», что обиженные братья — Яков и Григорий Аникиевичи пожаловались правительству, которое в 1573 г. июня 27 прислало царскую грамоту Леонтию Пырскому с распоряжением «выдать им (Якову и Григорию Строгановым) брата их Семена головою со все его животом и с его людьми и деловые за их руками велел есмь им отдать, что они с Семенкою делились». Об исполнении правительство обязало Леонтия Пырского немедленно донести в Москву².

¹ См. «Книги кормовые Кирилло-Белозерского монастыря». Публ. Библ., 68/1307, л. 1 об., 2 об., 3 об., 24; В. Попов, Сольвычегодская старина, приложение 3, стр. 61. Публ. Библ., Q. IV. 404; РИБ, т. 17, стр. 339; АИ, т. 4, стр. 546—548.

² ЦГИАЛ, Фамильный архив Строгановых, № 29.

Вмешательство правительства в семейный внутривотчинный раздел братьев Строгановых объясняется его заинтересованностью в делах строгановских вотчин. К 1573 г. Строгановы были не просто рядовыми и обычными вотчинниками, но и агентами правительства на восточных рубежах в Приуралье. Поэтому то, что делалось в пермских вотчинах у Строгановых, для правительства было далеко не безразлично. Семейный конфликт мог задеть государственные интересы по охране восточной границы в Приуралье, отсюда делается понятным вмешательство правительства в дело «Семенкина воровства».

В результате выдачи головой со всем имуществом и своими людьми Семен Аникиевич Строганов некоторое время был отстранен от управления вотчинами, но уже к 1577 г. вернул доверие правительства и возвратился к делам своего хозяйства.

Яков и Григорий Аникиевичи большее время проводили в пермских вотчинах, подолгу имея пребывание в Орле-городке и в Нижне-Чусовском городке, только что еще устраивавшемся и обстраивавшемся. Семен Аникиевич после опалы принял на себя управление сольвычегодской вотчиной и постоянно и безвыездно жил в Сольвычегодске в своих хоромах у Благовещенского собора, в то время еще строившегося. Старшие братья Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы скоро умерли один за другим в 1577 и в 1578 гг. Еще ранее, в 1575 г., был «убит от разбойник» старший сын Якова Аникиевича — Григорий Яковлевич Строганов в одной из своих деловых поездок. Он был убит «разбойниками» вместе с своими дворовыми людьми, приказчиками, Ананьей и Якимом Григорьевым сыном, сопровождавшими своего хозяина. Со смертью Якова и Григория Аникиевичей с 1577—1578 г. из «старых» Строгановых остался только Семен Аникиевич.

Теперь с 1578 г. в самостоятельное управление вотчинами вступают молодые племянники Семена Аникиевича — Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы, причем первому был 21 год, а второму — всего 16 лет.

Еще не успел умереть Григорий Аникиевич Строганов, как дядя и молодые его племянники приступили к разделу сольвычегодских и пермских вотчин. Документы о разделе дают представление о видах собственности Строгановых. По-видимому, Григорий Аникиевич был уже тяжело болен, когда в 1577 г., сентября 29, была совершена первая деловая запись о разделе дворов и деревень сольвычегодской вотчины. По этой деловой Семену Аникиевичу и Максиму Яковлевичу Строгановым на их два жеребья досталось в общее владение: на Сольвычегодском посаде «две горницы старые Оникиевские» да «горница слюдяная», «горница новая слюдяная с волоками» с многочисленными хозяйственными постройками, амбарами, мыльнями, конюшнями, поварнями

старыми и новыми, кузницами и лавками. Из деревень на долю Семена и Максима Строгановых досталось: деревня Шошурово с мельницей и деревни по Пачеозеру, на Комарице, на Виляди, на Лахоме, кроме того, еще за сольвычегодским посадом «полянки большие за кузницами новыми».

Никита Григорьевич Строганов получил на свой один жеребей: «Одни хоромы в Сольвычегодске на Никольской стороне» со всеми хозяйственными постройками и «одни хоромы на Троецкой стороне», «Ширяевский двор». Из деревень Никита Григорьевич получил: «Царя Константиновские жеребьи», Вондокурские деревни да напротив Вондокурья деревни в Слуде и в Ясницах, деревню Кузминскую за Вычегдой, деревни на Святине и Ватце и на Цывозере с пожнями, полянками.

Солеваренный промысел у Соли Вычегодской поделен был так, что Семену и Максиму Строгановым вместе досталось шесть варниц, а Никита Григорьевич Строганов получил три варницы. Трубы рассольные пока были оставлены в общем владении, но с обязательным разделом их в скором будущем, «а цырены нам к Соли приехав все разделить». Эта деловая была написана в Москве. В этом же 1577 г., 6 декабря, также еще до смерти Григория Аникиевича Строганова, были написаны следующие деловые. По деловой от 6 декабря были предварительно, в общих чертах намечены принципы раздела пермских вотчин. Основной же раздел всего вотчинного хозяйства был совершен в 1578 г. уже после смерти Григория Аникиевича Строганова, умершего 5 января 1578 г. В январе 1578 г. было написано шесть деловых (2, 4, 5, 7, 11 и 24 января), в июне — две (5 и 10 июня), в феврале — две (5 и 21 февраля), в марте — одна (16 марта). По деловой 2 января 1578 г. наследники разделили между собой драгоценности в Москве — «яхонту и жемчугу, и перстней золотых, и алмазов, и серег всяких, и лапы золотые, и что привез Семен с собою скорлату, и соболей, и алтабасу, и часы песчаные немецкие, и бархат червчатой немецкой».

По деловой 4 января 1578 г. наследники поделили в Соли Вычегодской и в Москве бывшие у них ковши серебряные, гардероб мужского платья, а также рогатый скот. По деловой от 5 января 1578 г. поделена была «рухлядь всякая» и соль, бывшие в Коломне и Переяславле. По деловой 1578 г., января 7, были разделены кабалы на людей, находившихся в Москве. На два жеребья Семену и Максиму Строгановым кабал досталось на общую сумму в 365 руб., а на один жеребий Никите Григорьевичу — 180 руб. 22 алтына и полторы деньги. Другая деловая по разделу «кабал всех и порядных и купчих деревенских отписей» была совершена в 1578 г., июня 10, по которой на два жеребья Семену и Максиму Строгановым кабал досталось на сумму в 361 руб. 7 денег, а на жеребий Никиты Григорьевича — на 180 руб. с полтиною.

«Память деловая» 1578 г., июня 5, касается раздела книг аникиевской библиотеки, причем Семен и Максим Строгановы получили 139 рукописных и печатных книг, а Никита Григорьевич Строганов — 69 книг. По этой же «памяти деловой» разделены были пуговицы серебряные, золото, пуговицы жемчужные и семь рублей денег.

Особой деловой 1578 г., января 24, были разделены дворы и варницы на «Коле на Мурманском», в Вологде, лоды и всякий товар в Москве и в Калуге, «привезенный с немецкого торгу на Коле». Семен и Максим Строгановы из поморского строгановского флота получили шесть лодей и пять дощаников больших и малых, Никита Григорьевич получил четыре лоды и один дощаник. Одна варница и двор на Коле получены были Семеном и Максимом Строгановыми и одна «варница новая» на Коле с двором — Никитой Григорьевичем. Товар, привезенный с немецкого торгу в Коле и бывший в момент раздела на Москве и в Калуге, был продлен по третям.

Затем была заключена между наследниками «счетная деловая» в 1578 г., января 11, по которой урегулированы были платежи по приданому дочерей Аники и по приданому племянниц. Из этой «счетной деловой» видно, что строгановское приданое достигало внушительной для XVI в. суммы в 500 и более рублей одними только деньгами, кроме драгоценностей, платья и деревень.

Наконец, раздел по сольвычегодской вотчине был завершен «памятью» 1578 г., марта 16, по расчетам между наследниками за поставки правительству «астраханского хлеба недовозного», что «имал в 1578 (85) году Иван Кокоуля Вилежанин за овес и за крупу и за толокно и за муку за две тысячи всякого хлебного запаса». Никита Григорьевич Строганов по этим поставкам получил с Семена и Максима Строгановых 266 рублей 22 алтына и полторы деньги с обязательством, «что ся еще хлеба, недовозного не достанет, оприч сих дву тысяч муки ржаные», то все трое покупают «недовозный хлеб» сообща и сообща его «проводити в Астрахань и отдати в Астрахани дьяком к воеводам тот достальной хлеб»¹. Все остальные деловые касаются раздела пермской вотчины и рассматриваются нами в главах, посвященных изучению процесса формирования приуральской вотчины Строгановых.

Сольвычегодская вотчина после раздела ее в 1578 г. продолжает увеличиваться и преуспевать в расширении своего производства соли. Из деловой 1583 г., сентября 29, можно узнать, что Семен и Максим Строгановы в свое общее владение сумели прикупить в Сольвычегодске «после Никитина делу Леонтьевская труба, Захарьевская труба, да полтрубы Кривуши». На Москве к имевшимся четырем дворам в Ветошном

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские дела, тетради деловых.

ряду у Богоявления Строгановы прикупили и двор на Вшивой горке, да двор немчина Елисея Анова¹.

Кроме того, на Москве у Строгановых имелся еще Аникою Федоровичем устроенный двор на Покровской улице в Земляном валу.

Главным центром управления всех вотчин после смерти Аники Федоровича у Строгановых остается Сольвычегодск, сохраняющий это значение для второй половины XVI в. полностью. Сольвычегодская вотчина, кроме того, служит и основной базой военного снабжения городков пермской вотчины. Так, например, в первый же год устройства городков в Перми Великой из Сольвычегодска посылается порох, для изготовления которого дается разрешение специальной царской грамотой 1558 г., апреля 18, Григорию Аникиевичу Строганову сварить на Сольвычегодском посаде или в Усольском уезде селитры «ямчуги» тридцать пудов «про себя, а не на продажу на которых местех ямчюги не варят на меня царя великого князя». Грамота предписывает старостам Сольвычегодского посада и уезда Омеляну Топнику, Нечаю Кукорчаге и «судецкому старосте» Грише Дементьеву крепко досматривать, чтобы Григорий Аникиевич сварил не более тридцати пудов ямчуги, а «больши того ямчюги не варил, а того б есте берегли накрепко, чтоб в том в ямчюжном, варенье от Григорья крестьяном обид и продажи не было никоторыми делы, а ис под изб бы и во дворех из под хором у вас он сору и земли не копал и хором не портил, чтоб отнюдь никоторыми делы крестьянству убытка не вышло»². Из сольвычегодской вотчины шло снабжение налаживающегося солеваренного промысла в Перми Великой циренами, буровым инструментом, квалифицированными кадрами поваров и подварков. Сольвычегодские дворы Строгановых снабжали вновь устраиваемые церкви пермской вотчины богослужебными книгами, иконами, попами и причетниками.

Братья Яков, Григорий и Семен Аникиевичи, а позже Семен Аникиевич с своими молодыми племянниками — Максимом и Никитой деятельно строят величественный и монументальный Благовещенский собор с его сложной системой «подпапертных мест» и тайников в толщах стен с секретными лестничными переходами. Занимает их внимание и растянувшаяся стройка с 1565 г. Введенского монастыря, когда Яков, Григорий и Семен Строгановы срубили первую в монастыре деревянную церковь, а монастырь обнесли оградой. В 90-х годах XVI в. Никита Григорьевич Строганов в ограде Введенского монастыря рубит несколько храмов, над воротами строит надвратную церковь «Во имя всех святых», под колокольней ставит Богоявленскую церковь и соединяет переходами

¹ ЦГАДА, б. Московский стол, № 84, л. 216.

² ААЭ, т. 1, № 254.

с надвратной. Ставит и третью церковь «во имя Грузинской божией матери». Все эти деревянные храмы, впрочем, сгорели во второй половине XVII в. Главный собор строился восемь лет и был внутри украшен множеством резных деревянных статуй святых, сохранившихся доныне в Сольвычегодском музее и в Пермском художественном музее. Среди этих деревянных статуй, иждивением Никиты Григорьевича Строганова резанных местными резчиками, особенной художественной выразительностью выделяются в Сольвычегодском музее «Спаситель в темнице», «господь Саваоф», «жены Мироносицы», «святой Николай Можайский».

Дядя и его молодые племянники, основываясь на налаженной мощи сольвычегодской вотчины, строили храмы, расширяли солеваренное производство, руководили обширной торговлей по территории государства, вовлекая методами феодальной эксплуатации посадскую бедноту Сольвычегодска в работу по обслуживанию многостороннего своего вотчинного хозяйства.

Ниже, в главах, посвященных строгановскому производству, сельскому хозяйству, торговле, подвергнуты специальному изучению приемы феодальной эксплуатации Строгановыми сольвычегодского населения. Это население небезропотно сносило строгановский нажим и притеснения. Жертвой вооруженного восстания сольвычегодских посадских пал один из основных руководителей сольвычегодской вотчины — Семен Аникиевич Строганов. В Аникиевском синодике Благовещенского собора о смерти Семена Аникиевича Строганова записано: «в 1586 (95) году октября проти 22, в ночи убиенье Семена Аникиева сына Строганова»¹.

Это скупое указание документа может быть раскрыто сохранившимся фрагментом следственного дела и беглым упоминанием о восстании черновика челобитной Афанасия Федоровича Строганова 1600 г. Цыренниковский вотчинник и родственник Семена Аникиевича, Афанасий Владимирович, в черновике своей челобитной 1600 г. вспоминает, как он, «боясь от тех Соли Вычегодские, от посадских людей убойства себе, по прежнему их воровскому умышлению, что они убили до смерти брата моего Семена Строганова, да оне ж, государь, в городе снаряд имали и меня Офонку с племянниками, заперли во дворе племянника моего Никиты Строганова и хотели нас всех из снаряду побити на смерть»².

Фрагмент, уцелевший от царской грамоты о сыске убийц Семена Аникиевича Строганова, гласит: «/вз/яти, что б тех Семеновых убойцев

¹ «Свиток Аники Федорова сына Строганова», Публ. Библ., Q. IV. 404.

² Семейный архив Мих. Алекс. Строганова в деревне Цыренниково, черновик челобитной 1660 г.

Ники.../ти/ на с/ына/ с товарищи ниhto у себя не таил... /в/ыдал, а хто
станет тайти, или урывати... /убойцо/м, быти от нас в продаже. А сы-
скал бы... отослал к Соли к Вычегоцкой, а у Соли... их отвести Ивану
Сабурову, а от нас к Соли.
. /жа/лоба тех Семе.
. с това¹ »

Сопоставление и анализ приведенных трех текстов позволяют уста-
новить как общую причину, так и обстоятельства смерти Семена Ани-
киевича Строганова. В ночь на 22 октября в 1586 г. в Сольвычегодске
произошло посадское восстание, направленное против всех Строгановых.
Общей причиной посадского восстания, бесспорно, была широко раз-
вернувшаяся эксплуататорская деятельность всех вотчинников Строга-
новых. Засев в своем родовом гнезде на Никольской стороне Соль-
вычегодска, Строгановы скупкой, закладами, ростовщическими сделками
подбирали посадские варницы, посадские лавки, амбары, кузницы и
дворы, обращая вчерашних мелких собственников в своих работных
людей, а посадскую бедноту крепостили и доводили до положения
ярыжек и казаков. Даже маленький циренниковский вотчинник, Афана-
сий Владимирович Строганов, имевший в своих вотчинных дерев-
нях всего только трех половников, не отставал от своих богатых род-
ственников в эксплуатации и разорении сольвычегодского посадского
населения.

Нам неизвестен непосредственный повод, приведший к взрыву по-
садского терпения и заставивший посадских броситься ночным штур-
мом на строгановские дворы на Никольской стороне. В осеннюю ночь,
22 октября, восставшие посадские сняли «снаряд» — пищаль или пушку
из острога на Троицкой стороне, достали из зеленой казны порох и
ядра и угрожали артиллерийской пальбой разгромить строгановские
хоромы на Никольской стороне: «хотели нас всех из снаряду побити на
смерть». Неизвестно, привели ли в исполнение эту угрозу восставшие
посадские. Если в ночных событиях 22 октября 1586 г. оказался уби-
тым Семен Аникиевич Строганов, то, очевидно, имела место воору-
женная схватка восставших посадских со строгановскими дворовыми. Эта
схватка закончилась убийством одного из вотчинников. Известно имя
главного вожака вооруженного посадского восстания, фрагмент царской
грамоты называет его «Никитин сын с товарищы». Эти данные инте-
ресны тем, что до сих пор не были известны ни факт убийства Семена
Аникиевича Строганова, ни обстоятельства, при которых это убийство
было совершено.

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы. 23.3.13. Водяной знак — нижняя часть
кувшинчика без букв.

Со смертью Семена Аникиевича в 1586 г. ушел из жизни строгановских вотчин последний из «старых Строгановых» и в управление вотчинами вступили полностью «молодые Строгановы». После смерти Семена Аникиевича остались его малолетние сыновья: Андрей Семенович, которому было в момент смерти отца 6 лет, и Петр Семенович, ему было 5 лет. Жеребей в вотчинах Семена Аникиевича, перешедший к ним, стал управляться вдовой, матерью малолетних наследников Евдокией Нестеровной Лачиновой, бывшей сестрой соликамского воеводы. Во главе других частей строгановских стояли Максим Яковлевич — 30-ти лет и Никита Григорьевич — 25-ти лет.

«Молодые Строгановы» поведут управление своими вотчинами в условиях социально-экономического кризиса второй половины XVI в. и крестьянской войны на рубеже XVI—XVII вв. и сумеют расширить и укрепить свои вотчины, несмотря на кризис, сохранить вотчинную торговлю и производство даже в тяжелые годы крестьянской войны и польско-шведской агрессии.

Аника Федорович Строганов, его дети и внуки собрали большую для своего времени библиотеку из рукописных и печатных книг. Все Строгановы в XVI—XVII вв. были большими любителями книжного чтения, и книга была не только предметом украшения дома, но и постоянным назидательным чтением. Уже Аника Федорович имел библиотеку в 400—500 книг, его дети — Яков, Григорий и Семен и внуки — Никита и Максим довели ее до 2000 книг богословского, исторического, географического содержания. Имелась походная библиотека в 20—25 книг, которая хозяевами бралась с собой в их постоянных разъездах¹.

* * *

Принципиально очень важным, научно ценным является вопрос о русском освоении Арктики.

Советские ученые — историки и географы в основном выяснили, как шел процесс освоения Арктики поморскими мореходцами. Но ни кем из исследователей еще не замечена роль Строгановых в покорении, раскрытии и эксплуатации несметных богатств Севера. А между тем имеются

¹ Подробный анализ образования, роста, состава и содержания библиотеки XVI—XVII вв. см.: А. А. Введенский, Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв., «Север», кн. 3—4, 1923, стр. 69—115. Часть книг вотчинных библиотек Аники Федоровича Строганова, его сыновей и внуков XVI—XVII вв. вошла в состав богатейшего книжного собрания графов Строгановых, которые в XIX в. эту огромную библиотеку дали в дар Томскому университету. Это собрание легло в основу современной фундаментальной библиотеки этого старейшего в Сибири учебного заведения.

Хоромы именитых людей Строгановых в Сольвычегодске XVII в.
Из книги Н. Г. Устрялова «Именитые люди Строгановы», СПб., 1842.

некоторые, хотя и отрывочные, данные об участии Строгановых в его освоении. Правда, нам неизвестны прямые свидетельства документальных материалов, однако есть троякого рода сведения о деятельности Строгановых в Арктике.

Во-первых, имеется два варианта изустной традиции, хранимой поколениями поморских крестьян и записанной в XVIII в. двумя авторами.

Во-вторых, сохранились вещественные памятники в виде строгановского некрополя на Новой Земле и остатков здесь промысловых строгановских построек.

И, наконец, в-третьих, сохранились до настоящего времени на Новой Земле географические названия, отразившие пребывание здесь строгановских людей.

Строгановы в XVI в., при Анике Федоровиче или при его сыновьях Якове, Григории и Семене Аникиевичах, организовали на Новой Земле

промысловую колонию из своих дворовых или специально нанятых людей для добычи моржей, нерп, китов-касаток и рыбы.

Здесь строгановские люди занимались вываркой сала, ворвани, а также и добычей драгоценной пушнины.

Сохранилась изустная традиция о строгановских предприятиях на Новой Земле, которая была записана в середине XVIII в. архангелогородским историком В. В. Крестининым. Другая редакция записи изустной традиции принадлежит чиновнику архангельского губернатора Клингстедту в его книге на французском языке, изданной в 1762 г.

Приведем эти две записи поморской изустной традиции о Строгановых на Новой Земле.

Клингстедт пишет: «Старая традиция знает, что несколько фамилий бежали и обосновались с их женщинами и детьми на Новой Земле во время разорения Новгорода в царствование царя Ивана Васильевича. Беглые крестьяне, принадлежащие к фамилии Строгановых, погибли с женами и детьми, и русские знают еще до сих пор поселки, где эти люди жили, и указывают их имена, но потомки несчастных фамилий все погибли одновременно, по-видимому, от заразы, вызванной туманами»¹.

Историк XVIII в. В. В. Крестинин дает еще более интересную запись этой традиции:

«Близь Мутного носа, от южной стороны две губы небольшие, разделяемые узким перешейком: Васильева, Строганова... Устье Строгановой губы на 6 верст, длина залива на 4 версты. Наименование сея губы произведено от имени старинных Новгородцев Строгановых, поселившихся некогда и скончавших свою жизнь в сей пустыне. Остатки их жилища видимы даже до днесь на берегах сея губы. По единым токмо складным, то есть во основание полагаемым бревным, познаваются там две избы на разных местах. Каждая изба в длину и в ширину по 4 сажени, избные сени в длину по 4, в ширину по 3 сажени. Кончина сих несчастных отшельников подтверждается многими могилами, находящимися на Мутном мысу, в 6 верстах от предречных развалин. Там валяются обнаженные человеческие кости, больших и малых людей. У могил стояли кресты, из коих один, по свидетельству самовидца Рахманина, стоит еще цел, но оброс мохом; других крестов обломки валяются по земле. На разсыпавшихся крестах были вырезаны надписи, которые, по свидетельству грамотных мезенских старожил, читаны грамотными мореходцами. Содержание оных надписей показывало род погребенных на сем месте людей из Нова города Строгановых. Строители сих печальных памятников в тех же надписях представлены сии люди с желез-

¹ [Klingstedt], Memoire sur les Samojedes et les Lappones, 1762, p. 34—35.

ными носами и зубами, и что страшное их видение смертоносно. Может быть так описаны некоторые звероловцы, люди зверообразные нравом, которые несчастье сих переселенцев, людей без сомнения богатых, каким-либо образом уже умножили более»¹.

В самом деле, есть только одно указание о посещении Новой Земли голландцем Оливером Брюнелем, служившим у сольвычегодских Аникиевичей.

Оливер Брюнель — один из интереснейших иноземцев на службе у Строгановых. Родившись в 40-х годах XVI в. в Брюсселе, он еще молодым человеком был послан голландскими купцами для обучения русскому языку на одном из первых голландских кораблей на Мурманское побережье. Из Колы на русской лодке он был послан в Холмогоры, где англичане, которым не улыбалось прибытие конкурентов — торгующих голландцев, сделали на него донос, обвинив в шпионаже. О. Брюнель очутился в ярославской тюрьме и после нескольких лет заточения был взят на поруки и на вотчинную службу Яковом Аникиевичем Строгановым в 1570 г. по царскому разрешению, которого всеильные при дворе Грозного Строгановы сумели добиться.

На строгановской службе О. Брюнель — ловкий организатор-купец и искусный практик штурман-мореплаватель был использован сольвычегодскими Аникиевичами как их торговый агент для торговли с Западной Европой. Строгановы отправили из Колы О. Брюнеля с драгоценной пушниной и другими русскими товарами на рынки Дордрехта, Антверпена и Парижа. Строгановы использовали эти поездки О. Брюнеля за границу несколько раз с 1570 по 1577 г. Из письма О. Брюнеля к Балаку и рассказа И. Массы известно, что в 1575—1580 гг. О. Брюнель по поручению Строгановых, в это время озабоченных проникновением в Сибирь, два раза едет: первый раз, — вероятно, из Мезени морем в устье Оби, второй раз — вниз по Печоре и морем также до Оби. В этих поездках О. Брюнель пользуется руководством и консультацией бесстрашных и знающих Арктику мезенских носников-лоцманов. Холмогорские, мезенские и печорские русские лоцманы XVI в., для нас безвестные герои, были постоянными учителями всех иностранцев-мореплавателей в русской Арктике. Эксплуатируя знания, искусство и опыт русских лоцманов, эти иностранцы бороздили русскую Арктику, наносили на карту давно открытые русскими мореходами острова, земли, проливы, давали свою географическую номенклатуру, создавая совершенно ложное представление об открытии иностранцами давно известных русским поморам островов и земель.

¹ В. Крестинин, Прибавление первое к географическому известию о Новой Земле полунощного края (далее — В. Крестинин, Прибавление...), «Новые ежемесячные сочинения», т. 31, месяц генварь, СПб., 1789, стр. 15—17.

В 1581 г. Брюнель едет в Антверпен по поручению Строгановых приглашать на строгановскую службу бывалых и опытных моряков-голландцев. Строгановы на своих верфях к этому времени отстроили два корабля под руководством шведских моряков, состоявших на их службе. Эти корабли были предназначены в экспедицию в Сибирь, в устье Оби. В это же время Строгановы отправляли отряд Ермака Тимофеевича из своих пермских вотчин в Сибирь с другого конца. Данная морская экспедиция, по-видимому, не состоялась, и О. Брюнель ушел со строгановской службы. В 1584 г. О. Брюнель в компании или на службе голландского купца Балтазара де Мушерона едет из Энкгейзена с товарами в Китай северо-восточным морским путем. Именно в эту поездку О. Брюнель «достиг Новой Земли и первый из западноевропейских плавателей посетил Костин шар». Возможно, что О. Брюнель высадил на Новой Земле строгановских промысловых людей. Далее из-за льдов плыть не мог, в Карское море не попал, потерпел крушение у Новой Земли, но уцелел и вернулся на родину — в Голландию¹.

Другие данные о деятельности сольвычегодских Строгановых в Поморье, об их варницах в Коле, торговых поездках на Печору и Обь также дают основание предполагать об организации колонии промысловых рабочих на Новой Земле.

Второй вопрос, возникающий при сопоставлении записей текстов устной традиции, касается времени возникновения строгановской колонии на Новой Земле. С этим вопросом тесно связывается устная традицией и проблема новгородского происхождения Строгановых. В сообщении Клингштедта говорится: «Старая традиция знает, что несколько фамилий бежали и обосновались с их женщинами и детьми на Новой Земле во время разгрома Новгорода в царствование царя Ивана Васильевича. Беглые крестьяне, принадлежащие к фамилии Строгановых, погибли с женами и детьми». Это сообщение дает факты в бесспорном искажении. Опричный разгром Новгорода в 1570 г. царем Иваном Грозным никак не мог привести к бегству Строгановых из Новгорода и потому, что их там никогда не было, и потому, что все три ветви Строгановых крепко и давно осели в Сольвычегодске и Тотьме еще с XV — начала XVI в. Кроме того, в пору опричнины Строгановы пользовались доверием и благоволением царя-опричника и находились со всеми своими вотчинами в составе опричной территории. Строгановы

¹ Лучший и более полный свод сведений об О. Брюнеле см.: В. А. Кордт, Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г., «Сборник Русского исторического общества», т. 116, СПб., 1902, стр. XXX—XXXIX; Ф. Литке, Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, ч. 1, СПб., 1828, стр. 26, 30; N. Witsen, Noord en oost Tartarye, s. 575—578, 946 (русский перевод: А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 102—103).

сами были опричниками и для своих вотчин пользовались защитой опричного режима. Таким образом, нельзя связывать появление строгановской промысловой группы крестьян на Новой Земле с бегством теснимых Строгановых из Новгорода во время опричного его разгрома.

Указание обоих текстов о происхождении Строгановых из Новгорода не является авторитетным свидетельством. Оба текста являются записью поморской традиции во второй половине XVIII в. и говорят лишь о том, что пущенная в оборот в 70—80-х годах XVII в. именитым человеком Григорием Дмитриевичем Строгановым легенда о новгородском происхождении Строгановых еще не была забыта и сохранялась в памяти ряда поколений поморского населения.

Отбрасывая невероятный факт появления строгановских промысловых людей на Новой Земле в связи с опричным погромом Новгорода, не придавая веры легенде о новгородском происхождении Строгановых, следует признать вероятной организацию именно Строгановыми промысловой фактории на Новой Земле.

Самый факт существования промысла строгановских крестьян на Новой Земле совершенно бесспорен, так как подтверждается наличием кладбища с крестами, из которых один сохранился ко второй половине XVIII в. обросший мхом, остальные же кресты сохранились в обломках. На крестах «самовидцы», мезенский лоцман Рахманов и другие мезенские морепроходцы и «грамотные мезенские старожилы», еще во второй половине XVIII в. читали имена и фамилии погребенных здесь строгановских промысловых людей. О бесспорности существования строгановской промысловой фактории свидетельствует и наименование Строгановской губы, оставшееся в географической номенклатуре Новой Земли до сих пор.

В XVIII в. еще были целы и «остатки жилищ, видимы даже до днесь на берегах сея губы», а именно различалось две избы: в длину и ширину по 4 сажени одна, а другая в длину 4 сажени и в ширину 3 сажени. Невдалеке от жилищ мезенские «самовидцы» во второй половине XVIII в. видели несколько выкопанных ям, обложенных камнем и бывших салотопными печами по добыче ворвани и жира промысловых морских животных. Новая Земля изобиловала моржами по 15 и 18 пудов, нерпами, китами-касатками, морскими зайцами. По островам Новой Земли бродили бесчисленные стада оленей, множество было песцов, волков, медведей, птиц — гагар, лебедей, гусей, гаг. «Между извлекаемыми из внутренности Земли по нуждам человеческими богатствами замечены на Новой Земле серебро, каменный уголь»¹, но едва ли в XVI в. они добывались строгановскими людьми.

¹ В. Крестинин, Прибавление..., стр. 31—34.

Анализ традиции, записанной Клингштедтом и В. В. Крестининым, приводит к выводам о том, что в середине или во второй половине XVI в. на Новой Земле в районе Костина шара, в местности под 71° 10' северной широты, по побережью Строгановой губы, Строгановы основывают промысловое предприятие по добыче ворвани, сала и ловле рыбы трудом здесь поселенных своих работных людей. Сюда завозились мука и соль и вывозились ворвань, сало и рыба. Колония строгановских работных людей к концу XVI в. либо погибла от цинги, либо пострадала от нападения «шарашутов», под которыми следует разуметь ненцев. Вероятнее всего предположение о том, что гибель колонии строгановских людей произошла под совокупным действием и цинги и нападений «шарашутов».

* * *

В итоге изучения впервые собранных в большинстве случаев показаний документальных первоисточников о доме Строгановых XV—XVII вв. прежде всего следует сделать два важных обобщения. Первое: несомненен факт сложения феодальной вотчины Строгановых в Поморье из купеческого землевладения, собранного путем систематических покупок, ростовщических, закладных операций и насильственных притеснений поморского крестьянства. Другим источником создания феодальной вотчины Строгановых явились правительственные пожалования с 1558 г. и позже обширных земельных территорий в Приуралье по р. Каме с ее притоками «от устья и до вершин». Строгановы в XV в. и в начале XVI в., предприимчивые, зажиточные поморские крестьяне, начавшие накапливать большие денежные средства в сфере обращения — торговых и ростовщических операций, превращались в первостепенных купцов-гостей и феодалов-вотчинников. Факт превращения купца-гостя в феодала-вотчинника, однако, постоянно сохранявшего свою купеческую деятельность, характерен не только для Строгановых, но и для многих других московских гостей (Филатовых, Панкратовых, Гурьевых и других). Происхождение феодала-вотчинника, крупного землевладельца из купца-гостя не было длительное время отмечено в отечественной историографии, знавшей только один тип феодалов-вотчинников (служилого человека, боярина, княжат или помещиков) с их служилым, поместным землевладением. Купцы и гости и одновременно вотчинники-феодалы, Строгановы и другие московские гости, историю которых мы знаем мало, представляют особый и своеобразный тип феодала-вотчинника, который нашей исторической наукой недостаточно изучен.

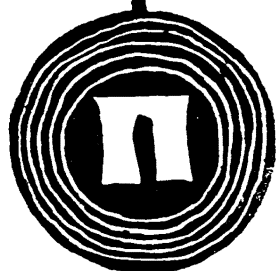
Характерным для Строгановых является и их организаторская деятельность в постановке солеваренного, сыродутно-железодельного,

судостроительного, ювелирно-иконного, моржевого промысла и добычи пушнины на Новой Земле в Арктике. Участие Строгановых в русском освоении Арктики является фактом, еще не отмеченным советскими историками. Организация и развитие многообразного простого товарного производства в Поморье и Приуралье в соединении с обширной и разветвленной торговлей на внутренних и внешних (заграничных) рынках доказывает большую роль Строгановых в развитии производительных сил в Русском государстве XVI—XVII вв., где Строгановы занимали одни из ключевых позиций в феодальной экономике страны.

Не менее характерным является и сращивание Строгановых — купцов-феодалов с политической властью феодального русского государства. Купцы-феодалы — вотчинники Строгановы являются волостелями города и уезда Сольвычегодска, правительственными контролерами над деятельностью английской компании в Поморье, поставщиками товаров для опричного двора Ивана Грозного, организаторами и содержателями за свой счет вооруженного полка в тысячу человек в Ливонской войне для обороны Москвы с южных приокских рубежей.

Вся торгово-промысловая деятельность дома Строгановых основывалась на феодально-крепостнической эксплуатации крестьян и работных людей в их дворах и вотчинах. Вольнонаемный труд художников, врачей, переводчиков, мастеров-техников окрашивался крепостнической зависимостью, и вольные люди с течением времени закрепощались. Деятельность Строгановых протекала в постоянной и напряженной классовой борьбе с эксплуатируемым ими русским и нерусским населением. Разнообразны были формы классовой борьбы — бегство крепостных, поджоги амбаров с товарами, угон строгановского скота, унос их имущества и прямое вооруженное против Строгановых восстание. Противострогановское вооруженное восстание 1586 г. в Сольвычегодске является едва ли не первым городским восстанием второй половины XVI в., когда посадские открыли артиллерийскую стрельбу по хоромам Строгановых и был убит восставшими Семен Аникиевич Строганов.

**ГЛАВА ВТОРАЯ
ПОРУЧЕНИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
ИВАНА IV СТРОГАНОВЫМ
ОХРАНЯТЬ
ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА.
ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ
ЕРМАКОМ ТИМОФЕЕВИЧЕМ**

о вопросу об отношении Строгановых к походу Ермака, закончившегося завоеванием Сибири, имеется большая литература, но тем не менее он окончательно еще не решен. Разногласия, возникшие между авторами в XVII в., продолжают и поныне разделять историков на два лагеря — признающих роль Строгановых в завоевании Сибири и отрицающих ее.

Эти сомнения и разногласия в среде историков вызываются, с одной стороны, недостаточностью показаний исторических источников и, с другой — различием в методе пользования источниками. Обычный метод некоторых историков состоит в сведении анализа сложного явления к изолированному изучению только Сибирских летописей, что неизбежно приводит к игнорированию как общих условий московской восточной политики, следствием которой и были походы Ермака, так и частных обстоятельств внутренней жизни пермских вотчин Строгановых, откуда начал свои походы Ермак.

Для решения вопроса о роли Строгановых в предпринятом Ермаком походе и завоевании им Сибири мы имеем ограниченное количество царских грамот — документов бесспорной достоверности при правильном их понимании и близких по времени к изучаемым явлениям; затем имеем авторизированную и анонимную литературную традицию в работах И. Массы, Н. Витзена, С. Есипова, С. Ремезова и И. Л. Чер-

панова, с одной стороны, и в творчестве автора известной Строгановской летописи и анонимных авторов рукописей «Повествований о Сибири» — с другой.

Нам известны шесть царских грамот, говорящих о роли Строгановых в походах Ермака; две из них найдены мною в архиве Строгановых, в селе Ильинском, и опубликованы в 1924 г.¹

Научный спор о роли Строгановых в походе Ермака идет, не прекращаясь, три столетия и продолжается в советской историографии. В начале XIX в. Н. М. Карамзин отметил: «Начиная описание Ермаковых подвигов, скажем, что они.., сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною и под именем летописаний обманывали самих историков»².

А в 1923 г. С. Ф. Платонов призывал историков «заново обработать старую тему, от давности покрывшуюся налетом эпической мишуры и мусором ненужной и вздорной полемики»³.

В напряженных научных спорах историков XIX и XX вв. даны всевозможные варианты решения проблемы. Задача научного пересмотра старой темы, поскольку источниковедческая база остается неизменной, состоит не в поиске нового решения, а сводится лишь к научному аргументированию одного из ранее предложенных решений.

Существует четыре попытки ответить на вопрос о роли Строгановых в походе Ермака и завоевании им Сибири. Строгановы — инициаторы и организаторы похода Ермака. Этому убеждению придерживаются Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, Л. Н. Майков, Е. Е. Замысловский, А. А. Дмитриев, С. Ф. Платонов, В. И. Огородников и С. В. Бахрушин.

Противоположное мнение: Строгановы не принимали участия, ни прямого, ни косвенного, в походе Ермака и к завоеванию Сибири не имеют никакого отношения — защищается М. П. Погодиным, П. И. Небольсиным, С. А. Адриановым, А. М. Ставрович и А. И. Андреевым.

¹ Четыре давно опубликованные грамоты: 1581 г., ноября 6, — И. М. Елецкому; 1581 г., ноябрь, — Никите Григорьевичу Строганову; 1582 г., ноября 16, «опальная» — Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым; 1584 г., января 7, — Семену, Максиму и Никите Строгановым (ДАИ, т. 1, № 126, 128; В. Шишонко, Пермская летопись, первый период, стр. 96, 100—101, 103; Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. 1, М.—Л., 1937, стр. 341—344). Найденные мною грамоты (1581 г., декабря 20, — старостам Перми Великой и Камского Усожья и 1581 г., декабря 30, — Вас. Перепелицыну) см. в кн. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 62—64.

² Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. 3, т. 9, СПб., 1821, стр. 384.

³ С. Ф. Платонов, Строгановы, Ермак и Мангазея. Сб. «Русское прошлое» (Пг.), № 3, 1923, стр. 3.

Третье направление стремится дать компромиссное решение: Ермак и казаки задумали и осуществили завоевание Сибири, но Строгановы невольно в этом сыграли большую роль из страха перед насилиями казаков Ермака, снабдив его вооружением и запасами, чтобы поскорее освободить свои пермские вотчины от казаков. Это направление в науке представлено Г. Ф. Миллером, И. Э. Фишером, М. М. Щербатовым, П. А. Словцовым и Д. И. Иловайским.

Четвертое, и вполне оригинальное, решение предложено Н. Шляковым. По его мнению, поход Ермака был предпринят правительством Ивана IV, которое передвинуло из-под Могилева отряд казаков под командованием Ермака Тимофеевича в пермские вотчины Строгановых. Это решение осталось одиноким и не было обсуждено в науке¹.

Какое же из этих четырех имеющихся в науке решений о роли Строгановых в походах Ермака и завоевании им Сибири является правильным? Прежде всего следует исключить решение Н. Шлякова на следующих основаниях:

во-первых, упоминание в письме пана Стравинского королю Стефану Баторию о том, что одним из отрядов русской армии под Могилевом командует «воевода донских казаков Ермак Тимофеевич», не дает права без дополнительных документальных доказательств отождествлять «воеводу донских казаков Ермака Тимофеевича» московской армии с атаманом волжских казаков Ермаком Тимофеевичем, поскольку царской грамотой 1582 г., ноября 16, точно зафиксировано, что в пермских вотчинах были именно «волжские атаманы и казаки Ермака с товарищами»², а не донские казаки. Правительство Ивана IV не могло смещать двух разных Ермаков Тимофеевичей, находившихся летом 1581 г. в разных местах: один — под Могилевом, другой — в пермских вотчинах. Очевидно, что было два атамана, называвшихся одинаково: один Ермак Тимофеевич был атаманом донских казаков на правительственной службе, другой Ермак Тимофеевич — атаман волжских казаков, которые на

¹ См. Н. Шляков, Ермак Тимофеевич летом 1581 г., ЖМНП, ч. 336, июль 1901, стр. 33. Н. Шляков исходит из текста копии с письма пана Стравинского из Могилева королю Стефану Баторию о том, «что московские люди и враги вашего королевского величества, вторгнувшись в государство вашего королевского величества и все, начиная от Дубровны, предавая огню и опустошению, пришли под город вашего королевского величества Могилев во вторник 27 июня (т. е. 1581 г.)... Начальствовали над этими людьми М. П. Кайтеров, А. И. Хворостинин... воевода Донских казаков Ермак Тимофеевич, атаман казацкий».

Письмо пана Стравинского, где упоминается Ермак Тимофеевич, напечатано в кн.: М. О. Коялович, Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582), СПб., 1867, стр. 252—254.

² ДАИ, т. 1, № 128.

положении вольных и охочих людей попали в пермские вотчины Строгановых.

Ошибочность отождествления Ермака, «воеводы» под Могилевом, с Ермаком, атаманом волжских казаков, становится очевидной, если сопоставить даты деятельности того и другого. В самом деле, 27 июня 1581 г. «воевода Донских казаков Ермак Тимофеевич, атаман казацкий», был под Могилевом, потом под Дорогобужем. Отсюда до пермских вотчин Строгановых более двух тысяч километров. Если бы правительство Ивана IV перекинуло после 27 июня 1581 г. отряд казаков из-под Могилева на Чусовую, то этот отряд прибыл бы, в лучшем случае, к концу 1581 г. Но, по свидетельству Строгановской летописи и царской грамоты 1582 г., ноября 16, при правильном ее понимании, установленном Л. Н. Майковым, Ермак с дружиной уже 1 сентября 1581 г. отправился в свой сибирский поход. Без отдыха, после утомительного и длительного пути от Дорогобужа до Чусовой реки, казаки едва ли могли идти снова в продолжительную военную экспедицию. Если даже допустить это возможным, то за 60 дней казачий отряд никак не смог бы пройти расстояние две тысячи километров. Если же согласиться с Н. Шляковым в том, что поход Ермака начат был 1 сентября не 1581 г., а 1582 г., как об этом говорит и царская грамота 1582 г., ноября 16, то надо отметить, что исследователи считают свидетельство этой грамоты недостоверным и следуют датировке Строгановской летописи, которая относит начало похода к 1581 г.

Таким образом, мнение Н. Шлякова о том, что отряд казаков Ермака был отрядом на государственной службе и что правительство Ивана IV передвинуло его с фронта Ливонской войны на восточные границы, является шаткой гипотезой. Никаких других документов, которые бы подтверждали это мнение Н. Шлякова, нет, и потому едва ли его можно принимать во внимание.

Исключительную роль Строгановых в освоении и завоевании Сибири резко подчеркивает в 1609 г. Исаак Масса в своем сочинении «Описание стран Сибири, Самоедии и Тунгузии», напечатанном в Амстердаме на голландском и на латинском языках в 1609 и 1612 гг.¹ И. Масса вовсе не упоминает о военной экспедиции Ермака, приписывая только одним Строгановым все дело освоения Сибири. А. Н. Пыпин совершенно верно отметил, что «и в более поздних сибирских летописях рассказ о завоевании Сибири обнаруживает две разные тенденции: в одних главная роль

¹ Без пагинации. Имеется русский перевод в рукописи начала XVIII в., сделанный неизвестным ученым-украинцем, что доказывается наличием украинских слов, изредка попадающихся в тексте русского перевода, а также палеографическими особенностями скорописного почерка: Публ. Библ. Ф. IV. 116, л. 278 об. — 284.

приписывается Ермаку, в другой — Строгановым. Можно думать, что это различие взглядов существовало и вне каких-нибудь личных или фамильных влияний, и рассказ Массы указывает во всяком случае, что разница точек зрения, замечаемая в Сибирских летописях, восходит уже к этому раннему времени»¹.

Действительно, исследователь, восстанавливающий искаженные позднейшей записью Сибирских летописей факты о Строгановых и походах Ермака, находится в трудном положении: с одной стороны, он имеет бесспорной достоверности сообщения шести царских грамот (эти сообщения, правда, скупы), а с другой — он сталкивается с противоречивыми данными Сибирских летописей. Тем не менее в итоге длительных споров историков были разрешены если не все, то многие неясные проблемы. И к настоящему времени исследователь в ряде моментов может опираться на выводы и разыскания споривших в прошлом историков.

В XVIII в. Г. Миллер открыл первые факты по царским грамотам и летопись С. Ремезова. Г. Миллер, вероятно, еще не знал текста Строгановской летописи. Историки — академики XVIII в., обсуждая труд Г. Миллера, интересовались не столько достоверностью широкого круга источников, сколько правильным, с позиций XVIII в., изображением главного героя покорения Сибири — Ермака.

В протоколах исторического собрания Академии наук от 3 и 6 июня 1748 г. отмечено, что «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ево всероссийскому монарху того ради, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выкинуть». Академиком смущало, что главный герой событий был разбойником. В. К. Тредьяковский, поддерживая М. В. Ломоносова, указывал: «Понеже благопристойность и некоторые политические опасности и предосторожности требуют, чтобы нечестным названием Ермака не оскорблять читателей, а особенно Российских, которые уже все к нему великую склонность имеют за учиненное им знатное и полезное дело... то... помянутые об нем описания все выключить вон, ежели поправлены и умягчены быть не могут»².

От мотивов «благопристойных политических предосторожностей» XVIII в. в изображении Ермака историки XIX в. центром своих изысканий сделали вопрос о достоверности трех Сибирских летописей.

¹ А. Н. Пыпин, Первые известия о Сибири и русское ее заселение, «Вестник Европы», т. 4, 1891, стр. 767.

² «Библиографические записки» № 17, СПб., 1861, стр. 515 и след.

Г. Спасский опубликовал текст Строгановской летописи, сразу привлечшей к себе большое внимание ученых.

Историки XIX в. центром своих споров сделали вопрос о степени достоверности Строгановской и Есиповской летописей.

П. И. Небольсин в 1849 г. и С. А. Адрианов в 1893 г. защищали большую достоверность и более раннее возникновение Есиповской летописи по сравнению со Строгановской. И, решая вопрос о достоверности в пользу Есиповской летописи, оба указанных исследователя исключали всякое участие Строгановых в походе Ермака, поскольку Есиповская летопись обходит молчанием этот вопрос. Путем сопоставления летописных текстов С. А. Адрианов создал схему возникновения сибирского летописания, по которой из «Записи Киприана» возникает Есиповская летопись в 1636 г., а переработка неизвестным автором Есиповской летописи позже 1636 г. дает Строгановскую летопись.

По-новому ставит изучение Сибирских летописей С. В. Бахрушин. Пользуясь научными приемами А. А. Шахматова, он установил, что «в основе трех известных нам древнейших памятников сибирской истории — Синодика, Строгановской и Есиповской летописей — лежит один и тот же первоисточник, то «написание», которое принесли казаки преосвященному Киприану, когда он пожелал узнать от них, «како приидоша в Сибирь». Это было сравнительно краткое произведение, но не без литературных достоинств, составленное не позднее конца XVI в. В 1622 г. по распоряжению преосвященного Киприана на основании этого «написания» и словесных дополнений от казаков — участников похода Ермака был составлен Синодик; в 1636 г. «написанием» и «Синодиком» воспользовался Савва Есипов для сочинения летописи о «Сибири и о Сибирском взятии». В кругах, близких к Строгановым, то же «написание» было переработано в целях прославления этой семьи (так называемая Строгановская летопись), вне всякой зависимости от Синодика или от Есиповской летописи»¹.

Этот вывод С. В. Бахрушина является правильным и открывает путь для дальнейшего плодотворного изучения Сибирских летописей, которые еще ожидают своего исследователя. О необходимости такого изучения говорит и последний исследователь Сибирских летописей — А. И. Андреев.

До выхода в свет работы С. В. Бахрушина А. М. Ставрович в своей большой ненапечатанной работе о Сибирских летописях, основные выводы которой опубликованы в специальном исследовании «Сергей Кубасов и Строгановская летопись», пришла к неправильному, по нашему

¹ С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, стр. 16—17.

мнению, выводу, относя составление Строгановской летописи к 1668—1673 гг., исходя из того, что впервые в 1673 г. в официальном акте (в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову), являющемся ответом на челобитье Строгановых¹, появляется указание на участие Семена Строганова в призвании Ермака, тогда как подлинная опальная грамота² его не знает и Семен вставлен в текст опальной грамоты только в Строгановской летописи³.

Ошибочность вывода А. М. Ставрович вытекает, по-видимому, из незнания ею рукописного подлинника Строгановской летописи, который датируется временем не позднее середины XVII в.

Ошибку А. М. Ставрович пытается исправить А. И. Андреев, который, изучив рукописный подлинник, приходит к выводу, что почерк и филигрань — оба признака, по которым определяется время написания древнейшего списка Строгановской летописи, «не являются решающими и во всяком случае являются спорными»⁴.

А. И. Андреев энергично поддерживает вывод А. М. Ставрович об отнесении Строгановской летописи ко второй половине XVII в. и считает, что «Строгановская летопись представляет безусловно интересный литературный памятник, в котором очевидны мотивы его составления (оправдать претензии одного из Строгановых на те права, которыми будто бы пользовались его предки, а прежде всего Семен Аникеев Строганов, от которого вел свое происхождение Григорий Строганов) и известны те ненаучные приемы, которые применил при этом неизвестный автор, использовавший для литературного оформления своего сочинения некоторые прекрасные для своего времени образцы, автором которых он же, быть может, и являлся»⁵.

Ясно, что А. И. Андреев впал в ту же ошибку, что и А. М. Ставрович, и вместо выяснения соотношения Есиповской и Строгановской летописей с их общим протографом пошел по пути П. И. Небольсина и С. А. Адрианова.

Нам кажется, что Строгановская летопись — этот большой ценности исторический документ — заслуживает самого пристального и глубокого внимания историков. Это внимание тем более необходимо, что рядом исследователей в толковании и датировке допускается много путаницы.

¹ ДАИ, т. 6, № 67 (1).

² ДАИ, т. 1, № 128.

³ См. А. М. Ставрович, Сергей Кубасов и Строгановская летопись, «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922, стр. 285, 291.

⁴ А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII в., изд. 2, испр. и доп., М.—Л., 1960 (далее — А. И. Андреев, Очерки...), стр. 209.

⁵ Там же, стр. 216.

В частности, те же А. М. Ставрович и А. И. Андреев ошибочно датируют Строгановскую летопись как памятник «второй половины XVII в.»

Прежде всего следует привести палеографические доказательства того, что рукописный подлинник Строгановской летописи, хранящейся в Публичной Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, есть рукопись первой половины XVII в. Рукопись Строгановской летописи, с которой напечатана эта летопись в издании Археографической комиссии в 1907 г.¹, находится в составе исторического сборника, состоящего из «Книги, глаголемой история, сказание о Казани вкратце» и «Строгановской летописи»².

Первая часть сборника, занятая «сказанием о Казани», имеет водяной знак «крепостные ворота» двух рисунков, по Н. П. Лихачеву, относящихся к началу XVII в. Интересующая нас рукопись — Строгановская летопись — писана на однородной бумаге с однообразным водяным знаком, проходящим через всю рукопись. Последний исследователь этой рукописи — А. И. Андреев пришел к такому выводу: «Филигрань бумаги, на которой писана рукопись, — кувшинчик с одной ручкой и с крышкой, украшенной полумесяцем, на кувшинчике с трудом можно разобрать две буквы, из которых одна «О» или латинское «G». В известных сборниках филиграней кувшинчика, похожего вполне на описанный, не отыскалось, но у К. Я. Тромонина и особенно у М. И. Каманина — А. Витвицкой имеется много филиграней, близких к нашей по типу и отдельным деталям, но вопреки категорическому заявлению А. А. Введенского эти филигранные встретились на бумаге не только тридцатых годов XVII в., но также сороковых и пятидесятих и даже 1660 г., а это несомненное свидетельство, что этот знак может встретиться и после 1660 г. и, значит, не может быть приурочен к определенным годам XVII в.»³

Наблюдения А. И. Андреева не точны, что, возможно, привело его к неправильному выводу о датировке рукописи. Бумага рукописи имеет филигрань кувшинчика с двумя ручками, с короной на крышке, увенчанной полумесяцем, в нижней части кувшинчика, если смотреть на свет с оборота листа 321/651 или с листа 322/652, ясно видны латинские

¹ «Сибирские летописи», СПб., 1907.

² Публ. Библ.

³ А. И. Андреев, Очерки..., стр. 209. Полемизируя со мной, автор имеет в виду мою датировку Строгановской летописи, изложенную в статье «Строгановы в Вологде» («Север», кн. 3—4, 1923, стр. 111—115), где я писал, что «почерк, которым писана летопись, явная скоропись первой половины XVII века, а, во-вторых, по филигранные на бумаге рукопись определенно и точно датируется тридцатыми годами XVII века». Излагая этот вывод, я не приводил развернутых доказательств, что делаю сейчас.

буквы «РС». Филигрань этой формы кувшинчика с буквами «РС» проходит через листы всей рукописи. Филиграней других рисунков нет. Н. П. Лихачев характеризует эту форму филигрانی кувшинчика с короной и полумесяцем и с буквами «РС» как вышедшую с бумажной фабрики не позднее 1602—1610 годов¹.

Нельзя не принять во внимание наблюдение И. Лаптева (которое разделяется и поддерживается Н. П. Лихачевым), утверждающего, что «все... клейма относятся не исключительно к показанным годам, но иногда встречаются лет за 25 прежде или после, что происходит от состояния фабрики за одним заводчиком несколько годов. Когда же фабрика достается другому хозяину, то он переменяет клеймо»².

Если от выхода бумаги с фабрики до написания на ней текста в среднем проходит 25 лет, то Строгановская летопись по филиграні может быть датирована 30—40-ми годами XVII в. Этот вывод может быть подтвержден тем, что филигрань кувшинчика с буквами «РС» с короной, увенчанной полумесяцем, имеющаяся на бумаге Строгановской летописи, встречается в неопубликованных документах: деловой Строгановых 1610 (7118) г., марта 25; уговорной складной записи 1621 (7129) г., января 20; деловой 1614 (7123) г., декабря 24; памяти о разделе документов 1620 (7128) г., января 1; деловой 1613 (7121) г., февраля 10; деловой 1615 (7123) г., марта 25³.

Ряд других деловых Строгановых 20-х годов XVII в. имеют на бумаге филигрань в форме кувшинчика, но с другими буквами («М», «ДВ»), а по другим деталям близкую к филиграні Строгановской летописи.

Таким образом, семь документов — деловых, памятей и уговорной Строгановых 1610 (7118) — 1621 (7129) гг. — писаны на бумаге с филигранью Строгановской летописи или же аналогичной ей. Создается впечатление, что у Строгановых был запас однородной бумаги, купленной большой партией, и на этой бумаге с одним и тем же или аналогичным водяным знаком кувшинчика с короной и полумесяцем и с буквами «РС», «М», «ДВ» писались строгановскими писцами деловые документы, а один из строгановских писцов написал и Строгановскую летопись. Надо отметить, что в известных собраниях филиграней И. Лаптева, К. Я. Тромонина, Н. П. Лихачева, М. И. Каманина — А. Витвицкой в точности аналогичных форм филигрانی, имеющейся на бумаге рукописи Строгановской летописи, нет.

¹ См. Н. П. Лихачев, Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, т. 2, СПб., 1891, стр. 259, 261, 262.

² И. Лаптев, Опыт к старинной русской дипломатике, СПб., 1824, стр. 11.

³ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские столбцы, картон 24.

Таким образом, исследование водяного знака на бумаге Строгановской летописи подтверждает ранее сделанное наблюдение издателей Сибирских летописей о том, что Строгановская летопись есть рукопись первой половины XVII в., по моей датировке — 30—40-х годов XVII в.

Датировка Строгановской летописи как рукописи первой половины XVII в. может быть проверена и подтверждена палеографическими наблюдениями над почерком скорописного письма писца этой рукописи.

А. И. Андреев по вопросу о почерке рукописи пишет: «Почерк рукописи я отношу ко второй половине XVII в., с чем согласен и В. В. Майков, который помог мне в исследовании рукописи Строгановской летописи»¹.

Таким образом, в этом категорическом отнесении рукописи ко второй половине XVII в. одним из аргументов является ссылка на авторитет палеографа В. В. Майкова, который в 1907 г. сформулировал свой вывод в печати в предисловии к Сибирским летописям так: «Рукопись исторического сборника, где находится «Строгановская летопись», писана скорописью двух почерков, не позже половины XVII в.»

После выхода в свет первого издания книги А. И. Андреева В. В. Майков, помогая и мне в исследовании рукописи Строгановской летописи, указал, что внимательное изучение рукописи привело его к прежнему выводу о принадлежности ее к первой половине XVII в. В. В. Майков обратил мое внимание на начертание буквы «Д», которую писец часто пишет в начертании XVI в., но еще чаще пользуется уже начертанием XVII в. К этому наблюдению В. В. Майкова следует прибавить, что и начертание буквы «Я» у писца также колеблется между XVI и XVII вв. Писец примерно в третьей части всех случаев написания «Я» пишет «Я» юсами, а в двух третях — в рисунке начертания «Я» XVII в. Реминисценцию в почерке XVI в. можно подметить и в способе передачи в письме буквы «Ю».

Таким образом, палеографические наблюдения над почерком рукописи Строгановской летописи приводят к выводу, что писец этой рукописи знал скорописный почерк XVI в. в юности, по-видимому, его усвоил, а позже, вступив в XVII в., переучивался, усваивая современный ему почерк XVII в., и в зрелом возрасте или в своей старости писал уже скорописным почерком XVII в., но преодолеть полностью навыки своей молодости не смог, почему в буквах «Д», «Я», «Ю» мы имеем реминисценцию начертания этих букв скорописного почерка XVI в.

Эти палеографические особенности заставляют прийти к заключению, что почерк писца, вероятно, относится к первой половине XVII в.

¹ А. И. Андреев, Очерки..., стр. 208—209.

Эти детальные наблюдения над филигранью и почерком важны тем, что они дают основания сомневаться в правильности выводов П. И. Небольсина и С. А. Адрианова о более позднем, чем Есиповская летопись 1636 г., происхождении Строгановской летописи и тем более внушают сомнения в правильности выводов А. М. Ставрович и А. И. Андреева о написании Строгановской летописи после 1673 г. Можно считать, что заключение, к которому я пришел в 1923 г., о том, что вывод о происхождении Строгановской летописи около 1673 г., «безусловно, должен пасть, и пока существует подлинник, его внешний вид будет всегда резко протестовать против такого утверждения», остается в силе и в настоящее время¹.

Сомнения в достоверности Строгановской летописи как исторического источника возникли у ряда историков и на основании внутренней критики изложения фактов в Строгановской летописи. Первый начал такую критику П. И. Небольсин, который указал что Строгановская летопись «повторяет многое, что есть у Есипова, но еще более округляет периоды, блесит цветами красноречия, употребляя обороты и выражения, которые отличают составление ее в позднейшее время. П. И. Небольсин отмечает в Строгановской летописи рассказы о событиях, не подтверждаемых никакими официальными фактами. По его мнению, летопись прибавляет, где только возможно, все, что может дать ложный блеск имени Строгановых. П. И. Небольсин указал на некоторые фактические несообразности, именуемые им «капитальной ложью» и оспорил утверждение Н. М. Карамзина о раннем составлении летописи². Все доводы П. И. Небольсина были разбиты С. М. Соловьевым³ настолько убедительно, что силу аргументации С. М. Соловьева признают позднейшие критики Строгановской и Есиповской летописей. Так, С. А. Адрианов пишет, что С. М. Соловьев «прекрасно объяснил, что все эти несообразности только кажущиеся»⁴. А. И. Андреев хотя и уклончиво, но должен признать, что «доводы П. И. Небольсина, казалось, были опровергнуты С. М. Соловьевым»⁵.

После П. И. Небольсина выступил с доводами о позднейшем происхождении Строгановской летописи и с защитой высокой достоверности Есиповской С. А. Адрианов. Доводы С. А. Адрианова оказались настолько живучими, что поддерживались в советской историографии

¹ См. А. А. Введенский, Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв., стр. 99.

² См. П. И. Небольсин, Покорение Сибири, СПб., 1849, стр. 7—8, 73—74.

³ См. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 3, М., 1960, стр. 715—723.

⁴ С. А. Адрианов, К вопросу о покорении Сибири, ЖМНП № 4, 1893, стр. 527.

⁵ А. И. Андреев, Очерки..., стр. 214.

А. М. Ставрович и в 1940 г. А. И. Андреевым, который указывает, что «соображения позднейшего исследователя — С. А. Адрианова, высказанные им в 1893 г., с учетом всех доводов сторонников Строгановской летописи, никем не опровергнуты, в том числе и С. В. Бахрушиным»¹.

Надо признать, что исследования С. А. Адрианова о соотношении Строгановской и Есиповской летописей и вопрос о датировке их возникновения являются вчерашним днем исторической науки и к настоящему времени все основные выводы С. А. Адрианова аргументированно опровергнуты А. А. Дмитриевым и С. В. Бахрушиным. Реставрация взглядов С. А. Адрианова, проводимая А. М. Ставрович и А. И. Андреевым, не может считаться убедительной из-за отсутствия как новых документальных данных, так и новых наблюдений и новых доказательств.

В самом деле, в условиях развития исторической науки в 90-х годах XIX в. предпринятое в рецензии С. А. Адрианова на труд А. А. Дмитриева «Пермская старина» (вып. IV. «Строгановы и Ермак») сравнительное изучение текстов Строгановской и Есиповской летописей, Синодика и «написания Киприана» было делом важным и дало бесспорный вывод о совпадении в отдельных случаях текстов Строгановской и Есиповской летописей².

Но, исходя из отдельных случаев близости или совпадения обеих летописей, С. А. Адрианов построил свою неправильную схему сибирского летописания. «Первые сведения о покорении Сибири записаны архиепископом Киприаном в 1624 г. по рассказам участников похода. В 1636 г. составлена летопись Саввы Есипова, который кроме записи Киприана пользовался еще татарским летописцем и рассказами казаков. Впоследствии Есиповская летопись изменялась переписчиками и в таком виде напечатана Спасским. Следующая по времени — Строгановская летопись, автор которой имел в руках труд Есипова в первоначальной редакции, царские грамоты Строгановым и, кроме того, внес в свою работу несколько фактов, отсутствующих в этих его источниках. Наконец, Ремезовская летопись относится уже к Петровской эпохе и составлена на основании Есиповской летописи, народных преданий и еще каких-то двух неизвестных нам летописей»³.

С. А. Адрианов, проделав полезное сопоставление текстов Строгановской и Есиповской летописей, установил близость, а иногда и совпадение обоих текстов, но из этого сделал необоснованный вывод о том, что автор Строгановской летописи пользовался Есиповской летописью, а стало быть, Строгановская летопись по времени происхождения —

¹ А. И. Андреев, Очерки..., стр. 214—215.

² См. С. А. Адрианов, К вопросу о покорении Сибири, ЖМНП № 4, 1893, стр. 522—550.

³ Там же, стр. 545.

позднейшая. Эту ошибку выводов С. А. Адрианова исправил на новом сравнительном изучении текстов Сибирских летописей С. В. Бахрушин, совершенно правильно придя к заключению о наличии общего для обеих летописей протографа. Ошибка С. А. Адрианова будет понятной, если вспомнить, что в 1893 г. ему была и неизвестна, и недоступна рукопись Строгановской летописи, находившейся в фамильном архиве графов Строгановых, доступа к которому исследователи не имели. Вот почему С. А. Адрианов, не видя лично рукописи Строгановской летописи, не мог знать, что и филигрань бумаги и почерк писца достаточно убедительно свидетельствуют о том, что Строгановская летопись есть рукопись первой половины XVII в.

Таким образом, внимательное изучение Строгановской летописи как исторического источника приводит к выводу, что ее достоверность, твердо установленная основательным ученым трудом С. М. Соловьева, А. А. Дмитриева, Л. Н. Майкова и С. В. Бахрушина, остается непоколебленной, несмотря на попытки критиковать ее П. И. Небольсиным, С. А. Адриановым и их новейшими последователями — А. М. Ставрович и А. И. Андреевым.

Старая точка зрения о важном значении Строгановской летописи как достоверного исторического источника остается в силе, и новейшие построения, пытающиеся отрицать эту достоверность, не могут считаться обоснованными.

* * *

В восточной политике Русского государства после завоевания Казанского царства и ногайских степных пространств с Астраханью взаимоотношения с Западной Сибирью играли заметную роль. Московское правительство при распространении своего влияния на восток встречалось в Приуралье и в особенности за Уральским хребтом с сопротивлением Сибирского царства татар. Это царство сибирских татар ко второй половине XVI в., будучи одним из осколков развалившейся Золотой Орды, было в Западной Сибири единственным государственным объединением, державшим под своей властью кочевые и полуседлые народы (ненцев, ханты, манси и другие). Но к пушным богатствам, бывшим в изобилии у этих народов, тянулись и представители Русского государства в лице предприимчивых гостей и мелкобразрядных торговых людей, отважно проникавших за Урал в поисках драгоценной пушны.

Московское правительство с давних времен поддерживает проникновение русских торговых людей в Сибирь. Оно поддерживается и миссионерами — Стефаном Пермским и особенно Питиримом, епископом Велико-Пермским в середине XV в., которые своей деятельностью готовили будущее наступление Русского государства в еще не освоенные пространства Приуралья и Сибири.

Народы Сибири, попадавшие в XV в. временами под гнет разбойничьего царства сибирских татар, иногда подымались на борьбу, часто свергали эксплуататоров и этим серьезно колебали владычество сибирских татар, имевших хотя и примитивно-феодальный, но налаженный и постоянно действовавший аппарат угнетения и властвования.

Местное население выступало также против представителей русского феодального государства. Восставшие манси (вогулы) под руководством их князя Асыки летом 1455 г. обрушились на миссионерскую резиденцию, причем сам владыка, епископ Питирим, был убит ими 19 августа 1455 г. Такого рода борьба манси вызывала карательные экспедиции московского правительства и усиление миссионерской деятельности попов и монахов, стремившихся христианизацией местного населения подготовить распространение власти русского феодального государства на его земли.

Тесная связь церкви и московского правительства ярко видна в деятельности епископов Ионы и Филофея во второй половине XV в. Когда карательная экспедиция 1483 г. под командой кн. Федора Курбского, Черного и Салтыка Травина с полками устюжан и пермяков разгромила пелымских манси и полонила князей кодских и югорских — Молдана и других, то епископ Филофей выступает посредником и добивается признания этими князьями обязательства уплаты дани московскому правительству, после чего князья были отпущены из плена.

Епископ Филофей громит в проповедях обычаи манси и ханты (остяков) «как богомерзкие дела», заставляя их менять привычные формы брака и воспитывая в своей пастве послушание и повиновение московским властям. Ослушников — данников князей московское правительство смещает, а иногда и навсегда лишает власти местную династию и ставит вместо нее своих наместников. Так было в 1505 г., когда московское правительство свело с вотчины пермского князя Матвея Михайловича и поставило наместником Чердынского края кн. Василия Андреевича Ковра.

С установлением чердынского наместничества в 1505 г. московское правительство получило далеко выдвинутый на восток оплот колониальной экспансии. Но до ликвидации Казанского царства, и особенно до организации пермских вотчин Строгановых, Чердынь не могла быть надежной обороной от агрессии царства сибирских татар, так как Чердынь с тыла, с Прикамья, не имела близкой и непосредственной связи с метрополией. Разгром Казанского царства резко изменил соотношение сил в Приуралье в пользу Русского государства. Немирные племена ханты и манси то ищут подданства и защиты у новых хозяев края, то отвечают на угнетение феодально-крепостнического аппарата на местах войной.

Силы московского правительства на огромных, еще не мирных и обширных пространствах Прикамья были слабы и явно недостаточны, чтобы справиться с управлением новым краем. И, когда в 1552 г. ногайские татары нападают на Соликамск, а теснимые соликамцы просят присылки войск для защиты, Иван IV, ведя битвы у Казани, смог послать на помощь соликамцам только складной образ Николая Чудотворца с грамотой о том, что святитель защитит соликамцев от врагов.

В это время Сибирское царство татар переживало упадок своей государственности, своеобразно повторяя в малом виде то, что было в Золотой Орде. Сибирское царство потрясилось изнутри борьбой за власть между династией ногайских князей Тайбугина рода и династией Шейбанидов-Чингисидов, которая выражалась в дворцовых переворотах, убийствах правителей, борьбе феодальных группировок мурз и беков. От ослабленного государственного организма Сибирского царства откалывались угнетенные татарами местные национальные группы, никогда не прекращавшие освободительной борьбы против эксплуататоров — татарских феодалов.

В 1555 г. сибирский князь Едигер, из Тайбугина рода, чувствуя непрочность положения из-за усиления власти Шейбанида хана Кучума, ищет поддержки у далекой могучей Москвы, шлет послов, объявляет себя на вассальном положении и обязывается платить дань со своих черных людей: по соболу и белке с каждого.

Для московского правительства выясняется, что в Сибирском царстве черных людей-данников 30 700 человек. Но расчет князя Едигера на московскую помощь в борьбе с его соперником — ханом Кучумом не оправдался: Москва присылает сборщиков податей, послов для принятия присяги, но не военную помощь.

Отсутствие реальной помощи московского правительства колеблющейся власти Едигера обусловило колебание и неискренность в отношениях сибирского правительства к правительству московскому. Москва смотрела на свое требование платить регулярную дань с черных людей Сибирского царства вовсе не как на символическое действие, подтверждающее призрачную зависимость, а как на факт установления реальных вассальных отношений.

В ноябре 1556 г. вернулся московский посол Дмитрий Куров из Сибири вместе с послом Едигера Бояндою, привезшим дань всего в 700 соболей со ссылкой на то, что собрать больше не удалось из-за начавшейся войны Едигера с Шейбанидом Кучумом. Но Иван IV не поверил этим объяснениям и принял указание своего посла Дмитрия Курова, который заявил, что «им было возможно сполна дань прислать, да не похотел Едигер». Царь на сибирского посла «опалу положил... а в Сибирь послал служивого татарина с грамотою, чтоб ся во всем перед ним,

государем, исправили». Под таким нажимом Ивана IV Едигер принужден был свою вину исправить: в сентябре 1557 г. «приехали из Сибири царя и великого князя служивые татаровя Девлет Козя да Сабаня Рязанов, а с ними Едигера, князя сибирского, посланники Истемир с товарищи и привезли дань Сибирские земли сполна тысячу соболей, да дорожной пошлины сто соболей, да 69 соболей за белку, да грамоту шертную привезли со княжей (т. е. Едигеровой) печатью, что ся учинил князь в холопстве, а дань на всю свою землю положил впредь ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать»¹.

Внешнеполитическая активность была поддержана и в области внутренней политики. Именно в это время, 4 апреля 1558 г., правительство Ивана IV санкционирует своим пожалованием организацию пермских вотчин Строгановых с целью освоения территорий, лежащих между Чердынью и Соликамском и Казанью и соприкасавшихся в верховьях Яйвы, Чусовой и Сылвы с землями, подвластными и Сибирскому царству.

Таким образом, поддержка московским правительством организации пермских вотчин Строгановых была необходимым звеном в выполнении плана восточной политики Русского государства. Следует отметить наличие совпадения личных и корыстных мотивов обогащения Строгановых с государственным интересом устройства правительством системы вооруженных строгановских городков для охраны восточных рубежей Русского государства, создания потенциальной базы будущего наступления на Сибирь.

Этим слиянием личных интересов Строгановых с государственной охраной страны в данный исторический момент и объясняется мощь и сила Строгановых, которые становятся не только землевладельцами-феодалами, предпринимателями и купцами в девственном и только что колонизируемом крае, но и выходят на роли государственных деятелей, проводников восточной политики московского правительства. Отсюда понятны милости двора Строгановым, постоянно в то время даваемые им льготы и новые дачи огромных территорий и иммунитетов. Бесспорно, что пермские вотчины Строгановых должны были в 60—70-х годах XVII в. быть в поле зрения московского правительства ввиду событий, происходящих в Сибирском царстве, известных московским дипломатам.

Покорность Сибирского царства не могла быть прочной уже потому, что правительство Сибири, склонившееся перед Иваном IV, было непрочным. И действительно, очередной дворцовый переворот 1563 г. на высоком берегу Иртыша, в столице Искере, привел к трагической

¹ А. А. Дмитриев, Роль Строгановых в покорении Сибири, ЖМНП № 1, 1894, стр. 7—8.

гибели Едигера, зарезанного Кучумом и братом последнего Бекбулатом Шейбанидом. Кучум пришел к власти. Но и новая власть Кучума не могла чувствовать себя прочно: сын свергнутого и зарезанного Едигера — Сейдяк бежал и скрывался, по-видимому, в Ишимских степях; не все мурзы признали власть нового хана Чингисида-Кучума; один из сильных мурз-феодалов засел в Чинги-Туре (Тюмени), другой — в Епанче (Туринске). Они сохранили свою самостоятельность, не подчинившись державе Кучума. Целый ряд мелких феодалов также не признавал нового хана. Против Кучума восстал пелымский князь с подвластными ему манси, отпали князьки племен ханты. Целых семь лет, с 1563 по 1570 г., Кучум борется за сохранение своего государства. За эти семь лет Кучум показал себя деспотическим тираном и жестоким угнетателем покоренных им отсталых сибирских народов, не вышедших еще из родового быта. Пользуясь родственными связями с ногайцами, хан Кучум создает у себя армию из ногайцев, привлекает и киргиз-кайсаков. Наличие своей армии делает его независимым в военном отношении от «замковых» дружин подвластных ему феодалов — мурз. Со своей ханской армией Кучум подавляет восстания ханты и манси, усмиряет непокорных феодалов — мурз, укрепляет внутри своего государства власть путем энергичного проведения мусульманизации населения.

Хан Кучум, занятый своей сложной внутренней политикой и военной борьбой с непокорными, старается жить с московским правительством в мире и до поры, до времени согласен даже и на платеж дани. Но покорность Кучума была непрочна и обманчива.

Московское правительство понимает непрочность покорности своего далекого вассала, но считает Сибирскую землю своей территорией, что находит дипломатическое отражение в сношениях с польским королем Сигизмундом, когда в грамоте к нему от 20 июня 1563 г. Иван IV называет себя «...и Удорский, Кондинский и всея Сибири». Но с 1570 г. в дипломатических грамотах Кучума в Москву Иван IV мог почувствовать тревожные нотки. Кучум в 1570 г. писал: «а по ся места грамоты к тебе не присылал есми потому, что не с которым нам война была, и мы того недруга своего взяли, и ныне похочешь миру, и мы помиримся, а похочешь воеватися,— и мы воюемся».

В 1571 г. Кучум присылает в Москву своего посла Таймаса и гонца Аиса, которые привозят полную дань в 1000 соболей и подтверждают старый договор, заключенный еще Едигером, о платеже и на все будущие годы по тысяче соболей. Но это была последняя дань Москве от Кучума. Сибирский хан платил дань и старался не осложнять своих мирных отношений с московским правительством, пока он вел войны с непокорными мурзами-вассалами. Но как только в 1571 г. Кучум

прикончил всех своих врагов, он прекращает и свою дипломатическую игру в повиновение далекому московскому правительству.

Своими агрессивными действиями против пермских вотчин в 1572 г. он рвет свои обязательства перед Москвой. «Черемисский бунт» 1572 г., обрушившийся на пермские вотчины Строгановых, был организован не без вмешательства сибирского хана Кучума, что подтверждается словами грамоты Ивана IV к Строгановым от 1574 г., мая 30: «а к нашим де изменникам, к черемисе, как нам была черемиса изменила, посылал Сибирской через тахчей и перевел тахчей к себе».

При недостаточности показаний источников трудно во всех подробностях восстановить бурные события 1572 и 1573 гг.— годов напряженной войны Строгановых с немирными ханты, татарами, манси, поднятыми сибирским ханом Кучумом. Царская грамота к Строгановым 1572 г., августа 6, дает лишь скудные факты избиения 87 торговых людей 15 июля 1572 г., а все остальное содержание грамоты излагает правительственный план военной кампании, который Строгановы и уполномочиваются осуществить. Эти скудные факты царской грамоты 1572 г., августа 6, добросовестно и точно переносит на свои страницы и Строгановская летопись, не прибавляя ничего нового¹.

Но строгановский главноуправляющий XVIII в. и историк П. С. Ико-сов, знавший архивные данные, до нас не дошедшие, и знакомый с Кунгурской летописью, также до нас полностью не дошедшей, конкретизирует строгановскую войну 1572 и 1573 гг., причем эти факты нигде более не упоминаются. В традиции, сохраненной Икозовым, вождем отрядов ханты и пелымских манси (вогуличей), вторгшихся в строгановские пермские вотчины в 1572 г., был пелымский мансийский князек Бегбелий Ахтаков (Агтаков), известный нам по Строгановской летописи как инициатор нападения на Строгановых в 1581 г.

Бегбелий Ахтаков (Агтаков), узнав о притеснениях Строгановыми племен манси и ханты, бывших у него в податном подчинении ранее, решил отстоять своих подданных и, собрав в отряд «немалое число» манси и ханты, перешел Уральский хребет, «нечаянно подошел под Чусовской Строгановых городок и оттоль, учиня нападение на Сылвенский острожек и прочие села и деревни многие, выжег и разорил и убивство учинил... и получа в добычу несколько мужеска пола людей, назад было побег»². В чусовских городках в это время были Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы, которые по получении сведений о нападении манси провели мобилизацию своих ратных людей гарнизонов крепостей и пашенных крестьян, снабдили всех оружием и вышли

¹ См. «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 5.

² П. С. Икозов, История., стр. 56.

в погоню, настигли Бегбелия Ахтакова и в бою его разбили. Взяв обратно пленных и украденную добычу, Бегбелий Ахтаков сумел убежать с остатками своего отряда к себе в Пелым.

Вероятность излагаемых П. С. Икосовым фактов разделяется предположением С. В. Бахрушина, который полагает, что «некоторые известия» Строгановской летописи, например о набеге Бегбелия, заимствованы из не дошедших до нас грамот¹.

Излагая ценные факты, П. С. Икосов неправильно связал причины нападения Бегбелия на строгановские вотчины с насилиями Ермака, которого в эти годы еще не было в пермских вотчинах. Неправильно П. С. Икосов объединяет нападение Бегбелия в 1572 г. с другим его набегом — в 1581 г.

В следующем, 1573 г. хан Кучум начал уже непосредственно им организованное нападение на пермские вотчины Строгановых, выслав своего родственника Маметкула «с своими мурзами и уланами ратью на Чусовую реку дороги проводывать куды бы ему итти в Яковлевы и в Григорьевы Строгановых городки в Пермь Великую». Маметкул перебил ханты (остяков), плативших дань Москве, перехватил и убил посла Ивана IV, Третьяка Чебукова. Строгановы засели в Нижне-Чусовском городке, собрали здесь своих вооруженных людей и стали ожидать подхода Маметкула. Но Маметкул, выяснив благодаря разведке, что силы, сосредоточенные Строгановыми, велики, не доходя пяти верст до Нижне-Чусовского городка, повернул обратно. Строгановы не решились его преследовать и лишь по отходе Маметкула направили карательный отряд вверх по Чусовой для погрома селений тех ханты и манси, которые присоединились к Маметкулу. Строгановы жестоко покарали эти отложившиеся племена, сожгли ряд селений, перебили «бунтовщиков», а женщин и детей «в полон имали». Карательный отряд «наводил порядок» по Чусовой до впадения в нее речки Утки, бывшей пограничным, крайним рубежом строгановских владений. За Уткой простирались уже Кучумовы земли.

Следует иметь в виду, что движение массы ханты и манси против Строгановых имело освободительный, антифеодальный характер. Военные события 1572 и 1573 гг. нарушили мирную жизнь пермских вотчин Строгановых, и Строгановы, не зная сил врага, уже во время «черемисского бунта» 1572 г. просили помощи у чердынского воеводы И. Ю. Булгакова, который, не решаясь дать просимую помощь, тотчас же послал донесение о случившемся в Москву. Московское правительство правильно оценило нападение Кучумовых людей на строгановские

¹ См. С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 14, прим. 2.

вотчины, как важный сигнал о ненадежности подданства хана Кучума. В царской грамоте 1572 г., августа 6, на имя Якова и Григория Аникиевичей Строгановых московское правительство пошло на широкую поддержку приуральских вотчинников, дав им право иметь свою вотчинную армию из «охочих казаков, сколько приберется», «с своими» строгановскими головами и атаманами и, кроме того, преподало Строгановым военный план, которого следует вотчинникам впредь придерживаться. Можно думать, что именно царское разрешение, изложенное в грамоте 1572 г., августа 6, о праве Строгановых иметь свою вотчинную армию со своими атаманами и ляжет несколько позднее в основу формирования ими дружины Ермака. По нашему мнению, нет никаких документальных оснований считать, что фраза о приглашении Ермаковой дружины с Волги Максимом Строгановым едва ли не является позднейшей вставкой в «Новый летописец», как предполагает новейший исследователь А. И. Андреев¹.

Нельзя считать «позднейшей вставкой», «неловким включением в первоначальный текст» «Нового летописца» слова «по присылке Максима Строганова», так как факт приглашения Строгановыми Ермаковой дружины к себе в пермские вотчины дается двумя независимыми друг от друга источниками: «Новым летописцем» 30-х годов XVII в. и протографом Строгановской и Есиповской летописей, откуда этот факт усвоен только Строгановской летописью, внимательно излагающей внутренние события пермских вотчин, и опущен Есиповской летописью, совсем не интересующейся историей этих владений и излагающей подробно только поход Ермака за их пределами. Считаем, что прочно принятое наукой мнение С. М. Соловьева, А. А. Дмитриева и С. В. Бахрушина о имевшем место приглашении Строгановыми дружины Ермака не может быть обоснованно отвергнуто.

Обычной ошибкой многих историков является изолированное изучение весьма ограниченного числа царских грамот, имеющих отношение к походу Ермака. Этим, собственно, и порождаются разные толкования и мнения. Более плодотворным будет метод изучения фактов, изложенных в этих грамотах и в летописях, как отдельных проявлений восточной политики Русского государства. Выявляя этапы в развитии восточной политики Ивана IV с этой точки зрения, можно правильно понять и отдельные детали, о которых мы узнаем из ограниченного числа царских грамот и сообщений летописей.

Руководствуясь таким, как нам кажется, единственно правильным методом изучения, можно думать, что ряд событий в жизни пермских вотчин Строгановых есть проявление московской восточной политики

¹ См. А. И. Андреев, Очерки..., стр. 211.

с теми или иными отклонениями, вызванными инициативой Строгановых, иногда антигосударственной, в большинстве же случаев совпадающей с интересами русского феодального государства.

Грозные события военных набегов татар, ханты и манси в 1572 и 1573 гг., инспирированных ханом Кучумом, нарушили нормальное развитие пермских вотчин Строгановых, и московское правительство сделало отсюда правильные со своей точки зрения выводы о необходимости иметь для Строгановых вотчинную армию в дополнение к тем гарнизонам, которые находились в их городках и у чердынского воеводы. Это право и было дано Строгановым. Строгановы, однако, реализовали это право не сразу, а лишь в 1579 г., когда они пригласили дружину Ермака.

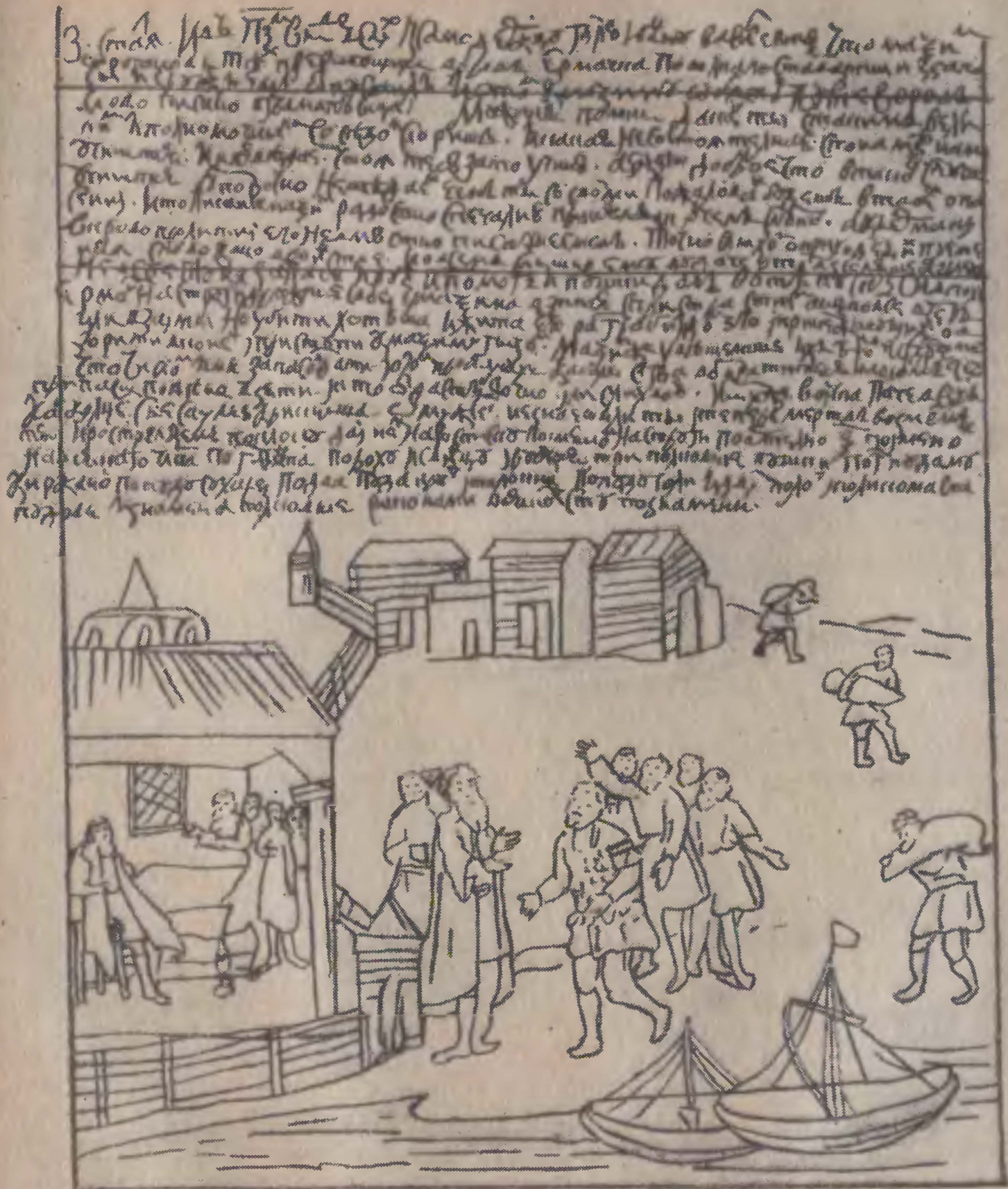
Но прежде этого московское правительство и Строгановы предпринимают новый и важный шаг для того, чтобы отодвинуть от восточных границ Русского государства возможный театр военных действий и расширить владения Строгановых. В этом можно видеть основной смысл просьбы последних, удовлетворенной правительством 30 мая 1574 г., о пожаловании им территории за Уралом «на Тахчеях».

Правительство в жалованной грамоте уже дает Строгановым план наступательной войны против немирных сибирских народов, т. е., по существу, против Сибирского царства, поддерживавшего движения немирных татар, ханты и манси.

Таким образом, логика развертывавшихся событий и осторожно, но последовательно проводившаяся восточная политика правительства ставили перед Строгановыми определенную задачу овладения землями сибирского хана Кучума. Нельзя полагать, что поход Ермака в Сибирь есть единоличная инициатива Строгановых или никем не руководимых казаков во главе с Ермаком. Если Строгановы и проявили единоличную инициативу в деле непосредственной отправки дружины Ермака в Сибирь, то этот шаг соответствовал духу и смыслу общих указаний и инструкций московского правительства.

Для решения спорного в науке вопроса о том, был ли Ермак приглашен Строгановыми с Волги или дружина Ермака явилась в пермские вотчины самостоятельно, мы имеем только одно ясное свидетельство Строгановской летописи. Из факта умолчания об этом Есиповской летописи ученые П. И. Небольсин, С. А. Адрианов, А. М. Ставрович, А. И. Андреев делают вывод о том, что никакого приглашения Строгановыми Ермака не было.

Эти ученые не попытались поставить все события в связь с восточной политикой правительства. Факт умолчания Есиповской летописи понятен. Летопись, оформленная архиепископским дьяком С. Есиповым в Тобольске в 1636 г., освещает прежде всего события, связанные только

Максим Строганов «отворил анбары» и снабжает Ермака с дружиной продовольствием и оружием перед походом в Сибирь.

«Краткая Сибирская Летопись (Кунгурская)», СПб., 1880, ст. 8.

с походом Ермака в пределы Западной Сибири, и плохо знает, а в ряде случаев и совсем не знает внутренней жизни пермских вотчин Строгановых. Если в общем для Строгановской и Есиповской летописей протографе и был изложен факт приглашения Строгановыми Ермака, то сводчик и редактор С. Есипов мог пропустить ненужный для его концепции факт в силу полного отсутствия интереса к внутренней истории строгановских вотчин в Перми.

Нет достаточных оснований отрицать указание Строгановской летописи о посылке Семеном, Максимом и даже Никитой Строгановыми на Волгу к Ермаку грамоты от 6 апреля 1579 г. Судя по точности в сообщении дат царских грамот Строгановской летописью, нельзя сомневаться в подлинности ее сообщения с указанием даты строгановского «писания» (6 апреля 1579 г.).

Подтверждением полной вероятности такого «писания» Ермаку с приглашением его с дружиной на строгановскую службу является все, что мы знаем о сложившейся ситуации в пермских вотчинах. У Строгановых было царское разрешение иметь вотчинную армию, стало быть, они обладали и правом приглашения к себе на службу вооруженных казаков. Строгановы имели и практику формирования таких казачьих отрядов, что подтверждается установленным С. М. Середониным фактом наличия такого строгановского отряда в 1572 г. против крымчаков-татар в царских войсках на фронте реки Оки¹. Таким образом, Строгановы использовали царское разрешение в том же, 1572 г.

Версию о самостоятельном появлении дружины Ермака в пермских вотчинах приходится решительно отбросить, так как невозможно предположить, что большой вооруженный отряд Ермака мог проплыть безнаказанно и без ведома правительства и казанских воевод, управлявших сильнейшей Казанской крепостью и контролировавших устье Камы. Тревожная предвоенная ситуация после выступления нерусских народов Сибири в 1572—1573 гг., сложившаяся в пермских вотчинах Строгановых, властно требовала мер предосторожности. Эти меры диктуются Строгановым московским правительством. Наконец, пожалованные в 1574 г. территории за Уралом «на Тахчях», могущие быть буферным пространством и театром возможной войны с сибирским ханом, также требовали организации вотчинной армии. Сами Строгановы не могли сформировать в такой напряженной обстановке вотчинную армию исключительно из состава населения пермских вотчин, так как все взрослое боеспособное мужское население этих вотчин не превышало 400 человек.

¹ См. С. М. Середонин, Наказ кн. М. И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года, «Записки Русского археологического общества». Новая серия, т. 8, вып. 1 и 2, стр. 59.

Это установлено нами по данным деловых записей и подтверждается материалами писцовой книги Яхонтова 1579 г., обработанными А. А. Дмитриевым¹.

Силами своего населения Строгановы могли самое большое вести оборонительную войну, но не имели возможности выполнить предписанного правительством наступательного действия. Причем царские грамоты предоставляют строгановской инициативе определить начало этого наступления. Вся сложная совокупность определившихся к 1579 г. условий требовала от Строгановых принятия важных решений по организации вотчинной армии.

В свете сложившейся обстановки внутри пермских вотчин вполне вероятно приглашение Строгановыми дружины Ермака, последовавшее 6 апреля 1579 г. в специальном «писании». Наконец, так называемая историками гневная, или «опальная», царская грамота 1582 г., ноября 16, определенно и точно говорит о «призвании» Строгановыми Ермака: «а волжских атаманов к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указу»².

Вопрос о личности Ермака Тимофеевича принадлежит к числу трудно разрешимых из-за ограниченности данных исторических источников. В науке установилось мнение, что единственный текст о происхождении Ермака содержится лишь в Черепановской летописи, примитивной компиляции второй половины XVIII в. (1760 г.), составленной тобольским ямщиком И. Л. Черепановым.

Летопись Ивана Леонтьевича Черепанова длительное время среди историков не пользовалась доверием. И Н. М. Карамзин и особенно Л. Н. Майков указывали, что сборник И. Л. Черепанова есть в начальной своей части «подробное и частью дословное извлечение из «Описания Сибирского царства» Г. Ф. Миллера. Кроме того, И. Л. Черепанов использовал и летописи С. Ремезова и С. Есипова, «некоторую Сибирскую историю», «краткое известие о народе остяцком»³ и т. п. Приговор Л. Н. Майкова, вынесенный им в 1876 г., был суровым: «летопись И. Л. Черепанова не заслуживает того, чтобы она была напечатана»⁴.

¹ См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 4, стр. 61—62; вып. 5, Пермь, 1894, стр. 133, 163; вып. 1, Пермь, 1889, стр. 116 (писцовая книга Яхонтова дает сведения о 203 дворах, численность боеспособных мужчин (400 человек) устанавливается предположительно. Найденные нами деловые записи и анализ их полностью подтверждают этот предположительный подсчет А. А. Дмитриева).

² ДАИ, т. 1, № 128.

³ Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. 3, т. 11, СПб., 1843, прим. 664.

⁴ Л. Н. Майков, О Сибирском летописном сборнике Черепанова, «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 7, СПб., 1877.

Однако позднейшими историками эта суровость приговора Л. Н. Майкова была поколеблена. В 1894 г. А. А. Дмитриев доказал, что «некоторая Сибирская история», из которой И. Л. Черепанов берет рассказ о происхождении Ермака, действительно существует, и отыскал этот текст; им оказалось «Сказание Сибирской земли»¹. Другой исследователь — сибирский краевед А. А. Ионин на основе текстологического анализа установил, что И. Л. Черепанов взял часть своего текста из рукописи «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по ее взятии»².

По-новому поставил вопрос о достоверности Черепановской летописи известный знаток сибирского источниковедения А. И. Андреев. Он изучил все известные списки Черепановской летописи, нашел новый и основной список, оставшийся до сих пор не исследованным, и пришел к важному выводу о бесспорной достоверности сообщений И. Л. Черепанова о его летописи: «он передает свой источник безусловно точно, и случаев искажения или произвольного толкования установить не удалось. Это весьма важное обстоятельство позволяет с большим доверием относиться и к тем известиям Черепанова, источник которых пока не найден. При бедности наших известий о Сибири первой половины XVIII в. именно в этой части летопись Черепанова представляет до сих пор несомненную ценность и бесспорно заслуживает внимания историка»³.

Если никакого значения не имеют заимствования И. Л. Черепанова из напечатанных работ Г. Миллера, то тем не менее летопись И. Л. Черепанова ценна для нас сохранением частей подлинных и важных рукописей XVII в., которые до нас не дошли. К числу таких частей относятся «Описание о народах Сибири» С. Ремезова, «Сказания татарские» и, наконец, «Сказание о происхождении Ермака от суздальского посадского человека». «Сказание о происхождении Ермака» Н. М. Карамзин оценил как сказки⁴. Подчиняясь авторитету Н. М. Карамзина, и все последующие историки отнеслись к этому тексту пренебрежительно. А между тем такое отношение едва ли оправдывается обстоятельствами. Дело в том, что Г. Н. Спасский нашел, что сказание «О Ермаке, откуда он родом» имеется в рукописном сборнике XVII в. Уже этот факт нахождения сказания в сборнике XVII в., казалось, должен был заставить историков пересмотреть свое отрицательное

¹ А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 5, стр. 209—211.

² А. Оксенов, Сведения о неизданных сибирских летописях, «Восточное обозрение», СПб., 1885, стр. 446—455.

³ А. И. Андреев, Черепановская летопись, «Исторические записки», т. 13, 1942, стр. 322.

⁴ См. Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. 3, т. 9, стр. 384.

Кетков

[illegible]

Сражение дружины Ермака с войсками Кучума на берегу р. Тобола.
«Краткая Сибирская Летопись (Кунгурская)», СПб., 1880, ст. 42.

отношение к этому источнику. Однако этого не произошло даже и тогда, когда А. А. Дмитриев нашел рукопись «Сказание Сибирской земли», в тексте которой оказался текст «О Ермаке, откуда он родом»¹. Рукопись «Сказание Сибирской земли» найдена А. А. Дмитриевым в рукописном сборнике XVIII в.; само сказание написано почерком первой половины XVIII в., но текст «Сказания» написан в XVII в. Такую датировку позволяет сделать следующая фраза текста «Сказания Сибирской земли»: «и доиде (Ермак) до реки Вагая, вверх дошел до урочища иде же ныне поставлен Абатской острог». Абатской острог на Вагае отстроен в 1633 г.; таким образом, текст сказания составлен в близкие к этой дате годы. Отсюда следует, что «Сказание Сибирской земли» является памятником того же времени, когда были составлены основные тексты Строгановской и Есиповской летописей, т. е. не позже середины XVII в. Эта датировка подтверждается и тем обстоятельством, что автор «Сказания Сибирской земли» еще видел и общался со старожилами, помнившими свое происхождение от татар «Махметова закону», «Золотой Орды Сибирского царства». Вполне вероятно, что найденная А. А. Дмитриевым в 1893—1894 гг. в одной из деревень Соликамского уезда рукопись «Сказания» и есть та «некоторая Сибирская история», откуда И. Л. Черепанов взял текст о происхождении Ермака.

Все это заставляет признать, что пренебрежительное отношение историков к тексту о Ермаке не является обоснованным, и можно думать, что этот памятник, возникший в 30—40-е годы XVII в., имеет такую же силу достоверности, как Строгановская и Есиповская летописи².

Текст «Сказания Сибирской земли» дает следующие данные о личности Ермака: «о себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его был суздалец, посадской человек, жил в лишении, от хлебной скупости сошел в Владимир, именем его звали Афонасий Григорьевич сын Аленин, и тут воспитал двух сыновей Родиона и Тимофея, и кормился извозом и был в найму в подводах у разбойников, на Муромском лесу пойман и сидел в тюрьме, а оттуда беже с женой и с детьми в Юрьевец Повольской, умре, а дети его Родион и Тимофей от скудности сошли на реку Чусовую и вотчины Строгановы, ему породи детей: у Родиона два сына — Дмитрий да Лука, у Тимофея дети Гаврило, да Фрол, да Василей. И оный Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой и от них звалася атаманом, прозван Ермаком,

¹ Текст «Сказания Сибирской земли» см. в кн.: А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 5, стр. 213—220.

² См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 5, стр. 209—211.

скажется дорожной артельной таган, а по волоским (по-вологодски.— *Авт.*) — жерновой мельнец рушной. А как службу показал,— о том показано в сей истории выше сего»¹.

Прежде всего следует отметить, что этот текст является переводом текста XVII в. на язык XVIII в. Но литературное обновление текста едва ли искажает те факты, которые излагались в тексте XVII в. Можно думать, что традиция, сложившаяся в XVII в., сохранена во всех фактических подробностях и при переписке — переводе текста в XVIII в.

Едва ли приведенные здесь факты из биографии Ермака сочинены досужей фантазией в XVIII в. Нет ничего невероятного в том, что Василий Тимофеев, сын Аленина, побывал и в работных людях на службе у Строгановых, бежал на Волгу и стал здесь казаковать, и сменил свое имя Василий на прозвище Ермак. Такие замены имен прозвищами известны во множестве по деловым на строгановских людей. Так, по деловой 1583 г., сентября 22, в числе дворовых, доставшихся по разделу Семену Аникиевичу, имеется Ермак Морок, а по деловой 1583 г., сентября 25, тому же Семену Аникиевичу Строганову достался Ермак-езовщик (от езы — колья, которыми перегораживали реку для задержки и вылавливания рыбы).

Вообще у Строгановых и в числе дворовых, и в числе жильцов — должных и работных людей — мы видим много трудящихся, потерявших свои имена, отчества, фамилии и называемых только прозвищами: Муха Кузнец, Подосен, Сивко, Новик, Тусельник, Недорез, Девятой пищальник, Осеридеревцо, Галька, атаман Тумаш, Трубка Ососок, Третьяк, Клочиха и т. д. Таким образом, нет ничего необычного, что Василий Тимофеевич Аленин, бежавший от Строгановых на Волгу казаковать, принял вместо имени прозвище, которое могло укрыть беглого человека от розыска и служило гарантией безопасности в новом положении не совсем легального бытия. Во всяком случае, в пермских вотчинах, как признают сами Строгановы, «на наших крестьян изделий никаких не намечают», «а работают у них в деревнях половники, а у варниц гуляющие люди из денег из найму». Среди всего этого строгановского населения было широко распространено применение кличек, прозвищ вместо употребления имен, значившихся по метрическим книгам тех церквей, где были крещены строгановские люди.

В биографии Ермака Тимофеевича, дошедшей до нас в редакции первой половины XVIII в. «Сказания Сибирской земли», нет ничего легендарного и необычного. Жизненная судьба и карьера Ермака Тимо-

¹ См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 5, стр. 220 (сторонником признания идентичности Ермака и Василия Аленина является А. Воронихин. См. «К биографии Ермака», «Вопросы истории» № 10, 1946, стр. 98—100).

феевича типична для многих тысяч бедняков из молодых людей московских посадов XVI в. Любопытно и важно указание на то, что Ермак Тимофеевич — старый знакомец Строгановых, бывший у них на службе на положении вольного гулящего человека. Зная строгановское умение использовать нужных им людей, нельзя думать, что невероятен факт обращения Строгановых к Ермаку, ставшему атаманом казачьей дружины на Волге.

Следующий спорный в науке вопрос касается времени появления Ермака Тимофеевича с дружиной в пермских вотчинах Строгановых. Выяснив это, можно определить, был ли Ермак призван Строгановыми или самостоятельно пришел на Чусовую. Оба эти спорные вопросы следует решать, исходя из общей внутренней обстановки, которая складывалась в пермских вотчинах Строгановых на протяжении 70-х годов XVI в.

Мы уже отметили, что «черемисская война», или «черемисский приход» 1572 г.¹, и набег Маметкула 1573 г. породили тревожную ситуацию в строгановских владениях. С 1573 по 1580 г. источники не регистрируют крупных нападений манси и татар на пермские вотчины Строгановых. Но едва ли это умолчание памятников может свидетельствовать о мирной ситуации на протяжении семи лет, с 1573 по 1580 г., во что верит, например, такой обстоятельный исследователь, как А. А. Дмитриев².

Интенсивно развивавшееся в 70-годах XVI в. строгановское колонизаторское освоение бассейна реки Чусовой и ее притоков вовлекло Строгановых в постоянные и многочисленные конфликты с жившими здесь манси и татарами и вызывало со стороны последних попытки отпора и обороны. Источники сохранили нам сведения лишь о начале и конце этой строгановской войны с нерусскими народами.

Нам известны только наиболее острые и затяжные боевые столкновения Строгановых в 1572—1573 и 1580—1581 гг. с местным населением Приуралья. Но восстановить всю сложность войны в промежутке с 1573 по 1580 г. чрезвычайно трудно. Предполагать наличие идиллических отношений между Строгановыми и нерусскими народами за эти семь лет едва ли возможно с достаточными основаниями.

О классовой борьбе угнетенных нерусских народов Приуралья против Строгановых точно говорят скудные сообщения Строгановской летописи о пребывании Ермака с дружиной в чусовской вотчине

¹ Термины «черемисская война», «черемисский приход» впервые употреблены царской грамотой Строгановым от 6 августа 1572 г., напечатанной Г. Ф. Миллером («Описание Сибирского царства...», стр. 69).

² См. А. А. Дмитриев, Роль Строгановых в покорении Сибири, ЖМНП № 1, 1894, стр. 29; его же, Пермская старина, вып. 5, стр. 132—133.

в 1579—1581 гг.: «Атаманы же и казаки стояху против безбожных агарян буйственно и единомысленно с живущими ту людьми в городках, и бияхуся с безбожными агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на неверных поощряхуся: пожиста же они, атаманы и казаки, в городках их два лета и месяцы два»¹. Этот текст достаточно определенно указывает на военную ситуацию 1579—1581 гг. Очевидно, казаки подавляли вспыхивавшие восстания нерусских народов в пределах чувской вотчины Семена и Максима Строгановых. Но следует думать, что ранее этого года взаимоотношения сольвычегодских вотчинников с нерусскими народами в Перми были достаточно острыми, если Строгановы вынуждены были пригласить отряд казаков Ермака.

Мы не знаем конкретных причин обращения Строгановых к волжским казакам Ермака, но можно думать, что к ним относились: непрекращающаяся мелкая война с нерусскими народностями в пределах строгановских пермских вотчин и невозможность подавить выступления восставших народов Сибири собственными небольшими силами.

Наконец, организованный отряд казаков нужен был и для реализации владельческих прав на пожалованные земли в Зауралье, «на Тахчях». Если освоение пермских вотчин по реке Каме с ее притоками могло идти с 1558 по 1580 г. при военной и административной поддержке аппарата управления казанских и чердынских воевод, то освоение территорий в Зауралье, «на Тахчях», где фактически власть Русского государства отсутствовала, Строгановым приходилось осуществлять с помощью лишь своей военной силы. Следует при этом иметь в виду, что вновь пожалованные земли находились в сфере влияния Кучума.

Таковы, нужно думать, причины, заставившие Строгановых обратиться к волжским казакам атамана Ермака. Подавление волнения живущих на территориях Строгановых нерусских народностей и наступление на Сибирское царство, поддерживавшее эти волнения,—таковы мотивы формирования Строгановыми в своих вотчинах отряда Ермака.

С другой стороны, для волжских казаков создались к концу 70-х годов XVI в. тяжелые условия из-за присылки на Волгу правительственных войск для прекращения казачьих налетов на частные купеческие и правительственные караваны судов с грузами. Правительство получало много жалоб от иностранцев и русских купцов на непрекращающиеся казацкие «грабежи» и «разбои». «Так, царский гонец доносил, что на пути из Казани в Астрахань пришли на них в стругах князь Василей Мещерский да казак Личюга хромой Путивлец и взяли у нас судно...

¹ А. А. Дмитриев, Роль Строгановых в покорении Сибири, ЖМНП № 1, 1894, стр. 29.

а меня позорили»¹. В 1573 г. один из отрядов в 150 человек, «разбойничавших» на Волге, напал вблизи Астрахани на английское судно, груженное ценным шелковым товаром, возвращавшееся из Персии. В сражении с англичанами казаки, хотя и потеряли 14 человек убитыми и 30 человек ранеными, тем не менее победили и заставили англичан сдаться. Последние потеряли судно и ценные грузы, а сами были отпущены вконец ограбленными, о чем они и жаловались царю Ивану IV². Правительство, обеспокоенное «разбойной» активностью волжских казаков, принимает меры по разгрому волжской казацкой вольницы. Н. М. Карамзин приводит царский указ 1581 г., который сказывали ногайскому князю Урусу: «А ныне есмя на Волгу людей своих из Казани и из Астрахани многих послали, а велел им тех воров перевешати. А для атаманов Ивана Кольца... велели тех Волжских Атаманов

¹ Г. Красинский, Покорение Сибири и Иван Грозный, «Вопросы истории» № 3, 1947, стр. 92.

И. М. Катаев приводит данные о владении Строгановыми землями и соляными варницами в Самарской Луке на Волге. Он пишет: «Внутренняя равнина Самарской Луки с ее замечательными угодьями переходила из рук одних феодалов в руки других. В качестве владельцев еще при Иване Грозном поселились здесь «именитые» купцы Строгановы, те самые, что владели обширными землями по рекам Каме и Чусовой и организовали в Камском Усолье соляные промыслы. Им же приписывается первоначальное основание соляных варниц и на Самарской Луке и самое основание села Усолья, названного по аналогии со строгановским Камским Усольем.

В Усолье для защиты от нападений степных кочевников построен был деревянный городок-укрепление... Другой городок-острожек в начале царствования Михаила Романова был построен по распоряжению московского правительства для защиты рыбных промышленников при впадении реки Усы в Волгу, на месте обычных нападений казаков на купеческие и царские суда и караваны.

Строгановы владели Самарской Лукой до 1632 г., после чего она переходит к предприимчивому московскому купцу Надею Светешникову, по имени которого село Усолье получило наименование Надеина, или Надеинского Усолья, в отличие от Камского Усолья. Голландец Адам Олеарий во время своего путешествия по Московии побывал и на Самарской Луке. Олеарий описывает местность Усолья и соляные варницы на речке Усолке». После Светешниковых Самарская Лука с варницами — во владении подмосковного монастыря Саввы Сторожевского. В первой половине XVIII в. Самарская Лука на некоторое время попадает в руки любимца Петра I — Меншикова. В 60-х годах владельцами Самарской Луки становятся графы Орловы, а затем их потомки Орловы-Давыдовы, владевшие этими местами вплоть до Великой Октябрьской революции (см. И. М. Катаев, На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых, Челябинск, 1948, стр. 10—11). Эти сведения И. М. Катаева основываются, очевидно, на неизвестных мне документах из архива Орловых. Строгановские материалы такого рода известий не имеют. Поэтому если Волжское Усолье в Самарской Луке было в XVI в. строгановским владением, то давние связи Строгановых с Ермаком Тимофеевичем, атаманом волжских казаков, получают новое подтверждение. Возможность личных контактов Ермака Тимофеевича со строгановской администрацией Волжского Усолья делается вполне вероятной.

² См. Г. Красинский, Покорение Сибири и Иван Грозный, «Вопросы истории» № 3, 1947, стр. 92.

казнити смертью. И мы на тех Казаков на Волжских, на Митю Бритусова и на Иванка Юрьева (Кольцо), опалу свою положили, казнити их велели смертью перед твоим человеком»¹.

В этих дошедших до нас памятниках еще нет упоминания об Ермаке Тимофеевиче как атамане, но упоминается его сподвижник по походу в Сибирь Иван Кольцо.

Для волжских казаков создались невозможные условия их пребывания на Волге ввиду решительного на них наступления правительственных войск. Вот почему волжские казаки, воспользовавшись приглашением Строгановых поступить к ним на службу, и ушли в пермские вотчины. Отряд волжских казаков, поступивших на строгановскую службу, возглавлял атаман Ермак Тимофеевич.

Необходимость для Строгановых иметь внутри своих пермских вотчин казацкую вотчинную армию Ермака была подтверждена бурными событиями 1580 г., когда на эти владения обрушились опустошительными набегами зауральский мурза Бегбелий и в 1581 г., 1 сентября, князь манси Кихек.

Строгановская летопись неправильно датирует набег мурзы Бегбелия 1581 г.: ее составитель уверенно и точно указывает, что набег Бегбелия был ранее набега князя Кихека. Но вторжение князя Кихека в пермские вотчины Строгановых было 1 сентября 1581 г. Отсюда следует, что набег Бегбелия, бывший 22 июля, мог состояться только в 1580 г., а не в 1581 г., поскольку новый год в Русском государстве начинался с 1 сентября.

Сведения о набеге Бегбелия, сообщаемые Строгановской летописью, очень скупы и не дают детального изображения большого потрясения, пережитого пермскими вотчинами Строгановых. Но строгановский главноуправляющий XVIII в. Икосов излагает любопытные свидетельства о войне 1580 г. с нерусскими народностями.

Мелкие и стихийно вспыхивавшие восстания нерусских народов летом 1580 г. сменились организованным и мощным набегом пелымского мансийского мурзы Бегбелия, который, вероятно, был поднят сибирским ханом Кучумом. Бегбелий и Кучум, зная о притеснениях Строгановыми манси и ханты, бывших у них в подчинении, решили отстоять своих подданных. Бегбелий, собрав «немалое число» (по летописи — 680 человек), перешел «Югорский хребет» и «нечаянно подошел под Чусовской Строгановых городок и оттоль, учиня нападение на Сылвенский острожек и прочие села и деревни многия, выжег и разорил и убийства людем и грабежи учинил и получа в добычу несколько мужеска пола людей, назад было побег».

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. 3, т. 9, прим. 663.

В Чусовских городках в это время были приехавший из Соли Вычегодской Семен Аникиевич и Максим Яковлевич Строгановы, которые по получении сведений о подошедшем «украдом» Бегбелии проводят мобилизацию гарнизонов своих острожков, вооружают работных людей и крестьян, настигают Бегбелию и в бою его разбивают, взяв обратно пленных и украденную добычу. Бегбелий был взят в плен, но Строгановы отпустили его домой, взяв с него обязательства перейти в подданство Москвы и не нападать в дальнейшем на пермские их вотчины.

Нападение мурзы Бегбелия на Строгановых произошло 22 июля 1580 г., а в августе месяце Семен Аникиевич Строганов уехал в Москву, где находился осень 1580 г. и зиму 1581 г., представлятельствуя от имени фирмы перед правительством. В пермских владениях в этот серьезный и ответственный момент остаются молодой, 24-летний, Максим Яковлевич (в чусовской вотчине) и совсем юный Никита Григорьевич Строганов, которому было всего 19 лет (в орловской вотчине на Каме).

Никита Григорьевич Строганов, получивший по разделу орловскую вотчину, не был затронут набегом Бегбелия и никакой помощи не оказал Семену Аникиевичу и Максиму Яковлевичу, на что они и пожаловались правительству. Жалобу подал лично Семен Аникиевич, прибывший в августе в Москву. Правительство Ивана Грозного, учитывая большие размеры и чрезвычайную опасность активизации сибирского хана, в ответ на жалобу Семена и Максима Строгановых посылает в ноябре 1581 г. грамоту юному Никите Григорьевичу Строганову с осуждением его нейтралитета в войне «с Пелымским князем с вогуличи и ногаи» и предписывает ему, чтобы он «с Семеновыми и Максимовыми людьми на вогуличи посылал людей своих, сколько пригоже, и стояли бы твои люди с Семеновыми и Максимовыми людьми задин и себя оберегали сообща». Грамота категорически требует, чтобы Никита Григорьевич Строганов «велел своим людям с Пермскими людьми и с Семеновыми и с Максимовыми вместе стояти против Пелымского князя и воевать им не давали, чтобы вам всем от войны уберечись»¹.

Нейтралитет Никиты Григорьевича в войне с нерусскими народностями Приуралья вызывался, вероятно, с одной стороны, отдаленностью его вотчин на Каме от театра военных действий с народами Приуралья и Сибири, который был на Чусовой, Сылве, Яйве, и, с другой стороны, молодостью и неопытностью вотчинника, имевшего всего 19 лет и еще не умевшего действовать с дальновидным расчетом и широким размахом. Из имеющихся источников мы можем заключить, что царская грамота 1581 г., ноября 16, не вывела Никиту Григорьевича Строганова из состояния нейтралитета, и в организации сибирского похода Ермака он

¹ ДАИ, т. 1, № 126.

не принял активного участия. Вся тяжесть войны с нерусскими народами и организация сибирского похода Ермака пала только на Семена Аникиевича и Максима Яковлевича Строгановых.

Нападение Бегбелія Ахтакова на строгановские чусовские вотчины имело для их внутренней жизни огромное значение: оно явилось поводом для ускорения отправки сибирской экспедиции Ермака. Необходимость немедленно добиться повиновения пелымских манси и их повелителя — сибирского хана Кучума и вызвала посылку отряда Ермака в необычно позднее осеннее время — 1 сентября 1581 г.

Сибирская экспедиция Ермака была, однако, для Строгановых не экспромтом, вызванным исключительно только нападением Бегбелія Ахтакова. Эта экспедиция Строгановыми готовилась методически несколько лет, на что указывают такие факты, как призыв с Волги Ермака с отрядом казаков за два года до 1581 г., построение на строгановской верфи на Северной Двине двух мореходных кочей для плавания по Ледовитому океану на восток под руководством строгановского послужильца голландца Оливера Брюнеля, который готовился отправиться по поручению Строгановых северным морским путем в устье Оби одновременно с выступлением в поход в Сибирь Ермака Тимофеевича.

Надо считать верной догадку С. Ф. Платонова о том, что одновременная организация и подготовка Строгановыми в 1581 г. сухопутного похода Ермака на Иртыш и Обь и мореходный поход под командой Оливера Брюнеля не являются случайным совпадением во времени двух разных предприятий, а были двумя ударами по Кучумовой Сибири, намеченными единым строгановским планом. Совершенно правильно С. Ф. Платонов обосновывает строгановский план вторжения в Кучумову Сибирь: «Очевидно, тот или иной выход на эту реку (Обь) казался им желательным в целях их торговли с азиатскими странами — в первую очередь с Мангазеей, а затем с Средней Азией и даже с Китаем»¹.

О судьбе строгановского морского похода на Обь в 1581 г., в земли, находившиеся в вассальной зависимости от Кучума, мы ничего не знаем, так как начальник этого похода Оливер Брюнель, отправившись в Антверпен по поручению Строгановых набрать им там опытных моряков, к Строгановым уже не вернулся и остался до конца своей жизни в Нидерландах.

На предварительную подготовку Строгановыми похода Ермака в Сибирь указывает тот факт, что Строгановы в своих пермских вотчинах отливали затинные пищали (затинивать — очищать). Это подтверждается тем, что в собрании древностей в строгановском фамильном

¹ С. Ф. Платонов, Строгановы, Ермак и Мангазея, Сб. «Русское прошлое» № 3, 1923, стр. 7.

доме — дворце на углу Невского проспекта и Мойки в Петербурге — в 80—90-х годах XIX в. хранилась затинная пищаль с вылитой на стволе ее славянской вязью надписью: «В граде Кергегане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 1582 (7090)». Эта надпись была впервые опубликована А. А. Дмитриевым со слов историка-генеалога В. В. Голубцова, который видел ее в 80-х годах¹.

Тот факт, что пищаль, отлитую в «граде Кергегане» для Ермака, по-видимому, следует считать к настоящему времени утраченной, не может служить доказательством, что такой пищали не было. Свидетельство такого основательного и осторожного исследователя, каким был генеалог-историк В. В. Голубцов, видевший эту пищаль и списавший надпись, является, как мы полагаем, доказательством существования строгановской пищали, приготовленной для похода Ермака.

О том, что Максим Яковлевич Строганов, управляющий неразделенной с Семеном Аникиевичем Строгановым чувовской вотчиной, тщательно и основательно подготовил поход Ермака, имеются свидетельства Сибирских летописей. Строгановская летопись сообщает кратко, что Строгановы «(удоволиша их) мздою и одеянием украсиша их и оружием огненным, пушечки и скорострельными (и) пищалми семипядными и запасы многими и всеми сими доволно сподобиша их, и вожев, ведущих той сибирский путь, и толмачев бусурманского языка им даша и отпустиша их в Сибирскую землю с миром»².

Ремезовская летопись эти общие сведения уточняет: Строгановы снабдили Ермака дружиной «поартелно... по именов на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти и колико масла пудов и знамена полковые с иконами, всякому сту по знамени»³.

Строгановский историк XVIII в. П. С. Икосов рассчитывает, что, согласно данным Ремезовской летописи, общая стоимость всего снаряжения Ермаковой дружины равнялась 20 тыс. руб. Можно думать, что

¹ См. А. А. Дмитриев, Роль Строгановых в покорении Сибири, ЖМНП № 1, 1894, стр. 32—33. Эта пищаль не сохранилась. В 1920—1922 гг., когда я работал в Доме-музее Строгановых (Петроград), среди музейных вещей были пищали, привезенные из пермских вотчин, но гладкоствольные, без всяких надписей. Нет этой пищали с надписью и в музейных собраниях исторического отдела Государственного Артиллерийского музея в Ленинграде, куда перешли коллекции строгановского дома. Здесь имеется только одна строгановская пищаль, но без надписи. Мной не обнаружено в 1940 г. строгановской пищали с надписью ни в экспозициях, ни в запасных фондах Государственного Артиллерийского музея.

² «Сибирские летописи», стр. 11.

³ Там же, стр. 315.

если содержание тысячи казаков для правительственной армии на Оке в 1572 г. стоило Строгановым 10 тыс. руб., то и стоимость снаряжения Ермаковой дружины в 500—540 человек была не менее 10 тыс. руб. Правдоподобность указаний Строгановской летописи о снабжении Ермака «пищалами скорострельными семипядными» может быть подтверждена тем, что на вооружении Чусовского городка действительно, по сведениям писца Кайсарова, было 9 семипядных пищалей, «пушечки скорострельные, железные» и много «пищалей ручных». Интересно мнение знатока истории артиллерии Бранденбурга, любезно сообщившего мне, что хранящаяся и поныне в фонде Государственного Артиллерийского музея «сорока» была на вооружении Ермаковой дружины. «Сорока» представляет собой остроумнейшую комбинацию семи стволов «пищалей ручных», врезанных в общую дубовую доску. Эта комбинация спаренных семи стволов имела в казенной части общий металлический желоб для пороха, поджигание которого обеспечивало эффективный, одновременный выстрел всех семи стволов. Неизвестно, является ли «сорока» изобретением казаков-пушкарей Ермаковой дружины или она родилась в среде московских пушкарей. Но бесспорно, что «сорока» — портативное оружие, удобное для транзита в стругах и стрельбы с бортов их, — могла быть на вооружении дружины Ермака.

Численность дружины Ермака до сих пор окончательно не установлена. Ремезовская летопись сообщает фантастическую цифру в 5 тыс. человек, что является невероятным. Строгановская летопись дает, вероятно, более близкую к истине цифру — 540 человек. «Новый летописец» исчисляет дружину Ермака, пришедшую к Строгановым с Волги, в 600 человек. Такие же разногласия имеются в источниках о числе охочих людей, приданных Строгановыми к дружине Ермака. «Новый летописец» указывает 50 человек, Строгановская летопись — 300 человек.

Едва ли численность дружины Ермака была большой. В XVI в. дерзкие завоевания государств и разгром больших армий туземцев Южной Америки, например, предпринимались отрядами авантюристов небольшой численности. Кортес отправился в Мексику, имея 400 человек пехоты и всего 15 всадников, Писарро — в Перу, имея 200 пехотинцев и 27 всадников, Васконулье де Бальбоа, имея 200 человек, прошел от Панамы через Кордильеры до Тихого океана.

Можно думать, что и дружина Ермака, организованная в чусовской вотчине Строгановых, не имела более 600 человек. Нет оснований отрицать показание Строгановской летописи о том, что с Волги с Ермаком пришло 540 человек в чусовскую вотчину Строгановых. Эти казаки были, бесспорно, профессионалами-военными, на что указывает найденная П. М. Головачевым челобитная казака Ильина на имя царя

Михаила Федоровича из Ермаковой дружины, где он заявляет, что он, Ильин, «20 лет полевал с Ермаком в поле»¹.

К 540 казакам дружины Ермака Строгановы прибавили охочих людей из населения чувовской вотчины. Число охочих людей не могло быть велико, так как постоянное мужское население строгановских вотчин состояло из 400 человек крестьян-ремесленников («деловых людей») и приказных.

Но охочие люди, вошедшие в дружину Ермака, вероятно, формировались не столько из постоянного, оседлого населения, сколько из сезонных работных людей, судовых ярыжек, число которых никогда не было постоянным, но исчислялось несколькими сотнями. Мы не знаем точной цифры приданных к дружине Ермака строгановских охочих людей. Их могло быть 50 человек, но могло быть и 300.

Бесспорно, что состав охочих людей был пестрым. Сюда вошли в меньшем числе представители постоянного оседлого населения, больше здесь было людей из переменного населения и какая-то часть могла состоять из мобилизованных насильно Строгановыми нерусских народностей: татар, манси, ханты, живших по улусам в сылвенской и чувовской вотчинах.

Дружина Ермака, получившая от Строгановых вооружение, боеприпасы и провиант, была хорошо и правильно организованной воинской единицей. Ермак разделил свою дружину на сотни, имевшие свои знамена и своих сотников — командиров. Имена этих сотников-командиров сохранены для нас сибирскими летописцами: Иван Кольцо, известный и по другим документам как казачий атаман, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк. Если считать, что сибирские летописи сохранили имена всех сотников, то дружина Ермака состояла из 400 человек. А так как казачья сотня XVI в. не обязательно в своем составе имела 100 человек, а насчитывала и больше людей, то в этом можно видеть подтверждение правильности указания Строгановской летописи о том, что дружина Ермака состояла из 540 человек.

Анализируя подготовку к походу, можно прийти к выводу о больших организационных талантах, проявленных и Максимом Яковлевичем Строгановым, и самим Ермаком. Ермаку Тимофеевичу в момент похода должно было быть 40—50 лет, если базироваться на показании его казака Ильина, который «полевал» с Ермаком 20 лет. Таким образом, Ермак Тимофеевич был бывалым и опытным атаманом-полководцем, умевшим держать свою дружину в дисциплине организованной воинской единицы.

¹ П. М. Головачев, *Покорение Сибирского царства и личность Ермака*, «Сибирский сборник», т. 1, М., 1891, стр. 175.

Погрузившись в строгановские струги, Ермак поплыл вверх по Чусовой 1 сентября 1581 г.¹ В тот же день, 1 сентября 1581 г., произошло вторжение в Пермь Великую, в Чердынь войска в 700 человек пелымского князя Кихека, прошедшего старой сибирской дорогой по реке Лозьве на Вишеру. Оно описано Сибирскими летописями. Вторжение Кихека было самым сильным ударом по владениям Строгановых в XVI в. Первый удар полчища Кихека обрушили на столицу края, на Чердынь. Чердынские воеводы кн. И. М. Елецкий, занимавший должность до декабря 1581 г., и второй воевода, В. Перепелицын, несмотря на неожиданность появления врага, сумели хорошо организовать оборону, и Кихеку не удалось взять Чердынь.

Кихек, страшно опустошив окрестности Чердыни, пошел к Кай-городку, где «велию пакость учиниша». По пути следования полчища Кихека росли численно за счет присоединившихся к нему недавно покоренных манси, ханты, татар Прикамского края. При подходе войска Кихека нерусские народности восставали и начинали освободительную борьбу, стремясь освободиться от жестокой эксплуатации чердынских воевод и вотчинников Строгановых. Погромив район Кай-городка, Кихек вернулся на Каму и обрушился на Соликамск, еще только складывавшийся к тому времени солеваренный центр и посад. Церковные архивы Соликамска, по отзыву краеведа-историка А. М. Луканина, сохранили сведения о страшном погроме и разорении посада, учиненном вражеским нашествием.

Соликамск Кихек взял и сжег. Множество посадских людей погибло. Убитые были похоронены после ухода Кихека в братской могиле на песчаном холме, с южной стороны посада.

Память об этом событии хранилась три столетия спустя церковью, установившей с 1584 г. ежегодный крестный ход сюда, на братскую могилу «по обещанию и челобитью прежних мирских людей ради варварского нашествия», по словам челобитья 1711 г. Другое челобитье соликамцев, 1719 г., вспоминает: «с прошлых лет, изстари от нахождения

¹ В 1959 г. В. И. Сергеев в работе «К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака» («Вопросы истории» № 1, 1959, стр. 117—129) предпринял пересмотр первоисточников и обосновал новое понимание хронологии походов Ермака. В. И. Сергеев предлагает новую хронологическую схему походов Ермака в Сибирь на основе «нового прочтения Ремезовской летописи». Автор принимает численность дружины в 1636 человек, начало похода Ермака относит к 1 сентября 1578 г., когда дружина выступила из Орла-городка вниз по Каме к Чусовским городкам. А из Чусовских городков, по мнению В. И. Сергеева, дружина Ермака выступила в Сибирский поход в 1579 г. Осенью 1582 г. Ермак из Сибири отправляет Ивана Кольцо к Строгановым за дополнительным продовольствием и боеприпасами. Новая хронологическая схема понимания сложного вопроса о походах Ермака, предложенная В. И. Сергеевым, интересна, но едва ли без дополнительной документальной аргументации может быть принята.

войска Ногайских вогулич на город Соль Камскую и убийством... установлено празднество»¹.

После разгрома Соликамска Кихек направился в прикамские вотчины Никиты Григорьевича Строганова. Кихеку не удалось взять основных крепостей этих владений. И Камгорт-Пыскорский монастырь и Кердеган-Орел-городок отбили все атаки Кихека, который успел разорить и сжечь окрестные деревни и села. Отсюда войско Кихека пошло на Нижне-Чусовской городок Максима Яковлевича Строганова.

Отлично укрепленные Чусовской городок и Яйвенский и Сылвенский острожки не только устояли против штурмов Кихека, но вылазки строгановских гарнизонов нанесли ему основательное поражение. Решающее сражение Максимом Яковлевичем Строгановым было дано войску Кихека в районе Нижне-Чусовского городка. Оно продолжалось целый день. Строгановы, собрав вооруженную силу своего вотчинного гарнизона, вооружив сбежавшихся в Чусовской городок крестьян, промысловых работных людей и «около живущих мирных остяков и вогулич», «на того князца, в некотором месте тесном, сильное нападение учинили».

Строгановская армия численно была значительно меньше войска Кихека. Историк XVIII в. П. Икосов уверенно говорит о том, что «превосходная сила того князца много Строгановым затруднения учинила». Но строгановские вотчинные войска, по словам строгановских панегиристов, «храбро стояли с вогуличами, весь день в бою были, ибо сражение было жестокое и упорное, и победа сумнительная», «множество с неприятельской стороны убито и ранено», и, наконец, неприятель был разбит, отбит и сами враги во множестве были взяты в плен. Кихек с остатками своих бойцов бежал.

Появление Кихека в Перми Великой явилось неожиданным как для чердынских воевод, так и для Строгановых, иначе едва ли последние отправили бы Ермака с дружиной в сибирский поход из своей чусовской вотчины.

Первые донесения московскому правительству чердынских воевод кн. И. М. Елецкого и Вас. Перепелицына о действиях Кихека нам неизвестны: по-видимому, они не дошли до нашего времени. Известны только первые донесения Семена и Максима Строгановых. Семен и Максим Строгановы, управлявшие неразделенной чусовской вотчиной, обратились к московскому правительству с двумя челобитными, содержание которых известно по царским грамотам.

В первом челобитье Строгановы просят московское правительство, чтобы оно приказало чердынским воеводам «велети им дати на помочь

¹ А. М. Луканин, Церковно-историческое и археологическое описание города Соликамска, Пермь, 1882, стр. 85, 88. Это описание основано на изучении и анализе соликамских церковных архивов.

ратных людей с оружием», а во втором обращаются с просьбой указать Никите Григорьевичу Строганову также им «людей в помощь дати».

В ответ на первое челобитье-донесение о нашествии Кихека московское правительство шлет грамоту первому чердынскому воеводе кн. И. М. Елецкому от 1581 г., ноября 6. В этой грамоте московское правительство дает четкие распоряжения чердынскому воеводе по организации обороны строгановских вотчин. Правительство предписывает кн. И. М. Елецкому: «и ты б велел собрати земским старостам и целовальникам с Пермских волостей и с Камские Соли ратных людей, со всяким ратным оружием со всее Пермские земли, а головы бы у них были земские люди, а было б всяких людей человек до двухсот, а инолды болши, а инолды менши, и смотря по людям, сколко коли придет с вогуличи и с Полымским князем, и помогали б Семенову да Максиму острогу и стояли бы Семеном и Максимом заодин»¹.

Грамота предусматривает и необходимость обязательной помощи ратных людей Семена и Максима Строгановых чердынским воеводам, чтобы «Пермским и Усолским местам помогати и промышляти сообча, чтоб им всем стояти за один и беречися от воинских людей от вогуличей»². Предписания правительства чердынскому воеводе кн. И. М. Елецкому пришли 6 ноября 1581 г., в тот момент, когда пелымский князь Кихек разгромил «Пермские и Усольские места».

Предписания правительства, таким образом, запоздали и реального значения иметь не могли. Через несколько дней, 16 ноября 1581 г., московское правительство послало специальную грамоту и Никите Григорьевичу Строганову. Посылка грамоты была вызвана тем, что Семен и Максим Строгановы пожаловались на Никиту Григорьевича за то, что он в дни нападения Кихека своих ратных людей в помощь чусовским вотчинникам не дал, защищался один и действовал сепаратно. Эта грамота предписывает Никите Григорьевичу Строганову посылать «на вогуличей своих людей, сколько пригоже», в помощь Семену и Максиму Строгановым. Кроме того, указывается на необходимость держать деловой контакт с земскими старостами и чердынскими воеводами и всем быть «заодин» в обороне края³. И эта грамота реального значения иметь не могла, так как выступление Кихека уже было отбито. Обе правительственных грамоты могли иметь значение на случай будущих военных вторжений пелымских манси.

Таким образом, московское правительство не оказало реальной помощи Строгановым в подавлении волнений нерусских народов Сибири. Оно действовало лишь вслед событиям.

¹ В. Шишонко, Пермская летопись, первый период, стр. 96.

² Там же.

³ ДАИ, т. 1, № 126.

Бесспорно, что походом Кихека (осень 1581 г.) был нанесен большой ущерб строгановским владениям: особенно пострадали чусовские и сылвенские вотчины, бывшие в общем владении Семена и Максима Строгановых. О размерах бедствия определенно говорит челобитная Семена и Максима Строгановых, сохранившаяся в изложении царской грамоты 1581 г., декабря 20. Строгановы доносили правительству: «Ныне-деи, девять десятого году о Семене дни приходил Пелымский князь (с) ратью, а с ним людей семсоть человек, и их-де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве и на Чюсовой, и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поимали, и лошади и животину отогнали. А те-деи слободки их стоят на Украине. А вогуличи живут блиско их слободок, а место лешее, а людям их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни пахати, и дров сечи не дают же. И приходят-деи к им невеликие люди украдом, лошадей, коровы отганивают и людей побивают, и промысл-деи у них в слабодах отняли и соли варити не дадут»¹.

Непосредственным результатом разгрома Кихеком чусовской и сылвенской вотчин Строгановых было бегство строгановских крепостных людей за пределы вотчин, принявшее большие размеры. Вотчины пустели, нормальное ведение сложного и многообразного хозяйства делалось из-за этого невозможным. Семен и Максим Строгановы обратились к московскому правительству с челобитьем о возврате им беглых людей. Текст этого челобитья сохранился в царской грамоте 1581 г., декабря 30. В своем челобитье Строгановы писали правительству: «Приходит-деи к ним в слободы в Чюсовую, да в Сылву, да в Яйву Пелымский князь с вогуличи войною. И в те-деи поры из их слобод, из острогов и засады бегают их люди и казаки и жилцы должные в Пермь в великую, в Чердынь, и в Усолье Камское, ни с Перми-деи, ни с Усожья их людей и казаков и жилцов должных им не выдают»².

Московское правительство полностью удовлетворило просьбу Строгановых о возврате беглых, предписав второму чердынскому воеводе — Вас. Перепелицыну, который в это время был единственным воеводой (первый воевода кн. И. М. Елецкий был отозван), беглых людей Строгановых им возвращать, если хозяева «людей своих опознают», а на беглых казаков и на жильцов воевода должен был давать «в их долгу... управу по нашему указу»³. Давая такое распоряжение, московское правительство действовало в плане своей общей крепостнической политики, которая как раз в 1581 г. принимала характер решительного наступления на крестьян.

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 62.

² Там же, стр. 63—64.

³ Там же.

Именно в 1581 г. московское правительство проводит свои первые мероприятия по введению «заповедных лет». В опубликованной мной царской грамоте 1581 г., декабря 30, чердынскому воеводе Вас. Перепелицыну о возврате Строгановым их беглых крестьян еще не говорится о «заповедных годах», но основное содержание этого документа фактически устанавливает для населения строгановских вотчин «заповедные годы», так как все крепостные люди — «должные казаки», и жильцы — в случае выхода из вотчин подлежат возвращению в пределы вотчин.

Важно отметить, что, судя по содержанию царских грамот 1581 г., декабря 20 и декабря 30, правительство еще не было осведомлено об отправке Строгановыми в поход Ермака. В обоих памятниках об этом нет ни слова. Семен и Максим Строгановы, снарядив и отправив 1 сентября 1581 г. в поход Ермака, руководились правительственным планом, изложенным в предшествовавших этому времени царских грамотах. Но отправив в поход отряд Ермака в Сибирь и, по-видимому, не поставив в известность об этом московское правительство, Семен и Максим Строгановы в ноябре 1581 г. просят правительство разрешить им новый набор охочих людей в их вотчинную армию.

В своей челобитной Строгановы пишут: «а Семен деи да Максим охочих казаков и своими людьми на вогульские улусы без нашего указу войной приходити не смеют». Правительство дает просимое Строгановыми право войны с «вогульскими улусы». Грамота 1581 г., декабря 20, на имя пермских и соликамских старост и целовальников и всем земским людям предписывает, во-первых, «которые будет охочие люди похотят итти в Оникиевы слободы в Чюсовую, и в Сылву и Яйву на их наем, и те б люди в Оникиевы слободы шли»¹.

Таким образом, Строгановым разрешается формировать новую вотчинную армию из земских людей Пермского и Соликамского уездов. Царская грамота дает им право определять начало войны и выбирать средства и методы ее ведения против немирных «вогульских улусов». «А которые вогуличи на их остроги войною приходят и задоры чинят, и на тех бы вогулич приходили, и над ними промысля и, смотря на тамошнему, чтоб от войны уберечися, и над ними поискати, и войною издосадити и вперед им неповадно (было) воровать». И, наконец, земским старостам и целовальникам предписывается: «а вы бы всею землею Пермскою с ними сопча стояли за один, и промышляли сопча, чтоб на вас вогуличи вперед войной не приходили»².

Царская грамота 1581 г., декабря 30, писана на имя одного Вас. Перепелицына, значит, в декабре 1581 г. первый воевода кн. И. М. Елец-

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 63—64.

² Там же.

кий был уже отозван правительством из Чердыни. Чердынским воеводой с декабря 1581 г. до ноября 1582 г. оставался только один Вас. Перепелицын. И только в ноябре 1582 г. прибыл в Чердынь новый наместник — Воин Оничков; был прислан также и новый начальник всех воинских сил Мермского края — Иван Глухов (в 1583 г. он будет состоять в товарищах первого сибирского воеводы кн. С. Д. Болховского).

Если основные силы пелымского князя Кихека были разбиты в чувсовских вотчинах Строгановых еще осенью 1581 г., то сопротивление мелких отрядов и манси в Пермской земле продолжалось зиму и весну 1581 г.¹ Об этом можно догадываться по тому, что крестный ход в Соликамске на братскую могилу погибших защитников был назначен на июнь месяц, что могло свидетельствовать о полном избавлении от врагов. Вероятно, непрерывавшимися военными действиями и занятостью руководством ими чердынского наместника Вас. Перепелицына надо объяснить то обстоятельство, что последний очень поздно узнал об уходе из чувсовских вотчин Строгановых Ермака в сибирский поход. Только через год после ухода Ермака Тимофеевича чердынский воевода в своем отчете правительству выставляет как основную причину страшного погрома Пермской земли отсутствие главных сил вотчинной армии Строгановых, которая под командой Ермака была послана ими в Сибирь без ведома чердынского наместника и московского правительства.

Ответом на этот отчет-донесение Вас. Перепелицына и явилась хорошо известная историкам царская грамота 1582 г., ноября 16, называемая «гневной», или «опальной», для Строгановых. Истолкование этой грамоты вызывало среди исследователей много разногласий.

Некоторые авторы считали ошибочной дату в заключительном протоколе этой грамоты — «1582 (7091 год)» и предлагали поправку — «1581 (7090 год)». Другие историки, например Шляков и Катанаев, слишком буквально понимали датировку событий, излагаемых этой грамотой. Н. Шляков и Г. Е. Катанаев считают, что раз грамота дана правительством в 1582 г., ноября 16, то и начало похода Ермака в Сибирь падает на 1582 г., сентября 1, а не на 1581 г. Соответственно с этим ими излагаются и все последующие факты завоевания Сибири².

Предложенное Н. Шляковым и Г. Е. Катанаевым изменение датировки похода Ермака не было принято наукой. С. М. Соловьев и особенно Л. Н. Майков доказали, что грамота 1582 г., ноября 16,

¹ До календарной реформы Петра I в 1699 г. новый год в Русском государстве начинался с 1 сентября.

² См. Г. Е. Катанаев, Еще об Ермаке и его Сибирском походе (новые вариации на старую тему), «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. 15, вып. 2, Омск, 1893, стр. 10, прим. 2; Н. Шляков, Ермак Тимофеевич летом 1581 г., ЖМНП, июль 1901, стр. 33, 41.

припоминая события предшествовавшего года, упрекает Строгановых «в преследовании своих частных интересов в ущерб государственным нуждам». Это мнение С. М. Соловьева и Л. Н. Майкова поддерживается С. Ф. Платоновым, С. В. Бахрушиным и А. А. Введенским. Не оспаривают дату 1581 г., сентября 1, как начало похода Ермака и критики, отвергающие достоверность Строгановской летописи: П. И. Небольсин, С. А. Адрианов, А. М. Ставрович и А. И. Андреев.

Другим спорным моментом является содержание начальной части грамоты 1582 г., ноября 16. Здесь указывается, что грамота адресована Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым, в то время как в пересказе этой грамоты Строгановской летописью говорится, что грамота была адресована не двум, а трем Строгановым: Семену Аникиевичу, Максиму и Никите Строгановым.

А. М. Ставрович, а за ней и А. И. Андреев из расхождения делают вывод о полном неучастии Семена Аникиевича в организации похода Ермака и считают, что Строгановская летопись является фальсификатом, изготовленным в интересах потомков Семена Аникиевича. Такой вывод нельзя признать правильным. Неверно предположение этих авторов о неучастии Семена Аникиевича Строганова в организации похода Ермака уже потому, что в строгановских деловых документах указывается совершенно точно, что чусовская вотчина, откуда вышел в поход Ермак и где он провел всю подготовку, находилась до 1584 г. в общем и нераздельном владении Семена Аникиевича и Максима Яковлевича Строгановых, несших общую ответственность перед московским правительством за все, что делалось в этой вотчине. К тому же известно, что все доходы и расходы делились поровну между двумя совладельцами. Невключение в текст царской грамоты 1581 г., ноября 16, в число адресатов Семена Аникиевича Строганова, могло произойти потому, что он не был упомянут в отписке-донесении наместника Вас. Перепелицына. В первой части грамоты, где идет приказный пересказ отписки-донесения наместника Чердыни, имя Семена Аникиевича не упоминается вовсе. Если бы это имя было написано Вас. Перепелицыным, то едва ли московское правительство опустило бы его совсем.

Не исключено и другое предположение, что Семен Аникиевич Строганов в момент составления грамоты находился в Москве или, как обычно, у себя в Сольвычегодске. А потому ему аналогичная грамота была вручена лично или послана отдельно в Сольвычегодск.

Нельзя согласиться с истолкованием основного содержания грамоты 1581 г., ноября 16, которое дает С. А. Адрианов. Стремясь доказать, что «Ермак действовал по собственной инициативе и совершенно независимо от Строгановых», С. А. Адрианов пишет, что чердынский наместник Вас. Перепелицын ложно доносил правительству, «желая

навлечь царскую опалу на Строгановых, обвинил их в призвании воров казаков и в задирании Сибирского салтана». Мотивом же такой лжи было то, что «от Строгановских привилегий кормление Чердынского воеводы сильно страдало»¹.

А. И. Андреев считает, что эти доводы никем, в том числе и С. В. Бахрушиным, не были поколеблены². С. В. Бахрушину незачем было опровергать искусственные построения С. А. Адрианова уже потому, что они были опровергнуты А. А. Дмитриевым, который писал:

«1) Если Перепелицын наклеветал на Строгановых в своей челобитной царю, будто они призывали Ермака, царь же поверил клевете и сделал ошибку в грамоте 1582 г., повторенную затем в последующих царских грамотах, то почему Строгановы со своей стороны не жаловались царю на Перепелицына за то, что он допустил казаков безнаказанно разбойничать в вотчинах Строгановых, по словам Ремезова; допустил задирания их с соседними инородцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчас по уходе казаков; клевета, с одной стороны, и благодарность за нее с другой — немыслимы.

2) Если Перепелицын заведомо по злобе сказал царю ложь про Строгановых, представив их изменниками, то почему Строгановы не приняли никаких мер к оправданию себя в глазах царя при посредстве хотя бы того же князя Елецкого, как недавнего свидетеля всего происходившего, только что вернувшегося из Перми в Москву, или самих казацких атаманов, вскоре получивших царское прощение, а с ним и доверие: клевета, с одной стороны, и молчание правого — с другой, особенно перед лицом царя, не совместимы.

3) Если весь Сибирский поход был делом самих казаков без всякого участия Строгановых (по Есипову) и даже с ущербом для них (по Ремезову), то почему Строгановы, ранее проявившие на Каме и Чусовой такую энергию и предприимчивость, безропотно отказались от всех прав на данные им обширные земли в Сибири, коих свободно хватило бы и на их долю по завоевании страны казаками; отказались от этого богатства, лежавшего под их ногами, при тех широких льготах, какие предоставляла им грамота 1574 г., почти списанная с таких же грамот на земли по Каме (1558 г.) и Чусовой (1568 г.): бить самого себя человеку не свойственно»³.

¹ С. А. Адрианов, К вопросу о покорении Сибири, ЖМНП № 1, 1893, стр. 548, 549.

² См. А. И. Андреев, Очерки..., стр. 214—215.

³ А. А. Дмитриев, Роль Строгановых в покорении Сибири, ЖМНП № 1, 1894, стр. 44—45. Ср. такого же рода аргументацию в историческом обозрении Тобольской губернии в кн.: «Списки населенных мест Российской империи», т. 60, Тобольская губерния, СПб., 1871, стр. XXI—XXIV.

С. А. Адрианов, А. М. Ставрович и А. И. Андреев не дали ответа на три альтернативы, поставленные А. А. Дмитриевым. Соображения же А. А. Дмитриева совершенно разрушают искусственные построения С. А. Адрианова, А. М. Ставрович и А. И. Андреева. Нельзя думать, что чердынский наместник Вас. Перепелицын осмелился лгать на могущественных вотчинников, вхожих во дворец к грозному царю.

Московское правительство, поздно получив сведения о походе Ермака из чусовских вотчин Строгановых, сопоставило дату начала этого похода с датой нашествия Кихека и, убедившись, что эти события произошли одновременно, пришло к выводу, что Строгановы, посылая Ермака, действовали в корыстных интересах, забыв или пренебрегая интересами государственной обороны восточных границ: «и то все осталось вашим воровством и изменою»¹.

Но гнев царской власти не был грозным для Строгановых. Правительство не налагало на них опалы, никак их не наказывало, оно лишь потребовало выполнения своего внешнеполитического плана на Востоке.

Правительство послало нового наместника в Чердынь — Воина Оничкова с начальником ратных людей Иваном Глуховым и приказало Строгановым вернуть отряд Ермака, одну половину отряда направить для обороны Перми (Чердыни), а другую половину — в Усолье Камское. По прибытии отряда Ермака на указанные им места предписывалось начать наступление: «на Пелымского князя зимою на нартах ходить, воевать велели есми тем всем казакам — чтобы вперед воинские люди, пелымцы и остяки, и вогуличи с сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и наши земли не извоевали». Грамота разрешала Строгановым оставить для обороны своих острогов «немногих людей — человек до 100, с которым атаманом, а достальных всех выслали в Чердынь однолично тотчас». Невыполнение этих указаний повлечет за собой наложение на Строгановых «опала своя... большая»².

Правительственный план борьбы с врагом был явно нереален и, кроме того, запаздывал: казаки и строгановские люди под командой Ермака уже ворвались в Кучумово Сибирское царство и громили его. Вернуть Ермака было нельзя. Да и самый поход Ермака был тем совершившимся наступлением, которое правительство только собиралось готовить.

Таким образом, Строгановы предвосхитили правительственный план, начали его проведение, не дожидаясь специальных указаний. Действовали они в точном соответствии с директивами и правительственными планами, сформулированными более общо в грамотах, отправленных

¹ ДАИ, т. 1, № 128.

² Там же.

к Строгановым в 1574 г. Следовательно, им не было оснований ожидать «опалы большой». И действительно, как только поступили сведения от Ермака в Москву о завоевании Кучумовой Сибири, последовала не «опала большая» Строгановым, а, вероятно, благодарность. Впрочем, документальных свидетельств о ней мы не знаем.

Как известно, поход Ермака совершался за пределами пермских вотчин Строгановых, и исследование его не входит в нашу задачу. Важно лишь отметить, что московское правительство в ходе завоевания Сибири возлагало на пермские вотчины Строгановых большие задачи, требовало от богатых вотчинников активной помощи в реализации своей восточной политики. Так, по грамоте 1584 г., января 7, правительство сначала проектировало затребовать от Строгановых в зимний поход «50 человек на конях», но, когда убедилось, что «в Сибирь зимним путем на конях пройти не мочно», предписало «под нашу рать и под запас 15 стругов со всем судовым запасом, которые бы струги подняли по 20 человек с запасом». Князь С. Болховской с головами Ив. Киреевым и Ив. Глуховым были посланы правительством в Сибирь на помощь истощенной в походах и боях дружине Ермака. С. Болховской, явившись со своим отрядом в Искор в ноябре 1584 г., большой помощи казакам не оказал: в Искоре не было продовольствия, и сам Болховской вскоре умер от голода.

После гибели Ермака, 6 августа 1584 г., и отступления остатков его войск и отряда Болховского Сибирь была потеряна на короткое время. Московскому правительству пришлось заново ее завоевывать. Делать это теперь было легче: Ермак нанес непоправимый и страшный удар татарской государственности.

Второе завоевание прошло также при активной помощи пермских вотчин Строгановых. Известно, что по грамоте 1592 г., июля 2, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы должны были дать из своих пермских вотчин «100 человек ратных людей с рушницами, и с луки, и кремли и с рогатинами и со всяким ратным боем».

Эти строгановские ратные силы брались в два приема: «с соленого промыслу с Орла и Чюсовой» в июле 1592 г. 50 человек шли сразу же в распоряжение правительственного головы Михаила Шокурова, а остальные 50 человек «конных» Строгановы должны были приготовить и дать их, когда об этом состоится специальный указ «к перевозимью в войну на Пелымского». Всем своим ратникам Строгановы в пермских вотчинах давали «наем по месяцам, сколько проживут и проедят», и, кроме того, «запасу им велели имати на всю осень и на всю зиму и до весны».

Первую партию в 50 человек вооруженных строгановских людей вотчинники доставляли на своих судах на сборный пункт «в Пермь» — в Чердынь.

Таким образом, и во время завершения завоевания Западной Сибири пермские вотчины Строгановых являлись важнейшей тыловой базой, откуда велось правительственное наступление на Сибирь. Здесь же проходило формирование необходимых для этого завоевания военных сил.

Строгановы сыграли значительную роль в завоевании Сибири. Им принадлежит инициатива в наступлении на нее. Поход, предпринятый Строгановыми в 1581 г., был реализацией правительственного плана восточной политики, изложенного в грамотах правительства к Строгановым 1568, 1572 и 1574 гг., а пермские вотчины были основной базой правительственного наступления.

Таков краткий вывод, который надо сделать, объективно исследуя проблему Строгановых, Ермака и завоевания Сибири.

Завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем при деятельном участии и поддержке Строгановых, будучи предприятием русского феодального государства, в то же время послужило началом великому движению русского народа от Уральского хребта на восток, которое привело к освоению необъятных пространств Сибири русскими крестьянами, вышедшими позже на берега Тихого океана. И Тихий океан не остановил мощного движения русского народа дальше на восток: отважные «землепроходцы» и «землеседы», русские казаки и крестьяне через Алеутские острова вышли к Аляске, проложили себе дорогу вдоль восточного побережья Америки и заселили все это побережье до Калифорнийского побережья, основав «русскую Америку».

За народной колонизацией сибирских пространств шли правительственные агенты-воеводы, возглавившие гарнизоны сибирских острожков, откуда распространялась феодально-крепостническая эксплуатация нерусских народностей Сибири.

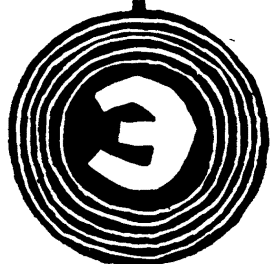
Но распространение русского народа по пространству всей Сибири и установление власти Русского государства объективно имело прогрессивное значение, поскольку народы Сибири приобщились к более высокой русской культуре, заимствовали более развитую технику сельскохозяйственного и ремесленного производства. Освоение Русским государством Сибири способствовало более быстрому разложению патриархального первобытнородового строя, в котором пребывал еще целый ряд народов Сибири.

Ускорение разложения первобытнообщинного строя способствовало здесь переходу к феодальным отношениям, что явилось прогрессивным явлением для местного населения.

Таким образом, походы Ермака Тимофеевича в Сибирь, приведшие к ее присоединению к Русскому государству, открыли новую страницу в исторической жизни народов Сибири.

Пересмотр всех первоисточников и историографии вопроса о Ермаке Тимофеевиче и его завоевании Западной Сибири с привлечением и вновь открытых царских грамот приводит к выводу об одновременности написания в 30-х годах XVII в. Строгановской и Есиповской сибирских летописей. Устанавливается и их научная равноценность и достоверность. Строгановская летопись, написанная представителем строгановской дворовой интеллигенции, использовала никому в то время недоступные дворовые строгановские архивы и дала изложение подготовки и начала похода Ермака в пределах строгановских вотчин в Западном Приуралье. Есиповская летопись, вышедшая из резиденции тобольского архиепископа, изложила события похода Ермака в Восточном Приуралье. Но оба летописца имели и общий протограф. Анализ данных всех первоисточников устанавливает бесспорность инициативы Строгановых и организации сибирского похода Ермака, который состоял на их вотчинной службе. Двести лет продолжающийся научный спор о роли Строгановых в сибирском походе Ермака должен быть закончен признанием решающей роли Строгановых в завоевании Русским государством Западной Сибири. Правительство Ивана Грозного дало полномочия и санкцию на организацию защиты восточных рубежей Русского государства Строгановым и разрешило им держать вотчинную армию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ДОМ СТРОГАНОВЫХ В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ

кономический кризис второй половины XVI в., охвативший Русское государство и приведший в конечном счете к крестьянской войне начала XVII в., осложненной польско-шведской интервенцией, не только не затронул сколько-нибудь серьезно и глубоко строгановские вотчины в Перми Великой, наоборот, в обстановке кризиса пермские вотчины продолжали хозяйственно крепнуть и территориально расти.

Процесс увеличения территории пермских вотчин, впрочем, шел не совсем гладко. В 1588 г. правительство царя Федора Ивановича провело конфискацию всей орловской вотчины на Каме-реке Никиты Григорьевича Строганова, которая была отписана на государя. Грамота 1588 г. о конфискации вотчины не сохранилась, Строгановы ее, быть может, затеряли или намеренно уничтожили. Но о самом факте отобрания правительством вотчины у Никиты Григорьевича Строганова говорится в тексте грамоты 1591 г., тоже до нас не дошедшей. Основное ее содержание изложено в тексте сводной грамоты 1692 г., июля 25, являющейся энциклопедией строгановских грамот, жалованных им в XVI—XVII вв. правительством.

В грамоте 1591 г. говорится о вторичном пожаловании Никите Григорьевичу Строганову его орловской вотчины: «Пожаловал он, великий государь... велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою и с вар-

ницами и с деревнями и с починками и со всеми к ним угодьи владеть по-прежнему... и посадских людей и крестьян во всяких меж ими делах судить ему Никите или кому он прикажет, а Пермским наместникам и воеводам и приказным людям его Никиту и людей его и Орловских посадских людей и Орловского уезду крестьян судити и к нему в вотчину въезжать и посылать (опричь разбою и татбы с поличным) ни почто не велено»¹.

Таким образом, грамота 1591 г. о вторичном пожаловании орловской вотчины полностью восстанавливает прежние судебные, финансовые и другие иммунитеты, какие были даны на эту вотчину первоначально жалованной грамотой 1564 г., января 2, отцу Никиты Григорьевича Григорию Аникиевичу Строганову.

Мы не знаем причин «опалы великой», лишившей Никиту Григорьевича на три года, с 1588 до 1591, его пермской вотчины. Историк XVIII в. П. Икосов, первый сообщивший о факте конфискации вотчин 1588 г., пытался дать объяснение этому факту. П. Икосов полагал, что Орел-городок на Каме с уездом «взят был от Строгановых для способности Сибирской дороги, а когда сыскана дорога мимо Перми, т. е. города Чердыни, то паки в 1591 (7099) году к Строгановым возвращен»². А. А. Дмитриев правильно указал, что дорога через Чердынь пролежала в Сибирь ранее 1588 г., а указ Федора Ивановича о проведывании новой дороги в Сибирь через Соликамск последовал в 1595 г. И с своей стороны А. А. Дмитриев считал, что отписка на государя вотчины Никиты Григорьевича была наказанием, «великой опалой» московского правительства за неучастие его в организации похода Ермака для завоевания Сибири³.

Мы не имеем никаких данных для суждения о причинах гнева правительства на Никиту Григорьевича Строганова, но гнев этот не был продолжительным. С возвращением вотчин Никита Григорьевич Строганов вернул и доверие и благорасположенность к себе правительства. Уже в 1597 г., апреля 7, Никита Григорьевич Строганов сумел получить от московского правительства новое «государское жалованье» в вотчину — земли от прежней межи по Каме, установленной старыми грамотами Ивана IV, вниз по реке на 55 верст, от р. Ласьвы до р. Ошапа. Этим пожалованием вотчина Никиты Григорьевича Строганова увеличивалась на 586 382 десятины 634 сажени, по расчету Ф. А. Волегова.

¹ Н. Г. Устрялов, Именитые люди Строгановы, СПб., 1842, приложение, стр. 42—43.

² П. С. Икосов, История..., стр. 63 (прим.).

³ См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 6, стр. 60.

Пространство по Каме на 35 верст было пожаловано со всеми впадающими в реку Каму речками: «И в той меже в Каму реку по обе стороны речки впади: Сюзьва, да Нытва, да Юг, да Очер, да Ошاپ и по Каме реке от Ласьвы речки до Ошәпу по обе стороны и иные малые речки дикие, которые впади в Ласьву и в Сюзьву, и в Нытву, и в Очер и в Юг и в Ошәп по обе стороны с устья и до вершин»¹.

Вновь пожалованная вотчина имела своим административным центром Очерский острожек, отстроенный сейчас же после пожалования Никитой Григорьевичем Строгановым в семи верстах от Камы на р. Очере. Очерская вотчина была описана в 1613—1614 гг. писцами из Москвы Десятым Федоровичем Змеевым и подьячим Василием Михайловичем.

В 1614 г. писцы нашли в очерской вотчине Очерский острожек со Стретенской деревянной церковью, вотчинниковым двором, а всего в острожке и Очерском уезде три двора лучших людей, 50 крестьянских пашенных, 14 непашенных бобыльских и 20 пищальничьих. К острожку тянули 7 деревень и 5 починков. Дани писцами было положено на очерскую вотчину 15 рублей 30 алтын полторы деньги².

Увеличенная этим пожалованием 1597 г. вотчина Никиты Григорьевича Строганова потребовала нового пункта сбыта соляного и иного товара. Поэтому Никита Григорьевич Строганов в 1609 г. приобрел место в Кай-городке для построения «двора на приезд» на Каме и судовую пристань с амбаром. Землю в Кай-городке отводили дьяк Сарыч Шестаков и подьячий Второй Ильин, которые и дали Никите Григорьевичу Строганову особую выпись на эти места.

В самом начале XVII в. Строгановы купили несколько пожен около Соликамска, что регистрирует писцовая книга Кайсарова 1623—1624 гг. Кроме расширения пермской вотчины путем царского пожалования и покупок Строгановы за время крестьянской войны в начале XVII в. проводили усиленное строительство.

Орел-городок, где были варницы, стал подмываться течением Камы-реки, варничный промысел разрушался и весенними наводнениями, и осенними паводками в дождливые сезоны. Поэтому возникла острая необходимость переноса «варничного строения» на новое место. Такое место и было найдено в Новом Усолье, чрезвычайно богатым отличным качества соляными рассолами, неисчерпаемыми и до сих пор эксплуатируемыми непрерывно с XVI в. Слободка Новое Усолье основывается

¹ А. А. Введенский, Строгановы в Казани в XVI—XVII вв., «Труды исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко», т. 1, Киев, 1939, стр. 86—87.

² ЦГАДА, ф. 365, Сотная Змеева 1614 (7123) г., декабря 14, картон 25.

в 1606 г., отстраивается много деревень и починков, а в 1610 г. устраивается Верхне-Чусовской городок. Со второй половины XVI в. в пермской вотчине неуклонно растет население за счет новоприбылого из затронутого экономическим кризисом центра Русского государства. Рост строительства деревень и увеличения населения в пермских вотчинах Строгановых виден из следующей таблицы:

Таблица 1

**Строительство острожков, деревень, починков
и увеличение населения в пермских вотчинах Строгановых в XVI—XVII вв.**

Время переписей	Острожки и слободки	Деревни	Починки	Дворы	Число людей мужского пола
1579 г. по переписи писца Яхонтова . . .	3	8	24	209	406
1614 г. по сотной писца Змеева в одной Очерской вотчине	1	7	5	88	122
1615 г. по отписке игумена Кирилла о сборе пятой деньги со Строгановых	5	—	—	—	—
1623—1624 гг. по переписи писца Кайсарова	9	72	60	1 032	1 485
1642 г. по переписи писца Чемезова . . .	10	163	28	1 264	4 529
1647 г. по переписи писца Елизарова . . .	14	179	56	1 602	5 601
1673 г. по переписи писца Бельского . . .	18	176	153	2 855	9 462
1700 г. по отказным книгам К. Ф. Цызырева	—	—	—	3 418	14 003

Из настоящей таблицы видно, что в период своего становления и первоначальной организации пермские вотчины Строгановых с 1579 по 1624 г. увеличили число населения с 406 до 1485 человек (более чем в 3 раза), а число населенных пунктов разных категорий увеличилось с 48 до 141 (примерно в 3 раза). Интересен дальнейший рост строгановского населения с 1624 по 1673 г., когда его численность с 1485 достигла 9462 человек, увеличившись в 6,5 раза. В это же время число населенных пунктов со 141 выросло до 347 (в 2,5 раза). Чрезвычайно важно отметить, что наряду с ростом числа населенных пунктов и населения в пермских вотчинах Строгановых происходил в то же время и неуклонный рост производственного оборудования и доходных объектов. Это видно из таблицы на стр. 116.

Данные о доходных объектах в пермской вотчине отрывочны и неполны. Но рост производства в годы крестьянской войны несомненен на примере Нового Усолья, созданного в 1606 г. Никитой Григорьевичем Строгановым, где до его смерти в 1618 г. было пущено в ход восемь

**Рост производственного оборудования и доходных объектов
в пермских вотчинах Строгановых в XVI—XVII вв.**

Время переписей	Варниц	Мельниц	Лавок	
1579 г. по переписи писца Яхонтова	—	1	—	В Орле до 1606 г. было 9 варниц у Никиты Строганова
1614 г. по сотной Девятого Змеева в Новом Усолье Никиты Строганова	8	2	—	У Никиты Строганова в Орле—1 варница, в Усолье—8 варниц
1615 г. по отписке игумена Кирилла о сборе пятой деньги со Строгановых	25	—	—	У Максима Строганова в Яйве—6 варниц, в Н.-Чусовской—6 варниц
1623—1624 гг. по переписи Кайсарова	26	12	31	У Андрея и Петра Строгановых в В.-Чусовском—4 варницы.
1634—1635 гг.	28			
1647 г. по переписи Елизарова . . .	31			
1685 г.	78			
1697 г. по отказным книгам К. Ф. Цызырева	162			

постоянно топившихся варниц. Эти восемь новоусольских варниц в момент раздела их между Максимом Яковлевым, с одной стороны, и Андреем и Петром Семеновичами—с другой, дали за 1621/22 г. 24 238 пудов соли, которая не была продана и лежала в новоусольских амбарах. Кроме того, неизвестное количество соли было продано на низовых рынках и променено «на хлеб» вятчинам. Всего же у всех Строгановых в пермских вотчинах в годы крестьянской войны и вражеской интервенции в начале XVII в. было 25 действующих и 9 недействующих варниц в Орле-городке.

Успехи в хозяйственном строительстве пермской вотчины Строгановых имели место в условиях усиления крепостной эксплуатации русского и местного населения, которое не всегда оставалось безропотным и отвечало вотчинникам протестом, нередко в форме вооруженного восстания.

С. В. Бахрушин, специально изучавший историю княжеств ханты и манси в XVI—XVII вв., указывает, что в 80—90-х годах XVI в. манси неоднократно нападали на русские поселения, возникавшие на их земле. Особенно сильно страдали вотчины Строгановых. Он отмечает, что в войнах со Строгановыми манси нашли себе союзников в лице строгановских крестьян и мелких русских служилых людей. Так, в конце XVI в. на строгановскую вотчину «на Чусовую и на Курью с вогули-

чами приходил разбоем и грабежом» некто Офонька Шешуков; вогуличи, «скопясь с товарищи своими», «войною, воровством и изменою животы русских людей Максимовых с братьею (Строгановых) грабили и лошади и коровы и овцы побивали и переели, а иные с собою взяли и продавали проезжим людям и вотчины их разоряли, варницы жечь и людей стрелять хотели». Манси действовали, как определенно сказано в документах, «сговорясь с воры», «стакався с Максимовыми крестьяны» (Строганова). Таким образом, мы имеем здесь дело с совместным выступлением манси и русских крестьян против общего классового врага.

Самая личность предводителя этого восстания очень характерна. Правительство видело в нем представителя низшего слоя тогдашнего общества — «мужиков безлепичных, ярыжек и казаков». Едва ли не первый в русской истории он использовал в целях восстания подложную царскую грамоту. Манси утверждали, «будто они для того ходили, что им Офонка грамоту казал», очевидно, призывавшую к погрому строгановских вотчин. С. В. Бахрушин не без оснований предполагает, что восставшие не ограничились одним набегом и что имел место случай и вторичного нападения¹.

Имеются данные, позволяющие установить причины, лежащие в основе недовольства манси, находившихся в пределах пермских вотчин Строгановых. Так, в «мировой записи» 1602—1603 гг. новокрещенного чувовского «вогулятина» Павла Артабашева, данной им Андрею и Петру Семеновичам Строгановым, имеется изложение двух мансийских челобитий на притеснения и обиды богатых вотчинников. В 1602—1603 гг. чувовские манси подали челобитную на имя царя Бориса Федоровича в приказ Казанского и Мещерского дворца дьяку Нечаю Федорову на строгановского приказчика Шарапа, который в 1600—1601 гг. отнял «насильством» у манси Павла Артабашева «три бобры черных, цена им шесть рублей, да зверя лося и с кожею, цена полтора рубля да два рубля денег». Кроме того, приказчик Шарап нанял челобитчика «для лошадиного сыску», сулил уплатить восемь рублей и не уплатил. В другой челобитной, поданной коллективом чувовских ясачных манси «Бебяковы родни с сотником Еимашем Катымовым, да сотским, Байдеряск Калвонов, да Баита, да Копчик, да Шокула Ешамовы и во всех товарищов своих Чюсовских вагулич место» учитывается, что в 1601—1602 гг. Андрей и Петр Строгановы через своих чувовских приказчиков «насильством» завладели «старинной дедовской и отцов наших и нашей вотчинной землей», рыбной и лесной ловлей по речкам Шалашне, Шушпалке,

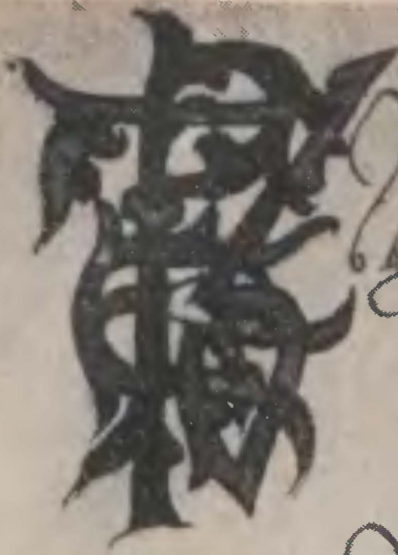
¹ См. С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, Л., 1935, стр. 19; ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 24, № 5; портфели Миллера, 478, № 22; ЛОИИ, ф. 125, оп. № 1, № 613; ДАИ, т. 1, № 126.

Вильве, Кузьве и Кужме и, кроме того, еще «у Чюсовских вагулич отняли пашню и оне и их крестьяне на себя пашут и сена косят и всякими угодьями владеют»¹.

Таким образом, в то время как в центре и на западных окраинах Русского государства углублялся экономический кризис и начиналась крестьянская война, позже осложненная польско-шведской интервенцией, на восточных рубежах, в пермских вотчинах Строгановых, не видно явлений кризиса, здесь идет «нормальная» вотчинная жизнь, основанная на колониальном притеснении местного населения. Неизбежные вспышки гнева угнетенных манси подавляются либо военной силой гарнизона Нижне-Чусовского городка, либо крючкотворной «мировой записью», где восставшим манси даются юридически обоснованные доводы правильности поведения строгановских приказчиков. При заключении таких «мировых записей», вероятно, дело не обходилось без подкупа родоплеменной старшины чусовских манси.

И сольвычегодская вотчина Строгановых не только не была затронута кризисом, но ее владельцы не без успеха стараются извлечь добавочные прибыли в условиях кризиса и начавшейся крестьянской войны в начале XVII в. Строгановы в Сольвычегодске и во всем уезде начали вести крупную спекулятивную игру на повышение цен на хлеб. Вместе с ними беззастенчивой спекуляцией занимались «архимандриты и игумены и епискупли дети боярские» и «многие прожиточные» крестьяне. Строгановы и их приказчики осенью 1601 г. после уборки скудного урожая, «зговоряся для своей корысти» с другими спекулянтами-церковниками и приезжими прожиточными людьми, стали быстро скупать весь хлеб «прошлых лет старые пахоты» и «привозу ржаново и ярового молоченого и в кладех немолоченого всякого хлеба много». Интересны методы спекулятивной закупки хлеба, практиковавшиеся Строгановыми и другими скупщиками. Строгановы «прежде сего до нынешние поры за полгода ездя и розсылая по всей Вычегодской земле в станы, и в волости и села, и в слободы, и в погосты в хлебную дешевую пору роздали и издадали на хлеб по дешевой цене многие деньги». Закупив заблаговременно, по весне, весь хлеб на корню, Строгановы «тот весь хлеб у себя затворили и затаили и для своих прибылей вздорожили в хлебе великую цену». Спекулянты если и выпускали в продажу хлеб, то «они тот свой хлеб отдают скупщиком богатым приезжим и тутошним людям на большие деньги в отвоз свалным обычаем чети по сту, и по двести, и по триста, врознь по четям на торги не возят, и молотчим посацким людям, и нужным пашенным крестьяном никому никакова хлеба четью и осминою не продают».

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 159.

Въсвѣдѣніе о славѣ
и о добродѣтели

и о чести и о богатствѣ
и о славіи и о силѣ

и о мудрости и о силѣ
и о чести и о богатствѣ

и о добродѣтели и о силѣ
и о чести и о богатствѣ

Образцы скорописных почерков строгановских писцов.

Из «Азбуковника» 1605 г., ЛОИИ, ф. 115, № 160.

Главные же запасы скупленного хлеба Строгановы с другими спекулянтами «держат у себя во дворах, и по житницам, и по анбарам, и по лавкам, и по ямам многой хлеб, а у иных стоит не молочен в кладях, и в скирдах, и в одоньях многих лет, а на продажу де тово хлеба не явят, а и вывозят на торги, и на ярманки, и на торшки по немногу, зговорясь воровством, цену вздораживая и ожидая тово, чтоб им также вперед еще тово больши хлеб к своей корысти вздорожити»¹.

Строгановы наряду с крупными операциями по спекулятивной скупке крупных партий хлеба в глубинных пунктах Сольвычегодского уезда не стеснялись и мелкой спекуляцией. В базарные дни они высылали своих приказчиков на дороги, ведущие в Сольвычегодск, навстречу крестьянам. Строгановские приказчики «стоят на тех дорогах версты за две, и за три, и за десять, и больши, не хотя тех крестьян с хлебом на торг и на ярманку для волные дешевые продажи пропустить, и у них тот весь хлеб на тех дорогах не допустя к торгу, закупают». Если же крестьяне с хлебом и прорвутся через заградительные пикеты строгановских приказчиков, то на рынке Строгановы, сговорясь с другими спекулянтами, покупают хлеб по дорогой цене «для того, чтоб им в том закупном хлебе цены не одешевити и продавати б им тот свой закупной хлеб дорогою болшою ценою ис цены не опустя». Не мудрено, что в результате такой спекулятивной деятельности Строгановых в союзе с другими скупщиками «цена хлебу у Соли Вычегоцкой от часу прибывает и дорожает со дни на день больши прежнего»².

Спекулятивная деятельность Строгановых, развитая ими в пределах и за пределами их сольвычегодской вотчины, продолжалась в голодные годы начала XVII в., когда правительство царя Бориса Годунова пытается приостановить народное бедствие целым рядом широко проводимых мероприятий: организацией общественных работ, установлением твердой таксы на хлеб, энергичной поддержкой помещичьих хозяйств дворян — средних и мелких землевладельцев, в интересах которых регулируется и крестьянский вопрос. Но в это напряженное время и страшные годы, таившие в себе начало трагических событий самозванщины и вражеской интервенции, Строгановы замкнуты в сфере своих узковотчинных интересов, в их деятельности не видно государственной оценки событий. Они в эти годы остаются крупными предпринимателями, хищными стяжателями в сольвычегодской вотчине, а как вотчинники восточных рубежей государства в Приуралье продолжают выполнять функций правительственных агентов по проведению восточной политики.

¹ М. И. Семеvский, Историко-юридические акты XVI—XVII вв. СПб., 1892, стр. 55—56.

² А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 104—107.

До государственной оценки событий Строгановы подымутся только в трагические годы царствования царя Василия Ивановича Шуйского, когда окажутся затронутыми их вотчинные интересы.

Воцарение Лжедмитрия I в строгановских вотчинах не принесло изменений, сколько-нибудь нарушавших налаженный и нормальный ход их внутренней жизни. Грамота Лжедмитрия I 1605 г., июня 6, с объявлением его вступления во власть пришла в Сольвычегодск 18 июня, доставленная сюда устюжским целовальником Пятко Кисельниковым. Из этой грамоты Строгановы официально узнали о том, что «бог нам великому государю Московское государство поручил» и что уже на Москве новому царю присягнули боярская дума, освященный собор и бояре большие, и жильцы, и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и гости московские. Скоро прибыла в Сольвычегодск и грамота о приведении к присяге гостей, посадских и черных людей от 1605, июня 12, с приложением текста «подкрестной записи». 23—25 июня в Сольвычегодске все население было приведено к присяге. Безропотно присягнули и все Строгановы, вероятно, не без удовлетворения отметившие в грамоте нового царя довольно заманчивое, но расплывчато-неопределенное обещание: «А как всяких людей к крестному целованью приведете, и мы вас и их пожалуем великим своим царским жалованьем, чего у вас на разуме нет»¹.

Строгановы, получая отписки и отчеты от своих приказчиков из разных городов по Волге, Оке и Каме, были всегда точно информированы не только о новостях рыночной конъюнктуры, но знали и политическую ситуацию и политические настроения деловых кругов Русского государства. Находясь в это время в Сольвычегодске, они знали, что уже в июле месяце 1605 г. к самозванцу, ставшему новым царем, потянулись владельцы больших и малых феодальных вотчин и монастыри за подтверждением своих тарханных грамот. И с самого начала августа приказные канцелярии правительства самозванца стали выдавать новые тарханы, подтверждать старые монастырским стряпчим, суетившимся по приказам по делам своих монастырей. За монастырями пошли в приказы утверждать свои льготные и жалованные грамоты и другие категории феодалов — бояре и помещики. Не могли остаться в стороне от этого движения и крупнейшие вотчинники Строгановы.

Они, по-видимому, обращаются в московские приказы с челобитьями о переписке их вотчинных жалованных грамот на государево имя в сентябре — октябре и получают подтверждение титула владения с сохранением всех льгот и иммунитетов в эти же месяцы 1605 г. А 1 декабря получают от самозванца жалованную несудимую грамоту на имя

¹ ААЭ, т. 2, № 35, 38 (I и II).

Максима Яковлевича, Никиты Григорьевича, Андрея и Петра Семеновичей. Таким образом, все Строгановы получают немаловажную для них грамоту, где определялось, что Строгановы, равно как и «их братья, или их дети, или их племянники, или куды пошлют людей своих и крестьян с каким товаром или без товаров и для иных каких дел», изымаются из местной подсудности «по всем городам» и суд дается только на Москве и производится лично государем «или кому прикажу». Строгановы освобождаются от целованья креста, подводной повинности и получают право держать безъявочно «про себя» питье «всякое».

До сих пор Строгановы имели эти привилегии, но не имели специальной царской грамоты, закреплявшей их. Эти льготы были указаны в текстах их жалованных грамот на земли в Перми Великой, но были обусловлены сроком в 20 лет. Теперь Строгановы получили право пользоваться ими бессрочно. Ничего необычного в таком пожаловании Строгановым нет. Ряд гостей и даже торговых людей получали такого рода льготы. Впрочем, для XVI в. такие пожалования чрезвычайно редки. Они умножаются только в практике правительства XVII в.

Жалованная несудимая грамота 1 декабря 1605 г. была единственной для Строгановых милостью нового царя и едва ли соответствовала его щедрому обещанию пожаловать «великим своим жалованием, чего у вас на разуме нет»¹.

Не видно из имеющихся документов, чтобы правительство Лжедмитрия I и в разрешении текущих строгановских дел оказывало какие-либо особые милости и чем-либо выделяло богатых вотчинников. Эти дела решаются в нормальном приказном порядке, и по ним выносятся обычные решения.

Так, например, Максим Яковлевич, Никита Григорьевич, Андрей и Петр Семеновичи Строгановы обратились из Сольвычегодска с жалобой на то, что их соль, доставляемую из пермских вотчин на судах и выгружаемую «по городам на продажу на Коломне и на Кошире и в Калуге», власти этих городов весят «не в наши таможенные контари», а «с уволоком» без целовальников и дьячков, таможенных грамот местных не показывают, отписок во внесенных таможенных пошлинах не дают. В результате таких злоупотреблений строгановским приказчикам приходится таможенную пошлину платить несколько раз, а «в соленом весу и в пошлинном платежу без отписей ставятся убытки великие». Правительство самозванца по этой челобитной послало в указанные Строгановыми города грамоту от 1606 г., февраля 13, где предписывало местным властям проверить справедливость жалоб и если они подтвердятся, то правильно вешать соль с записью в книги, пошлины брать в точном

¹ ЛОИИ, ф. 125, 22.3.16.

соответствии с имеющимися на местах таможенными грамотами и выдавать Строгановым отписи в получении с них денежных сумм¹.

На основании этой грамоты можно видеть, что текущие строгановские вотчинные дела решались обычным приказным порядком.

По воцарении Василия Шуйского и при развертывании грозных событий крестьянской войны под предводительством И. И. Болотникова Строгановы покидают свои пермские вотчины и живут все годы крестьянского восстания в своих сольвычегодских хоромах, которые на это время остаются единственным центральным местом управления всеми вотчинами.

Отсюда они выезжают только в Москву по вызову правительства. Так, Никита Григорьевич Строганов, получив в 1608 г., мая 13, «проезжую» грамоту, отправился в Москву, по-видимому, для консультации по финансовым вопросам правительства. После вступления на престол Василия Шуйского Строгановы спешат подтвердить свою несудимую грамоту 1605 г., декабря 1, полученную от Лжедмитрия. Правительство Шуйского, не меняя содержания несудимой и не дополняя ее новыми льготами, переписывает ее на имя Андрея и Петра Семеновичей Строгановых 1607 г., марта 2². Следует думать, что такие же тексты несудимых грамот от царя получили в это же время Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы.

Время крестьянского восстания под руководством И. И. Болотникова Строгановы проводят спокойно в Сольвычегодске. Нормальный ход жизни вотчин ничем не нарушался, крестьянское и рабочее население осталось не задетым движением И. И. Болотникова в значительной степени потому, что как сольвычегодские, так и пермские вотчины были расположены слишком далеко от районов крестьянской войны. За годы восстания И. И. Болотникова из Сольвычегодска выезжают большие и рядовые приказчики для руководства промыслами в пермскую вотчину и города Поволжья и Прикамского края для принятия нужных мер по торговле, прерываемой в Коломне, Калуге и других пунктах военными действиями.

Появление второго самозванца в 1607 г. также не нарушает спокойствия Строгановых. Отсиживаясь и наблюдая развертывающиеся события, Строгановы в Сольвычегодске получают информацию из достоверных источников непосредственно от самого правительства, от ростовского, ярославского и устюжского митрополитов, местного воеводы и от своих приказных людей, возвращающихся с отчетами из разных городов. Протопоп строгановского фамильного Благовещенского собора Лука

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 24.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские дела по описи XVIII в., № 10.

получает от митрополита грамоты 1607 г., июня 7 и июня 12, о победе войск Шуйского над вторым самозванцем 21 мая и 5 июня с указанием служить благодарственные службы и петь молебны.

От состояния спокойного наблюдения грозных, но пока далеких от Сольвычегодска событий и слушания молебнов за «государское счастье» Строгановы переходят к активному участию в политической жизни в 1608 г., в тот момент, когда начинается польская, а потом шведская интервенция.

Бесспорно, что нарушение нормальной строгановской торговли и потеря ряда рынков сбыта обусловили поддержку Строгановым борьбы против интервентов.

В 1608—1609 гг. успехи ставленника польских феодалов — «тушинского вора» открыли ему возможность перенесения военных операций на север и северо-восток от Москвы. Обложив осадой Троице-Сергиев монастырь, «тушинцы» стали свободно распоряжаться на том пути, который должны были прикрывать твердыни этого монастыря-крепости. Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологда, даже Тотьма — все города, лежавшие на большой дороге от Москвы к Белому морю, признали власть этого самозванца. За ними последовали Кострома и Галич с уездами¹.

В два-три месяца поморское население и, конечно, Строгановы полностью поняли качество новой власти «тушинцев» как откровенных грабителей и разбойников. Если они и знали, как настойчиво требовали польские дворяне, возглавлявшие отряды интервентов и служивших им казаков, от Сапеги занятия Вологды «для того, что на Вологде много куниц и соболей и лисиц черных и всякого дорогого товару и питья красного», «государева казна тут на Вологде великая от Корабельной пристани», то все в Поморье много раз воочию видели панский грабеж, насилия и разорения.

Приближение вражеских отрядов к границам сольвычегодской вотчины Строгановых должно было заставить их подняться на борьбу. Начиная с 1608 г. и до избрания на престол новой династии — Романовых сольвычегодские Строгановы — Аникиевичи в союзе со старостами самоуправляющихся миров Поморья, местными воеводами под руководством правительства Шуйского ведут борьбу с «тушинцами».

Исследователи, в том числе С. Ф. Платонов и П. Г. Любомиров, специально не останавливаются на деятельности Строгановых в это «многомятежное время». А между тем они заслуживают внимания, так как

¹ См. С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (далее — С. Ф. Платонов, Очерки...), М., 1937, стр. 282.

их деятельность выходит за рамки обычных и рядовых участников событий и в некоторых отношениях приобретает общегосударственное значение. Уже в 1608 г. Строгановы становятся в ряд основных организаторов «мужицких» отрядов, формируемых самоуправляющимися мирами Поморья, и начинают оказывать мощную финансовую поддержку правительству Шуйского. Изучив «мужицкую» войну самодеятельных миров Поморья против «тушинского вора» в 1608—1609 гг., С. Ф. Платонов определил, что в Поморье было два основных центра этой борьбы: Вологда, бывшая посредницей между центром и всем Поморьем, и Великий Устюг, посредствовавший между северо-восточными областями и остальным государством¹.

Нам кажется, что к этим центрам организации народной борьбы в Поморье нужно прибавить еще Сольвычегодск, который был посредником в сношениях центра с Чердынью, Соликамском и пермскими вотчинами Строгановых. Все грамоты правительства из Москвы в Пермь шли, переписываясь в Сольвычегодске. Из Сольвычегодска же в Пермь отправлялись и посадские отписки с информацией, указаниями и требованиями денег, людей и боевых припасов. И в этом третьем и немаловажном организационном центре народной войны в Поморье Строгановы играли не последнюю роль.

В 1608 г. они начинают оказывать правительству Шуйского значительную финансовую поддержку. Правительство специальной грамотой 1608 г., марта 14, от имени Василия Шуйского и Прокопия Ляпунова извещает, что от Андрея и Петра Семеновичей получено 104 руб., а в мае Максим и Никита Строгановы дают 1000 руб. А уже 2 июня правительство назначает взять с монастырей и с лучших людей Сольвычегодска: Коряжемского монастыря — 50 руб., Ивана НORYГИНА — 50 руб., Саввы Быкова — 50 руб., Авдея Паламошного — 300 руб., Ерофея Верецагина — 150 руб., Семена Елезова — 100 руб., Андрея и Петра Семеновичей Строгановых — 1500 руб. и с Максима и Никиты Строгановых, принимая во внимание, что они только что в мае уже дали 1000 руб., назначено взять 500 руб. Эти деньги понадобились правительству Шуйского для экстренной уплаты жалованья пришедшим на службу в Москву «украинских и северских городов дворянам и детям боярская», «пометавших свои поместья и вотчины, разоренные до основанья от изменников от воров»².

В этом же 1608 г., июня 19, правительство опять просит денег на жалованье служилым людям у Максима и Никиты Строгановых, а августа 26 правительство, сообщая всем Строгановым о помощи шведского

¹ См. С. Ф. Платонов, Очерки..., стр. 299.

² ЛОИИ, Коллекция Григорьева, 1608 г., июня 2, № 10.

короля и крымского хана, также просит денег¹. Таким образом, Строгановы от марта до июля 1608 г. финансировали правительство Шуйского суммой от 5000 до 6000 руб. В действительности сумма денежных средств, данных Строгановыми правительству, много больше, так как сохранившиеся документальные данные далеко не полны.

Другой стороной деятельности всех Строгановых в Сольвычегодске летом 1608 г. явилась организация отрядов ратных людей на помощь правительству Шуйского, а также и для отражения набегов «тушинцев» в пределах Поморья. Из отписки сольвычегодских старост воеводам и старостам Перми Великой 1608 г., декабря 24, мы узнаем, что старосты «собрали ратных людей со всяким боевым оружием с малые сошки по 4 человека». Наряду с земским отрядом собрали из населения своей сольвычегодской вотчины и Строгановых «а Максим и Никита и Андрей и Петр Строгановы собрали по пяти человек и слишком с таких же малых сошек». Первый отряд в сто пять человек уже отправлен к Москве на помощь Шуйскому 30 октября, второй отряд вооруженных крестьян вышел 16 декабря и с ним отправлено «городового снаряда 3 пушечки и с ядры и с зельем»². Строгановы вместе со старостами получили 24 декабря 1608 г. грамоту от М. Скопина-Шуйского через Великий Устюг и другую грамоту из Вологды с информацией о идущей помощи немецких ратных людей и о новостях «по диаволе смуте, за умножение и грех всего мира». Копии с этих грамот из Сольвычегодска тотчас же отправляют в Пермь Великую. Отряды «ратных мужиков» с Выми, Вычегды и Сысолы пошли 18 декабря 1608 г. через Сольвычегодск к Москве. Они были организованы не без помощи Строгановых.

Отсидживаясь в своем родовом сольвычегодском гнезде, Строгановы чрезвычайно внимательно наблюдают за событиями в Перми Великой, где были их пермские вотчины. Положение Пермского края в 1607—1612 гг. было очень сложно и ответственно. Малонаселенный и еще бедный район был ближайшей и основной базой снабжения вновь устраивающихся сибирских городов хлебом, людьми, деньгами и всякими запасами. И в то же время Пермский край должен был принимать участие и в помощи Шуйскому в его борьбе с «тушинскими ворами».

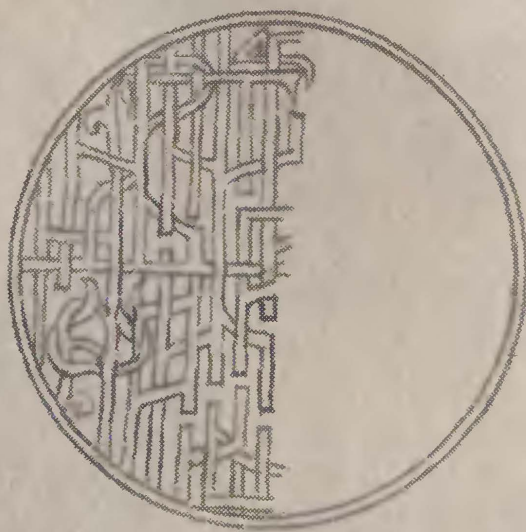
Доходы казны с Пермского края были невелики: в начале XVII в. он платил всего 300 руб. в год. Урожай хлебов был скуден из-за сурового климата. В то же время часть урожая необходимо было уделять сибирским городам. Чрезвычайно разоряла население ямская гоньба: «Их де... Пермская земля не великая, а отпускает всякие Сибирские

¹ ЦГАДА, Портфели Миллера, I, № 1, 1608 (7116) г., июня 19, и 1608 (7116) г., августа 26.

² ААЭ, т. 2, № 94.

Дидованнистыри

Дидован

Тертичаннистыри тисоридастрегановд

Тертичан

Пий лисого Гривиниора фидо Гривиниора Гривиниора

Образцы клейм-украшений строгановских рукописей.
Из «Азбуковника» 1605 г., ЛОИИ, ф. 115, № 160.

запасы и под казну и служивых людей, а места деи гоняют пустые дальние и перегоны великие, от Кай-городка до Верхотурья 500 верст, а от Перми до Ужги (на реке Сысоле) 406 верст, до Вятки 500 верст, а летним водяным путем отпускают в судах до Казани тысячу верст, до Соли Вычегодской тысячу ж верст, да они деи по Сибирской и по Верхотурской дороги мосты мостят... а в котором году бывает в Сибири перемена нашим воеводам и головам, или прибавка служилым людям — и им ставятся Сибирские отпуска для лишних подвод тысяч по шести и больши»¹.

Бедный и малонаселенный Пермский край с честью нес свои необычайные тяготы в тяжелые годы крестьянской войны и вражеской интервенции. Пермская земля предпочитала при требованиях из Москвы о посылке ратных людей давать вместо людей деньги «для того, что им, Пермичам, ратные люди наймом ставятся дорого, против того втрое и больши». Когда правительство в мае 1607 г. потребовало выслать отряд в 70 человек, пермичи предпочли дать 420 руб. и в то же время отправляли в Сибирь 724 четверти муки ржаной, 183 четверти круп и толокна. Из доходов от продажи этого продовольствия они должны были внести правительству 117 рублей 22 алтына 4 деньги. В 1608—1609 гг. Пермская земля также должна была посылать деньги и ратников по требованиям Шуйского, которые передавались через Строгановых из Сольвычегодска. Пермичи очень медленно готовили второе свое ополчение в 1609 г., что вызывает осуждение четырех братьев Строгановых, которое они высказывают в своей отписке устюжанам от 1609 г., января 20². Свое осуждение Строгановы строили на сообщении приехавшего из Перми человека Никиты Строганова — Шумила Швеца, который заявил своему хозяину, что «в Перми ратных людей не нанято ни одного человека, и пишут они, Пермичи, к нам и к вам на Устюг ложно, словом, а не делом, все ставят в откладку, чтоб им ратных людей не послати»³. Этот документ послужил основанием С. М. Соловьеву для резкого осуждения пермичей за их непатриотические действия⁴. А. А. Дмитриев доказал, что в данном случае С. М. Соловьев был полностью неправ⁵. Аргументацию А. А. Дмитриева принял и С. Ф. Платонов, который вслед за А. А. Дмитриевым пишет: «Слабонаселенный, бедный и малоустроенный Пермский край служил в то время государству важную

¹ ААЭ, т. 2, № 56, грамота 1606 г., июля 11.

² ААЭ, т. 2, № 143.

³ А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 6, стр. 89.

⁴ См. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 4, М., 1960, стр. 541.

⁵ См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 6, стр. 60.

службу в отношении новозанятой и еще не вполне замиренной Сибири. Он представлял собою базис для всех действий власти в новой провинции, и в то самое время, когда города требовали от Перми людей на борьбу с «ворами», московское правительство приказывало Перми искать людей для заселения Пелымского уезда, а тобольский воевода требовал экстренной присылки денег и хлеба. Зная малочисленность и скудость пермского населения, спокойный наблюдатель не решится обвинять пермских людей за их сдержанность и осторожность, тем более что пермские отряды все-таки были в земских войсках, и потому пермичей невозможно было уличить в прямом нежелании помочь общему делу»¹.

Отписки Строгановых и грамота самого царя Шуйского пермскому воеводе Акинфову и старостам помогли ускорению организации второго пермского ополчения. Воевода Акинфов в памяти от 1609 г., 1 марта, сообщал, что ратные люди с Чердыни — 50 человек и с Усолья Камского и Соликамска — 40 человек «со всем ратным оружием» с головой Третьяком вышли в Сольвычегодск, чтобы отсюда следовать к государевым полкам.

Помимо организации вместе с земскими людьми и местными воеводами ратных ополчений в Сольвычегодске и в Перми Строгановы формируют из населения собственных вотчин свои ратные отряды для правительства Шуйского. Жалованная грамота 1610 г., февраля 20, перечисляет конкретные действия Андрея Семеновича Строганова, впрочем, с его слов: «И объявлял нам свою службу, как вы нам служили и прямили, и поморские города своим раденьем от воровства укрепили и многие города и в Казань людей своих и наемщиков посылали, с тем чтобы в Казани и в иных городах стояли крепко и воровской смуте ни в чем не верили, и посыльщики ваши в городах всем людям оказывали, что божьим милосердием и пречистые Богородицы, и великих чюдотворцев заступлением мы Великий Государь на Московском государстве дал бог здорово... да у Вас же на нас взято на Рязани и на Коломне и в Володимире многие деньги»².

В этом подведении итогов общих заслуг Андрея Семеновича Строганова правительство отмечает его деятельность по удержанию поморских городов от выступления на стороне «бунтовщиков», финансовую помощь центральной власти при подавлении крестьянской войны. Последнее особенно интересно. Из других документов мы не знаем о формировании Андреем Семеновичем Строгановым целого ратного отряда из «своих» людей и «наемщиков» для посылки в Казань. Следует думать, что последний был организован А. С. Строгановым в его чусовской вотчине,

¹ С. Ф. Платонов, Очерки..., стр. 303.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, 22.3.19.

в районе Сылвенского острожка. Отсюда Камой-рекой на вотчинных солевозных лодьях он был доставлен под Казань. Малочисленность своего крестьянского населения заставила А. С. Строганова дополнить ратников «наемщиками», как и раньше, при организации похода Ермака в Сибирь, Строгановы дополнили его дружину «наемщиками» — Ермаковыми дружинниками-казаками.

Особого внимания заслуживает финансовая помощь Строгановых правительству в тяжелое для страны время 1608—1612 гг. Отнюдь не чуждые спекуляций и наживы на народном бедствии, они энергично поддерживали старый, феодально-крепостнический режим и его главу — царя В. И. Шуйского своими капиталами, вынимая часто деньги из текущего оборота. Строгановы 1608—1612 гг. не похожи на торгового мужика Андропова, расхитившего царскую казну в Кремле; они не имеют ничего общего с гостем Третьяком Судовщиковым-Смирным, который «до разоренья» имел капитал ничтожный, отягощенный, кроме того, долгом в 1000 руб., а после «московского разоренья» стал обладателем капитала в 40 тыс. руб.

Данные о финансовой помощи Строгановых не могут быть приведены с полнотой по недостаточности дошедших до нас документов. Но к уже приведенным фактам можно прибавить следующие: грамотой 1609 г., декабря 1, «воевода и думный дворянин» Прокопий Ляпунов извещает Андрея и Петра Строгановых, что он именем царя взял у их приказчика, у Офонка Гаврилова, «в заем триста рублей». Грамотой 1609 г., августа 9, царь В. И. Шуйский извещает Максима и Никиту Строгановых, что на Москве у их приказчиков Терехи и Прони взято «с ваших вотчин сборочных денег на нынешний 1509 (117) год 209 руб. 13 алт. 3½ деньги». Из грамоты 1610 г., 24 марта, мы узнаем, что у Андрея и Петра Строгановых правительство заняло 2000 руб.¹

При вступлении на престол Михаила Романова Строгановы внесли 3 тыс. руб. По расчету С. Б. Веселовского, из пятинного налога в 1614 г., собранного со всего Русского государства в сумме 190 тыс. руб., сольвычегодские Строгановы уплатили 16 810 руб., а тотемские Строгановы — 300 руб. В пятинный оклад на 1616 г., когда ожидался сбор в 200 тыс. руб., на сольвычегодских Строгановых была назначена уплата 40 тыс. руб. Таким образом, на всех Строгановых в Сольвычегодске падала уплата от четверти до одной пятой суммы налога, вносимого всем населением страны². Все эти цифровые данные отрывочны и не характе-

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, 22.3.22 и грамота 1609 г., августа 9; ЦГАДА, Портфели Миллера, VII, I, № 1.

² См. С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича, ЧМОИДР, М., 1909, стр. 73.

ризуют размеров всей финансовой поддержки Строгановыми московских правительств.

По вычислению жалованной грамоты 1692 г., июля 25, Строгановым (грамоты — энциклопедии всех основных строгановских грамот), только в годы междоусобицы и при Михаиле Романове получено московским правительством от Строгановых деньгами, жемчугом, сосудами серебряными, хлебом и солью то в виде добровольного дара, то в виде займа, то в качестве чрезвычайных налогов пятинных и запросных денег, солдатских и немецких кормов на общую сумму 428 706 руб.¹

Строгановы и позже щедро помогали правительству своими деньгами. В Смоленскую войну 1632—1634 гг. и в войну с Польшей за воссоединение Украины (1654—1657 гг.) они дали государству в безвозвратную ссуду в 412 056 руб., по расчету той же жалованной грамоты 1692 г., 25 июля. Испытывавшие хроническую нужду в деньгах правительства В. И. Шуйского и Михаила Романова часто обращались к Строгановым с просьбами о помощи: «О том бы вам не поскорбети, в кою пору в государеве казне деньгами и хлебом скудно, и вам бы в те поры государю послужили, взаймы деньгами и хлебом и всякими запасы государя ссудити и тем ратных людей пополнити и против неприятелей нашей и государевых недругов и изменников охрабрити. А как в государеве казне денежные доходы и хлебные всякие запасы в сборе будут и царское величество вас пожалует те деньги и за хлеб и за соль и за всякие товары, что вы с себя ныне дадите, велит заплатить из своей царские казны тотчас безо всякого перевода. В том мы вам свидетели и порутчики. И вера ваша к богу, к государю и ко всей земле, службе и истинное раденье достойно похвалы и удивления будет»².

Отзываясь на этот призыв, Строгановы не для «похвалы и удивления» — «и по той грамоте дали на Москве Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси Максим, да Никита, да Ондрей да Петр в 1614 (122) году — 3000 рублей». В 1608 г., августа 28, правительство царя В. И. Шуйского просит у Строгановых деньги, сукна, камки и тафты в уплату служилым людям³.

Московское правительство в годы крестьянской войны не раз уполномочивало Строгановых в Сольвычегодске пойти в состав местного управления. Например, в 1611 г., мая 15, правительство Прокопия Ляпунова, назначая в Сольвычегодск нового воеводу И. Н. Чепчугова, просит Строгановых: «И вам бы, господам, с Иваном Микифоровичем

¹ См. И. Г. Устрялов, Именитые люди Строгановы, приложение.

² ААЭ, т. 3, № 3, 4, 5 (грамота 1613 г., мая 24, и соборная грамота духовенства Строгановым 1613 г., мая 25).

³ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, 22.3.18.

промышляти за один о всяких земских делах, чтоб вам, помятуя крестьянскую веру, помочи ратным людям казною»¹.

Строгановым пришлось в Сольвычегодске пережить тревожные дни борьбы с прорвавшимися глубоко в Поморье польскими отрядами. 22 января 1613 г. польский отряд в три тысячи человек под командой пана Яцкого подошел с южной стороны к богатому и еще никем не грабленному Сольвычегодску. Посадское население, строгановские вооруженные дворовые люди и черносозное крестьянство — посоха, экстренно собранная из уезда для защиты города, — продолжили посреди замерзшей р. Вычегды лед на несколько верст в длину и в несколько сажен в ширину.

При подходе шайки пана Яцкого к реке сольвычегодцы под командой местного воеводы и Андрея Семеновича Строганова подвезли пушки и затинные пищали и начали артиллерийскую стрельбу по неприятелю. Поляки, подойдя к проруби-каналу во льду, с своей стороны открыли «жестокое стреляние». Организованная сила профессионалов — военных разбойников взяла верх. Посадские, имея убитых и раненых, отступили с боем с реки на берег к строгановскому Благовещенскому собору. Поляки, видя отступление посадских и посохи, разбились на три отряда. Один отряд стал наводить через прорубь-канал понтонного типа мосты, а два других кинулись объезжать по концам прорубь-канал и, соединившись на берегу, вторично бросились в бой против посадских и посохи и заставили защитников отступить в самый город. Большая часть посадских бойцов разбежалась по домам спасать свое имущество и домашних от панского грабежа. Но гарнизонные стрельцы и посоха по приказу воеводы князя Григория Ивановича Гагарина собрались в обширный двор хором Строгановых, отлично укрепленный надежными стенами и тыном с земляной насыпью. Общее командование над собравшимися принял сам хозяин Андрей Семенович Строганов. Укрепления строгановских хором выглядели так внушительно, что пан Яцкий не решился их штурмовать и бросился на штурм большого деревянного острога, защищавшего Троицкую посадскую сторону Сольвычегодска. Полякам удалось прорваться в острог, но на площади у гостиного двора и соборного храма Воскресенья соборный священник Леонтий сумел организовать небольшой отряд посадских, и у торговых лавок закипел бой. Пан Яцкий в бою разбил отряд священника Леонтия, сам Леонтий, а вместе с ним и 26 бойцов посадских были убиты, а остальных поляки взяли в плен. На другой день поляки начали грабить посад. Ограбив собор, церкви, торговые лавки, дома посадских и перебив немало жителей, враги на третий день зажгли много домов и с награбленным имуществом

¹ ААЭ, т. 2, № 185.

ушли из Сольвычегодска по Устюжской дороге мимо Пачеозерской и Песчанской волостей¹.

Как видно из приведенных данных, Строгановы, не отличаясь полководческими талантами, в трудные дни вражеского нападения заботились лишь о себе и своем имуществе, отсиживаясь за надежной защитой своих укрепленных дворов. Они не решались бить по тылам польского отряда пана Яцкого, когда он штурмовал посадский большой деревянный острог. Строгановы пришли на помощь героически сражавшейся кучке посадских со священником Леонтием во главе.

Тем не менее мощной финансовой помощью и собранными вотчинными ратными отрядами Строгановы оказали ряд крупных услуг правительству Русского государства. Но московское правительство, щедрое на обещания наград за службы и пожертвования, оказалось не особенно щедрым при исполнении своих обещаний. Самим Строгановым пришлось напомнить в своих челобитьях правительству Василия Ивановича Шуйского об обещанных наградах. Ответом на эти напоминания явились общеизвестные грамоты 1610 г. Максиму, Никите, Андрею и Петру Строгановым, которыми каждому из них были пожалованы обычные гостиные льготы, но с правом именоваться впредь «с вичем». Это выделило Строгановых из корпорации гостей в особое положение «именитых людей». В XVII в. Строгановы были единственной в Русском государстве фамилией именитых людей.

Четыре грамоты с пожалованием гостиных привилегий и права именоваться «с вичем» даны: Андрею Семеновичу Строганову — в 1610 г., февраля 20; Никите Григорьевичу Строганову — в 1610 г., апреля 23; Петру Семеновичу Строганову — в 1610 г., мая 29; и Максиму Яковлевичу Строганову — в 1610 г., мая 29². Текст четырех грамот различен, хотя одинаково пожалование права именоваться «с вичем». Грамоты Андрею и Никите Строгановым имеют краткую редакцию. Грамоты Максиму и Петру Строгановым более пространны. Различаются тексты документов, грамот прежде всего содержанием первых своих частей, где излагаются по-разному различные заслуги каждого из Строгановых за время крестьянской войны и вражеской интервенции. Это вызвано, по-видимому, различием содержания челобитных, с которыми обратился к правительству каждый из Строгановых, приводивших различные факты. В грамотах Андрею и Никите Строгановым далее следует пожалование права именования «с вичем». В грамотах с распространенным

¹ См. А. И. Соскин, История города Сольвычегодской древних и нынешних времен, сочиненная Алексеем Соскиным., Вологда, 1882, стр. 46—48; И. Суворов, Разорение Вологодского края в 1612—1613 годах, «Вологодский сборник», т. 5, 1887, стр. 90—91.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, 23.3.19; СГГД, т. 2, № 196.

текстом Максиму и Петру даются гостинные привилегии и право именования «с вичем» и, кроме того, воспроизводится содержание несудимых грамот, последовательно выданных Лжедмитрием I и В. И. Шуйским. Содержание гостинных привилегий в двух последних грамотах одинаково. Оно сводится к праву неподсудности местной администрации, освобождения от целованья креста на суде. Предусматривается за бесчестье штраф «против московского лучшего гостя вдвое — сто рублей», «питье держать безъявочно», освобождение от поста, летом избы и мыльни топить вольно, освобождение от подводной повинности и взимания проезжего мыта и головизны, за провоз товаров плата пошлин строго по уставным грамотам.

В грамотах Андрею и Никите Строгановым имеется только одно пожалование именования «с вичем». Гостинных привилегий здесь нет, вероятно, и Андрей, и Никита Строгановы получили позже грамоты с обозначением этих привилегий, но эти документы не сохранились до наших дней, так как из других материалов хорошо известно, что и Андрей, и Никита Строгановы пользовались гостинными привилегиями.

Звание «именитых людей», бесспорно, подняло Строгановых в среде гостей Русского государства, но не только оно укрепило их положение.

Большее значение имело то обстоятельство, что царица оказалась четвероюродной теткой Строгановых. Строгановы стали вхожи в хоромы главы правительства патриарха Филарета, который имел, впрочем, прочные связи с торговой средой.

В тесном кругу приближенных и на торжественных обедах у Филарета постоянно бывали гости: И. Юрьев, Иван и Василий Юдины, Гр. Твердилов, Р. Котов, А. Юдин, Б. Булгаков, Н. Светешников, Ю. Белошников, С. Судовщиков, Г. Шорин, И. Сверчков, С. Ероксалимов и Строгановы¹.

Подводя итоги анализу фактов о положении крупнейшего в стране торгово-промышленного дома Строгановых в годы крестьянской войны и вражеской интервенции, можно сделать следующие выводы:

Все годы грозной для феодалов-помещиков крестьянской войны Строгановы не принимают непосредственного участия в подавлении восстаний холопов и крестьян. Но нельзя сомневаться, что их классовые симпатии всецело были на стороне дворян, бояр и феодально-крепостнического правительства Бориса Годунова, Лжедмитрия I и В. И. Шуйского. Богатейшие купцы-гости Строгановы всегда были тесно связаны с самодержавным режимом, ревностно поддерживая феодально-крепостнический порядок. Под охраной и при деятельной поддержке власти

¹ См. Н. Писарев, Домашний быт русских патриархов, Казань, 1904. Приложения, стр. 87, 92, 94—96, 100, 105, 110.

феодалов Строгановы расширяли и укрепляли свое обширное вотчинное хозяйство и развивали свою торговую деятельность.

Неучастие гостей Строгановых в подавлении крестьянской войны до 1608 г. объясняется тем, что сольвычегодские и пермские их вотчины не только не были затронуты грозными событиями крестьянской войны, шедшей на юге, в центре и на западе Русского государства, но в эти годы переживали значительный хозяйственный подъем. Он вызван был прежде всего тем большим притоком крестьянского и ремесленного населения, которое, спасаясь от свирепой эксплуатации помещиков-феодалов, развернувшейся кровавой расправы с восставшими, массами бежало в малонаселенные территории Приуралья и оседало в пермских вотчинах Строгановых, предоставлявших широкие льготы новоселам.

Следует также учесть, что выработка и продажа пермской и поморской соли, этого необходимейшего предмета народного потребления, не только не уменьшилась в начале XVII в., но даже возросла. Строгановы продолжали получать высокие барыши от торговли ею, перекрывая прибылью те убытки, которые они несли в городах Окского и Волжского бассейнов, вызванные военным разорением, неизбежным в ходе крестьянской войны.

Кроме того, военные действия непосредственно не задевали интересов строгановских сольвычегодских и пермских вотчин, тем более что ни в Поморье, ни в Приуралье на территории земельных владений Строгановых крестьянских восстаний в больших масштабах не было.

Но положение резко изменилось в 1608 г., когда польская интервенция стала непосредственно угрожать сольвычегодским вотчинам Строгановых, а рейды панско-шляхетских шаек в центре страны и в Поморье расстраивали сбыт строгановской соли на внутренних рынках. Все это заставило гостей Строгановых расстаться с позицией наблюдателей и поспешить на помощь правительству В. И. Шуйского. Первоначально участие Строгановых в начавшейся борьбе против интервенции выразилось в финансировании правительства, хронически страдавшего от безденежья, товарами и наличными деньгами. Когда же размеры интервенции польских панов и шведских феодалов стали принимать характер всеобщего бедствия, гости Строгановы наряду с продолжением финансирования правительства начали принимать непосредственное участие в борьбе путем организации отрядов народного ополчения, а в 1613 г. приняли и личное участие в боевых действиях против шаек пана Яцко, ворвавшегося в резиденцию Строгановых — Сольвычегодск.

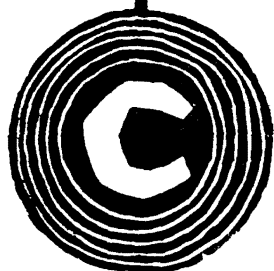
Следует особо отметить, что мотивом этих действий Строгановых явился страх перед потерей своих вотчин и барышей от торговли, их благополучие было тесно связано с властью крепостников-феодалов.

Но поскольку финансовая и военная помощь Строгановых в 1608—1613 гг. способствовала развитию народного патриотического движения под руководством Минина и Пожарского, то можно считать ее положительным вкладом в дело отстаивания независимости Русского государства от посягательств польско-шведских интервентов.

Восстание И. И. Болотникова и особенно шляхетско-польская интервенция, когда «воровские шайки» шляхты глубоко врезались опустошительными набегами в Поморье, заняли Вологду, Тотьму и другие города и селения, стали угрожать поморским вотчинам Строгановых, расстроили торгово-транспортные связи хозяйства Строгановых. Когда же центральный правительственный аппарат в царствование В. И. Шуйского ослабел, покачнулся и пал из-за оккупации шляхтой Москвы, Строгановы покончили с политическим абсентеизмом и стали активно на защиту феодально-крепостнического порядка. С 1608 по 1612 г. и позже Строгановы, по-прежнему отсиживаясь в своих хоромах-крепостях в Сольвычегодске и в пермских городках, развивают активную деятельность по организации отрядов народного ополчения, вооружают их, снабжают провиантом и боеприпасами, в обширных размерах финансируют центральное правительство царя В. И. Шуйского, за что от него и получают жалованные грамоты на уникальное для XVII в. звание именитых людей. Исключительное почетное положение Строгановых среди всех гостей и феодальной аристократии было закреплено и Уложением 1649 г., где было определено за бесчестие Строгановым наложение двойного денежного штрафа в 100 руб. против обычного размера за бесчестие гостей в 50 руб. И при первом царе новой династии — Михаиле Федоровиче — Строгановы продолжают широко финансировать правительство, которое при исчислении сумм экстренных налогов на богачей определяет финансовую мощь дома Строгановых примерно в одну пятую денежных средств всех крупных владельцев страны.

Таким образом, о патриотизме Строгановых в грозные годы (1608—1612 гг.) не может быть и речи. Строгановы — купцы-феодалы спасали свое феодально-крепостническое государство и были его верной опорой потому, что только такое государство оберегало и укрепляло классовые интересы прижимистых купцов-феодалов-вотчинников и крепостников Строгановых.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА У СТРОГАНОВЫХ В XVI-XVII ВЕКАХ В ПОМОРЬЕ И В ПЕРМСКИХ ВОТЧИНАХ

Строгановы вели обширное сельское хозяйство, которое имело вспомогательное значение для их промышленности и торговли. Большой интерес к сельскому хозяйству вызывался необходимостью бесперебойного снабжения продовольствием своих промыслов и рабочего населения в Перми Великой и сольвычегодских вотчинах на рубеже XVI—XVII вв. В них находилось около 1200 дворовых людей, не считая промысловых и транспортных наемных людей — ярыжек. Все солеваренные промыслы имели конные базы для подсобных работ и для доставки больших партий дров для солеварения и отвоза грузов на склады. Отсюда вытекала нужда в большом количестве хлеба, овса и особенно сена.

Хозяйство Строгановых в целом в соответствии с уровнем экономического развития того времени было хозяйством натуральным. Фирма почти всегда жила своим продовольствием и фуражом. Были даже излишки как продовольственные, так и фуражные, которые сбывались на местных, а иногда и на иногородних рынках. Известно, что Строгановы спекулировали хлебом и сеном, не брезговали даже продавать на сольвычегодском рынке несколько пудов, а иногда и несколько бочек печорской рыбы, добытой их рыболовами на далекой реке, куда часто приезжали представители фирмы для закупки драгоценных мехов. Сельское хозяйство было более широко поставлено в пермских вотчинах, поскольку это

«украинное и порубежное место» в XVII в. должно было жить своим продовольствием.

Сольвычегодское сельское хозяйство Строгановых было значительно меньше, если судить по размерам пашенной, непахотной земли и количеству производимой продукции, чем в пермских вотчинах. В организации и управлении сельским хозяйством и в обслуживании его рабочей силой была большая разница между пермскими и сольвычегодскими вотчинами.

В Сольвычегодском крае все земли были освоены и заселены поморским крестьянством. Купец, пожелавший завести свое сельское хозяйство, должен был путем покупки или кабально-закладных операций собирать часто мелкими участками пашенную и луговую землю, разоряя отдельных крестьян.

В Перми Великой картина была совсем иной. Здесь Строгановы в середине XVI в. получили как царское пожалование в вотчинное владение сразу большие территории в несколько десятков тысяч десятин земли по речкам бассейна р. Камы от их устья и до верховья.

Наряду с разницей в титуле владения была разница и в способах организации сельского населения, которое обрабатывало землю в сольвычегодских и пермских строгановских селах. В селах Сольвычегодского края в XVI—XVII вв. шел процесс имущественного расслоения, одним из результатов которого было появление «вольных гулящих людей», «ярыжек», «казаков», «половников», нанимавшихся к местным «прожиточным мужикам» и вотчинникам. Все они, за исключением половников, ходили по Руси в поисках работы. Находили они ее на речном транспорте Двины, Волги, Оки, Камы, в больших монастырско-боярских хозяйствах, где надолго оседали на постоянное жительство и быстро теряли свою волю, беря под кабалу ссуду и давая своим хозяевам «служивые кабалы», «жилые записи» и другие документы, приводившие их к закрепощению.

Крестьяне, выброшенные из своих хозяйств и лишенные права собственности на свои земельные участки, как правило, оставались работать на этих хозяйствах в качестве половников. Половничество сохраняло иллюзию обычного крестьянского житья: половник получал от владельца двор, землю и самостоятельно вел свое микроскопическое хозяйство. Однако часть выработанного продукта — половина или треть — шла владельцу земли. Кроме того, половник был обязан выполнением целого ряда повинностей. Хозяйство половника в действительности было экономически несамостоятельным, опутанным многими платами и выполнением ряда «изделий» в пользу владельца. Таким образом, положение половников было намного худшим, чем положение крестьян. Половниками крестьяне становились в силу горькой необходимости, в результате какой-нибудь катастрофы в их хозяйстве. Катастрофу часто вызывали

умышленные насильственные действия Строгановых. Так, например, крестьяне Чердынского уезда жаловались воеводе 19 марта 1621 г.: «Их де, Косинские и Гаенские сошки у крестьян Верхоуролския деревни Никита Строганов поотнимал половину вотчины, и с хлебом и с санными покосы, преж сожныя росписки лет за десять, и те де крестьяне за великую нужу и ныне на тех вотчинах половничают»¹.

Основной работник в селах Строгановых — поморский половник. До настоящего времени нам остаются неизвестными строгановские половничьи порядные², которые не сохранились в их фамильных архивах. Эти документы имели в глазах владельцев только временное значение и до нашего времени не дошли. Не удалось пока что встретить строгановских половничьих порядных и среди приказного архивного материала, который сохраняется как в московских, ленинградских, так и в областных архивах Поморья и Уралья. Возможность нахождения такого рода документов крайне мала. Однако отрывочные сообщения, которые могут быть собраны по строгановскому материалу, не оставляют сомнения в том, что положение половников в строгановских селах Сольвычегодского края в целом соответствует тем представлениям, которые сложились у исследователей половничества Устюжского и Сольвычегодского уездов³.

О том, что представляли собой половничество и половник с точки зрения купечества Устюжско-Сольвычегодского края, можно судить по характеристике устюжского гостя Кирилла Босого. В 1646 г. в своей челобитной он пишет: «А в наших, государь, местах живут у нас в деревнишках наших крестьяне твои государевы — вольностью на урочные лета, хто на сколько лет уговоритца жить, иные на два и на три годы, как кому в которых местах поживетца. А как, государь, переходят в иные деревни к иным хозяевам, а кому, государь, не поживетца, и они и до урочных лет отходят. А сильно, государь, у нас никого не держат,

¹ АИ, т. 3, № 286.

² Известна только одна такая порядная. Она хранится в семейном архиве крестьян Строгановых в дер. Циренниково. Но этот документ относится к деятельности другой, не гостинной, а крестьянской ветви Строгановых, живших в этой деревне. Половничьи порядные вообще — акты, редко встречающиеся, например, М. А. Дьяконову, специально этим занимавшемуся, было известно только 17 порядных половничьих. См. М. А. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.), СПб., 1898 (далее — М. А. Дьяконов, Очерки...), стр. 151.

³ См. там же, стр. 144—198; М. Островская, Земельный быт сельского населения русского Севера XVI—XVII веков, СПб., 1913, гл. IV, VII; А. Я. Ефименко, Исследования народной жизни, вып. 1, М., 1884, гл. IV—VI; А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований, СПб., 1890 (далее — А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения...), стр. 103—104; А. А. Спицын, Земля и люди на Вятке в XVII ст., Вятка, 1886, стр. 29—32.

а живут, что наймиты, а хлеб, государь, пашут на своих конях исполу: нам половина, им другая. А твои государевы подати во всякие поборы с тех своих деревень платимы своими деньгами»¹.

Сольвычегодский Введенский монастырь, основанный Строгановыми, вместе с другими монастырями Сольвычегодского уезда в челобитной своей 1687 г. характеризует половничество таким образом: «А некоторые за ними дворы... и в тех дворах живут половничешка наши вольные погодно, а не вечные крестьяне... и с тех своих тяглах черных половничьих дворишек мы... платим по вся годы государские стрелецкие деньги и ямские...»²

Введенский монастырь в Сольвычегодском в основе своего хозяйства имел села и земли, переданные ему Строгановыми. Это был монастырь, где некоторые из них жили до последних дней своей жизни, постригшись в монахи. Порядок, описанный здесь, при переходе земли из рук Строгановых в руки монастыря не подвергался особым изменениям. Земли в монастырь передавались с селами в отдельных случаях³.

Характеристика гостя Кирилла Босого и Введенского монастыря может быть распространена и на строгановских половников. Половники, имевшие свою «половничью снасть» — коня и сельскохозяйственный инвентарь, получали от Строгановых ссуду хлебом и деньгами, а также двор, пашенную и луговую землю и должны были вносить им часть урожая, а также и денежные поборы в течение срока, предусмотренного договоренностью.

По сохранившимся строгановским челобитным о беглых половниках, в которых перечисляется, что пропало за теми, которые убежали, не выполнив своих договорных обязательств по порядным записям, можно установить в общем условия половничьего договора со Строгановыми. Половник получает по своей порядной записи 2 рубля «подможных денег», а также ссуду хлебом — ржи две меры, ячменя — одну меру, овса — одну меру, двор и участок пашенной и луговой земли. Кроме уплаты половины урожая по условиям порядной записи он обязан выполнить ряд повинностей — «приряд», который в 30—40-х годах XVII в. был переведен на деньги, но взимался и натурой. «За дворовую подделку» половник уплачивал 8 гривен на год. Далее, «за подделку хмельнишные тычины» — 4 гривны, «за избные дрова за восем сажень» — 8 гривен, за «двадцать четыре курицы живых» — 24 алтына и «за двести за сорок яиц» — 8 алтын. В зависимости от размера и качества участка «приряд» увеличивался или уменьшался.

¹ ЦГАДА, Приказные дела 1647 г., № 52.

² РИБ, т. 12, стр. 335—336.

³ РИБ, т. 14, № 65.

Деньги, необходимые для развития хозяйства на пустом дворе половнику, который пришел вновь, Строгановы выдавали кроме порядной записи по другому документу — кабале в размере 2—3 руб. Половник вел сельское хозяйство на своем участке «своей половничьей снастью», т. е. сельскохозяйственный инвентарь и тягловую силу (коней) имел свои. В случаях недостатка хлеба у половника на жизнь или на семена для посева Строгановы дают под «хлебную кабалу» хлеб «на емена [продовольствие.— Авт.] и на семена». Так разнообразными «задаточными» документами половник закрепощался, и вырваться от Строгановых с выплатой всех обязательств ему было очень тяжело¹.

Факт широкой раздачи Строгановыми денежных и хлебных займов встречается не раз и в документах. Так, по деловой 1578 г., января 7, Семен и Максим Строгановы получают на свой пай «кабал... на триста на шестьдесят пять рублей», а Никита Строганов — «на сто восемьдесят рублей на 22 алтына»².

В челобитной о грабеже строгановского приказчика людьми сибирского воеводы князя Семена Гагарина Петро Строганов пишет: «А иные ево Дрофейков и товарищи бросались человеку моему Ивашку в сани и взяли у него ис саней сумки, а в сумках, государь, было 20 рублей денег да хлебных кабал на 100 на 5 четвертей с осминою. А того, государь, человек мой Ивашко послан был от меня, холопа твоего, за вотчинишка для долговой и денежной выbirки на крестьянишках моих и на всяких должных людех выбирать долги»³.

Весьма интересен процесс собирания в своем сельском хозяйстве земель и сел Строгановыми. Например, на протяжении нескольких лет, с 1613 по 1630 г., Петр Семенович Строганов приобрел крестьянских земель на 560 рублей 16 алтын. Все они — недалеко от Сольвычегодска.

Из документов узнаем, что за Андреем Строгановым в купле и в залоге есть сел на 128 руб., за Архангельским монастырем — на 7968 руб., за Гледенским Велико-Устюжским монастырем — на 4114 руб., Ивановским монастырем — на 985 руб., Прилукским Вологодским монастырем — на 1076 руб., за Телеговым монастырем — на 268 руб., Введенским Сольвычегодским монастырем — на 200 руб., Коряжемским монастырем — на 100 руб., за Соборной Благовещенской церковью в Сольвычегодске — на 390 руб. Даже далекий Соловецкий монастырь произвел здесь покупку крестьянских сел на 42 руб.

Не отставали от монастырей в своем наступлении на село и представители поморского купечества. Так, наряду со Строгановыми, купивши-

¹ РИБ, т. 25, № 138.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, тетр. деловых, деловая 7 января 1578 г.

³ РИБ, т. 25, № 35.

ми крестьянских сел на общую сумму 688 руб., мы находим гостей Кирилла и Василия Босых, которые скупили у крестьян их сел на 2214 руб., гостиной сотни торговых людей Федора Ревякина (2411 руб.), Акима Усова (5576 руб.), Ивана, Алексея и Якова Усовых (1432 руб.), устюжского торговца Потапа Загибалова (521 руб.) и еще одиннадцать далеко не перворазрядных представителей северного купечества, которые, однако, накупили всякого рода крестьянских земель и угодий на 3369 руб. 10 алтын. Кроме того, купеческие слои села, «прожиточные и семянистые крестьяне», накупили себе у своей братии — односельчан на 1348 руб. 22 алт. 4 гроша, и, наконец, посадские попы, пошлинные подьячие и посадские мелкие торговцы — розничники накупили крестьянских сел на 587 руб. 6 алтын 4 гроша¹.

Неоднократно зафиксированы случаи, когда бывшие собственники небольших земельных участков в селе, продавая свои владения Строгановым, оставались на месте, но уже в качестве строгановских половников. Следует отметить и плановость присвоения Строгановыми крестьянских земель. Если им удавалось купить какой-нибудь кусок земли в селе, то в этом же году или в ближайшее время они стремятся освоить если не все село, то большую его часть. В приведенном перечислении есть ряд таких приобретений земель Петром Строгановым в селах Семушкинском и Новинках.

Достигается это или прямой покупкой, или благодаря предоставлению денежных и других ссуд под заклад земельного участка. Обычно долги не возвращаются, и участок становится собственностью Строгановых.

Организация управления в селах, где живут половники, принадлежащие Строгановым, сводится к образованию «казенных дворов». В центре данной сельской округи — села, погосты, вокруг которых группируются одно-, двух- и трехдворные села половников. Здесь постоянно живет строгановский приказчик, которому «приказан» данный сельский «приказ». «Село Цареконстантиновское именитых людей Строгановых — два двора приказчиковых... Строгановых половники и крестьяне... кои живут блиско того села»².

В числе таких небольших сельских округ — «приказы», находящиеся в Сольвычегодском уезде в станах Окологородном, Баскачем, Олексинном, «на Виляде», «на Ньюбе», «на Вятце», «на Иксе», «на Шамоксе» и др., где приказчики постоянно не жили. В центре таких округ есть только

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1652 г., № 138, л. 12, 27, 37, 48, 50, 52, 54, 57, 58, 71, 78, 109, 116, 118, 119, 121, 123, 125, 126, 128, 130, 132, 134, 151, 158, 163, 194.

² РИБ, т. 14, № 25.

«двори на приезд людем» для строгановских приказчиков, систематически приезжавших из Сольвычегодска для инструктажа, управления и «долговой хлебной и денежной вибирки на крестьянишках». Возле каждого «двора казенного», или «двора на приезд людем», в селах и погостах находилось собственное строгановское, а не половническое хозяйство. Это хозяйство было в основном животноводческим. Здесь выращивались «скотины» и табуны лошадей, необходимых для обслуживания солеваренного промысла.

При разделе (1671 г.) треть вотчины Федора Петровича Строганова досталась его вдове А. Н. Строгановой, а две трети — именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову.

На примере сольвычегодских вотчин вдовы именитого человека Федора Петровича Строганова — Анны Никитичны можно составить представление о ведении сельского хозяйства в вотчинах Строгановых.

На бесхозяйственность Анны Никитичны Строгановой жаловался в московские приказы Григорий Дмитриевич Строганов, писавший о своей тетке: «Те вотчины разоряет и пустошит и великими долгами должит и крестьянишкам многие налоги и тесноты и разорение всякое чинит и деньги займует многие, а крестьянишек пишет в тех деньгах порукою и к тем крепостям велит крестьянишкам руки прикладывать сильно, не проча себе тех вотчин, ведая твой Великого государя и боярский приговор, что те вотчины ей тетке моей не прочны»¹.

Уже во время похорон в 1671 г. именитого человека Федора Петровича Строганова в Сольвычегодске «дворовые люди в то время после смерти Федора Строганова многие из двора вышли, и пропажа де на дворе чинилась многая»². Обыкновенно дворовые люди, убегая от Строгановых, брали с собой нескольких лошадей, ценности, деньги. Мы имеем конкретный пример проявления одной из форм классовой борьбы — бегства зависимых людей.

Орловской вотчиной Федора Петровича Строганова в Перми Великой по его приказу управляла коллегия приказчиков из Ивашки Полчихина, Ивашки Костромича, Андрюшки Зюзя и Ромашки Иванова — всех старых строгановских послужильцев, из которых А. Зюзя был приказчиком в Орле — местечке «у варнишного строения» — 15 лет. Когда умер Федор Петрович Строганов и его тело из Орла повезла для похорон в Сольвычегодск его жена и наследница вотчин Анна Никитична, урожденная княгиня Барятинская, то этот А. Зюзя бежал, украв «животы, крепости, платье, деньги» и пр. Следствие вскрыло, что украденное

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1671 г., № 523, л. 1.

² ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1657—1687 гг. Книги отдельные и отказные Ф. П. Строганова, л. 30, 105 об.

имущество спрятано в Орле у крестьянина Дмитрия Андреевича Строганова — Тимошки Миронова. После обыска опознали и изъяли часть украденного имущества: «Коробью окованную, да чемоданы, да пищали, одна пищаль заячья, да два ковра, да полаз».

Центром управления хозяйства А. Н. Строгановой, разбросанного по уездам и станам Поморья, был ее двор в Сольвычегодске, где находилась коллегия приказчиков из Якимки Городового, Митки Тюшева, стряпчего Кудри и других, управлявшая всем хозяйством. В больших селах Поздышеве, Крутец и Комарице жили районные приказчики.

В сольвычегодском дворе находится «изба казенная», где живет главный приказчик Якимко Городовой. Дворовые люди, ухаживающие за скотом, живут в таких условиях: «Изба скотья, а в ней живут люди ж ея». Остальные дворовые: ремесленники, варничные работники — имеют лучшее жилье: «Изба семейная, пять сажень, а в ней живут служащие ея люди», «да в том же дворе две избы, с чюланами люцкими, да люцких 15 чюланов», тут же «изба столовая» «да другая поваренная», «мыльня», «семейная баня новая». Здесь же хозяйственные строения: «Под повалушею амбар, а в нем кож бычьих и коровьих, коневых и сырых 26 кож... 40 овчин деланых, всякие шерсти», «амбар соляной, а в нем кирпича жженого по смете тысячи с две», целый ряд «стай скотьих». За линией двора «два амбара соляных», «амбар большой с хлебом — запечатан»¹.

Количество хлеба, подсчитанного в селах, не дает действительного представления о всех хлебных запасах А. Н. Строгановой, так как кроме «амбара большого с хлебом» в сольвычегодском дворе были опечатаны после смерти Ф. П. Строганова «житницы» и амбары в селах: в Вондокурском — две житницы, в Каратцеве — одна, в Морозихе — одна, в Цареконстантиновском селе — один амбар с хлебом, за речкой Дминой, на Шемоксе, в с. Бемянкине — одна житница, в Федоровском — одна, Панкратове — одна, Сверчкове — одна, Кружец — две. Всего в вотчине А. Н. Строгановой в селах было опечатано 16 хлебных амбаров с значительным количеством хлеба, не учтенным при переписи. Приказчики «у тех житниц ключей у себя не сказали и хлеба переписывать нельзя»². Такие действия сельских строгановских приказчиков открывали им возможность для самых широких злоупотреблений.

Таким образом, количество «всякого хлеба», подсчитанного писцами в 1686 г., является мизерной частью общих запасов в одной четвертой поморских их вотчин.

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1657—1687 гг. Книги отдельные и отказные Ф. П. Строганова, л. 30, 105 об.

² Там же.

В селах вотчины А. Н. Строгановой ведется комплексное хозяйство: зерновое и животноводческое. Но в некоторых из них заметен животноводческий уклон. Так, в Поздишеве имеется 5 скотных построек (хлебов и денников), где размещено огромное стадо — 43 коровы и быка, 26 овец, 4 лошади, есть гуси; в Семушинской — три скотных постройки, где 12 коров, 13 овец и баранов; в Вондокурском не упомянуты скотные постройки, но есть 46 коров, 5 свиней, 10 овец, 1 баран, 1 кобыла и гуси; в селе Крутец — две скотные постройки и 12 коров, 2 свиньи, 19 овец, 1 баран; в Комарище — 33 коровы, 8 свиней, 5 козлов.

Села слабо заселены половниками. В большинстве из них находится по одному-два и лишь в трех селах — Вондокурье, Словенском, Кузнецове — по 4 половника и есть большое животноводческое хозяйство, в других же селах нет ни одного половника. В селе Дуброве половничий двор «пуст». «В обоих деревнях в Поздышеве и в Дуброво половников нет, пашут те деревни наездом с посаду наездными работными людьми»¹.

Таким образом, недостаточное количество рабочей силы в вотчинных селах пополняется посылкой в горячее время на сев, сбор урожая и сенокос наемных людей с сольвычегодского посада, а также дворовых людей из сольвычегодского двора А. Н. Строгановой, где в «людских чюланах», а то и просто в «скотных избах» жило достаточное количество ее дворовых людей.

Сельские вотчины других Строгановых в Поморье имеют большее количество сел и половников, нежели имение вдовы А. Н. Строгановой. Однако писцовые книги, к сожалению, не дают сведений о скотоводстве, о количестве собранного хлеба.

Компетенция строгановских сельских приказчиков не ограничивалась узкой сферой чисто хозяйственного распоряжения «приказанной» им округой. Они деятельно вмешиваются во все мелочи и детали самоуправления местных крестьянских обществ.

Приказчики принимают участие во всех без исключения решениях общественных сходов, естественно, чиня им кое-какие притеснения. При распределении очередей на ямскую поездку по селам, раскладке каких-нибудь денежных сборов приказчики старались переложить все тяготы со своих сел «на черные крестьянские».

Почти единственным выходом для половников, не мирившихся со строгановской эксплуатацией, были побеги. И к этому способу классового протеста они прибегают довольно часто. Так, в 1636 г. «в ночь збежали из вотчинки Петра Семеновича Строганова с Шемоксы, из деревни Белянкино, вотчинные Петра Семеновича половники». За ними пропало

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1657—1687 гг. Книги отдельные и отказные Ф. П. Строганова, л. 30, 105 об.

«сносу» 16 руб. 22 алтына 4 деньги. Кроме того, они увели с собой три мерина, две кобылы, две коровы, быка, стельную телку.

Все беглые половники захватывают с собой хозяйственное имущество — «сносные животы». Они бегут в разных направлениях, но преимущественно в Сибирь, на просторах которой можно было надежно укрыться. Здесь всегда можно найти себе работу и пропитание, либо осев на «десятинную государеву пашню», либо вступив в пешие стрельцы и казаки в любой из сибирских острогов, где не особенно интересовались, кто откуда явился, или, наконец, вступив на службу к какому-нибудь промышленнику. Между тем половники бежали и в недалекие места.

В поморских вотчинах Строгановых сельское хозяйство, сохранявшее свое вспомогательное для солеваренных промыслов значение, имело другую организацию и велось уже в основном не трудом половников.

Строгановы получили свои обширные пермские вотчины в середине XVI в. Прося об этом пожаловании, они говорили, что это «леса темные и заломные и места топкие и грязи и болота большие, казне дохода не приносят» и что «эти места дикие и лешие, и порозжие» — никем не заселенные, пустынные. Они были правы только в том, что в это время здесь не было русского населения. Но и чердынская власть и исследователи из дворовых людей Строгановых не могли не знать, что здесь живут кочевые «вогуличи и татаровья». Очевидно, местные и столичные приказные власти были щедро подкуплены, и Строгановы получили никем не контролируемые огромные территории Прикамского края в вотчину «пустыми». Однако эта фикция скоро образует ряд неудобств для самих вотчинников. В 1581 г. уже и сами Строгановы признают, что «вогуличи живут блиско их слободок, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни пахати, и дров сечи не дают же. И приходят-деи к им невеликие люди украдом, лошадей, коровы отганивают и людей побивают, и промысел деи у них в слободах отняли и соли варити не дадут»¹. Таким образом, «пустые места»

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 62. Допущение, что правительство отдало Строгановым большие территории на Урале на том основании, что «пустота» для правительства была тягловой пустотой, т. е. что с этих земель не шли государственные подати, следует отбросить. Чердынские воеводы, как и столичные власти, хорошо знали, что на отведенных Строгановым землях жило местное население — аборигены края — татары и манси, и если они не облагались податями и ясаком, то были в этом виновны местные воеводы. Чердынским воеводам было удобно сбывать со своих рук громаднейшие территории, а вместе с ними и все заботы по обслуживанию беспокойного населения. Таким образом, к вопросу о «пустоте» земель, отводимых Строгановым, и местные, и столичные власти подошли формально. Здесь, очевидно, не обошлось без щедрого награждения властей Строгановыми, весьма заинтересованными в получении уральской вотчины.

нанесли немало хозяйственных убытков вотчинникам и их новопоселенным крестьянам.

Заводя соляные промыслы, активно колонизируя далекую «Украину» преимущественно выходцами из Приморского края, Строгановы сразу же должны были позаботиться о развитии здесь сельского хозяйства. Половничества, этого результата крестьянского обезземеливания и относительной земельной тесноты, до появления Строгановых в этом краю не могло быть. Привлечь людей работать на земле можно было только путем предоставления им права самостоятельно хозяйничать на своих крестьянских наделах и переуступкой своих льгот в налоговом отношении, которые Строгановы получили от правительства. И действительно, в записных книгах 1579 г. можно видеть, как строгановские вотчины очень быстро пополняются крестьянами. Эти земледельцы вместе со своими вотчинниками Строгановыми на протяжении 20 лет не связаны были платежами казенных налогов и даней и жили «на льготе». Строгановская колонизация Приуралья развивалась в быстром темпе. Так, в строгановских вотчинах в Перми Великой, по данным писцовых книг, в 1579 г. насчитывалось вновь поселенных 352 двора, в 1632—1634 гг.— 1032, в 1647 г.— 1602 двора и в 1678 г.— уже 2855 дворов. Новопоселенцы-крестьяне, очутившись в краю вековых, дремучих лесов («бяху же ту дерева велики и многоветвенны»), между которыми кое-где были улусы, манси, ханты и татары, деятельно взялись за строительство сельской жизни. Они стали «труды к трудам прилагати, лес сещи, сеяния ради хлебного», «подсеку огнем пополять» — «яко же обычай». Через 20 лет жизни на льготах строгановские вотчины имели некоторое количество крепко построенных сел. Строгановы эксплуатируют манси и татар, подчиняют себе звероловов, привлекают местных жителей к себе на службу. Они систематически занимаются односторонним выгодным обменом «шкур лосиных», «куниц добрых», «соболей», «бобров». Постоянное обсчитывание и обман манси и татар во время товарообменных операций вызывает глухое недовольство против пришельцев Строгановых.

Строгановы не только подчиняют себе в хозяйственном отношении, но и через своих приказчиков энергично вмешиваются, например, в общинное самоуправление населения пермских вотчин. На крестьянские общины возлагается ряд функций по обслуживанию строгановского хозяйства. Так, выборные крестьяне были должны контролировать деятельность строгановских приказчиков во время отсутствия хозяев, присутствовать при взвешивании промышленной соли. Они определяют степень пригодности соляных судов для предстоящей навигации, охраняют острожки, так как военную охрану из нанятых стрельцов, пушечников и др. в XVII в., когда край в основном освоен, Строгановы распустили

или очень сократили. Крестьянство чрезвычайно болезненно переживало ликвидацию льгот по прошествии 20 лет. Теперь крестьянское хозяйство должно было систематически выплачивать правительству налоги и оброки, которые были введены во время первой переписи Пермского края переписчиком Иваном Яхонтовым и подьячим Третьяком Карповичем в 1579 г. С другой стороны, крестьянство выполняло повинности в пользу Строгановых. Некоторые земледельцы, не выдержав, отвечали привычной формой протеста — бегством на новые земли, где или не было вотчинников, царских сборщиков податей или условия жизни были более легкими.

Побег крестьян из пермских вотчин Строгановых наблюдается почти тотчас после отмены льгот и составления первой переписи земель. Спустя два года после нее мы можем фиксировать первые жалобы Строгановых на бегство крестьян из их вотчин. В 1581 г., 30 декабря, Семен и Максим Строгановы жаловались: «...приходит-деи, к ним в слободы в Чюсовую, да в Сылву, да в Яйву Пермский князь с вогуличи войною. И в те-деи поры, из их слобод, из острогов и засады бегают их люди, и казаки и жилцы должны в Пермь в Великую, в Чердынь, и в Усолье Камское, ни с Перми-деи, ни з Усолья их людей и казаков и жилцов должных их не выдают»¹. В ответ на это строгановское челобитье чердынскому управителю Вас. Перепелицыну из Москвы направляется распоряжение пойманных крестьян возвращать прежним хозяевам, «а кого будет Семен, да Максим в Перми или в Усолье Камском людей своих опознают и крепости на них в службе положат и ты б сыскав и распрося по крестьянам, хто доведетца тех людей Строгановых отдавал, а на казаков и на жильцов в их долгу давал управу по нашему указу»².

Одновременно с крестьянами бегут и промысловые люди. Во второй половине XVII в. бегство крестьян сопровождается настоящим восстанием против вотчинников. Это было ответом на крепостническую неволю, петлю которой Строгановы затягивали все туже.

Оно вспыхнуло в 1672 г. и окончилось уходом в Сибирь 35 семейств, насчитывающих 156 взрослых людей.

В 1679 г. Строгановы жалуются на массовый уход своих крестьян из разных пермских вотчин. Так, «вдова Агафья с дочеришко», жена Данила Ивановича, жалуется: «Старинные мои крестьянишка бегут с женами и детьми и со всеми своими животы в Сибирские городы и, бегая, живут в Тобольском и на Верхотурском». В челобитье 1687 г. упоминаются обстоятельства крестьянского ухода: «да в прошлом... в 1686 году, июля в 25 день скопясь за городом, вотчинные Чюсовские и Калин-

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 63—64.

² Там же, стр. 64.

ские староста и крестьянишка мои, человек со ста и больши, Сенка Третьяков, Сидорко, Чебыкин, Филка Верохин с товарищи. И пришед ко дворишко моему с бунтом, с пищалями, и с рогатины, и с бердыши, ворота выломали и у хоромишек двери и окна выбили и домишко мой разграбили».

Восставшие обрушивали свой гнев и на дворовых людей, которые всегда были действительными агентами Строгановых. В дворовых крестьянство видело своих непосредственных угнетателей — «да в домишку ж, государь, моем всякое поругательство чинили — людишек моих перевязав нагих, плетми и жены их били на смерть, и к огню их приводили и бердышами к шеям прикладывали, и связав руки и ноги, нагих... покиня на смерть, их мучали. А рогатой мой скот и остальных моих крестьянишек те воры прибили и рогатинами прикололи, и из ружья перестреляли, и в воду с собаками переметали»¹.

Серьезный размах приобрело также восстание на рубеже XVII—XVIII вв. в вотчинах Григория Дмитриевича Строганова: «И в нынешнем, 1700 году в генваре и в феврале месяцев — семей з двесте и больши из Пермских, Чюсовских его вотчин, отбиваясь от людей его боем и стреляя из ружья и из луков, пошли явно в те же Сибирские города на вечное житье по подговору тех прежних беглых ево крестьян»².

Это восстание охватило 800—1000 человек строгановских крестьян.

Следует отметить, что восставшие русские земледельцы иногда вступали в союз с народами Приуралья. Так, в 1659 г. строгановские крестьяне под предводительством Офонки Шешукова соединились с манси³, вместе с ними напали на Чусовское строгановское местечко и, взяв его приступом, ограбили. Максим Строганов, хозяин местечка, оценивал убытки в 2184 руб. Челобитчик Максим Строганов свидетельствует, что «Офонка Шешуков... на Чусовую и на Куры с вогуличи приходили разбоем и грабежем, живот государей их поймали, стакався с Максимовскими крестьянами, и варницы жечь и людей стрелять хотели». Восстание задолго подготавливалось: «Афонка Шешуков с товарищи — ездили они в Максимовы вотчины скопясь с договорясь с воры войною, и изменою животы у русских людей Максимовы з братьею, грабили, и лошади и коровы, и овцы побивали, и переели, а иные с собою взяв, — продавали проезжим людям»⁴.

¹ Собака — груз.

² ЦГАДА, Книги Сибирского приказа, дело сыщиков, 1314, л. 5—6.

³ ЦГАДА, Книги Сибирского приказа, дело сыщиков, 1314, л. 11. См. там же, челобитные дела Сибирского приказа (столбец 432) о бегстве в Сибирь из вотчины Строгановых в 1652 г.

⁴ ЛОИИ, ф. 125, рознь, грамота от 28 февраля 1659 г.

Бежавшие крестьяне направлялись в Сибирь новой дорогой, проложенной мимо Чусовских строгановских городов. Так, ею обвинские беглые крестьяне под предводительством гулящих людей — Максима Брюханова «с товарищами» — возвратились из Сибири в 1673 г. в обвинскую строгановскую вотчину и «разбоем разбили три деревни», издевались над крестьянами, а «одного крестьянина Гришку Щетника сожгли до смерти». Когда соликамский воевода послал отряд стрельцов, чтобы задержать «разбойников», чусовские строгановские крестьяне не пустили их к себе, не желая открыть властям секретов купеческой вотчины. Дело в том, что «новая дорога» в Сибирь была проложена нелегально, в обход правительственного распоряжения о том, что «из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть непристойно»¹.

Зажиточные слои строгановского крестьянства этой нелегальной дорогой вывозили из Сибири хлеб, что строго запрещалось, ибо Сибирь жила в значительной степени привозным хлебом из Поморья и центра государства. Чтобы не выдать своей сибирской дороги, чусовские приказчики считали лучшим обходиться без воеводских стрельцов и самим справляться со своими «разбойниками» — выходцами из строгановского крестьянства.

В вотчинах Строгановых можно наблюдать и процесс обогащения отдельных крестьян, из которых выделяются торговцы, руководившие большими коммерческими операциями. Например, в Переяславле-Залеском строгановский крестьянин предъявил в таможене свой капитал в 1924 руб., предназначенный на покупку товаров; крестьянин Андрея Строганова Иван Михайлов продал в 1647 г. в Нижнем Новгороде 3976 пудов соли на 500 руб.; крестьянин Данила Строганова Тишка Герасимов — 6870 пудов на 678 руб. 20 алтын; крестьянин Дмитрия Строганова Лаврушка Сысоев — 2940 пудов на 413 руб. и т. д.²

Строгановские крестьяне ведут коммерческие операции среди кочевых и полукочевых народов Приуралья, ездят в Силву и Ирень, скупая у татар и манси мед, хмель, воск. Чусовские крестьяне ездят «по новой дороге» в Сибирь и в Зауралье, где скупают большие партии хлеба и перепродают его в строгановских промышленных городках. Зажиточное крестьянство занимается предпринимательством: организовывает винокуренное дело, поставляя вино для местных царских кабаков, держит мельницы, берет на откуп рыбные ловли.

Купеческая вотчина строила свою жизнь на широкой эксплуатации как работных и дворовых людей, так и своих крестьян. Работных и дворовых людей Строгановы развращали подачками и иллюзиями обеспе-

¹ АИ, т. 5, № 113.

² А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 128, 133—135.

ченной жизни в барском дворе. Отдельные протесты дворовых быстро ликвидировались суровыми «поучениями».

У Строгановых в их сольвычегодском дворе был набор различных инструментов для истязаний — «людских желез», а подпапертные каменные «полатки» с фамильного Благовещенского собора были и камерами пыток, и надежными тюрьмами для непокорных людей. Через каменные стены собора и высокие «заплоты» строгановских дворов не долетали к посадку ни стоны, ни крики истязуемых людей. И когда случалось, что до правительства доходили свидетельства о жестоких расправах Строгановых и оно начинало опрашивать посадское население о таких случаях, то посадские, несмотря на свою ненависть к Строгановым, предпочитали отмалчиваться.

Положение строгановского крестьянина отличалось тем, что ему легче было бежать или, наконец, поднять восстание, нежели дворовому.

Нормальное ведение хозяйства в сольвычегодской и в пермской вотчинах нарушалось постоянно бегством крепостных людей, ярыжек с промыслов и холопов со дворов.

Бегство крестьян от Строгановых не всегда проходило секретно и тихо. Иногда оно сопровождалось вооруженной борьбой. Так, 4 июля 1652 г. с чусовских вотчин «бежали в Сибирь» двенадцать семейств с женами и детьми и холостых 9 человек «старинных крепостных людей», «а на побеге де те ево беглые крестьяне,— жаловался правительству Данило Строганов,— и крестьянские дети, в отхожей его деревне Капино, приказчика ево, Еремку Онтипина били, и, изувеча, покинули за мертво, а взяли с собой из стада его лучших сорок пять лошадей, а в полях хлеб всякой потравили»¹.

Иногда можно найти инициаторов и организаторов массовых побегов крестьян из вотчин Строгановых.

Так, в 1655 г. Данило Строганов показывал, что в этом году «Карпик Порошин, пришед из Сибири в вотчину мою на Чусовую Шишем и подговоря, свел с собою в Сибирь старинных же моих крестьянишек — девять семей,— Гришку Яковлева, сына Гогурина, с товарищи». Этот организатор массового побега Карп Порошин — крепостной человек Строгановых. Он бежал в Сибирь, а потом возвратился в чусовскую вотчину, чтобы поднять и повести с собой в Сибирь знакомых ему крестьян, что ему и удалось сделать².

Если количество беглых крестьян из вотчин Строгановых было значительным, то и число беглых, находивших у Строгановых приют, также

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, челобитные дела, столбец 432, черновой отпуск царской грамоты 1652 г., января 9.

² ЦГАДА, Сибирский приказ, № 496, л. 14.

было немалым. Здесь всегда требовались рабочие руки для обслуживания вотчинного хозяйства, поэтому Строгановы принимали и перепрягивали беглых крестьян.

В 1628 г. помещик Иван Плещеев жаловался правительству на Строгановых, что они заманивают и задерживают его крепостных крестьян. Иван Плещеев, возвращаясь из Сибири, остановился в чусовской вотчине Петра Семеновича Строганова, в селе Комасине. Строгановский приказчик по приказу самого Петра Семеновича Строганова, как подтверждает жалобщик, «подговорили у меня крепостных моих холопей Якунку Потапова, да Ивашка Васильева, да Ваську Осипова с моими животы, а живота моего те люди беглые холопы взяли 300 рублей денег, да серги яхонты лазаревые на золоте с зерны бурлишкими, цена 30 рублей, да ожерелья мужское низано, цена 30 рублей».

Во время судебного процесса Плещеев убедился, «что Петр (Строганов) диака искупил» и «что нынеча де и бояр окупают». Не только один дьяк был подкуплен, но и судьи.

Приказный Василий Янов оказался зятем Петра Семеновича Строганова, дьяк Яков Ключаров подписывал документы, «друза Петру Строганову», и даже вызванные экспертами площадные подьячие Ивановской площади дали двойное заключение: и «что в тех обеих памяток слова многие сходятся, а одное ли руки те памяти письмо или розных рук, того они не ведают»¹.

* * *

Основные закономерности развития сельского хозяйства, положение крестьянства, методы феодально-крепостнической эксплуатации основательно изучены и в основном правильно решены в многочисленных монографиях по истории Русского государства XVI—XVII вв., в работах дореволюционных (А. Я. Ефименко, М. А. Дьяконов, М. А. Островская, А. С. Лаппо-Данилевский) и советских (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, С. В. Юшков) историков.

Исследованные нами документальные материалы по истории сельского хозяйства в строгановских вотчинах XVI—XVII вв. лишь подтверждают ранее сделанные наблюдения.

Новым в научном отношении является лишь раскрытие на конкретном строгановском документальном материале того, как в локальных условиях Поморья и Приуралья по-разному проявлялись известные в науке закономерности развития вотчинного сельского хозяйства у Строгановых в XVI—XVII вв. Новые факты приведены о формах социаль-

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1628 г., № 48, л. 2—4, 7, 9—13.

ного протеста и классовой борьбы закрепощаемых иногда в союзе с угнетаемыми уральскими татарами, ханты и манси. Нами опущен большой цифровой материал о поголовье скота, запасах зерна в деревенских амбарах и других сельскохозяйственных продуктов в строгановских деревенских дворах, как сведения, не дающие существенно нового сравнительно с известными в науке данными о состоянии товарного сельскохозяйственного производства в ряде крупных царских, боярских, монастырских и помещичьих феодальных хозяйств XVI—XVII вв.

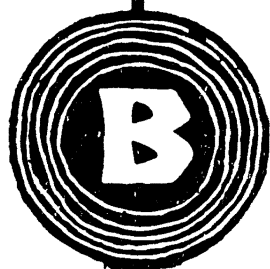
Характерным для вотчинного строгановского сельского хозяйства является то, что оно имело подсобный характер и было предназначено удовлетворять потребительские, внутренние запросы мощного промышленного и торгового предприятия дома Строгановых и лишь в небольшой степени давало товарную продукцию.

Другой характерной чертой было наличие двух типов построения вотчинного сельского хозяйства. В поморских вотчинах, где не было дворцового и служилого помещичьего хозяйства, а имелось лишь монастырское и купеческое крупное землевладение, сельское хозяйство у Строгановых велось на традиционных основах феодально-крепостнической эксплуатации и кабально-ростовщических операциях.

В пермских вотчинах сельское хозяйство строилось на двадцатилетней льготе для новоприбылых крестьян. В обширных и еще не обжитых территориях не было недостатка в землях, не было земельной тесноты.

Но и для поморских и пермских вотчин была одинаково тягостна феодально-крепостническая эксплуатация крестьян Строгановыми, которые в пермских вотчинах по истечении двадцатилетнего льготного срока нещадно эксплуатировали крестьян. Закрепощаемые крестьяне отвечали феодалам-купцам бегством, поджогами строгановских строений, угоном их скота и прямыми вооруженными выступлениями. Но характерно, что большой и иногда массовый уход крестьян из пермских вотчин не приводил к убыли рабочих рук, так как количество новоприбылых крестьян из центра и Поморья в приуральские вотчины Строгановых было большим, нежели убыль крестьянского населения.

ГЛАВА ПЯТАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВ И ПРОМЫСЛОВ В СТРОГАНОВСКИХ ВОТЧИНАХ В XVI-XVII ВЕКАХ

В ряду многих производств и промыслов основной отраслью производства, которой Строгановы занимались в течение почти пяти столетий, было солеварное дело¹. Это производство обслуживалось трудом рабочих людей разной квалификации. Здесь мы имеем и техническую интеллигенцию феодальной эпохи XVI—XVII вв. — своеобразных горных инженеров, называвшихся буровыми и трубочными мастерами, бывших зачастую неграмотными. Представителями высокооплачиваемой интеллигенции были повара и подварки — мастера по выварке соли. Имелись и квалифицированные рабочие — кузнецы-цыренщики, плотники — конструкторы технически еще несложных «машин»: подъемных воротов, рассололивных насосов. Затем идут просто плотники — строители варниц, рассольных труб, ларей для соляного рассола и подсобных сооружений, соляных амбаров, жилых избушек и т. д. Наконец, в производ-

¹ Солеваренная промышленность Строгановых в Пермском крае всесторонне изучена в капитальном исследовании Н. В. Устюгова «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности», М., 1957, в главах II, § 5, III, IV. Однако автор, изучая солеваренную промышленность Соли Камской в целом, не во всем объеме освещает деятельность Строгановых, почему наше исследование организации производств и промыслов является самостоятельным и новым.

стве заняты и различные категории чернорабочих — ярыжек или казачков, выступавших в роли солоносов, дрововозов, грузчиков. Иногда своей мускульной силой они приводили в движение ворота и насосы.

Можно составить достаточно отчетливое представление о месте всех перечисленных выше категорий работных людей в процессе производства благодаря дошедшим до нашего времени нескольким техническим трактатам, вышедшим из-под пера технической строгановской интеллигенции. Первым по времени написания из дошедших до нашего времени трактатов является «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте»¹.

Эта рукопись середины или конца XVI в., представляющая собой наставление старого мастера-практика молодому начинающему мастеру, вышла из среды «трубных мастеров» тотемских промыслов. Тотемская строгановская рукопись — один из наиболее старых технических трактатов феодальной эпохи, дошедших до нашего времени. В нем обобщен технический опыт многих поколений мастеров и дается обстоятельное описание всех операций, связанных с бурением и устройством новых рассолоподъемных труб. Характерно, что этот трактат служил практическим руководством не только в XVI и XVII вв., но и для мастеров XVIII и даже XIX веков. Следующие два технических трактата, найденные мною в фамильном строгановском архиве села Ильинского Пермской области, написаны в 1812 и в 1823 гг. строгановским главноуправляющим Яковом Григорьевичем Волеговым и «практикантом» Степаном Лукичем Волеговым. Волеговские трактаты дают массу исторических сведений по технике XVI и XVII вв., и, хотя оба написаны в XIX в., они не вносят значительных изменений в технику солеваренного дела, которая в основном осталась прежней.

XVIII век прибавил к традиционной технике лишь рассололивную машину, появившуюся в 1720 г., да улучшил и увеличил ассортимент буровых инструментов. В этом столетии начали переходить к постройке каменных варниц вместо черных, деревянных варниц XVI—XVII вв.

Имеется, наконец, и четвертый, анонимный трактат XVIII в., дающий также материал по технологии солеваренного дела в Поморье XVI—XVII вв. Он вышел также из среды строгановских самоучек-технологов.

Пользуясь «Росписью» XVI в., дополняя ее данными документального материала XVI—XVII вв. из строгановских архивных фондов,

¹ Текст см.: Д. Прозоровский, Старинное описание солеваренного снаряда, «Известия Археологического общества», т. 6, СПб., 1867, стр. 233—255. Автор трактата принадлежит к технической интеллигенции не сольвычегодских, а тотемских Строгановых.

а также фактами из волеговских трактатов, можно достаточно четко реконструировать и изобразить в чертежах механизмы и устройства, применявшиеся в это время в солеваренном производстве.

Опыт и нужда были главными учителями солеваренного дела мастеров — «изобретателей в недрах земных сокровищ», которые составили себе своеобразную, стройную систему взглядов «о внутреннем сложении земного черепа», по выражению первых историков строгановского солеварения Я. Г. Волегова и С. Л. Волегова¹.

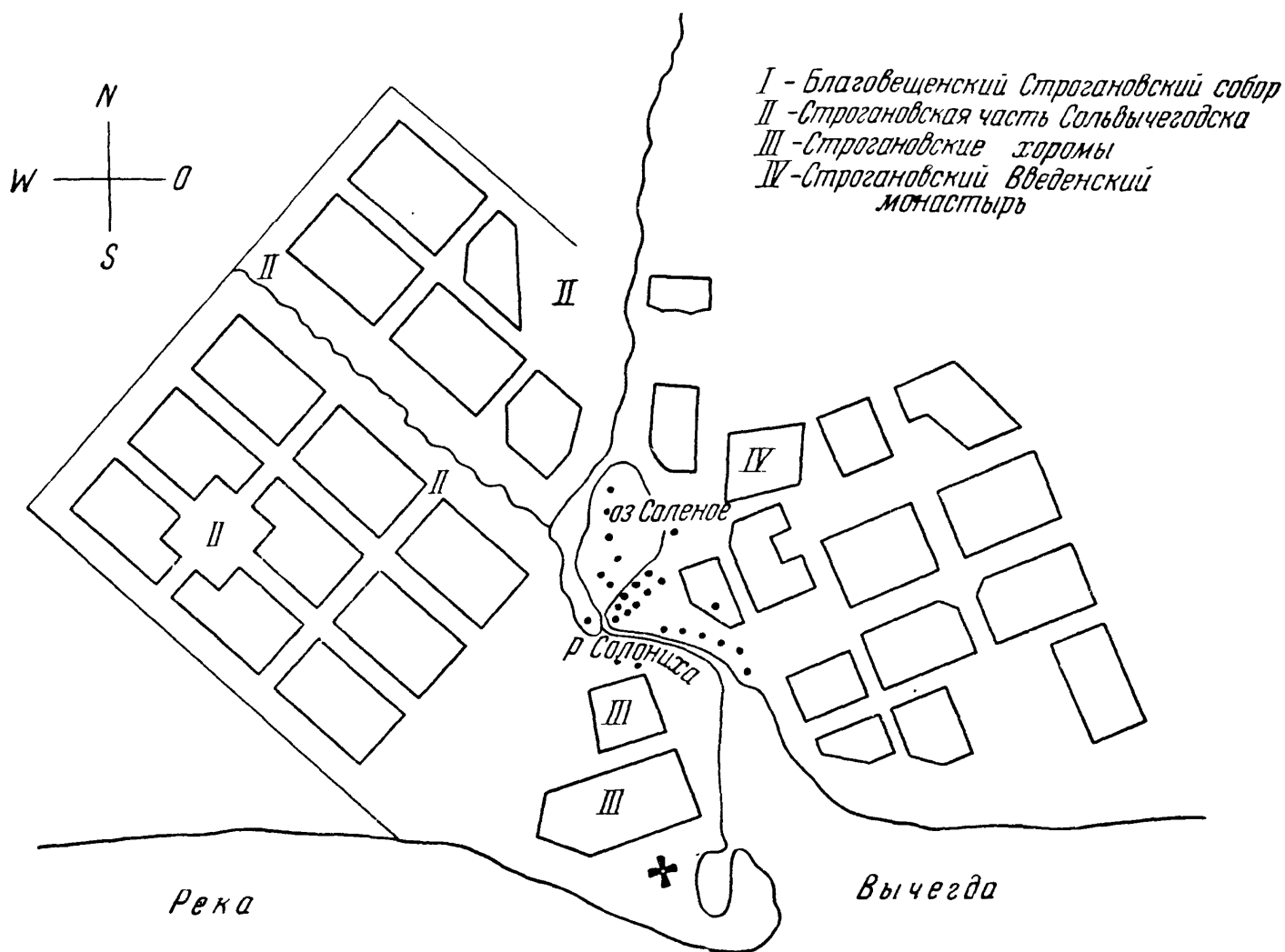
Выбор места для закладки буровой скважины и установка — «загонка», или «саженъе», рассололивных труб были не сложны в Сольвычегодске, где трубы закладывались одна подле другой вокруг озера и речки Солонихи в центре города. То же было и в Тотьме. Но выбор места под буровые скважины на Коле и в других местах Поморья, равно как в пермских вотчинах Строгановых, представлял собою целую и сложную науку.

Обширное приволье Поморья и Прикамья требовало от трубного мастера длительного изучения и своеобразного геологического разыскания. Опытный строгановский мастер в своей геологической разведке руководствовался целым перечнем примет, унаследованным из опыта многих поколений соляных мастеров Новгородского Заволочья.

Мастер искал «россольные места» всегда в низких, болотистых и сырых пространствах, покрытых низким ельником или стелющимся по земле березняком или совсем лишенным всякой растительности. О таких местах он осведомлялся у местного населения или узнавал благодаря личному наблюдению за поведением деревенского скота, который во время пастбы давал самые верные и безошибочные указания такому «горному инженеру». В соляных местах скот или лесное зверье (где местность дика и необитаема) оставляли много следов во время посещения для лакомства соленой почвой: по словам Я. Г. Волегова, «в обитаемых людьми местах, а в лесах звери собираются и землю едят».

С таких мест мастером бралась глина, опробовалась сначала на вкус, затем бросалась в огонь костра: если глина, подсыхая, издавала треск и на пробу языком «крепко к языку прилипает», то это было верным

¹ Волеговские трактаты первоначально мне были известны в копиях центрального вотчинного архива Строгановых в селе Ильинском (дело № 70). Ныне они находятся в Пермском Облгосархиве. Копии не датировали время написания, почему один автор — Яков Григорьевич Волегов — и не был своевременно определен (см. А. Введенский, Служащие и работные люди у Строгановых в 16—17 веках. «Труд в России», кн. 1, Л., 1924, стр. 66, прим. 2). Позже оба волеговских трактата были найдены в подлинниках. Авторство Я. Г. Волегова устанавливается легко по его почерку, который хорошо известен по множеству его бумаг в том же архиве. О Волеговых, исконных строгановских служащих, см. некоторые сведения в статье: А. А. Дмитриев, Федот Алексеевич Волегов, «Пермский край», т. 3, 1895, стр. 122 и след.

План Сольвычегодска 1784 г.

Точками обозначены сохранившиеся к 1928 г. соляные трубы XVII в.

знаком, что здесь соляное место. Мастер принимал во внимание и такие признаки: подпочвенная, покрытая ржавчиной вода, выходящая из слоев земли, содержащих в своей глубине соляные растворы, выпариваясь летом, оставляла серебристый налет в виде легкого соляного инея по берегам протока.

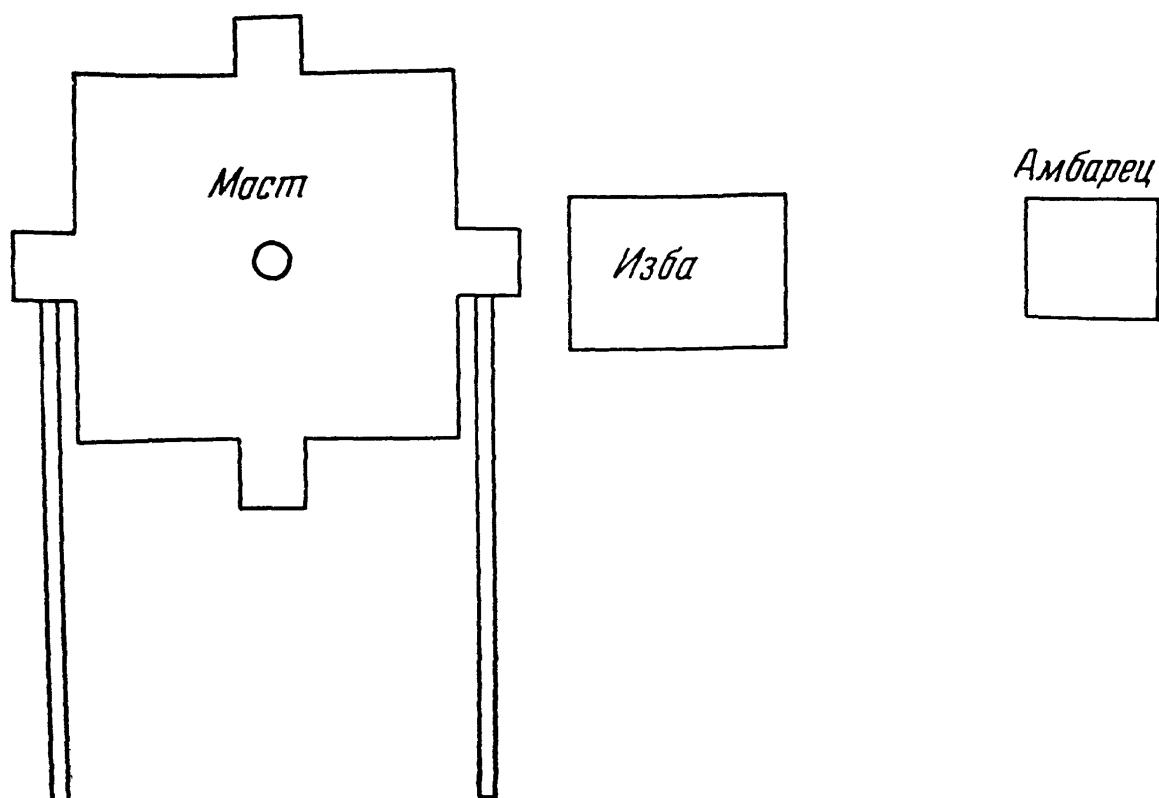
Место для закладки трубы найдено, теперь для мастера начинается самая ответственная часть в его работе: бурение почвы и установка рассольных труб. Перед началом этих работ служился первым долгом молебн: если труба закладывалась в Сольвычегодске, то — попами фамильного строгановского соборного Благовещенского храма, если в вотчинах в Перми, то — попами вотчинных церквей. Набирались подсобные рабочие-ярыжки, которые в пермских вотчинах нанимались с поденной, а чаще месячной оплатой из вольных гулящих людей, которых много сходилось из центральных областей Русского государства на Каму, где всегда можно было найти работу на судовом камском транспорте.

В Сольвычегодске ярыжки подбирались из беднейшей части посадского населения. Все писцовые книги по Сольвычегодску насчитывают постоянно высокий процент бедноты. Она состоит из двух категорий: одна стоит на грани нищенства, живет голодной и непостоянной работой, «питаются у варниц», другая — это перешедшие всякие грани нужды и вполне опустившиеся люмпен-пролетарии: «валяются в ярыжках на кабаке». Множество таких ярыжек из первой категории (Сенька Рышко, Савка Керкун, Ларка Замора, Фетка Дурной, Васька Чуга, Ондрюшка Сирин и другие), названных, например, сотной (выписи из писцовой книги) 1653 г., мы находим у Строгановых на черной работе у варничного дела. Не гнушаются, однако, Строгановы использовать и труд пожизненных клиентов царских кабаков; кабацкие ярыжки получают вдвое, втрое меньше нормальной поденщины, хотя, конечно, и труд несчастных алкоголиков, работавших по нужде, для покупки необходимой мерки кабацкого питья, был малопродуктивен.

Началу собственно буровых работ предшествовала постройка силой плотников и ярыжек избы «для сушения векошных бечев или в морозы для таенья» и амбарца «супротив избы» для хранения трубных снастей — буровых инструментов: «промеж ими две сажени»¹ (см. рис. на стр. 161).

По установке избы и амбарца на избранном для бурения месте возводились бревенчатые леса — «сохи», которые ставились «девять сажень на верх земли». Технический трактат XVI в. («Роспись») отмечает, что следует: «в верху у сох зделать уши и утвердить в ушах по колесу для взъему перекладного или иного трубного взъему». Затем восемь землекопных рабочих-ярыжек внутри сох («промеж сох — четыре сажени трубных») начинали копать яму, «покмest дать копать вода пресная». Обычно «до воды» копали в Тотьме и Сольвычегодске полторы-две сажени. В яме ставился сруб, и сюда на ворота на «векошных бечевах» опускалась первая труба — «матица» — из шестисаженного дерева, толщиной «скрай на край аршин без дву вершков», с широким диаметром пробуровленной резки в 10 вершков. Матишных труб «заганивалось» две на 10—11-саженную глубину. Самое «заганивание» в землю матицы производилось так: как только один комель трубы касался дна ямы, на другом комле «для гнетки матишной на чем быть мосту и струбу, и людем и всякой снасти матишной поделке, вытесать четыре бруса по четыре аршина с аршином». На крепких четырех брусах ставился «мост» и

¹ Д. Прозоровский, Старинное описание солеваренного снаряда, «Известия Археологического общества», т. 6, 1868, стр. 238—239. Сажень здесь и далее следует разумеать равной 42 вершкам: «а трубная сажень — полтретья аршина два вершка». К концу XVII в. (в 1690 г.) трубная сажень равнялась уже 44 вершкам. См. там же, стр. 239.

Схематический план размещения буровой вышки
для добычи соляных растворов.

«струб» — избенка, которая наполняется вынимаемой из трубы землей и своей тяжестью вгоняет матицу все более и более в землю. В «струбе» работают мастер со своими помощниками-ярыжками, зимой и летом без перерыва, при помощи целого набора буравов: «резцов матишных», больших, средних и малых, «буравов денных», «змеевиков», «свердл с ремнем», для долбежки каменного грунта — «пруды», железных долот «кривых» и «прямых», «строжниц, чем в трубе камень секуть». Для выемки твердого глиняного грунта употреблялись шелома железные, «чем в трубе землю вертят», для мягких грунтов шли различных видов «желонки» — длинные цилиндрические трубки, на нижнем конце которых были нарезаны «зубья» — фрезера с клапаном, открывающимся только вверх, благодаря чему разрытая зубьями земля поступала в цилиндр желонки, и при подъеме ее клапан захлопывался, удерживая внутри весь принятый грунт¹.

¹ См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 49—50. Нами использована также рукопись второй половины XIX в. «Описание старинных моделей бурового инструмента» инженера К. Кострова в рукописном отделе Тотемского краеведческого музея и «Устройство рассолоподъемных труб» (рукопись неизвестного автора начала XIX в.) с обстоятельным описанием старинных буровых инструментов, употреблявшихся в строгановских вотчинах (находилась в собрании автора, погибла в годы Великой Отечественной войны).

Все эти инструменты в определенной последовательности вставлялись на конец — «сковородник» крепкого шеста и опускались в отверстие — «кружало» в полу избушки, которое будет и отверстием — «губой» матицы, первой шестисаженной деревянной трубы, загоняемой в землю. Шесты с насаженными и скрепленными болтами на «сковороднике» бурильными инструментами беспрестанно вращаются 2—4 ярыжками при помощи «двух воротов стоячих о четырех пожилинах — канатах», причем на другом конце шеста была насажена тяжесть из камней и железа в 20—60 пудов для увеличения действенной силы буровых инструментов (см. рис. на стр. 163).

Старинное руководство по бурильному делу («Роспись») так описывает первые моменты бурильной работы: «Бог пособит — уставитца (труба) совсем — поди на низ; стал на *щекоту*¹, поди *шеломом*; буде не пойдет шеломом — возьми на буравы; стал на песку — тем же шеломом; мелкое каменье малыми *трезубы*, болшим большее, средним среднее... И как почнешь под матицей шеломом ходить, бог матицу понесет на низ после, и в те поры смотреть надобе бережно по отвесу прямо, чтобы в сторону не ушла, жить бережно»².

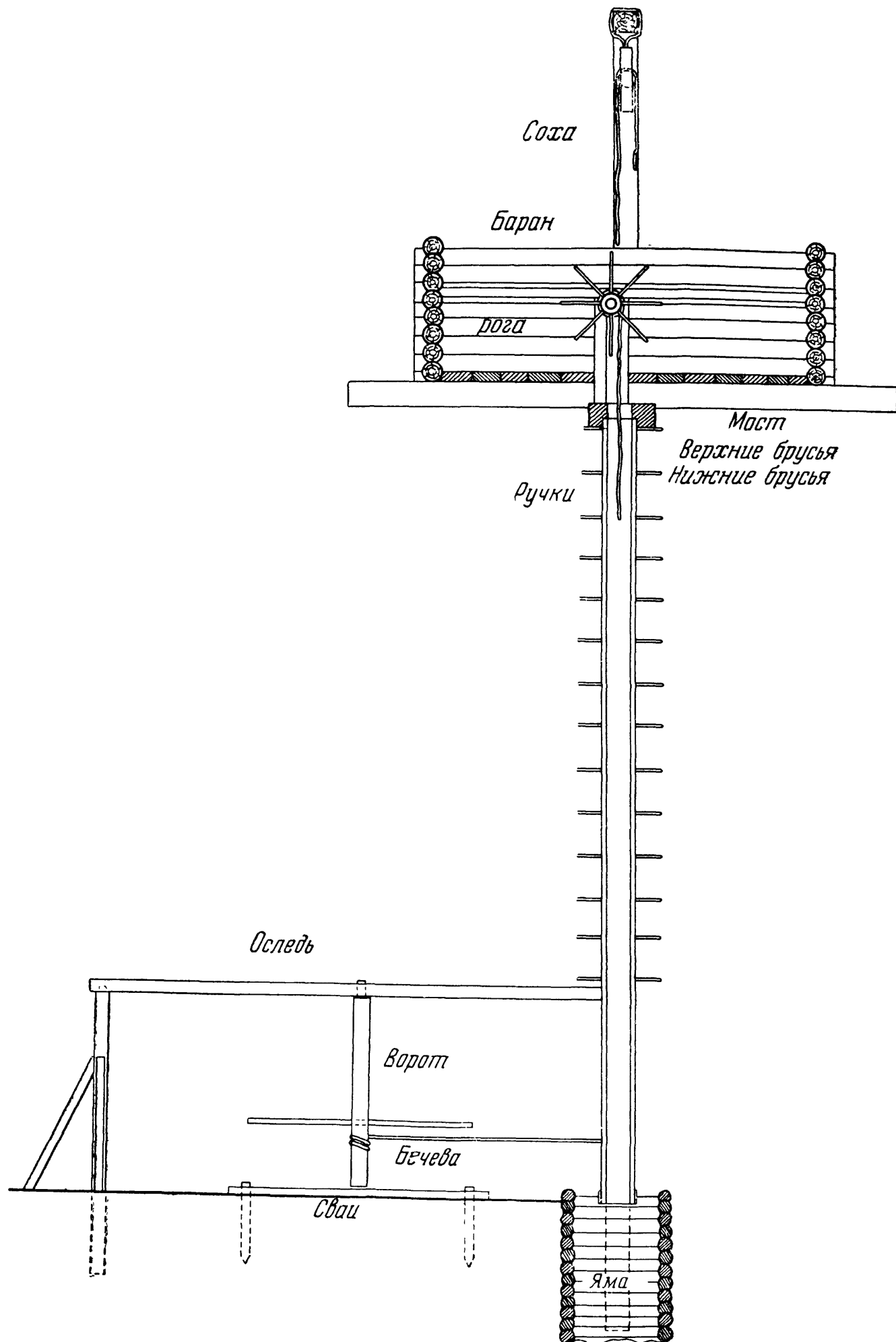
Раздробленная буравами, желомами, стражницами и сверлами порода вынимается тюрками и другими инструментами, надеваемыми на сковородник шеста, для чего буровая работа приостанавливалась, с шеста снимались тяжести, система скрепленных друг с другом шестов вынималась из скважины, менялись бурова на другие инструменты и шест заганивался обратно.

Когда матичная труба установлена до каменного сплошного грунта — «порога» в глубине до 10—11 сажень, приступают к загонке целой системы более тонких «литных труб», которые спускались одна за другой в маточную. Тем же способом и при помощи шестов внизу с буровыми инструментами и тяжестью на верхнем конце «литные трубки» вдавливались еще дальше в грунт до 40—60-саженной глубины. Литные трубки делались из несучковатого соснового дерева, диаметром «с край на край осми вершков, а стены у трубок по полтора вершка, жерло в трубках литных пять вершков, промежь трубки литные и матицей свободы в жерле и в матице по вершку неполна». «Литные трубки» состоят из 5—12 колен, отдельных «однобуровных» труб в 1—3 сажени каждая, крепко соединяемых железными обручами — «лукошками».

Затем трубки обвиваются сукном, как говорит «Роспись», надевается «суконный чулок», заливаемый варом и обматываемый холстом. Сверх

¹ *Щекота* — дно ямы, грунт с водой.

² Д. Прозоровский, Старинное описание солеваренного снаряда, «Известия Археологического общества», т. 6, 1868, стр. 242—243.

Буровая вышка.

Реконструкция А. А. Введенского. Вычерчено Н. И. Иоффе.

этого плотно «литные трубки» покрываются овчиной, прибитой гвоздиками и обвитой веревкой. Эта овчина, размякая от почвенной воды, плотно прилипает своей шерстью к каменным стенкам твердого грунта и этим самым препятствует пресной воде проникать через «литную трубку» в поднимающийся по ней соляной рассол. «Литные трубки», загнанные на 20—30 сажен в грунт, доходили до рассола. С подходом к рассолу «литных трубок» наступал самый ответственный момент буровых работ. Мастер должен теперь определить качество рассола и решить, идти ли дальше вглубь на поиски более крепкого или удовлетвориться найденным. «Роспись» строгановского мастера об этом ответственном моменте говорит: «Толко хош хозяину добро чинить... от трубы отходи меньше, толко хош в честе быть от хозяина, а сам себя в честь ве... чего недоумеешь, ино работной зазритца; а пойдут места солоные, ты иди их бережно, и глины со всякого ходу денного бурава снимай, да к огню притекай, да примечай, так ли все равны солони идуть: будут равны, и ты поди весь пятник, да тогда скажу, как сперва пойдут солони сках [с коих?] мест; и ты те сажени и вершки помни, в грамоте умеешь — ты про себя запиши, а толко не умеешь — ты ходы на стене заруби, толко умеешь; да и то тебе скажу: сперва пойдут солони толко не столь солони, а ниже бывают на том же шесте, и ты гораздо попомнятуй сажени и вершки и полувершки и четь вершки... Хозяин... станет у тебя спрашивать, колько сажен или аршин и четвертей или вершков, а ты толко на стене зарубить и хозяину не велел записать, то есть не мастер, *прокуда*»¹ (см. рис. на стр. 166, 167).

Момент нахождения рассола обставлялся некоторой торжественностью: «молились богу, пели молебен», причем мастеру вменяется в обязанность «велеть людям и самому» истово молиться. Впрочем, молитвы ненадолго задерживали работы, которые нельзя было приостанавливать, так как промысел ждал сдачи трубы в эксплуатацию. Поэтому тотчас же за молитвой «люди развертывались по концам», т. е. расставлялись мастером по местам и приступали к заключительным операциям.

Эти операции сводились к проходке соленосного грунта последними «подлитными», или «подвойными», трубками, длиною сажен девять или десять или «сколько хто изводит».

Так как древняя техника не знала ареометров Боме и Ламберта для определения крепости рассолов в градусах, то последняя определялась сначала просто на вкус и затем проверялась пробной вываркой. Из вынутого буровыми инструментами («желонкой») рассола делалась «варя»,

¹ Д. Прозоровский, Старинное описание солеваренного снаряда, «Известия Археологического общества», т. 6, 1868, стр. 244—245.

дававшая то или иное количество соли. Если соли получалось мало, рассол был жидок, то проходили грунт еще глубже «литными» и «подлитными трубками». Вероятно, только во второй половине XVII в. появляется в соледобывающей технике прототип ареометра — «плотнометр», представляющий собою полую оловянную трубку, внизу которой было яблоко — груз и повыше — полое утолщение, сверху были нанесены градусные деления¹.

Обычная глубина проходки буровыми инструментами скважин в XVII в. в Сольвычегодске и в Пермских вотчинах была 40—75 сажен. Например, о строгановской трубе «Захарьи» в Тотьме «Роспись» говорит: «В жерло хожено буравом до дна восемьдесят восемь сажен»².

При всей своей примитивности техника установки рассололивных труб была сложной, из-за чего эта операция носила затяжной характер. Буровые работы затягивались до 2 и 5 лет, зачастую за 10—15 дней подвигались на 2—3 четверти вглубь, а если встречались твердые породы, то на 1—2 вершка. На эту медлительность указывают в своих челобитных предприниматели Строгановы, гости Шорины, Веневитиновы и другие. В 1640—1642 гг., например, «гость Григорий Никитников допрашиван» был в одном из московских приказов: «иные такие же соляные карничные трубы во много ли время поспевают? И Григорий сказал: где земля мягче, в тех местах трубы поспевают месяца в три, в четыре, в полгода, а иные и в больший срок, а где земля камениста, там, бывает года по три и по четыре»³.

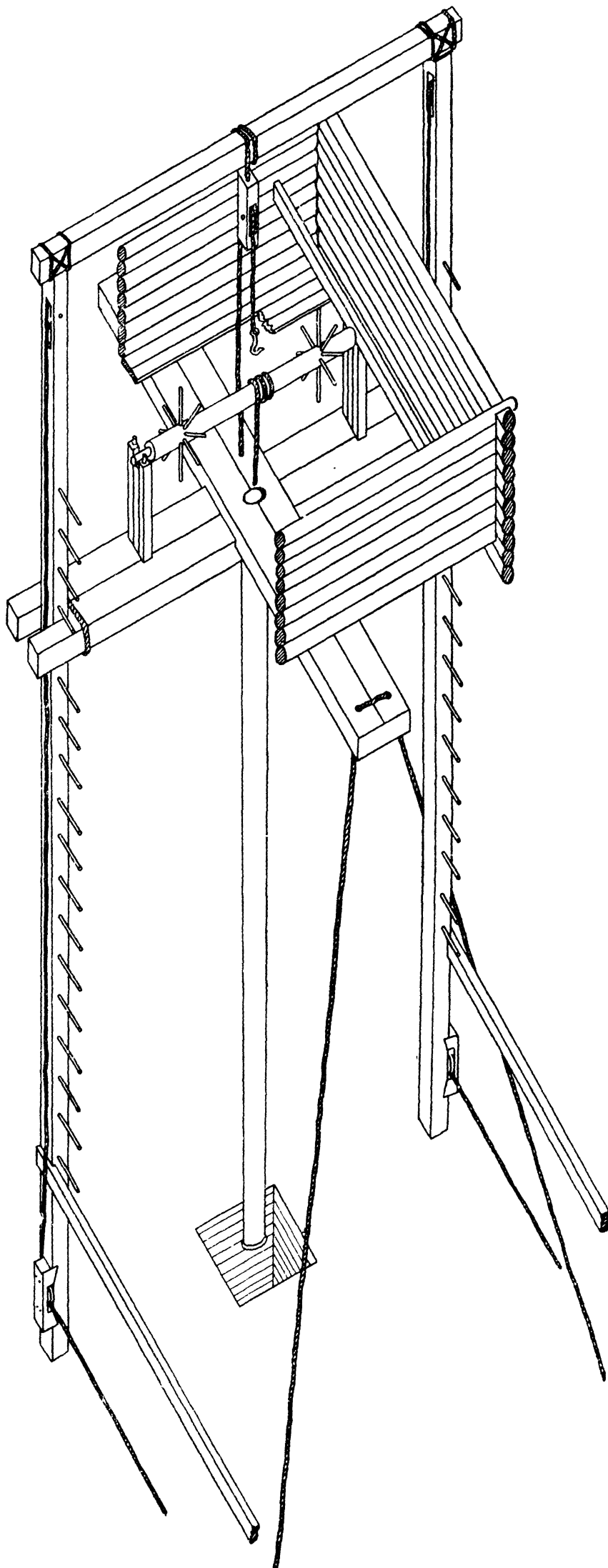
Во второй половине XVIII в. в дневниках строгановских буровых мастеров мы находим свидетельства о такой же медлительности работ. Например, в 1789 г., с 1 по 18 ноября, «подались всеми шестью долотами вглубь на 8 вершков», и далее работа пошла так: «каждую неделю проходили по 3, 5, 8 вершков». Работа по этой трубе «Покровской» на Верхне-Усольском промысле шла из года в год с небольшими перерывами до 1827 г. Была достигнута глубина в 74 сажени⁴.

¹ Экземпляр такого «плотнометра» имеется в Тотемском краеведческом музее имени А. В. Луначарского.

² Д. Прозоровский, Старинное описание солеваренного снаряда, «Известия Археологического общества», т. 6, 1868, стр. 254. Принадлежность трубы «Захарьи» Строгановым устанавливается царской грамотой тотемскому воеводе Г. Е. Неелову 1662 г., мая 21 (рукописное отделение Тотемского государственного музея) и свидетельством писцовой книги Фоки Дурова и подьячего Остафия Колюпанова (1623—1625 гг.), где говорится: «Труба Захарьина с рассолом, половина тое трубы (Ольги) Строгановой».

³ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 3, дело 1640—1642 (7148—7150) гг., л. 211.

⁴ Пермский Облгосархив, архив Строгановых села Ильинского, дело 1789 г., № 70, л. 57—65.

Труба «Ивановская», заложенная в 1824 г., при непрерывных работах к 1832 г. была пройдена всего на 18 сажень 7 четвертей.

Замедление бурения часто происходило от «заломов»: во время работ бывает «по грехом шест разорветца», «за грех бывает, что трезуб в трубе рассыплется», сломается в трубе желом, долото или какой-либо другой буровой инструмент. Наконец, бывает засыпка работающего в трубе инструмента мелким камнем, выпадающим из стены скважины. Во всех таких случаях «бывает заплакав хозяин и мастер», мастер «умывается слезами», приостанавливает работы и начинает извлекать поломанные части буровых инструментов «зубом волоховым», «удилцей», «однорогом».

АксонOMETрический чертеж буровой вышки по трактату XVI в. тотемских мастеров бурения. Реконструкция А. А. Введенского. Вычерчено Н. И. Иоффе.

Утомительная, длившаяся годами буровая работа, требовавшая содержания трубных мастеров и ярыжек без реально ощутимого результата, поглощала, конечно, много затрат, посильных либо многомочному поморскому и столичному гостю, либо крупному боярину или монастырю. Рассололивная труба, снабжающая рассолом варницы,—самая дорогая часть в варничном строении. Вот, например, во что оценивает свои затраты один из конкурентов Строгановых, солевар гость Григорий Никитников, в 1693 г. начавший работы по бурению одной

Бурав XVI—XVII вв. для соляного бурения.

Тотемский краеведческий музей.

скважины, но еще не дошедший до рассола: «лес росчистил и для ради соленых труб, трубников и ярыжных годовых нанял и задатки им подавал многие и для их, трубных мастеров и ярыжных, на том пустом месте избу поставил, видячи, что то пустое место к соленому и варничному промыслу угодно,—стало мне, холопу твоему, трубником и трубным ярыжкам и всякого заводу на то место и в лесной росчистке рублей пятьсот и болши»¹.

Перед сдачей вновь устроенной рассололивной трубы в ней устраивалось приспособление для вытяжки рассола. Для этой цели на шестах и просмоленных «бечевах» спускался в матицу и «литные трубки» «оголовь», или «оголова»,—бадья в 5—6 четвертей, насаженная на 4 сосновых «трубки» диаметром в 3 вершка. В «донце» «оголова» имелась «захлебка»—кожаный кружок, открывающийся только внутрь бадьи, с набитым для тяжести железным кружком шириной два с половиной вершка. Внутри «оголовных» четырех труб помещался еще на шесте на его железном наконечнике—«шпиле» кружок из дубленой или моржевой кожи, под которым был «ботик», или «деревянный городок»,—продолговатая коробка из выдолбленного цельного куска дерева с шестью дырами.

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 3, дело 1640 (7148) г., л. 4 и след.

В многорассольных трубках к нижнему концу «оголова» приделывали еще трубку — «сосунью» длиной до 2 сажень. Этот насосный солеваренный снаряд приводился в движение воротом ярыжками, работавшими посменно день и ночь на «соляной гнетке», или силой двух ледащих промысловых лошадей.

Одна рассололивная труба питала рассолом безостановочную работу 4—6 варниц. В некоторых случаях строгановские соляные трубы имели излишки рассола, который не мог быть переработан на варницах. В таком случае Строгановы продавали другим предпринимателям известную часть выкачанного рассола из данной трубы. Так, например, «черные старцы» Спасо-Прилуцкого монастыря имели варницу в Сольвычегодске на протяжении всего XVII в., но не имели здесь своей трубы и рассол арендовали у Строгановых.

Когда подходила к концу работа над рассольными трубами, начиналась установка черных деревянных варниц плотниками и подделка и сборка цыренов кузнецами-цыренщиками. Варничные строения у Строгановых были двух типов. Либо возводились разбросанные по соленосной территории отдельно стоящие варницы, либо строились «варничные дворы», являвшиеся сложным комплексом построек подсобного для варниц значения. Первый тип преобладал в Сольвычегодске у Строгановых в XVI в., второй получает распространение у них в XVII в. Писцовая книга 1682 г. так, например, описывает такой двор Григория Дмитриевича Строганова в Сольвычегодске на речке Солонихе: «да за ним же Григорьем двор варничной, огорожен стоячим бревенным сосновым тыном, а на нем две варницы, одна топитца, а другая пуста, вдоль варницы по 7 саж., а попереч по 6 сажень. А варничного двора в длину 48 сажень, в другом конце 8 сажень... да на том же варничном дворе... изба... прибегали ярыжные, которые жили у варницы... да на том же дворе... кузница для цыренной поделки», невдалеке от этого двора, «на речке Усолке сарай, а ставили в нем дрововозные сани и телеги»¹.

Черная варница — четырехстенная изба с одной только дверью. Внутри избы выкапывалась квадратная четырехсаженная «яма», бывшая подцыренной печью. Яма копалась с отлогими краями, обделывалась «серым» камнем и глиной. «Устье» печи приходилось прямо против единственной варничной двери, открывая и прикрывая которую регулировали жар в печи. Дым выходил через «кичку» — отверстие, расположенное против «устья» печи. Как отмечает Я. Г. Волегов, «кичка» была длиной 3 аршина и выходила наружу несколькими каналами в 5 и 3 вершка ширины, «через что будет под цыреном пламя и жар удерживаться в пользу солеварения, а варница от пожару в безопасности оста-

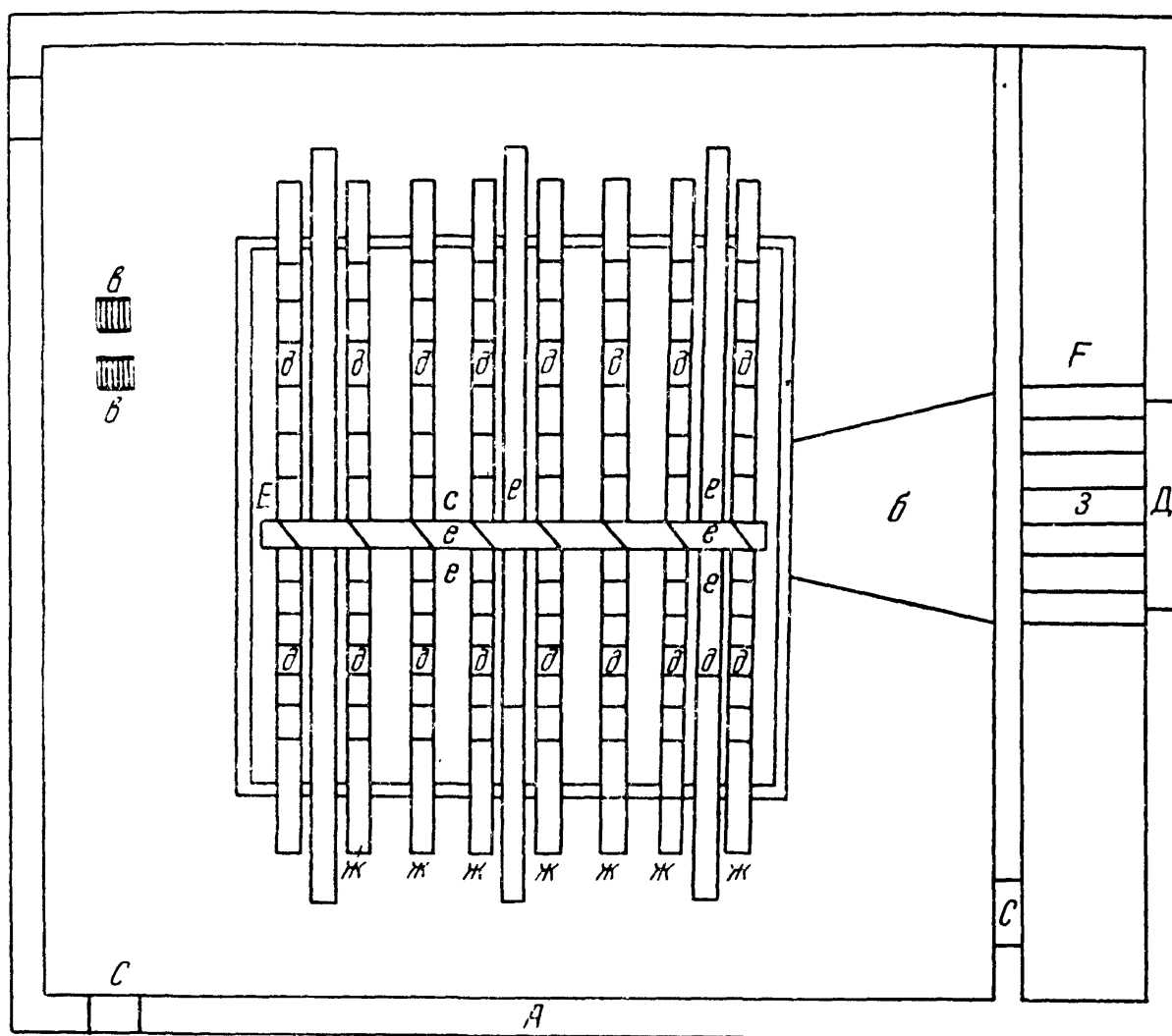
¹ Публ. Библ., Q. IV. 501, л. 802—802 об.

нется». По краям печи устанавливалось по 8 (всего 16) бревенчатых «стулов», или «подушек», — стояков с бревенчатыми «перекладами», на которые подвешивался цырен — железная жаровня для выварки рассола. Цырен собирался уже из принесенных в варницу частей. Для этого над подцыренной печью настилали бревна и на них кузнецы-цыренщики устанавливали либо четырехсаженный квадратный, а с XVII в. продолговатый цырен, так как, по словам Я. Г. Волегова, «на практике узно, что на длинном цырене против квадратного вываривается соли по более». Цырен по дну «сшивался» из железных плит — «полиц» железным «гвоздем поличным двоестенным», а бока — «порубни», общим весом в 50 пудов, выкладывались из толстых железных полос, которые пришивались и заклепывались к донным полицам. К порубням «пришивали ножки», которые подцеплялись на железные «дуги», висевшие на «перекладах», покоившихся на стулах. После этого вынимались бревна, на которых цырен лежал при его сборке, и он оказывался висющим над подцыренной печью (см. рис. на стр. 170—171).

У варничной избы ставился «ларь» из толстых тесовых досок или брусьев, размером $6,5 \times 3,5$ сажень и высотой в 12—16 четвертей. Я. Г. Волегов указывал, что доски или брусья «сплачивались» друг с другом «так, как строятся водоходные суды изнутри с растеской, а не в закрой, дабы могли в оную входить конопать порядочно, а тече и из него отнюдь не было». В этот ларь ярыжкам нанашивали рассол ведрами из рассололивной трубы. В ларь наливало рассолу с расчетом, чтобы его хватило на полторы-две «вари». Зимой пресная вода, имевшаяся в рассоле, в крепкие морозы замерзала и ярыжки должны были разбивать лед и выбрасывать его для улучшения качества рассола. Неподалеку от входа в варницу устраивалось «дровяное плодбище», на которое ставились поленницы дров, шедшие на беспрестанную топку подцыренных варничных печей. Поленницы дров размечали мелом на «батог», содержавшие примерно $\frac{3}{4}$ куб. м дров¹.

После того как цыренщики-кузнецы кончали установочную или ремонтную работу по цырену, «зачинали варю». Самый лучший варничный сезон, летний, проходил с перерывом в один-полтора месяца из-за разлива Вычегды в Сольвычегодске, затоплявшего речку Усолку и Соляное озеро со всеми варничными местами, а в пермских вотчинах разливы Камы и Чусовой также заливали все варничные места.

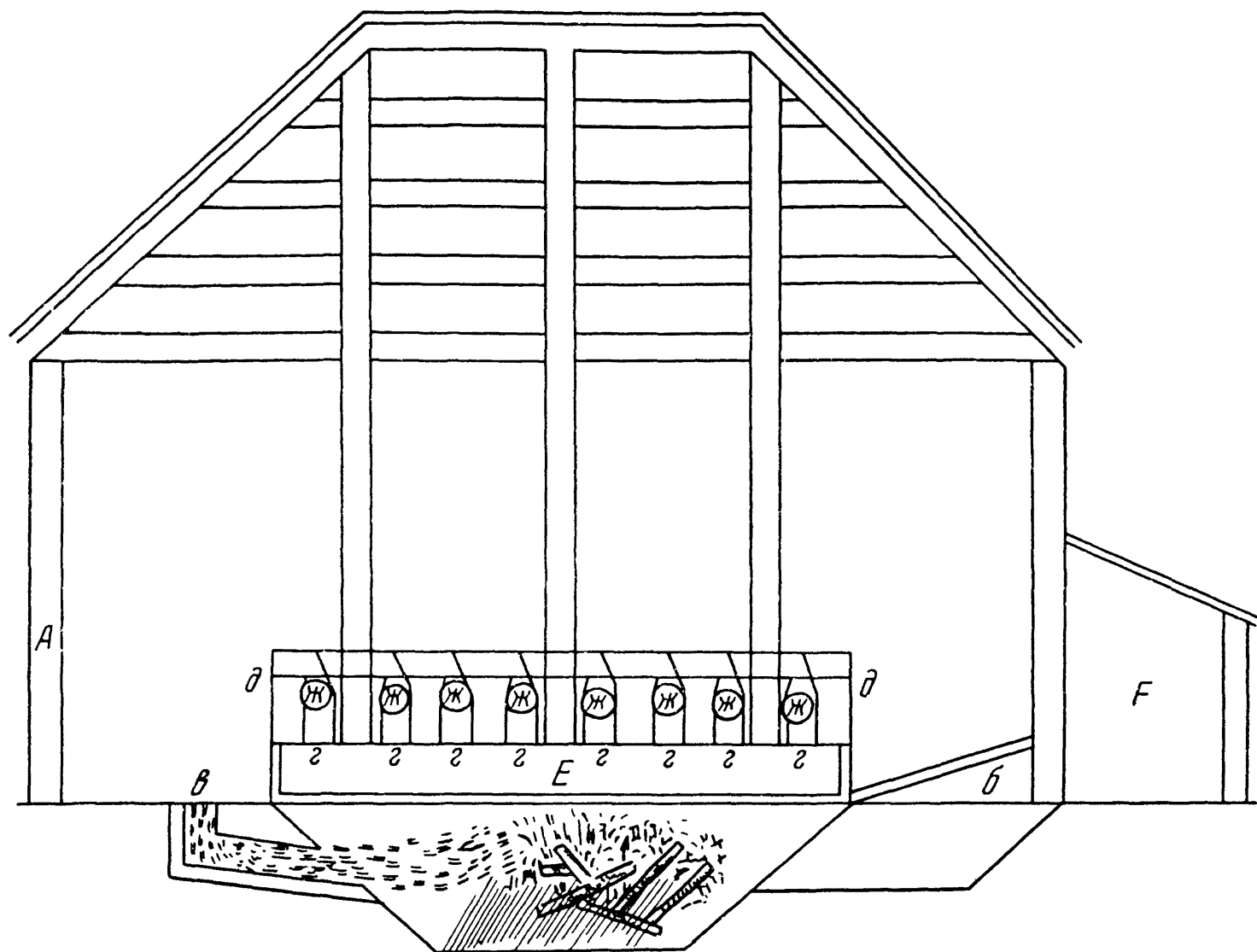
¹ Старинные чертежи русских варниц можно видеть в альбоме Е. Пальмквиста, который во время своего путешествия в Москву в 1674 г. зарисовал виденные им варницы на р. Мшаге. См. Ю. В. Готье, Известия Пальмквиста о России, М., 1899; чертеж «Даниловского соляного завода» около г. Ростова см.: «Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия» (Приложение ко 2-му тому «Записок Славяно-Русского отделения Археологического общества»), СПб., 1861, чертеж XXIX.

А-Стены варницы	б-Кички (дымовые трубы)
С-Двери	д-Дуги
Д-Ворота	е-Железные цепи, поддерживающие
Е-Чрен	перекладины
Ф-Пристен	ж-Перекладины
б-Устье печи	з-Помост перед устьем печи

План черной варницы Строгановых.

В зависимости от времени вскрытия рек и начала вешнего половодья между 16 апреля и 1 мая гасились огни в подцыренных печах, соль и всякая варничная снасть убиралась: строгановские работные люди старались подготовленно встречать бурное вешнее наводнение, уносившее в своих водах дровяные заготовки, жилые помещения, обычно плохо и на скорую руку сделанные, портившее варницы и лари, размывавшее печные кладки. К половине июня начинался деятельный и спешный ремонт всех разрушений, работали с напряжением всех сил, чтобы выгадать побольше благоприятного летнего времени для варки соли.

А - Стены варницы
Е - Чрен
Ф - Пристен
а - Подчренная печь
б - Устье

в - Кички (дымовые трубы)
г - Стойки над перекладинами
д - Дуги
ж - Перекладины

Черная варница Строгановых
 (вертикальный разрез).

Варка соли была тонким искусством и мастерством, дававшимся длительным усвоением опыта и практики предыдущих поколений солеваров. Мастер-солевар, «повар», владел искусством высматривать во время «кипежу» рассола, когда в нем «родится соль». Повар руководил всем процессом выварки соли и направлял работу своих помощников: «подварка», «содильщика» и нескольких подручных работников-ярыжек.

Самая работа в процессе варки соли распределялась следующим образом. «Помоляся богу», повар сам затапливал подчренную печь, кидая дрова кучкой «востряками» на середину, ближе к устью печи, делал

первую «подметку», или «подсов», одного «батоба» дров. Когда цырен нагревался достаточно, повар посылал ярыжек-цыренщиков выметать в цырене пучками березовых прутьев имевшийся там сор. Затем, танцуя на горячем цырене от нестерпимой жары накалившихся донных полиц, ярыжки проделывали своеобразную подготовительную к соляной «варе» работу. Ярыжки должны были промазать все места сшивок цыренных полиц и порубней, равно как и все цыренное гвоздье тестом из ржаной муки, причем повар требовал, сам неукоснительно следил, чтобы ярыжки тесто это, «разжевывая оное», перемешивали со слюной, а не с водой, «ибо от слюны делается некоторая против воды способность». Эти архаические черты солеваренной техники удержались в строгановском солеварении и в 20—30-х годах XIX в., что констатируют волеговские и анонимные технические трактаты по солеварению. Когда промазка чуть подсыхала, подварок наверху «напускал» рассол, который ведрами носили ярыжки из ларя. В тот момент, когда на цырене «пойдет шум», т. е. рассол закипит, повар и подварок меняются местами. Первый, стоя у цырена, теперь зорко наблюдает, как идет «кипеж» соли. Нужно, чтобы «кипеж» шел равномерно по всей площади цырена, для чего подварок по команде повара регулировал железными заслонками, железным «порогом» перед устьем, дверью варничной избы, через которую шел воздух в устье печи, и железной кочергой — «граблом» равномерный тихий жар в печи. Для лучшего «кипежу» один конец цырена, находившийся у «кички» — вытяжной трубы, подвешивался на полвершка выше, чем конец у устья печи.

Повар должен был хорошо знать все свойства тех рассолов, над которыми ему приходилось работать, так как «твердые», содержавшие много глины, известняка, гипса и т. п., и «мягкие» рассолы по-разному закипали и осаживали соль. Стоявший рядом с поваром «содильщик», вооруженный железными граблями, по указанию повара регулировал движение кипящего рассола до образования в нем «засолу» — откристаллизовывающейся соли, которой нельзя дать осесть на дно и бока цырена «леденцом», так как в тех местах, где сядет леденец, цырен будет быстро прогорать. При первом «кипеже» напускали второй раз свежего рассолу. «Содильщик» ставит в цырен с рассолом «засольник» — деревянную палку и, по словам Я. Г. Волегова, «примечает, покуда окажется от рассолу на онном как будто поясок и напуски уже раскипятятся». Тогда «содильщик» сдает повару «варение». Повар отдает распоряжение «метать» новую «надметку» дров подварку. 2, 3 и 4 «батоба» дров кидаются «вострыками» в печь, затем третий раз подливается свежий рассол. Сам повар, в то время как содильщик мешает железным граблом, не давая образоваться леденцу, принимает меры к очищению соляного засола от посторонних примесей, что достигалось закладкой поваром по «кор-

мам» — углам цырена деревянных или железных «корыт», или «башмаков», с рукоятками, к которым прибывало кипением различные «нечистоты», песок и накипь, выбрасывавшиеся затем вон. На варке «твердых» рассолов повар ставил 12 корыт, «мягких» — 10. Четвертый раз подпускается свежий рассол при образовании «засолу». Затем, когда дрова последней подметки обуглятся и четвертый «напуск» рассола прокипит, повар вынимает все корыта из цырена и «учиняет розвалку», «пускает на привод», т. е. дает возможность при прекращенном огне свободно осаживаться соли в виде правильных мелких кристалликов на дно цырена. Осевшую соль охлаждают. Так как после первой «вари» соль получается все-таки грязной, ее переваривают вместе со второй «варей», протекающей во всех деталях вышеописанным порядком.

Когда «соль родится» после второй вари и в цырене будет густой осадок — «засол», прекращается топка, соль собирают граблями в кормы, или углы цырена, откуда подварок, «содильщик» и ярыжки набрасывают деревянными лопатами соль на «полати», устроенные на «перекладах», на которых висит цырен.

Однако некоторое количество соли оставляется «на семена»: при следующей варе эта оставшаяся соль способствует скорейшей кристаллизации соли. На полатях соль выравнивается наподобие трапеции для сушки ее, клеймится строгановским «пятном, которым соль пятнают», для ограждения ее от хищения со стороны служащих и посторонних. Цырены чистят «клеваком» — молотком с двусторонними острыми наконечниками. Выбивается «треска» и «леденец» — осевшие на дно образования из гипса и глинистых известняков, и варница снова пускается в ход.

Каждая «варя», описанная выше, совершается в 24—30 часов, и таких варь непрерывно «заводится» 20—25, после чего наступает «сгреб» — перерыв для капитальной починки и чистки цырена, ларя и печи. Просохшая в течение суток на полатях соль набивается под приглядом подварка ярыжками в рогожные кули — «меха» по 3 пуда весом и выносятся «солоносами»-ярыжками в амбар. Таких солоносов полагалось на варницу не более трех.

В XVII в. у Строгановых каждая суточная варя давала 50—70 мешков соли, т. е. 150—210 пудов, причем на каждую сажень израсходованных дров приходилось 10—15 пудов соли¹. Каждая действующая варница у Строгановых в пермских вотчинах давала при 100—150 варях

¹ По наблюдению Кильбургера, в 70-х годах XVII в. на выварку 10,5 пуда соли требовалась 1 сажень дров. См. Б. Г. Курц, Сочинение Кильбургера., стр. 298. В первой четверти XIX в., по сведениям волеговских технических трактатов, суточная «варя» давала уже 250—300 пудов и на сажень дров приходилось 20—24, а в 30—40-х годах и до 30 пудов соли.

в среднем в год до 20—25 пудов соли. В Сольвычегодске строгановские варницы в XVII в. приходили в упадок и катастрофически снижали выработку¹.

По количеству получаемой продукции в XVII в. выделялись Сереговские промыслы гостя Панкратьева, где с 1674 по 1699 г. каждая варница давала от 24 до 35 тыс. пудов соли и лишь только два года — около 22 тыс.²

Максим Яковлевич, Андрей и Петр Семеновичи Строгановы в 1622 г. жаловались в Устюжский приказ, обложивший их соль сольвычегодской выварки по деньге с пуда, на уменьшение доходности своих варниц в Сольвычегодске: «Писал де ты к нам, не справясь будтось вывариватца соли по шти тысяч пудов, а у них де в варницах столько соли не вываривается, потому, что у них промыслы худые: вываривается в три дня да за три ночи только пудов по пятидесяти и меньше. А соляная де варя идет не во весь год, всего они варят по полугоде и меньше, потому что с весны вода от имае, и уроны делают. А иногда стоят заморозы. А Балахонская де соляная варя их промыслу прибыльнее: в шесть день ... по триста пятидесяти пудов, и иные вари по четыреста и при их де варях на Балахне соли втрое и болши. А Галицкая де соляная варя так же их прибыльнее... Сварено в семь ден соли сто шестьдесят пуд, а в 15 ден сварено соли триста пуд. И в распросе верный целовальник Якушко Борисов, сказал, что у них сутками соль не садитца, а садитца у Соли Галицкой в дней семь и в пятнадцать»³.

В Устюжской чети приказные нашли точные данные о производительности строгановских варниц в Сольвычегодске: «А в Устюжской чети в книгах, каковы привез к нам к Москве от Соли Вычегодской из Микитинских вотчин Строганова Третьяк Корсаков в 1620 (128)-м году, написано: в 1618 (126) году июня 7 числа, 1618 (126) году апреля по 29 число, 1619 (127) году по вырничной помете в Микитинских варницах Строганова варе соль в четырех варницах, а выварено осьмнадцать тысяч сто пятьдесят два пуда... и иметца соли из варницы в год четыре тысячи пятьсот тридцать восемь пуда. А стала та соль ценою по два алтына три деньги пуд. А продавана на Вологде по три алтына по три деньги пуд»⁴. Устюжский приказ, учтя малую производительность

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1619 г., № 1, л. 39—39 об.

² См. В. Г. Гейман, Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII веке (далее — В. Г. Гейман, Соляной промысел...), «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 17.

³ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску, 1619 г., № 1, л. 39, 43 об. Расчеты выварки соли на промыслах в Соли Камской см.: Н. В. Устюгов, Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 123—124, 134—143.

⁴ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1619 г., № 1, л. 41, 41 об., 42.

сольвычегодских варниц Строгановых, понизил таможенную пошлину до одной деньги с трех пудов¹.

Во дворе Строгановых, в их кладовых, был всегда большой запас «всякой железной рухляди и варнишных запасов», о чем свидетельствуют поимущественные их описи. Так, из описи 1627 г. имущества, оставшегося после смерти Максима Максимовича Строганова, видно, что здесь были: «плита железная, на чем полицы цыренные правют», 502 полицы, «35 ножек цыренных», 7 сцепов печных, 34 дужки цыренные, 1800 гвоздей цыренных, 600 «гвоздей двоестенных ветцаных» (старых), «короб з гвоздем двоестенным и одностенным, повязан рогожами», «пятно железное, чем соль пятнают». Далее идут целые наборы буровых инструментов: «4 сторожницы варничные», «сторожница чем в трубе камень секут», «4 зуба волоковых, чем холуй из трубы волочат», «крюк железный, что в трубе под губою ходит», «шелом железный, в трубе землю вертят», «2 сверла с ремнем», «трезубцы двойные». Варничный инструмент представлен так: «2 каракули варнишные», «4 тесника», «2 теслы», «паздник», «3 безмена тупик цыренный да 3 настеки», «2 шишки цыренные», «5 молотов цыренных», «6 клеваков цыренных», «4 молота подвязных цыренных», «3 клещи, что палицы сшивают», «4 гребла железные, чем соль гребут на цырене», «7 клюк железных, печных», «6 заслонов печных железных», «50 лопат осиновых». Было в запасе железо — «81 крица железа плавеного», была и сталь — «30 укладов корельских целых и ломаных», «4 пуда укладу ж корельского»¹.

В каждом из вотчинных строгановских городков в Пермском крае, при хозяйских дворах или в подвалах подпапертных³ вотчинных церквей, бывших своеобразным сочетанием купеческого амбара с молельней, были сосредоточены такие же склады «варнишного запаса», который выдавался старшим приказчиком «по делу смотря».

Промысловая работа протекала в тяжелой и антисанитарной обстановке, так как во время варки соли выделяются сероводородные соединения. Работа ярыжек на горячих, а кузнецов и цыренщиков на неостывших цыренах влекла за собой при малейшей неосторожности ранения и ожоги.

Своеобразные бытовые условия работы и жизни на промыслах награждали рабочих людей грубыми, колоритными кличками, которые, затвердевая, становились фамильными прозвищами, употреблявшимися

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску, 1619 г., № 1, л. 44.

² А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 49—50.

³ Подвалы подпапертные — подвалы под папертью Благовещенского строгановского собора.

в официальных документах, писцовых книгах, царских грамотах, воеводских отписках.

Приведенные здесь документальные данные первоисточников об организации солеваренного производства в вотчинах Строгановых позволяют сделать вывод о том, что в строгановской организации добычи соляных растворов и выварки соли мы имеем едва ли не самые ранние по времени своего возникновения, зародышевые формы некоторых элементов мануфактуры. Строгановская вотчинная организация по производству соли является раннекапиталистическим предприятием, где все средства производства находятся в частной собственности купцов-предпринимателей. Налицо четкое разделение труда, когда специализированные рабочие выполняют отдельные операции в процессе производства. Налицо и многочисленные дифференцированные орудия труда, особенно широко применяемые при проходке буровых скважин. При производстве соли Строгановы применяли крепостной и вольнонаемный труд. Вольнонаемный труд особенно широко представлен в подсобных работах при бурении скважин, варке и особенно транспортировке соли. Крепостные мастера были заняты на работах, требующих специальных знаний и навыков. Таким образом, строгановское солеваренное производство, сложившееся во второй половине XVI в. и развивавшееся на протяжении всего XVII столетия, таило в себе элементы капиталистического производства, которые, однако, в условиях господства феодально-крепостнических отношений не могли получить дальнейшего развития. По мануфактурному типу были организованы в строгановских вотчинах производства кожи, железа, икон, кирпича, судостроение и т. п.

Следующим солидно и широко поставленным промыслом у Строгановых в поморских вотчинах, а частично и в пермских владениях было кожевенное дело. Кожевенные мастерские у Строгановых функционировали в сольвычегодских дворах, в Вологде, в Ярославле, в Казани и на Перми Великой.

В строгановских документах (в деловых, уговорных и других грамотах) постоянно встречаются в числе ремесленников кожевенные мастера, саадашники (саадак — футляр для стрел), хомутинники, рукавишники.

К сожалению, в нашем распоряжении нет документов, характеризующих специфичность строгановского кожевенного производства.

У Строгановых постоянно наблюдался большой расход железа, широко применявшегося в солеваренном деле и шедшего на поделку цыренов, прогоравшие днища которых приходилось заменять, и на поделку буровых и цыренных инструментов. Железо в значительных партиях покупалось как отечественных, так и заграничных сортов. «Уклады корельские», «железо из Устюжны Железнопольской», «свейское железо» покупались как на Архангельском, так и на Вологодском и Московском

торгах. Однако расчетливые хозяева довольно рано делают попытку освободиться от дорогого рыночного железа путем организации рудной добычи и выделки железа внутри своих вотчин и силами своих работных дворовых людей.

При организации нового рудного железнотопного производства, вероятно, Строгановы могли использовать опыт английских предпринимателей, которые, опираясь на широкие льготы, полученные от русского царя в 50—60-х годах XVI в., в короткое время развили кипучую деятельность по скупке и продаже разнообразных товаров, равно как и начали организовывать канатные производства. Англичане появились в Соли Вычегодской в начале 60-х годов XVI в. В Сольвычегодском краю царь Иван Грозный, на Вычегде, в 1567 г. «пожаловал» «английских гостей и позволил ставити у железных руд, где железо делают, домницы»; Строгановы имели возможность присмотреться к этой деятельности не только как частные лица, в качестве инициативных переимчивых и предприимчивых купцов, но и как официальные, должностные лица. Документы нередко и рисуют Строгановых именно с этой стороны, упоминают их вместе с городовым приказчиком по управлению городом.

В тех случаях, когда в Соли Вычегодской не было городского приказчика, а позднее воеводы, Строгановы выполняют административные функции по управлению городом и уездом. Так, в 1590 г., 3 мая, царь Федор свою грамоту о зачете следуемых сольвычегодским посадским людям с Коряжемского монастыря подможных денег сибирским переселенцам в счет сумм, перебранных с монастыря крестьянами Лузской Пермцы, адресует только «к Соли Вычегодской Максиму и Никите Строгановым». Грамота эта приказывает Строгановым провести в жизнь царское распоряжение. Так что, по существу, последние выполняют функции агента правительственной власти на местах. В данном случае Строгановы несут обязанности городского приказчика¹.

По привилегии, данной Иваном Грозным английскому послу Рандольфу в 1569 г., после двухгодичного неудовольствия царя на англичан, испытавших гонения и злключения, английская компания получила ряд новых и важных привилегий. В частности, на Вычегде компании разрешается искать железную руду и построить для ее выработки завод, причем в ее пользование отводится здесь большой участок леса. Полученное железо она может вывозить в Англию, уплачивая по одной деньге пошлины за фунт. Все другие товары англичане по привилегии 1569 г. могут вывозить беспошлинно. Английские рабочие, выписанные для завода на Вычегде, должны будут обучать русских своему ремеслу².

¹ ААЭ, т. 1, № 349.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, грамота от 8 августа 1570 (7078) г.

8 августа 1570 г. на имя Якова Аникиевича Строганова и другого виднейшего сольвычегодского коммерсанта и солеваря — Леонтия Пырского была получена от Ивана Грозного грамота, которая поручала им организовать надзор за английской торговлей: «И льну и поскони без нашего указу купити им не велел и в заезды бы их по селам не пускали и канаты не делали... тамгу с английских гостей и купцов имали б со всех их товаров... врознь аглинцам никакими товарами не торговати». Наряду с этим грамота предписывает Строгановым и Пырскому «у железных руд, где железо делают», «ныне то повольство отставити»¹.

Можно думать, что Строгановы, имея возможность присматриваться к английской постановке в Сольвычегодском крае железорудного производства, пожелали и сами им заняться, так как снабжение железом солеваренного промысла было постоянно больным местом: доставка железа обходилась дорого, дорого было на рынке и само железо. Начинается подыскивание подходящих мест для организации нового производства. Такие места были скоро определены. Найдена была Строгановыми «в пустых болотах железная руда» в Содролинской волости на р. Ваге и на р. Лахоме под Сольвычегодском. Пространства по р. Лахоме («оба берега» ее) Строгановы покупают у местных крестьян, а «пустые болота» в Содролинской волости выпрашивают у правительства себе на оброк. Правительство по грамоте 18 мая 1577 г. «данным сборщикам и старостам» Содролинской волости их уведомляет, что позволено «Якову Строганову в тех болотах железо и донницы делать и лес сечи около тех же болот». Далее грамота требует от представителя местной администрации: «Да как Яков Строганов учнет в тех болотах железо дуть и сколько на тех болотах для железного дутья домниц поставит, и ты бы то досмотрев написал в книги подлинно сколько будет домниц, и оброку на те домницы пометил бы еси по большой статье потому же, как оброк положен в Устюжском уезде на Цывозере по полуполтине з домницы на год, да те книги за своею рукою прислал к нам к Москве в четверть дияка нашего Андрея Щелкалова к 1572 (86) году, что бы нам то ведомо было»².

Рудоносные площади по р. Лахоме в 1580 г. были в общем владении двух Строгановых — Семена Аникиевича и Максима Яковлевича: «а лес и руда вопче по обе стороны» р. Лахомы³. Из деловой от 22 сентября 1583 г. мы узнаем, что у Строгановых в сольвычегодских их дворах были и специалисты по рудному делу. Здесь упоминаются «Тимоша рудовщик с семьею», которых получает по разделу Семен Аникиевич, и

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, грамота от 18 мая 1577 (7085) г.

² Там же, грамота от 18 мая 1577 (7085) г.

³ ЛОИИ, ф. 125, тетр. деловых Строгановых № 1, деловая 29 сентября 1583 (7092) г.

«Передерня рудовщик с женою», которые достались Максиму Яковлевичу¹. Можно думать, что Строгановыми руда добывалась и вырабатывалось железо также и на Цывозере, так как это озеро было исконным строгановским владением². В документах XVII в. мы перестаем встречать указания на руду и железо, равно как нет уже и среди дворовых «рудовщиков», что, вероятно, свидетельствует о прекращении Строгановыми производства железа в это время.

Но если железоделательное производство стало угасать в XVII в. в поморских вотчинах Строгановых, то в их пермских владениях оно развивалось в XVII и особенно в XVIII и XIX вв.

Основание железоделательного производства в пермских вотчинах относится к началу XVII в., так как писцовая книга XVI в. Яхонтова еще не знает упоминаний о нем. Но по писцовой книге Кайсарова 1625 г. уже зарегистрировано наличие строгановского железоделательного производства³.

Далее, около 1630 г. Строгановы начинают разрабатывать на р. Яйве Кушгурский рудник. Около 1640 г. ими вводится в эксплуатацию железоделательный завод в устье р. Камгорки, возле Пыскорского монастыря. Он передается Строгановыми этому их подручному вотчинному монастырю. Размеры производства здесь были достаточно велики, так как до сих пор здесь по берегу речки видно много старинного шлака.

Невдалеке от Пыскорского монастыря Строгановы открыли Григоровский медный рудник и начали плавить медь. Впрочем, и медеплавильный завод Строгановы скоро передали Пыскорскому монастырю.

Деятельно производился розыск золотой, серебряной, медной и оловянной руды в пермских вотчинах Строгановых в начале XVII в. Эти работы производятся силами работных людей, но уже не для самих Строгановых, а в пользу казны, у которой усиливается интерес к добыче золота, серебра и меди, несомненно, в связи с оскудением государственной казны после крестьянской войны и вражеской интервенции.

В пермские вотчины после заявки Строгановых о наличии в границах их владений драгоценной руды правительство посылает комиссию в составе Чулки Башенева, подьячего Гаврилы Левонтьева и англичанина рудознатца Ватера. В состав комиссии на месте включается строгановский холоп Якуша Литвинов, бывший главным доверенным и «большим прикащиком» у своих хозяев. Комиссия «тайно обыскивает» путем опроса местного населения место нахождения руды, причем русской части комиссии поручается иметь неусыпный надзор, чтобы

¹ ЛОИИ, ф. 125, тетр. деловых № 2.

² ЦГИАЛ, Фамильный Строгановский архив, деловая от 1 января 1620 (7128) г.

³ Писцовая книга Кайсарова. См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 4. стр. 148.

рудознатец — иноземец «немчин Ватер золота или серебра или меди из горшка себе не пушал, а пуды и изтерези большие и шалы, или будет к тому делу что (понадобится) железа, или какие снасти, а в Мики (тинский) рухледи Строганова, то будет и Чю (лку и подь)ячему Гаврилу, то все имати из Микитинские (рухледи) Строганова безденежно, а явных им к тому делу имати на Орле и наем давати смотря по тамошнему делу». Если на Орле гулящих людей не будет, то следовало для работ по рудному делу брать варнишных строгановских людей.

Янко Литвинов, член комиссии, указал гору, «про которую он извещал...». «И в той горе указал медяной руде верхней пояс, а от воды, от Яйвы, до того верхнего пояса на 10 сажен». Здесь было накопано 185 пудов руды, которая действительно после ее «опытания», т. е. пробной плавки рудознатцем Ватером, дала 12 пудов меди, которые и были отправлены в Москву. Члены комиссии настойчиво указывали, что в этой руде есть золото, и, очевидно, не без влияния настойчивых разговоров о золоте и рудознатцу Ватеру показалось, что в руде имеется присутствие «золотой искры», но опытные плавки скоро убедили всех, что золота в этой руде не содержалось.

Во время работы в строгановских вотчинах этой комиссии Янко Литвинов заявил, что ему сказывали «вогуличи Чеул Тонково с товарищи» о новом местонахождении руды. По приезде на указанное место эту руду плавил, «и руда в горшке згорела вся, а серебра в той руде не объявилось». Третье местонахождение руды было обследовано по указанию строгановского приказчика Онисима Овдокимова, который в свою очередь узнал об этой руде от строгановских крестьян — Фомки Демидова и Петрушки Корыбалова.

Чрезвычайно интересен эпизод с целой строгановской экспедицией за драгоценной рудой на далекий Север, на Печору, куда строгановские приказчики, в том числе и Янко Литвинов, ездили регулярно за покупками мехов у местных звероловов-охотников. Чулко Батенев и Гаврила Левонтьев отписывали в Москву, что «Яков же Литвинов сказывал нам, холопам твоим, что дельвали серебро в старину в Печорах, а от Орла, государь, до тое руды тысячи с полторы, и мы, холопи твои, для той серебряные руды посылаем Якова Литвинова самого... а сказывает, государь, Яков, что ему до тех мест ехать и назад — с тою рудою на Орел будет недель шесть или семь, а то он ведает подлинно, что в той серебряной руде серебро есть, а сказывает Яков Литвинов, что там, где та серебряная руда, — место пустое». Янко Литвинов отправился на Печору и оттуда прислал с пинежанином Семейкой, строгановским холопом, 10 фунтов руды, причем Литвинов писал, что эту руду он ранее показывал немцам «и немцы говорят, что та руда прямая, серебряная».

Несмотря на такое категорическое уверение Янки Литвинова, результат оказался плачевный. Опытная плавка этой печорской руды серебра не обнаружила, причем «называет тое руду мастер Ватер глиною». 28 ноября 1617 г. наконец и сам Янко Литвинов приехал из своей печорской поездки и привез 15 пудов руды: «а ездил... по тое руду недель з дватцать». Янко Литвинов «сказал нам... что он тое руду имал ис подкопу в том месте, где преж сего тое серебряную руду в старину дельвали... руду он имал выше Никольские слоботки на реке на Вельме, где бывал подкоп». Ватер и эту руду называл глиной и на этот раз даже опытную плавку производить отказался. Тогда Литвинов покался в том, что печорские жители указывали, что серебряная руда находится дальше, но он не поехал туда, так как отъехал «он де Яков от тех мест, где та руда есть верст с 500, а в те поры стояли заморозы, ехати бы самому Якову, где тое руды сказывали, не мочно, потому, что место пустое, зимние дороги нет, а ныне, государь, Яков Литвинов для тое руды на реку на Печору на весну хочет ехать сам или детей своих послать».

На Печору еще несколько раз посылались строгановские экспедиции за рудой, причем строгановские приказчики старательно не брали в эти свои печорские поездки никого из посторонних, не принадлежавших к составу дворни Строгановых. Все экспедиции оканчивались без особенной удачи, пока наконец 20 августа 1620 г. комиссия не была распущена и возвращена в Москву.

Солеваренное, железоделательное и кожевенное производства у Строгановых и в их поморских вотчинах представляли собою большие предприятия типа мануфактуры. Везде в этих производствах уже в XVI—XVII вв. четко проводится разделение труда между рабочими-мастерами, специалистами в какой-либо отрасли труда, везде наблюдается исключительное господство ручного труда. Все средства производства были собственностью Строгановых. В эту эпоху ремесленной и мануфактурной организации производства, естественно, еще не пробил час к переходу на какую-либо механизацию производственных процессов. Движущая сила ударного бурения соляных скважин представлена ярыжками, равно как и все инструменты во всех строгановских производствах приводятся в действие мускульной силой работников.

Солеваренное, железоделательное и кожевенное производства у Строгановых в их поморских вотчинах были рассчитаны в основном на широкий рыночный сбыт (см. об этом главы о торговле). Именно в изучаемое время складывалась та новая экономика феодальной России, о которой В. И. Ленин говорит: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние

это вызвано было не родовыми связями... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Эта ленинская характеристика помогает понять важную роль промыслов и торговли гостей (с XVII в.—именитых людей) Строгановых в процессе складывания всероссийского рынка.

Наряду с крупными промыслами по соледобыче, выделке железа и кожи, целиком рассчитанными на широкий рыночный сбыт, у Строгановых были производства более скромных размеров и менее связанные с рынком. Они удовлетворяли лишь потребности вотчинного строгановского хозяйства. К ним относятся жемчужный промысел и художественное изделие икон в «иконных горницах», где мастера-художники создали замечательный художественный стиль «строгановской школы иконописания».

Добыча жемчуга была старым промыслом новгородских предпринимателей-бояр и самостоятельных крестьянских артелей на Кольском полуострове, в Обонежской пятине и по рекам Заволочья. Новгородские летописи свидетельствуют о вывозе еще в XV в. своего жемчуга за границу. В 1488 г. Иван III подарил венгерскому королю Матьяшу Корвину черного соболя, на всех ногах которого были насажены 20 жемчугов новгородских, «жемчуги не малы и хороши и чисты».

Мелкий речной жемчуг широко использовался в Новгороде и в Русском государстве для вышивок боярских воротников, женских головных уборов, церковных пелен, украшения иконных окладов и т. д. Жемчуг и позже с русского Севера шел на экспорт. Так, в конце XVIII в. только в реках Кольского полуострова было выловлено и продано жемчуга на 200 тыс. руб. золотом. В 1860 г. весь вывоз жемчуга оценивался в 180 тыс. руб.²

Сольвычегодский историк В. Попов (XIX в.) в своей рукописной «Сольвычегодской старине» пишет, что «Строгановы в речке Иксе в 4 верстах от Сольвычегодска воспитывали жемчужные раковины, для чего, по рассказам, держали особого приставника, какого-то иностранного доктора. Знаем, что в Иксе и в настоящее время водятся раковины таких громадных размеров, каких не видно ни в одной реке Вологодской губернии»³.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

² См. Ю. П. Знаменский, Жемчуг на Севере, «Наука и жизнь» № 6, 1938, стр. 43—44.

³ В. Попов, Сольвычегодская старина. Публ. Библ. Q IV. 404, свр. 102—103.

Вполне вероятным представляется сообщение о «воспитании жемчужных раковин» строгановским специалистом по жемчужному делу. «Жемчуг состоит из концентрических слоев органического вещества, пропитанного минеральными солями. Жемчужное зерно растет вокруг постороннего тела, попавшего в полость моллюсков... Плодовитость жемчужницы чрезвычайно велика. Одна жемчужница откладывает до миллиона яиц. Развитие и расселение личинок, развившихся из яиц, требуют сожителства с рыбкой «гольяном». Личинки, носящие название «глохидий», прикрепляются к жабрам голяна и ведут там паразитический образ жизни. Позднее глохидии попадают на дно реки, где происходит их дальнейшее развитие»¹.

Строгановские ловцы жемчуга на р. Иксе собирали жемчуг обычным и примитивным способом, каким пользовались на протяжении многих столетий промышленники Поморья.

Ловцы жемчуга плыли по течению на маленьком плоту с прорубленным в центре отверстием. В это отверстие вставлялась берестяная труба со вделанной в дно слюдяной пластинкой. В эту трубу ловец рассматривает дно реки. Увидев раковину, он нацеливается на нее шестом с расщепом на конце и вытаскивает раковину на плот.

Собрав множество раковин, ловец пристает к берегу и раскрывает раковины ножом. Сотни раскрытых ракушек дают одну-две жемчужины. Жемчуг ценился от денежки до 1 рубля, в отдельных случаях — до 5 и 10 рублей в зависимости от величины и качества. Дорогим и совершенным жемчуг считался, если он был правильной шаровидной формы. Определяя качество и стоимость жемчужины, пускали зерно катиться по тарелке. Чем правильнее форма, тем дольше оно катится.

По народному преданию, прочно сохраняющемуся до наших дней, Строгановы разводили жемчужницы в маленьком озере у своих сольвычегодских хором, возле вотчинного Благовещенского собора.

Жемчуг, добываемый Строгановыми, в основном, видимо, обращался на внутривотчинное потребление, так как по документам не видно, чтобы он шел на рынок. Собственный жемчуг шел на украшение окладов икон, которые во множестве писались в обширных «иконных горницах-мастерских», потреблялся в изделия строгановских «серебряников» — ювелиров. В большом количестве, наконец, жемчуг расходился в девичьих комнатах, где шла неустанная работа по шитью златотканых пелен и разнообразных вышивок на женский и мужской парадный наряд чванливых и умевших хорошо и богато одеваться хозяев.

Возможно, что небольшие партии своей добычи жемчуга Строгановы направляли в подарки сильным и нужным людям в Москве, а также

¹ Ю. П. Знаменский, Жемчуг на Севере, «Наука и жизнь» № 6, 1938, стр. 44.

продавали на рынках, жертвовали в различные монастыри, так как жемчуг был в XVI—XVII вв. в значительной мере ритуальной драгоценностью, без которой не обходилось украшение икон, хоругвей, пелен и чаш.

Но во всяком случае добыча жемчуга у Строгановых в поморских их вотчинах носила относительно скромный характер по сравнению с широким размахом всех других производств.

Иконное производство, хотя также было главным образом рассчитано на строгановское внутривотчинное хозяйство, носило совсем другой характер, чем добыча жемчуга. Организация иконного производства Строгановыми была поставлена необычайно солидно и широко. Строгановская икона была предметом производства и выдающимся художественным произведением, открывшим новую и блестящую страницу в русском искусстве.

Ввиду этого следует особо исследовать организацию строгановских иконных мануфактур и специально остановиться на анализе художественной ценности строгановской школы иконописания.

Несмотря на длительное изучение так называемой строгановской школы русского иконописания, в вопросе этом остается много нерешенного и спорного. Следует отметить, что до сих пор строгановские иконы интересовали лишь историков искусства. Иконы изучались с точки зрения их стиля, композиции и техники, выяснялась манера художественного написания, но при этом игнорировалось изучение социальной среды, питавшей своими заказами творчество иконников, не привлекался документальный материал, относящийся к установлению реальных отношений заказчиков-хозяев и мастеров-исполнителей. Не уделялось внимания процессу производства икон для продажи. Это ограничение, впрочем, со стороны историков искусства являлось вынужденным: в научном обороте просто не было достаточного документального материала. Он покоился, да и теперь продолжает в основной своей массе покоиться неразысканным и неопубликованным в архивах и книгохранилищах. Но изолированное изучение строгановского иконописания, конечно, сильно сказалось на освещении данного вопроса в целом.

Основой для многих методологических ошибок в исследовании строгановской школы иконописания послужило то обстоятельство, что оно началось в церковной среде и долгое время продолжалось под сильным влиянием ее.

Любители «древнего благочестия», коллекционеры-старообрядцы, составляя свои собрания икон, подмечали, что определенный географический район несет определенные особенности в стиле, технике, композиции и трактовке сюжетов, в искусстве изготовления «цки» (доски, на которой писался рисунок) и т. д.

Накопленные наблюдения позволяли сделать ряд выводов о приурочении икон к определенным географическим районам и в известной степени и к определенным эпохам¹. Эти наблюдения старообрядцево-коллекционеров были полностью приняты учеными-искусствоведами XIX в., выдвинувшими тезис о существовании иконописной школы у Строгановых. Аргументируя его, они ссылались на так называемые подписные иконы, которые на обороте своей цки имеют надписи с указанием иконника, писавшего эту икону: из числа холопов и кабальных Строгановых или постороннего мастера, по специальному заказу выполнившего настоящую работу. Только из надписей так называемых подписных икон мы знаем о Истоме Савине, Прокопии Чирине, Елизарове и других. Но все эти сведения, почерпнутые из надписей на иконах, представляют материал не во всем достоверный, критически совсем не обследованный и документами не подтвержденный.

Эти надписи, во-первых, не обследованы даже с палеографической стороны. Между тем та коллекция подписных икон, которая имеется в собрании Русского музея (Ленинград), даже при беглом их осмотре может навести на некоторые соображения, подрывающие установившиеся историографические традиции. В самом деле, все надписи выполнены тремя-четырьмя почерками, если не считать одной, сделанной почерком первой четверти XIX в. с подделкой под старинную скоропись. Откидывая эту последнюю подпись как позднюю, мы имеем ряд надписей полууставных и несколько скорописных. Вероятно, что и те и другие надписи не принадлежат самим мастерам-иконописцам, сделаны кем-то позднее и едва ли в один прием.

Во-вторых, и самое содержание надписей говорит за то, что их делал не сам иконописец. Обычное содержание их: «человек Максима Яковлевича Истома Савин» или что-либо в том же роде. В случае, если бы надпись была сделана действительно Истомой Савиным, то по содержанию своему она имела бы иной вид. Мы имели бы распространенную надпись, в которой перед подписью имени и фамилии иконника было бы предпослано моление, восхваление бога, благочестия хозяев-заказчиков и пр. Затем отличительным признаком икон строгановской «школы» служит знак или , имеющийся обычно сверху надписи на обороте цки. Этот знак расшифровывается как «Ни» — Никита. Быть может, правильнее видеть в нем букву «М» — Максим, тем более что в Егоровской коллекции рукописных книг (в отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина) имеется этот же знак — монограмма, в которой явственно можно видеть и букву «Я» — Максим Яковлевич. Другой

¹ См. А. Введенский, Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв., очерк 2, Строгановские иконники, «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1923, стр. 65 и след.

тип иконной метки — четко выписанная буква «М», впрочем встречающаяся значительно реже¹.

Наличие этих меток, конечно, еще не определяет принадлежность икон к строгановской «школе». Таким знаком, бывшим, по-видимому, товарной и фамильной меткой линии Максима Яковлевича Строганова, метилась и покупная икона и икона, вышедшая из рук своего кабального художника. Ею помечались и кони из табунов Максима Яковлевича («пятно дворовое мыслете с азом», «и пятно у всех лошадей теж Максимовское»), как это явствует из описи имущества 1627 г. Метились ею и бочки с поташом, мехи с солью, связки пушнины и другие транспортируемые для продажи по верховым городам товары.

Когда же могло быть сделано массовое подписание икон и кем оно было сделано, если исходить из наблюдения, что надписи на иконах, во всяком случае некоторые из них, не принадлежат самим мастерам-иконописцам? До нас дошло несколько поимущественных описей Строгановых разных линий. Из этих памятников для решения этого вопроса может быть использована опись от 16 июля 1627 г., сделанная по царскому указу и по грамоте Ростовского и Ярославского митрополита Варлаама сыном боярским Богданом Чихачевым и игуменом Велико-Устюжского Гledenского монастыря Ионой, которые «у Соли Вышегоцкие Максимовские Максимова сына Строганова животы и статки у жены его Анны порозь... досмотря переписали все налицо»².

Эта опись для нас драгоценна тем, что она дает нам подробный перечень имущества Максима Яковлевича Строганова, умершего в 1624 г. Его духовное завещание, писанное дьячком Тимошкой Митариным, до нас не дошло. Сын Максима Яковлевича, Максим Максимович, унаследовавший все имущество своего отца вместе со своим братом Иваном, умер через два с половиной года после смерти отца — 28 апреля 1627 г. — молодым двадцатипятилетним человеком, вряд ли успевшим сколько-нибудь существенно увеличить отцовские животы. Таким

¹ Недавно открыт первоклассный памятник русского искусства, каллиграфический подлинник из мастерских Никиты Строганова — «Азбука или образцы заставок старообрядческого Вольевского молитвенного дома» № 390 (ЛОИИ, к. 115, № 160). Две страницы из рукописи воспроизведены в кн.: Б. Ф. Карский, Славянская Кирилловская палеография. Этот памятник дает близкую аналогию к рисункам иконных меток в своих начертаниях букв «М» и «Н» на л. 28, 59, 60—61 об. Рукопись писана в 1605 г., ее «писал многогрешный раб Федор Сергеев сын Васова» с л. 1 по 140 об., а с л. 141 по 157 «Варлук написал 73 строки прописные большие». Здесь даны превосходно выполненные заставки и концовки для книжных списателей, образцы вязи скорописной и полууставной и различные шрифты строчных и заглавных букв. О богатстве рисунка букв, даваемом этой рукописью, дает понятие, например, то, что каждая буква алфавита в скорописном шрифте имеет от 32 до 80 различных начертаний.

² А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 30.

образом, на эту опись мы можем смотреть как на опись имущества Максима Яковлевича.

Максим Максимович Строганов успел перед смертью продиктовать своему стряпчему Ждану Воронину свое духовное завещание, по которому он большинство своих «животов» и «статков» передавал своей жене Анне Олферьевне, урожденной Стрешневой, поручив выполнение по духовной своей матери Марье Михайловне, «приятелю своему и добродею Лукиану Степановичу Стрешневу», Ив. Ив. Чичерину, своей жене и принятому в дом при жизни отца дальнему своему родственнику Ив. Ив. Ямскому.

Но эта духовная, не перебеленная и не скрепленная надлежащими рукоприкладствами, не получила законной силы. Брат Максима Максимовича, Иван Максимович, и их мать постарались овладеть всем имуществом умершего М. М. Строганова. Обойденная жена последнего учинила иск, началось дело, первым актом которого и явилась опись 1627 г. по грамоте митрополита Варлаама.

Из этого документа мы узнаем о семи «божия милосердия образов», «что у Максима было»¹.

Это количество икон не велико для богатого купеческого дома. Но опись упоминает о множестве икон, находящихся «ввопче под соборною церковью». А митрополит Варлаам уточняет: в «казне под соборною церковью в дву полатах»².

Склад икон оказался в строгановской каменной кладовой в подпартных и подпредельных местах фамильного Благовещенского собора, где со времен еще Аники Федоровича хранилось самое ценное из имущества братьев Строгановых. Здесь оказалось 128 икон, из них только 11 образов в окладах хранились отдельно, в особой коробье, вся же остальная масса икон была «на празелени» и «на красках», было и 6 старых «сокрушенных» икон «на золоте».

Для надлежащего понимания приведенного выше текста описи имущества 1627 г. приведем еще две цитаты из черновой духовной Максима Максимовича этого же года. Здесь М. М. Строганов сообщает: «у нас ввопче с братом моим с Иваном по отца нашево по Максима Яковлевича по изустной памяти ево: благословение Божие милосердие кресты серебряные золоченые с мощами и без мощей, и один крест Яковлевской золотой с мощами и понагея золотая с яхонты и з жемчюги Бурмыньскими, а другая понагья серебряная золоченая, и образы пядницы и складни окладные с камением и жемчюги в окладе

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 30.

² Из отписки митрополита Варлаама государю, ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 1627 г., № 4, л. 61.

чеканенном и сканное и резные и басенные золоченые и не золоченые, и которые образы и складки на золоте без окладов, и на красках, и резные на дереве резано, и крест резной на золоте з жемчюги з бурмынскими и всякие образы в пядница и в складнях, и которые образы писаны на цках чудотворных гробов и которые, опроче образов, мощи святых — и то у нас з братом моим Иваном не делено»¹.

Это суммарное и краткое сообщение Максима Максимовича, писанное в первых числах апреля 1627 г., о части своего имущества по отправлению религиозного культа не совпадает с вышеприведенной официальной описью, составленной в июле того же года. В последней нет ряда вещей высокой ценности: золотого креста и панагии, усыпанных жемчугами и другими драгоценными камнями, разных крестов и образов «на дереве резано» (а такие действительно в XVI в. были, и кое-что из резных вещей уцелело в теперешнем музее-храме — Благовещенском соборе в Сольвычегодске). Нет, наконец, образов, писанных на «цках чудотворных гробов» — едва ли не единственный пример в истории русского иконописания. Очевидно, перед приездом официальных лиц Иван Максимович и его мать попрятали наиболее ценные иконы, кресты и прочие вещи, почему они не вошли в официальную опись. Действительно, московские приказы получили в процессе судебного производства жалобы на Ивана Максимовича и на его мать, что они «схоронили» и попрятали у себя во дворах много вещей умершего Максима Максимовича. Таким образом, те 7 икон, которые писцы нашли в хоромах М. М. Строганова, не представляют действительного количества хоромных, обиходных икон. Их было больше. Возможно лишь, что иконы попроще, а также иконы, бывшие на складе в соборных каменных палатках, не имело смысла утаивать ввиду их небольшой ценности, поэтому число 128 икон, бывших на складе, можно считать соответствовавшим действительному количеству.

Другой существенный корректив к официальной описи 1627 г. вносит следующее место черновой духовной Максима Максимовича Строганова: «да что посла дяди нашево, Микитина смерти, Григорьевича пожаловал государь царь и Вел. Кн. Михаил Федорович всея Руси отца нашево Максима Яковлевича и дядей моих Ондreja да Петра Семеновичев Строгановых, отданы божие милосердие образы Микитинские пядницы, и в складнях окладные и неокладные всяких окладов, золоченые и не золоченые, и оклады Микитины и в образы всякие, и которые образы Никитинские на золоте и на красках всяких писем и резных — и мне в том по отца моево по Максиму Яковлевича по

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 1627 г., № 4, л. 5—6 об.

благословению четверть,— и то у нас с братом моим с Иваном Максимовичем и з дядьми, с Ондреем и Петром Семеновичи не делено же»¹.

Некоторое представление об иконном фонде Никиты Григорьевича Строганова дает «список ценовной и продажной Никитиной рухляди Строганова третьяго привоза для продажи на Москве». Все имущество Н. Г. Строганова, умершего в 1618 г. («во 125 г.») и не оставившего наследников, как выморочное было «отнесено на государя» и пущено в продажу с аукциона в Сольвычегодске. Но так как в небольшом городке не нашлось покупателей на ценное имущество именитого человека, то все оно было увезено в Москву, где и было окончательно распродано летом 1620 г. До нас дошли только списки «второго» и «третьяго привозу» никитинских вещей, иконы же были в списке «первого привозу». Но и то немногое, что мы находим в списке «третьяго привозу», представляет большой интерес. В этом списке значится 49 икон в «полуделе» (28 «цки знаменованные» и 21 «знаменовано на полотенцах»), 3 образа в красках и неизвестное число резных икон. Эти сведения приоткрывают для нас состав только части иконного фонда Никиты Григорьевича, перешедшего к братьям Строгановым. Следует иметь в виду, что иконы Н. Г. Строганова были привезены на аукцион в Москву, где и были в значительной своей части «променены» на деньги и розданы «по душе» по московским церквам и монастырям.

Общее количество икон Никиты Строганова не поддается определению, думаем, что оно было не менее 300. Иконный фонд у двух братьев — Максима и Ивана Максимовичей Строгановых в 1627 г. состоял не менее чем из 240—250 икон. У двух других братьев Строгановых, у братьев Андрея и Петра Семеновичей, было такое же количество, так как принцип раздела по равным долям был в семье Строгановых в силе весь XVI и весь XVII вв. Всего, следовательно, мы можем приблизительно определить весь иконный фонд у всех Строгановых за первую четверть XVII столетия в 500 единиц. Если сравнительно небольшая доля этого количества находилась в киотах и божницах в хоромах Строгановых, то для чего же хранилась в коробьях такая масса икон в каменных палатках соборного Благовещенского храма? Это первый вопрос, который встает перед исследователем. Затем, кто же изготовлял такое количество икон, иными словами, приобретались они или изготовлялись на месте, в хоромах и в вотчинах Строгановых? Это вторая задача, требующая своего разрешения.

В документах можно часто встретить указания на пожертвования книг и икон. Но наличность большого количества икон в домашних

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 1627 г., № 4, л. 6—7; ЦГИАЛ, фамильный архив Строгановых, папка № 279, рукопись № 109.

кладовых вряд ли объяснима только постоянно встречающимися фактами их пожертвования по церквям или монастырям.

Можно думать, что Строгановы своими иконами и торговали, хотя прямых указаний об этом у нас нет. Но следует помнить, что Строгановы наряду с крупной оптовой торговлей солью своей выварки вели оптово-розничную торговлю самым разнообразным товаром, куда входили как предметы роскоши, закупленные у Архангельска на иностранном торгу, так и сукна, кожи, меха, поташ, а также и своего изготовления кузнечные поделки, оконные переплеты, цыреный снаряд, ювелирные изделия и, вероятно, иконы своего производства, которые продавались наряду с другим товаром вразвоз по городам.

По свидетельствам документов, в составе двора Строгановых встречаются сначала в единичных случаях, а затем все в большем количестве мастера-иконописцы, бывшие как полными холопами, так и кабальными людьми. Здесь же видим и наемных мастеров-иконописцев, выполнявших определенные подряды. Не трудно установить связь возрастания количества своих иконописцев у Строгановых с ходом работ по отстройке и внутренней отделке и украшению фамильного их Благовещенского собора — этого грандиозного памятника и музея своеобразной красоты, а также с собиранием коллекций предметов культа, которым был занят ряд поколений Строгановых.

Именно с начала постройки Благовещенского собора, с 1562 г., мы начинаем встречаться с известиями о наличии у Строгановых своих мастеров-иконописцев. Ранее их по документам нет. Только с начала производства строительных работ Благовещенского собора, который строился хозяйственным способом под непосредственным наблюдением самих Строгановых: Аники Федоровича, его трех сыновей — Якова, Григория и Семена, его внуков Максима и Никиты, понадобились иконописцы. И на долю правнуков (Максима и Ивана Максимовичей и Андрея и Петра Семеновичей) еще в 1623 г. выпали немалые хлопоты и заботы о том, чтобы «церковь Благовещенье Пречистой Богородицы каменный храм в разоренье не был и чтобы иконное писание церковными стенами в рассыпании не было при нас и после нас и до скончания веку».

Постройка собора вызвала к жизни у Строгановых в сольвычегодских их дворах, примыкавших к возводимому собору, целый ряд производств, собрала большое количество ремесленников и мастеров, ранее отсутствовавших в составе их двора. Возникает несколько кирпичных заводов, для чего подыскивается, а затем выменивается и покупается у посадских Сольвычегодска земля с достаточным количеством глины. Организуется подвозка больших глыб белого известняка по Вычегде. Для этого свой речной флот пополняется специальными лодьями-каменвозками. Нанимаются искусные кузнецы дляковки замысловатых

рисунков металлических переплетов для окон и дверей. Собираются золотильники для золочения куполов и крестов. Нанимаются и другие мастера-ремесленники.

Наряду с различными ремеслами при своих хоромах, когда в основном здание храма было закончено и приступлено было к внутренней его отделке, возникают и иконописные мастерские. Они существовали с 80-х годов XVI в. до половины XVII в., выполняя, с одной стороны, работу для украшавшегося все это время собора с многочисленными его приделами, а с другой — для вновь возникшего и украшаемого там же своим коштом Строгановыми Пыскорского монастыря в их пермских вотчинах, для их вотчинных городских и сельских церквей и, наконец, для Введенского монастыря в Сольвычегодске с приписанным к нему Коряжемским монастырем.

Работа в мастерских поэтому лет 80 не прекращалась, в то время как ряд других производств, вызванных к жизни постройкой собора, прекратился с ее окончанием. Так, окончили свое существование кирпичные заводы, пришедшие «в рассыпание», прекратилась добыча камня-известняка, его доставка и обтеска, кузнецы с художественной работы были переведены в «кузницы на полянках», на цыреный ремонт, другие ремесленники были просто распущены.

Небезынтересно отметить, что среди встречающихся в документах иконописцев — наемных и кабальных людей — нет громких имен прославленных художников, за немногими исключениями, о которых упоминают так называемые подписные иконы наших музейных собраний. Это ординарные иконописцы-ремесленники, которых обычно можно встретить на службе в богатых монастырях и у крупных вотчинников. Конечно, наш документальный материал далеко не полон и отрывочен, но тем не менее факт расхождения документальных свидетельств, собранных нами, с текстами подписных икон должен быть отмечен.

Как косвенное подтверждение существования иконописных мануфактур нельзя не отметить упоминания официальной описи 1627 г. имущества Строганова об «образном гвоздье», которого имелось изрядное количество — в 22 «узлах», по тысяче гвоздей в каждом «узле». Была в запасе и «коробья лубяная, в ней всякие образные краски и вохры»¹.

Эти упоминания о большом количестве припасов для иконописания, хранившихся только в кладовых Благовещенского собора, не случайны. Сюда, конечно, не попали те припасы расхожие, которые были на руках у мастеров. Эти данные, кажется, красноречиво говорят, что припасы хранились не для продажи, а были нужны для своих иконописных мастерских.

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 32.

И действительно, такие иконописные мануфактуры были у Строгановых. Один документ, «розпись Никитинскому переднему и заднему двору», написанный 3 ноября 1622 г., «для примера, как ево делити пополам» между наследниками Н. Г. Строганова — Максимом Яковлевичем и Петром Семеновичем, позволяет не только вскрыть факт существования иконописных мастерских, но и установить их топографию. Они существовали в Сольвычегодске, а не на Вшивой горке в Москве, как полагал в свое время русский искусствовед И. М. Снегирев.

На обширной территории Никиты Григорьевича, примыкавшей к Благовещенскому собору и опускавшейся к самой реке Вычегде, где были собственные «судовые пристани», мы находим два двора, заполненных жилыми и хозяйственными постройками, передний и задний. В первом дворе хоромы в два этажа самого хозяина, с дощатыми сенями, повалушами бочкой, горницами и переходами, соединявшими ряд горниц и изб на подклетьях; здесь же стоят 5 погребов, овин с сушилом, амбар запасной, амбар большой соляной, два сарая, две поварни, мыльня, пивная, «естовая» (столовая), караульная изба, здесь же мы видим и «чюланов люцких меж иконною горницею и меж большой избой, возле Максимов нижний тын, двадцать четыре чюлана». Всего «люцких чюланов», в которых помещаются дворовые Никиты Григорьевича, на переднем дворе насчитывается 31.

На заднем дворе имеется «горница большая на подклете», «две избы челядинных большие», «поварня, погреб люцкой, мыльня люцкая, 3 конюшни с сенниками, 3 чюлана людских, 3 свинарника с хлевцы, горница столовая на подклете с сенми и с крыльцом и с лестницами... подле ее горница иконная на подклете же», затем идут погреба, сараи и 21 «люцкой чюлан»¹.

Этот источник упоминает две иконописные мастерские («иконные горницы») Никиты Григорьевича. Одна — на переднем дворе, неподалеку от хозяйских хором, другая — на заднем. Это было двухэтажное помещение, примыкавшее к людской, тоже обширной столовой избе.

Иконописные мастерские, имевшиеся у богатых монастырей, обычно выносились за монастырскую ограду и располагались в поселках и близлежащих слободах, часто сплошь состоявших из иконников и ювелиров. Такой, например, была Богоявленская Неглиненская слободка Троице-Сергиева монастыря под Москвой, где «лавра держала своих «казенных мастеров», иконных, серебряных, сусальных, судописцев и др.»².

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 23—29.

² П. П. Смирнов, Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. 2. Количество и движение населения (далее — П. П. Смирнов, Города Московского государства...), Киев, 1919, стр. 235.

Строгановы имели поблизости от посада ряд своих деревень и селений, однако предпочитали сосредоточивать собственных ремесленников в сольвычегодских дворах. В деревнях же и селениях велось лишь сельское хозяйство под присмотром особых приказчиков.

Сюда, во двор, стягивалось всякое ремесло, возводились необходимые для него постройки, здесь же поблизости жили и мастера в «люцких чуланах» и «челядинных избах», выполнявшие свою работу под присмотром приказчиков, по указаниям и распоряжениям здесь же живущих хозяев.

Теперь можно вернуться к вопросу о времени подписания и переметке особым значком тех подписных строгановских икон, которые хранятся в наших музейных собраниях, и в частности в Русском музее. Судя по тому, что каждый вид домашней рухляди и «статков» имел представленного к нему дворового человека, который сохранял порученные ему вещи, ведал их выдачу, прием, вел учет, надо полагать, что и иконным фондом ведал кто-либо из приказных, строгановских дворовых, который и перемечал их фамильной, фирменной меткой в связи с производившимся учетом имущества в момент его перехода от одного владельца к другому или во время упорядочения и пересмотра вещей, которые производились от времени до времени. Особенно тщательно был поставлен надзор за деньгами, находившимися в ведении двух-четырех казначеев, которые упаковывали деньги в «меха» по 100 и более рублей, наклеивали на «меху» ярлык с обозначением суммы и имени считавшего эту сумму казначея. Особые подьячие, «дьячки у письменных дел» и стряпчие вели учет, хранили текущий актов^{ый} архив и ведали архивом старых лет, перемечали документы, их подкладывали, делали заголовки на приклеенных к документам сставах. Такая работа в основном была проделана в 30—40-х годах и во второй половине XVII в.

Можно по аналогии предполагать, что и иконный фонд был таким же образом систематизирован и перемечен. Особо ценные экземпляры икон были снабжены краткой надписью с указанием автора. Время составления этих надписей можно будет установить в дальнейшем, когда будут обстоятельно обследованы палеографически иконные надписания подписных строгановских икон, с одной стороны, и почерки по возможности большого количества строгановских приказных людей — с другой. Почерки последних для нас сохранились в ряде образцов в вотчинных документах.

Иконы, принадлежавшие Никите Григорьевичу Строганову, могли быть перемечены на оборотах и были, безусловно, списаны перед аукционной продажей в Сольвычегодске в 1618—1619 гг. комиссией из строгановских приказчиков Неустроя Александрова и Субботы Бызова и выборных целовальников Третьяка Карпова и Савы Лухнева. Послед-

ние двое и производили продажу «хлеба и соли, и лошади, и всякой животины, и рухляди», оставшихся после смерти Никиты Строганова в Сольвычегодске в 1618 г. Эти же выборные целовальники «те Никитинские животы», которые остались непроданными на аукционе в Сольвычегодске, «и деньги, на чем што взято, отвозили... к Москве», где все имущество Н. Г. Строганова, в том числе и все его собрание икон, было распродано. Таким образом, переметка икон и надписи на их тыловой стороне могли быть произведены по крайней мере дважды: в 1618—1619 гг. и в 1630—1640 гг. строгановскими приказчиками.

Подводя итоги сказанному, следует прежде всего отметить, что под именем «строгановских икон» мы имеем, собственно говоря, два типа икон. Многочисленные иконы, вышедшие из сольвычегодских дворовых мастерских, за немногими исключениями, для научного изучения остаются неизвестными, так как они были рассеяны по церквям и рынкам еще в XVII в. Эти иконы, не имевшие особых отличительных признаков и выполненные обычными ремесленниками, остались забытыми и смешались с другими иконами поморского письма. Впрочем, детальное изучение иконных ансамблей Благовещенского собора в Сольвычегодске и осмотр его икон, хранящихся в ризнице, дает возможность напасть на след икон типа подлинно строгановских по месту их выработки и по написанию строгановскими иконниками.

Другие иконы, настоящие произведения высокого искусства, хорошо известные по музейным собраниям, принадлежат кисти одаренных художников, имевшихся и среди служащих и крепостных строгановских людей и привлекавшихся Строгановыми из художников московского государева дворца, но писавших в манере строгановского художественного письма.

Наши выводы о двух типах строгановских икон могут быть подтверждены и тем, что стилистический анализ всей их совокупности привел Д. Ровинского к заключению о существовании среди них первых строгановских икон и вторых строгановских икон в XVI—XVII вв. Отличительными признаками вторых строгановских икон являются: «длинные фигуры, краски в лицах одиночные, светлые и отличной доброты; в лицах санкир (грунтовка), состоит из умбры с белилами (и вохрой); ризы и палаты разделаны тонкими красочными чернилами и пробелены золотом, что редко случается в Строгановских первых письмах; палаты очень красивы и с большими затеями; движки попадают редко и то в иконах большого размера; свет иногда бывает вызолочен, а по большей части покрывается одною краскою с полями»¹.

¹ Д. А. Ровинский, История русских школ иконописания, «Записки Археологического общества», т. 8, СПб., 1856, стр. 19.

Внимательное и длительное изучение всех известных собраний строгановских икон в музеях Москвы, Ленинграда, Киева и Новгорода, сопоставленное с документально-архивным материалом, заставляет нас прийти к выводу о бесспорности наличия особого направления в русском искусстве, которое по праву следует называть строгановской школой живописи.

Строгановская школа живописи сумела самостоятельно развиваться в XVI в., когда новгородское искусство отцвело, а московское еще не сложилось в блеске своей зрелости.

Строгановские мастера, такие художники большого таланта, как Истома Савин, Никифор и другие, и многие средние и малые дарования (Фетка Снозин, Сенка Иванов, Пятунка Самсонов, Митка Стрекаловский и др.) своим трудом и искусством положили плодотворное начало новой строгановской школе иконописания.

Иконные надписи о творцах икон строго различают своих и чужих художников. О своих мастерах иконная надпись составлялась в следующей редакции: «Никиты Григорьевича Строганова писма Ивана ученика Соболева», «человек Максима Яковлевича Истома Савин». Авторство московского мастера фиксируется иной редакцией: «Для Никиты Григорьевича Строганова. Знамя (рисунок) и пробела (в деянье) и середина вся Прокопья Чирина писмо, а лица в деянье Никифорова писмо», «лета 1628 (7130), по повелению Андрея Семеновича Строганова, писан сей образ государевым иконописцем Назарием Истоминым сыном Савиным»¹.

Можно думать, что строгановские иконники-мастера, несмотря на их приниженное положение кабальных и крепостных людей во дворе своих хозяев, составляли единую художественную школу. Хотя их талант сдерживала необходимость писать иконы по преданию и по образцам, некоторой свободой творчества и личного измышления они обладали. Лицо строгановской художественной школы было зафиксировано сводом образцов, так называемым строгановским иконописным лицевым подлинником, изданным в Москве в 1869 г. Этот лицевой подлинник был руководством для молодых кадров строгановских иконных горниц, хранивших свои определенные художественные приемы.

Труд иконников в строгановских иконных горницах, организованных по типу мануфактуры, был достаточно четко дифференцирован. Икона проходила через руки 6—10 мастеров, прежде чем получала свой окончательный вид. Столяры заготавливали деревянные доски, обычный

¹ См. Д. А. Ровинский, *Обозрение иконописания в России до конца XVII века*, СПб., 1903, стр. 29 и след. Здесь собраны, однако, не все надписи, встречающиеся на иконах.

материал для икон. В доске, сделанной по заданному размеру, делалась легкая выемка посередине с оставлением широких, выпуклых краев. С задней стороны прикрепляли доску для прочности одной, чаще двумя поперечными клиньями — шпонами. Далее, левкащик (от левкас — состав для нанесения фона иконы) приготавливал на лицевой стороне доски грунт для живописца. Доска сначала проклеивалась им для предохранения от сырости, так как без этого влажный воздух, проникая в доску, мог испортить левкасный грунт и изображение на нем. По проклейке накладывался кусок холстины, ветоши или серпянки. Такая наклейка называлась поволокой. На поволоку накладывался левкас — смесь алебаstra с клеем. Этот левкас отличался стойкой сопротивляемостью против сырости и твердостью. По высыхании левкас скребли ножом и выглаживали хвощом. На этом левкащик заканчивал свою работу, на смену ему приходил «знаменщик», наносивший на твердую поверхность левкаса острой иглой рисунок композиции иконного ансамбля. «Золотописец» золотил фон иконы. Затем начинали свою работу собственно живописцы, среди которых было также несколько специалистов. «Доличные» писали одежды, здания. «Травщики» рисовали пейзажи и иную иконную обстановку. «Лицевщики» писали лики. «Олифельщик» покрывал икону вареным маслом — олифой.

Кроме того, были мастера подсобных специальностей: «терщики» приготавливали краски, «писчики» писали надписи, «крестешники» изображали кресты и пр. Были и мастера, совмещавшие ряд специальностей.

Эта большая специализация говорит о развитой технике производства. Такое развитие специализации было характерно для крупных центров иконного производства: иконных горниц Строгановых, мастерских Троице-Сергиева монастыря, государева дворца, и вряд ли специализация была применима в индивидуальном труде ремесленника, посадского бобыля, работавшего для иконного ряда местного рынка. Она имела свои выгоды и теневые стороны. Способствуя количественному росту выработки икон, она могла снижать качество. Рисунок иконы, составленный рядом лиц-живописцев, терял в своей цельности и стройности выполнения, что, впрочем, до некоторой степени возмещалось традиционностью в трактовках и раскрасках и единым руководством «знаменщика» — конструктора сюжета иконы. Крупные центры иконного дела были заинтересованы в количественном росте производства икон, и, быть может, поэтому именно здесь началось и развивалось чрезвычайное разделение труда.

Оплата его была различной и значительно колебалась в зависимости от ряда условий. Посадские, работавшие для иконного ряда и сами

сидевшие в лавках, занимаясь своим ремеслом как бы на правах свободной профессии, получали то, что могли выручить от «мены» иконы на деньги на рынке. Если же они работали на купца-предпринимателя, то получали поденную плату от одного до трех алтын. Иконники у Строгановых, за исключением крепостных и холопов, работали или подрядным способом, или получали поденную плату от одного до трех алтын в день, или же были на сдельщине. Большое разнообразие в оплате труда можно заметить в среде придворных живописцев. Здесь плата искусному «знаменщику» доходила до высоких ставок, причем, кроме денежного оклада, получалось вознаграждение подарками и натурой. Рядовые же иконописцы, например в 40-х годах XVII столетия те из них, которые были вызваны на государеву службу из разных городов, получали поденно 1 алтын 10 денег, 2 и 3 алтына. Некоторые специальности оплачивались высоко, например «олифельщики» получали от 3 алтын 1 деньги до 30 денег, «золотильщики» — по 30 денег. Иные же специальности («терщики», «травщики») оплачивались низко: первые получали всего 8 денег, вторые — 1 алтын 4 деньги.

Низкая оплата труда в среде придворных живописцев вызывала челобитья государю о прибавке: «Работаем мы, холопи твои, всякие твои великого государя живописные дела беспрестанно, а твоего государева жалованья, поденного корму учинено нам на день по алтыну; и тем нам холопом твоим, будучи у твоего государева беспрестанного дела, прокормитца не чем, а людишки бедные, платишком ободрались и обувью обносились, ходим наги и босы; а нашей братье серебряные палаты учеником, корму идет на день по два алтына, да им же выдано на рубашки холосты и шапки и рукавицы, а нам, холопом твоим того твоего государева жалованья ничего не дано»¹.

Иконные горницы, бывшие во дворе Никиты Григорьевича, были, наверное, и во дворе Максима Яковлевича, имевшего значительное количество своих иконников не только в Сольвычегодске, но и в пермских вотчинах. Энергичная деятельность этих иконных горниц двух братьев падает на 80—90-е годы XVI и первые два десятилетия XVII в.; со смертью же обоих братьев их мастерские приходят в упадок. У их преемников появляются другие увлечения — церковным пенъем, золототканым шитьем и др., и иконное дело во дворах Строгановых в Сольвычегодске прекращается к середине XVII в.

Нераскрытой еще страницей в русском искусстве является строгановское деревянное зодчество. Для его понимания мы имеем новый, но ограниченный материал.

¹ М. В. Довнар-Запольский, Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв., «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. 6, М., 1910, стр. 64.

В рукописи сольвычегодского летописца имеется рисунок 1726 г. строгановской постройки деревянных церквей XVII в. Эти рисунки еще не были опубликованы¹ (см. рис. на стр. 199).

Одна из них была отстроена в 1596 г., другая — в 1603 г. Обе они сгорели от пожара, возникшего во время грозы в 1726 г. Деревянная архитектура строгановских церквей примечательна. Гигантский шатер церкви богородицы Одигитрии — лишь изящная декорация, так как внутри он закрыт низким потолком и никакой служебной роли не несет. Известно, что шатровая форма храмов была создана в Поморье, и это высочайшее достижение народного творчества было перенесено московскими зодчими с дерева на камень, совершенным результатом чего явилось рождение сказочно-«лучезарного» храма Василия Блаженного.

Изящество пяти шатровых куполов с доминирующим центральным куполом-шатром в этой строгановской церкви чарует верностью и красотой пропорций. С скромная резьба, бахромой обрамляющая карнизы, завершает впечатление совершенства форм народного творчества.

Примечательна деревянная архитектура и второй церкви — Прокопия устюжского чудотворца, «где погребались первоначально тела именитых людей Строгановых строителей храмов сих», как гласит надпись под этим рисунком сольвычегодского летописца. Здесь безымянный для нас строгановский архитектор создал воздушную многоярусность центрального купола тремя ниспадающими рядами покатой кровли и предвосхитил мотив украинского барокко XVII в. в архитектуре. Третья строгановская церковь — Параскевы «нареченные пятница» — отличается простотой и скромным изяществом своих форм. Все три церкви, по-видимому, были в черте строгановских сольвычегодских хором и недалеко от Благовещенского собора и имели общую колокольню-звонницу благородной шатровой формы, в основании обрамленную бочкообразной деревянной колоннадой, облежавшей колокольню вокруг.

Отличительной особенностью строгановской архитектуры трех церквей является выполнение их в строгих формах «старого завета» и пленительного по красоте шатрового искусства народного поморского зодчества.

Комплекс деревянной архитектуры Строгановых, впервые вводимый в научный оборот приводимыми нами рисунками, нуждается в анализе специалистов-искусствоведов — и тогда пропущенное звено в развитии строгановского зодчества поможет подойти к более полному представлению о строгановском архитектурном стиле.

Строгановские мастерские заняты были главным образом работой по обслуживанию вотчин. Но часть продукции (например, кожевенный

¹ Отдел рукописей библиотеки Академии наук УССР. Собрание Евгения Болховитинова.

товар) шла на продажу на посадских рынках Ярославля, Москвы, Архангельска и других городов. И, наконец, некоторая часть этой продукции поступала в товарообменную торговлю с местным нерусским населением в пермских вотчинах, где Строгановы выменивали драгоценную пушнину для перепродажи ее на отечественных и зарубежных рынках. Сапоги, седла, пищали, рогатины, бердыши, портновские изделия, серебряная посуда для своих вотчинных церквей, овчинные шубы, деревянные всякого рода поделки — все это вывозилось из строгановских сольвычегодских дворов по Сибирскому тракту через Пыелдинский ям на р. Сыsole и Кай-городок на Каме в пермские строгановские вотчины и зимним, и летним путем.

У Строгановых практиковались и разнообразные формы эксплуатации рабочего люда. Наряду со старыми, феодально-крепостническими формами эксплуатации (оброк и барщина) применяются и новые: у них мы встречаем элементы использования наемного труда. Все они служили одной цели — обогащению Строгановых, о богатстве которых слагались народной молвой легенды и поговорки: «Богаче Строгановых не будешь», «Не тряси берегом — Строганов соль весит». По донесению Петру I начальника уральских горных заводов Геннина в начале XVIII в., «...прежде сего жили они, как танталус весь в золоте и огорожены золотом»¹.

Для всего Русского государства этого времени можно отметить: чем выше квалификация работника, тем реже можно видеть его свободным, обычный его удел — полное или кабальное холопство у многомочных вотчинников — гостей и бояр. Быть может, это объясняется тем, что крупным собственникам был всего нужнее квалифицированный труд рабочей силы и, остро в нем нуждаясь, владельцы средств производства старались экономически подчинять себе слабых и необеспеченных мастеров-специалистов и т. п.²

Наряду с квалифицированным Строгановыми применялся и труд малоквалифицированный. Можно дать приблизительные цифровые данные о соотношении того и другого. Работных людей разных степеней крепостной зависимости во дворах Строгановых их главной резиденции в Сольвычегодске в XVI—XVII вв. было до 120 человек; нижегородская таможня зарегистрировала взятой поголовщины и проплавной пошлины в 1649 г. с 813 вольнонаемных ярыжек, обслуживавших строгановские соляные караваны только на одном плесе от их пермских солеварен до Нижнего Новгорода, в 1651 г. — с 1251, в 1653 г. — с 1115, в 1655 г. — с 1100. Следует иметь еще в виду, что ежегодно Строгановы нанимали

¹ «Горный журнал», кн. 5, 1826, стр. 111.

² См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 127—137.

судовых ярыжек по Оке, Вычегде, Двине и Сухоне, где также шли строгановские соляные и иные товары на их судах.

Налицо, таким образом, весьма значительное для XVII в. применение наемного труда, который у Строгановых количественно занимает заметное место в обслуживании их вотчин, хотя главная роль в накоплении строгановских богатств остается за крепостным трудом дворовых и в особенности за феодально-крепостнической эксплуатацией их многочисленных вотчинных крестьян. Следует иметь, однако, в виду, что в XVII в. нет четко определенных форм наемного труда, который бы не мог перейти в тот или другой вид крепостнических отношений. Наемный труд сосуществовал с крепостным и пропитывался зачастую крепостными, кабальными элементами. На заре своего существования наемный труд выступал в оболочке феодально-крепостнических отношений и был представлен в значительной степени деклассированными элементами, так, например, судовые ярыжки были в преобладающем своем большинстве одним из таких элементов.

Старинные условия подряда вольнонаемных рабочих были пропитаны кабальными элементами, да и бытовые условия службы во дворе купца-вотчинника, где легко было получить помимо обусловленной платы за труд ссуду денежную или хлебную, кабалившую должника в случае ее неотдачи в срок, также создавали почву быстрой потери свободы рабочим человеком¹.

Только те промысловые строгановские рабочие избегали крепостных элементов наемных договоров, которые находились в сравнительно кратковременном соприкосновении с торгово-промышленным домом Строгановых. Такими работными были судовые плотники, занимавшиеся в феврале — апреле каждого года постройкой новых и починкой старых лодей, насадов и стругов, а также судовые ярыжки, нанимавшиеся либо на определенный рейс, либо на навигационный сезон. Этих ярыжек при архаических способах передвижения по речкам с применением лямки и с завозкой якорей, к которым подтягивалось грузовое судно их мускульной силой, требовалось большое число. На большую лодью с грузом в 30—40 тысяч пудов соли требовалось 130—200 ярыжек. Сезонный характер работы судовых ярыжек, большая их численность при каждом судне, наконец, сравнительно краткий период их соприкосновения со Строгановыми в течение рейса или навигации — все это способствовало

¹ Свидетельства о том, что в наемных записях этого времени замечен кабальный отпечаток, см: *А. Лаппо-Данилевский*, Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв., «Отчет о сорок первом присуждении наград графа Уварова», СПб., 1901, стр. 105—106; *М. Островская*, Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII веках, СПб., 1913, стр. 192.

сохранению ими свободы. Договоры с ними заключались в форме устной ряды с артелями, на основе чисто наемных отношений, где не было крепостнических элементов.

Свободным от таких отношений был наем и окрестных крестьян Сольвычегодского уезда, поставлявших Строгановым варничные дрова. Для крестьян эта поставка дров была одним из видов их отхожего промысла; заготовки дров происходили довольно далеко от района непосредственной деятельности фирмы; крестьяне работали по подрядным договорам, самое существо которых исключало возможность закабаления.

Все ремесленники, мастера определенной квалификации, первоначально вступая на службу к вотчинникам-купцам в их двор или на их промыслы на основе наемного договора, с течением времени из вольнонаемных рабочих людей превращаются в крепостных и дворовых строгановских людей. Можно проследить, например, судьбу нескольких иконников, которые поступали к Строгановым для выполнения определенной работы и за определенную плату. Через несколько лет мы видим уже этих мастеров в составе их двора. По документам даже можно проследить целые «династии» таких ремесленников, передающих секреты своего ремесла от отца к сыну, причем и отец и сын — уже кабальные люди и оторваться от Строгановых не могут.

Едва ли не единственной причиной закрепощения ремесленников была их экономическая необеспеченность и та обстановка большого купеческого двора, которая прочно прикрепляла нужных хозяину людей с ремесленной квалификацией. Обычным начальным моментом закрепощения рабочего, «рукодельного» человека была ссуда, заем, которые брались в прибавок к голодному и скудному вознаграждению за труд, обусловленному договором найма.

Обычно неотдача ссуд и займов в срок создавала уже кабалу. Так, например, в 1638 г. Федор Петрович Строганов нанимает иконника Фетку Сназина «по записи» для определенной работы: «написать было ему Пречистые Богородицы у Благовещенья у каменного храма у новых пределов образов на пяти храмов сполна». К 24 ноября 1639 г. Фетка Сназин уже оказывается «должным наемщиком», который в силу невозможности расплатиться с хозяином дает ему на себя «служивую» на свое имя «кабалу». Но в то же время, по-видимому, не желая служить Федору Петровичу, Ф. Сназин находит для себя более подходящим службу у другого Строганова — Дмитрия Андреевича. Возникший конфликт на почве нарушения условий кабальной записи разрешается между братьями договором, по которому Федор Строганов «по братству и любви» поступает иконником Феткой Сназиным своему брату Дмитрию.

Интересна тут формулировка уступки, выясняющая характер процесса закрепощения наемного человека: «а что на Фетке Сназине по всяким крепостем, по старым и новым записям задаточных и всяких денег и по кабалам по денежным, и по хлебным по своим, и по сторонным, по которым кабалам за него Фетку денги платил должником кабальной долг, и безкабальной, денежной, и хлебной, и за краски, и за золото, и за серебро, и за платье, что ни есть, какова долгу Федор Петрович сочел,— и тот долг кабальной и безкабальной — весь яз, Дмитрий, за Фетку Сназина, по сей уговорной записе, заплатил Федору Петровичу, денег шестнадцать рублей, одинатцать алтын, запись мне Федору Петровичу выдал в ыконном письме на Фетке иконника человека моего»¹.

Таким образом, свободного ремесленника толкнула нужда брать троякого рода ссуды: хлебом и платьем, денежные на свое прожитие с семьей и денежные же на приобретение сырьевых материалов для его мастерства: краски, сусальное золото и серебро. В несколько месяцев наемный мастер уже оказывается столь прочно опутанным разнообразными ссудами услужливых хозяев, что он должен расстаться со своей свободой и «добровольно» бить челом в холопство: «бил мне Дмитрею в холопство».

Аналогичным был процесс закрепощения и других ремесленников. В той же уговорной записи читаем: «А с нынешнего со 1640 (148) году с декабря с первого на десять числа, уговорились есмя меж собою мы, Дмитрий и Федор Строгановы, что нам по кабалам заемных всяким, и по записям всяким, наемщиков, иконников и кузнецов и каменщиков, всяких рукодельных людей, и не рукодельных — в какое дело и в какой промысел дано во двор к себе в холопство и во крестьяне, и в бобыли друг от друга не перезывати, и не принимати без совету. Буде мне Дмитрию, которые люди будут должны по кабалам заемным всяким, или по записям всяким наемщики, иконники, или кузнецы, или каменщики, и всякие рукодельные люди и не рукодельные, и до которых мест те должны люди со мною не расплатятца, и не соочтутца, и неопрастаетца, и дел моих не совершит и кабал и записей своих у меня не вынут, и Федору Петровичу, и людям ево без моего ведома, и без совету, здесь у Соли, и в вотчинах наших, на Устье (так назывался в строгановском быту вотчинный их городок Орел.— Авт.), и на Чюсовой, и на Очеретех людей не примати к себе во двор, и кабал на тех людей, и в холопстве не имати, и в наемщики их не наймовати и ссудою их впредь никоторою ни денежною, ни хлебною не ссужати, ни в кабалы ни безкабально, и во крестьян, их, и в бобыли не принимати же»².

¹ ЦГИАЛ, Фамильный архив Строгановых, Уговорная запись 21 декабря 1639.

² ЦГИАЛ, Фамильный архив Строгановых. Эта часть документа не напечатана.

Такое же обязательство дается Дмитрием своему брату Федору Петровичу. Этот документ указывает на строгановские приемы закрепощения «всяких рукодельных и не рукодельных людей». К сожалению, до нас не дошли или остаются неразысканными подлинные записи и кабалы строгановских людей, почему остаются неясными условия найма их.

Известно, что «на приходе», т. е. при поступлении на службу, хозяин давал наемщику-рабочему «жалованье и платье» и, возможно, в таких размерах, что заработной платой по окончании службы рабочий человек их покрыть не мог. Можно, однако, допускать, что в ряде случаев хозяева придерживались иной тактики: в начале службы и в продолжение ее, пока «рукодельный человек» был еще свободным «наемщиком», он сознательно держался не на щедрых условиях. И в то же время такой наемный человек мог наблюдать относительную зажиточность и обеспеченность старинных строгановских слуг, их холопов и кабальных людей, что могло вызывать желание приобрести такое же положение. Но это можно было сделать только ценой потери личной свободы, на что рабочие люди XVI—XVII вв., по-видимому, в ряде случаев шли. Известную обеспеченность дворовых людей Строгановых из разряда их старинных слуг можно установить по систематическим и довольно крупным их вкладам в Коряжемский монастырь, находившийся в 15 верстах от Сольвычегодска. Строгановским рабочим людям он давал приют в старости. За вклады, сделанные строгановскими ремесленниками, под старость монастырь «поил и кормил» их, а при наличии крупных вкладов после пострига в монахи принимал их в число своих полноправных членов.

Коряжемские синодики, хранящиеся в современных музеях и архивах Сольвычегодска и Великого Устюга, насчитывают значительное число клиентов из круга строгановских ремесленников, причем вклады в монастырь делаются последовательно и отцом и сыном — ремесленниками. Едва ли такие вклады делались бедняками. Вернее предположить, что эти денежные дачи по 5—10—20 рублей делались от некоторого избытка и обеспеченности. В Благовещенский собор некоторые строгановские слуги и мастера приходили со своими иконами и молились, заботливо их расставляя по полкам, обегавшим три стены собора. Многие из этих икон, превосходно выполненных, дорогих и в нарядных серебряных, иногда в фольговых ризах, уцелели и находятся ныне в Сольвычегодском краеведческом музее (в здании бывшего Благовещенского собора). На обороте одной такой иконы читаем: «на спасе подпись — сему образу молится Федора Петровича человек Сава Емельянов»¹.

¹ Сольвычегодский краеведческий музей, бывший Благовещенский собор Строгановых, икона № 417.

Отсутствие свободных квалифицированных рабочих людей у Строгановых, равно как и у всех других предпринимателей в XVI—XVII вв., находит свое объяснение и в законе. Юридические нормы русского права достаточно четко отразили в себе ту легкость перехода из свободного состояния в подневольное, крепостное состояние, имеющее своим основным источником экономические и бытовые условия, в которые попадали лица наемного труда в эту эпоху. В русском праве строго различался личный наем в услужение (*locatio — conductio operarum*) от личного найма для совершения известного дела (*locatio — conductio operis*).

Свободное личное услужение непременно приводило к кабальному холопству, если это услужение протекало без оформленного письменного договора или в заключенном договоре не содержалось необходимых оговорок, охраняющих свободу нанявшегося. По закону 1597 г. вольнонаемные лица могли служить без договора только шесть месяцев, по истечении которых на вольного человека обязательно должна была даваться служилая кабала, хотя бы и против его воли¹.

Эта практика, впрочем, была подвержена некоторое время колебаниям. При царе Василии Ивановиче Шуйском едва совсем не было отменено кабальное холопство. Так, в 1607 г. указом от 7 марта был отменен закон 1597 г., по которому велено было давать кабалы на людей, служивших без кабалы полгода и более. В 1608 г. указом 9 марта было совсем запрещено брать на вольных людей служилые кабалы по смерти господина, а велено было брать только срочные наемные записи «на урочные годы».

Но уже в 1609 г. указом от 21 мая действие закона 1597 г. было восстановлено. Велено было холопов, служивших пять и более лет бескабально, отдавать прежним господам. В полной мере действие закона 1597 г. было восстановлено указом 12 сентября 1609 г. о выдаче кабал на людей, служивших у кого либо без кабалы полгода и более². Уложение 1649 г. (гл. XX, ст. 16) уменьшает бескабальную службу вольного человека во дворе хозяина уже до 3 месяцев, по истечении которых давалась обязательно кабала и вольные люди превращались в крепостных слуг, кабальных людей своих хозяев³.

Быть может, относительной обеспеченностью верхушки строгановских дворовых ремесленников можно объяснить тот факт, что, несмотря на большое число их во дворах Строгановых (на рубеже XVI—XVII вв. можно насчитать до 385—400 человек в каждом из трех строгановских

¹ См. АИ, т. 1, № 221.

² АИ, т. 2, № 85.

³ См. «Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года», М., 1957, стр. 332.

дворов), несмотря на жестокость обращения хозяев со своими слугами, мы не находим в документах указаний на мятежи и восстания дворовых работных людей. В годы крестьянской войны и интервенции, «когда мир качался» и «шатость в людях была», строгановская дворня не только не присоединилась к «ворам», но и активно с ними боролась.

В приход «литовских воров» под командой пана Яцкого в 1613 г., когда посад был разграблен и выжжен, строгановская дворня бьется во главе с хозяином, Максимом Яковлевичем Строгановым, с «ворами» из-за крепких стен строгановского острога на Никольской стороне, которая и уцелела от погрома. Во время восстания 1648 г., когда посадские люди в июне месяце ходили «грабить и убить» местного воеводу Приклонского, строгановские люди по приказу, впрочем, своих хозяев дали воеводе приют в каменных «подпапертных» местах каменного Благовещенского собора и помогли воеводе в «ночи» уйти от мятежников — посадских «таем»¹. Напрасно беспокоилось правительство, ожидая волнений на строгановских промыслах во время восстания Степана Разина: строгановская дворня осталась спокойной.

Следует отметить, что не повсеместно, однако, в Русском государстве разных специальностей работные люди и ремесленники оставались безучастными к массовым формам протеста. Во всех тех случаях, когда работные люди находились вне двора своих вотчинников-хозяев, они сохраняли в большой степени свою способность к сопротивлению. В особенности это наблюдение может быть сделано в отношении тех категорий работных людей, которые были связаны со своими хозяевами договором в современном понятии этого рода сделки. Ряд категорий русских работных людей связывался договором со своими хозяевами без всяких элементов закабаления личности нанявшегося. Это был договор срочного найма за определенное вознаграждение работному человеку, предоставляющему нанимателю свою рабочую силу для выполнения определенного рода работ (*locatio — conductio operis*).

Такого рода договоры найма широко практиковались уже в XVI—XVII вв. в отношении многочисленных кадров судовых рабочих, рабочих будных станов (в поташном производстве), при подрядных работах, например при отстройках деревянных укреплений русских городов, при возведении каменных и деревянных строений, при работах по погрузке и выгрузке товаров, при заготовках строительных материалов, дров и доставке больших партий товара.

Работные люди, выполнявшие такого рода работы в Поморском крае, были выходцами из рядов местного крестьянства, либо занимав-

¹ См. А. А. Введенский, Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII вв., «Архив по истории труда в России», кн. 3, 1922, стр. 57—60.

шимися этими работами как отхожим промыслом без радикального отрыва от своего крестьянского хозяйства, либо уже потерявшими свои хозяйства в деревне и ставшими профессионалами, жившими только продажей своей рабочей силы. И в том и в другом случае как крестьяне, работавшие в порядке отхожего промысла, так и профессионалы, работные люди, выросли в Поморском краю в условиях широкой самостоятельности самоуправляющихся мирских союзов, что воспитало в населении потребности, привычки и вкус к организованной самозащите.

И в этой среде работных людей, где бы они ни собрались, согнанные нуждой на какого-либо рода работы, мы можем наблюдать большую сплоченность и солидарность в отстаивании своих интересов. В работе В. Г. Геймана о соляном промысле гостя Панкратьева приведен ряд примеров того, как навыки и привычки пришлого на промыслы поморского рабочего населения быстро сговариваться между собой и действовать сообща способствовали выступлениям стачечного характера¹.

Ранее нам приходилось отмечать такого же рода выступления сухонских «носников», проводших форменную забастовку, охватившую всех судоводителей-носников, и остановивших почти все движение грузовых судов на некоторое время по реке Сухоне, на что горько жаловались иноземные и отечественные гости-предприниматели, понесшие от этой забастовки солидные убытки².

Эти же категории, а именно транспортные работные люди будных поташных станов боярина Морозова, приняли участие в восстании под руководством С. Т. Разина. Отметим еще одну особенность в организации работных промысловых людей у Строгановых и их ремесленников, объясняющую отсутствие у них мятежных действий. Основные кадры постоянных мастеров в строгановских производствах немногочисленны: два-три трубных мастера, по одному «повару», «подварку» и «содильщику» на действующую варницу. Остальная масса работных людей — ярыжки, не оседавшие на постоянную работу и не засиживавшиеся, например в пермских вотчинах, подолгу на строгановских промыслах. В ремесленных мастерских работают один-два мастера-специалиста. Таким образом, самая организация труда не создавала предпосылок к созданию одного большого коллектива занятых на производстве работных людей.

¹ См. В. Г. Гейман, Соляной промысел., стр. 31—32. Эти промыслы гостя И. Д. Панкратьева в прошлом (в XVI и в начале XVII в.) были строгановскими. См. А. А. Цембер, К истории основания Сереговского солеваренного завода, «Записки Общества изучения Коми края», вып. 2, Устьысольск, 1929, стр. 48—51.

² См. А. А. Введенский, Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII веках, «Вопросы истории» № 5, 1955, стр. 122.

Мастера-специалисты, бывшие вообще в небольшом числе, развращались холопской атмосферой большого купеческого двора. Заносчивость в обращении, выливавшаяся в формы иногда и прямого хулиганства и издевательства над всеми лицами не из своего двора, часто встречается в документах. Объяснение такого поведения следует искать в уверенности дворовых в том, что многомочный вотчинник всегда защитит «своих». Кроме того, привилегии, имевшиеся по жалованным царским грамотам как у Строгановых, так и у других гостей, распространялись и на их «братьев, племянников и всех их дворовых людей».

Так, местная власть, помимо явно уголовных дел, не имела права на местах судить, обращаться с финансовыми взысканиями и прочим как к самим Строгановым, так и к их людям. Суд давался только в Москве «в Благовещеньев день», в этот срок вносились и все следуемые с фирмы платежи и дани. Исключения в действительности были частными, но нормальным был порядок полного сохранения иммунитетных прав за всей фирмой. Он и порождал чувство безответственности за свои поступки у всей строгановской дворни.

Проявление такого холопского настроения, можно, например, усмотреть в следующих фактах. В 1638 г. устюжский стрелец Ивашка Лазарев жалуется в Устюжской четверти на Андрея и Петра Семеновичей Строгановых и на Ивана Максимовича Строганова. В своих челобитьях Ивашка Лазарев рассказывает, что он ранее жил в Сольвычегодске на посаде своим дворишком и его дворишко, как дворишки других посадских, стоящие на берегу р. Солонихи, «водою подметало, блиско дворовых стен». Разлившаяся речка утопила проезжую дорогу от строгановских дворов к их варницам. Строгановы тогда распорядились: всем владельцам дворишек, стоящих на набережной речки Солонихи, переставить свои дворы на новое место, а дворовые места предоставить под новую дорогу к варничным промыслам. Посадские, владельцы этих дворов, естественно, отказались выполнить это незаконное требование «для напрасного убытку». Тогда Строгановы «по той кручине велели людям живучи нас изгонять и утеснять всякими статьями». Строгановские дворовые люди разгромили все дворишки и разогнали всех посадских с набережной речки Солонихи, издевались над ними всячески. Насильно выселенным посадским, чтоб избежать в дальнейшем преследований строгановских людей, ничего не оставалось, как убраться совсем из Сольвычегодска, что они и делают: «и мы,— пишет челобитчик,— бедные не мога того их насильства и обиды терпети, переволоклися жить на Устюг Великий»¹.

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1649 г., № 4, л. 2—6.

Челобитчик рассказывает и другой, еще более яркий случай. В 1637 (145) г. на сырной неделе ехал он, Ивашка Лазарев, мимо села, принадлежащего Строгановым. В селе стоял шум, была драка, и «по той их прежней кручине и по веленью Строгановых» выскочили из дворов люди Строгановых, «человек с 20 и больши с ослопы¹ и с чеканы² и с топоры», и «учали» его «бить и увечить на смерть», топором «сетчи» и «чеканом пробили голову до мозга и руки и ноги перебили ослопами», потом его ограбили, отняли казенную пищаль и «приволокли» к воде и хотели бросить в воду, но тут закричали люди, ехавшие по дороге, и его «покинули» у воды. После этих побоев он лежал 23 недели. Ивашка Лазарев подал на Устюге челобитную воеводе Степану Лукьяновичу Хрущеву, но люди Строгановых на Устюг «под суд не дались и сказали у себя тарханную (льготную.— Авт.) грамоту государя»³.

Когда из столичного приказа навели справку о подсудности Строгановых в Устюжской четверти (чети), которой был подведомствен Сольвычегодск с уездом по всем делам, то быстро выяснилось, что Устюжская четь ничего сделать не может: в приказе оказалась «память» от 1635 (143) г. из Посольского приказа за подписью думного дьяка Федора Лихачева, где говорилось: «Андрея и Петра Строгановых людей и крестьян их ни в каких делах в Устюжской чети ведать не велено, а велено ведать и судить по всяких делах в Посольском приказе думному дьяку Федору Лихачеву»⁴, известному приятелю и добродее Строгановых. С Лихачевыми, кроме того, Строгановы состояли и в свойстве: Марфа Федоровна Строганова была замужем за Михаилом Тимофеевичем Лихачевым.

Иногда, впрочем, люди Строгановых нарывались на более сильных насильников, чем их господа, и только тогда им приходилось плохо. В 1627 г. проезжавшие через Сольвычегодск сибирские воеводы — Иван Волинский, князья Семен и Михайло Гагарины, князь Рыщеховский, князь Михайло Белосельский учинили редкий по скандальности дебош в самом городе и в Сольвычегодском уезде. Князья-воеводы почувствовали себя в Сольвычегодске уже сибирскими воеводами и, сильно подгуляв, «в полупьяне», по позднему воеводскому признанию, начали развлекаться: «они в колокол велели звонить в церкви у Воскресенья для сполоху» и затем «вышли тут же на площадь с достальными своими людьми с самопалы, и з саблями, и з луки, и з стрелами, и з чеканы и велели они в них стреляти из самопалов и из луков

¹ О с л о п — вид оружия: две палки, соединенные ремнем.

² Ч е к а н — палка с железным набалдашником.

³ ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1638 г., № 70, л. 99—100.

⁴ ЛОИИ, рознь, столбцы по Сольвычегодску, грамота от 31-го мая 1627 (7135) г., л. 209—350.

побирати на смерть». Воеводы «в барабаны, по улицам ходя, били» и от души веселились, наблюдая, как их люди подстреливают в панике разбегающихся посадских на базарной площади. Местный воевода ничего, разумеется, поделать не мог с сановными безобразниками и своими коллегами по должности. Когда выехали более чем на ста подводах эти воеводы из Сольвычегодска, то они захватили до тысячи лошадей, причем реквизировали лошадей, где придется, взяли у посадских, уездных крестьян, у Строгановых. Можно поверить посадскому челобитью о том, что посадские «отпускали де они тех сибирских воевод от Соли плачючи со слезами за великою продажу и наймовали подводы под них до яму до Кай-городка» с «великою нужою». Воеводы и по выезде продолжали так же «весело» развлекаться: по Сибирской дороге они у крестьян «дворы пограбили и житницы разломали и хлеб и овес с собою имели, а иной хлеб, рожь и овес, и ячмень по улицам сыпали и людей саблями били и лошади крестьянские и Строгановы и монастырские и Устяжские многие с собою... погонили в лишке». Этим воеводским людям, рыскавшим по проселочным дорогам, 28 февраля в двух верстах от Сольвычегодска встретились ехавшие из строгановских деревень «человек» Петра Семеновича Строганова «Ивашка Афанасьев» с двумя половниками, у которых воеводские люди отняли четырех лошадей и избили их. «А тот... человек мой Ивашко,— говорит в своей жалобе Петр Семенович Строганов на людей князя Семена Гагарина,— ехал из моей вотчинишка, да с ним же ехали 2 человека, мои же крестьянишка, с мельницы с хлебными запасы на трех лошадех; и те... князь Семеновы люди у человека моего и у крестьянишек четыре лошади отняли, а их били и грабили. И человек мой Ивашко почал тому Дорофейку с товарищи говорити: «Што де ты, Дорофей, делаешь негораздо, бьешь и грабишь?» И как того Дорофейка человек мой Ивашко опознал, и он Дорофейко с товарищи начал ево Ивашка и досталь бити на смерть, и хотел ему [строгановскому приказчику.— Авт.] тот Дорофейко отсечи голову, и человек мой укрылся рукою, и у него саблею отсек руку, и он пал заумертв»¹.

Однако такие случаи обид строгановских людей со стороны более многомочных насильников были сравнительно редки, и Строгановы жили как в Сольвычегодском краю, так в особенности в своих пермских вотчинах, «смеясь и богатея без меры», по словам одного современника, близко наблюдавшего их жизнь и деятельность.

Важную роль в строгановском хозяйстве играло хорошо налаженное изготовление солевозных и товарных судов силами плотников-крестьян и дворовых людей. Суда, на которых перевозились строгановские

¹ РИБ, т. 25, № 35.

товары по Двине, Вычегде, Сухоне в Приморье, а в пермских вотчинах — по Каме и далее по Волге и Оке, назывались обычно лодьями. Они были трех типов: большие, имевшие около 35 сажен в длину (ложьи и межеумки); длиной около 25 сажен (в Поморье они назывались дощаниками или белозерками, в пермских вотчинах — бархотами); малые суда — 10—15 сажен в длину — шитики. Первые два типа судов были особенно недолговечны и при непрочной постройке служили только одну навигацию. Они двигались только вниз по реке и по доставке груза на место продавались другим судовладельцам для дальнейшего следования по течению реки вниз или шли на слом. Шитики делались прочнее, служили несколько навигационных сезонов и ходили вверх по реке бурлацкой тягой «осначей» Поморья.

Все суда имели одинаковую конструкцию «сдвинутого шестиугольника», плоское дно и целиком изготовлялись из нетолстых сосновых и еловых досок топорной работы с применением деревянных связей, без железного гвоздя.

Судостроительные площадки — «плотбица» — Строгановых находились в Поморье на притоке Вычегды р. Виляди, а в пермских вотчинах — на р. Яйве при селах Романовском и Булатовском, в 12 верстах от Усолья Камского. Здесь были строгановские верфи в устье р. Насадки, о чем говорит писцовая книга писца Кайсарова.

Сохранившиеся рукописи из строгановского архива села Ильинского («О постройке солевозных судов» — «Историческое обозрение судопостроения у господ графов Строгановых 1833 года») ¹ дают представление о старинной судостроительной технике, применявшейся у Строгановых в Поморье и перенесенной целиком в их пермские вотчины.

Постройка солевозных судов была длительным делом: «а дощаники дело не скорое, годовое, и спешно делати не уметь, и годом едва делают, а они тех мастеров приговорили делати соляные два дощаника в прошлом во 1630 (138) году о Петрове дни, снизу идучи на судах с солью к Вологде, а задатку им дали по 50 рублей на дощаник» ².

Обычно на постройке судна занят один мастер, шесть плотников и 56 подсобных рабочих, работающих круглый год. Весной заготавливают лес, летом и осенью делают «топорные» доски, в декабре начинают постройку и оканчивают ее к началу сплава каравана.

На построение лодьи расходовалось 3750 деревьев. Главный расход дерева в XVI и в XVII вв. шел из-за варварской техники заготовки «топорных» досок, благодаря чему из одного дерева выходило максимум

¹ Пермский Облгосархив, Фамильный архив Строгановых села Ильинского.

² Челобитная Соловецкого монастыря. ЦГАДА, Приказные дела старых лет 1631 г., № 57, л. 91—98.

две доски. При переходе в XVIII в., особенно в XIX в., на технику «пильных» досок выход их из одного дерева поднялся до 5 и расход деревьев на построение лодьи снизился до 1200.

В сольвычегодской вотчине на Виляди ежегодно Строгановы строили от 3 до 5 лодей, а в пермских владениях на р. Яйве — от 12 до 15 лодей.

Грузоподъемность лодей была 60 тыс.—70 тыс., дощаников — до 30 тыс.—40 тыс., шитиков — до 10 тыс.—20 тыс. пудов. Стоимость сооружения лодьи составляла 500—700 руб., при продаже на слом выручали 120 руб. В XVIII в. стоимость изготовления лодьи поднялась до 1000, в 1833—1845 гг. — до 1700 руб.

Построенную лодью ярыжки загружали солью в рогожных кулях в Сольвычегодске, на пристани возле Благовещенского собора и строгановских дворов. Нанималась судовая команда, причем наемный договор со Строгановыми обычно заключал носник, или кормщик, командир лодьи. Кормщик подбирал себе и судовых ярыжек от 50 до 150 человек на лодью. В наемном договоре он оговаривал заработную плату себе и всем ему подведомственным ярыжкам, обозначая объем работы во время судового хода.

Кормщик брал за работу от Сольвычегодска до Вологды 4—6 рублей, ярыжки получали по 2 рубля и по 1 рублю. В пермских вотчинах кормщик брал от Орла-городка до Нижнего Новгорода 6—7 рублей, ярыги получали по 3 рубля. При заключении договора брался задаток со Строгановых кормщиками по 2 рубля, ярыгами по 5—8 гривен на человека «на харчъ»: «а апредь брать по городам на харчъ, а достальные деньги отработав сполна» — по прибытии на место назначения груженной лодьи. Договор предусматривал обычно следующий объем работы: во-первых, «те лодьи нагрузить нам кулевою солью полным грузом». Далее шло обязательство во время судового хода работать «кормщику в кормщицкой работе, а работникам в тяге бечевой». При посадке на мель разгружать лодью в паузки, «и нам сниматься на мелях всяким промыслом и паузиться и по паузкам ходить вверх и вниз верст по двадцать и больше и перепазуясь итти потому ж. А работать нам три мели безденежно, а за лишние мели брать нам на нем хозяине или на посланном ево со ста кулей по десяти алтын». За простой по вине кормщика и ярыжек кормщик и судовые ярыжки платят Строгановым штраф. Налицо и обязательство о добром поведении: «а нам быти послушными, не пьянствовать, не покрасти и не збежать и убытка ему никакова не учинити». В заключение санкция: при невыполнении принятых на себя обязательств возврат Строгановым задаточных и «передаточных» денег, вознаграждение «за снос и убытки сполна».

Условия наемных варьировались. Так, Строгановы с 1621 г. старались избегать давать ярыжкам вперед задаточные деньги. В своей

инструкции 1621 г. Андрей и Петр Семеновичи Строгановы определенно предписывают: «а вперед в кабалы опыт не давати, потому, что у нас в долгах за ярыжными много пропадает». Балтазар Койэт, описавший путешествие голландского посольства Кунрада фон Кленка, видел на Вычегде и Двине суда, шедшие из Сольвычегодска, очевидно, со строгановской солью, так как в это время Строгановы были в Соли Вычегодской единственными крупными соляными промышленниками. Эти суда «тащили вверх по 40, 50, 60 и даже по 70 человек, вплоть до Вологды, где груз выгружается». И «каждый человек за каждую поездку получает не более 8 гривен, или 4 гульденов, помимо пищи, которая очень скудна и состоит в хлебе, чесноке, соли и воде»¹.

* * *

В развитии производительных сил Русского государства дом Строгановых в XVI—XVII вв. играл значительную и заметную роль. Правительство царя Михаила Федоровича во втором десятилетии XVII в. при определении суммы экстренных налогов с богатых людей считало, что Строгановы должны были дать государству около 15—20 процентов всех денежных средств из доходов со своих промыслов и торговли. Таким образом, доля дома Строгановых в доходах Русского государства во втором десятилетии XVII в., по определению правительства, была очень высокой.

Все промышленные предприятия, организованные домом Строгановых в их поморских и приуральских вотчинах в XVI—XVII вв., дававшие товарную продукцию для рынка, были результатом народного труда как постоянного населения вотчин в лице крепостных крестьян и холопов, так и переменного населения вотчин в лице сезонных работных людей, вольных гулящих людей и ярыжек.

Дом Строгановых на протяжении XVI—XVII вв. умело сосредоточивал на обслуживании своих многообразных промышленных предприятий квалифицированную техническую интеллигенцию в лице мастеров, ремесленников, врачей, переводчиков, судостроителей, капитанов для морского и речного транспорта, музыкантов — хоровых регентов и композиторов, художников — живописцев и резчиков по дереву. В творческом труде всех этих категорий специалистов использовались вековой и передовой технический опыт и знания многих поколений русского народа. И, как правило, всякий нужный дому Строгановых мастер-специалист, если он был свободным человеком, превращался в крепостного дворового человека, а часто становился и полным или срочным холопом.

¹ А. Введенский, Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв., очерк 1. Транспортные рабочие-водники, «Архив истории труда в России», кн. 3, 1922, стр. 56.

Узкие рамки настоящей монографии не позволили с одинаковой обстоятельностью изложить постановку судостроительного дела, кожевенного, железоделательного, рыбного и жемчужно-речного промыслов, хотя по ряду производств и промыслов в строгановских архивах Приуралья имеются технические трактаты строгановских мастеров-умельцев.

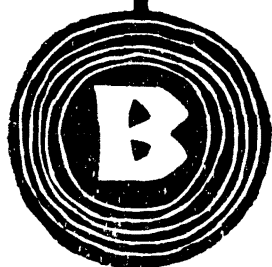
Для развернутого изучения выделены лишь буровая и «геологическая» техника, солеваренное дело и производство на рынок икон, как проблемы, не получившие освещения в исторической литературе. О всех других промышленных и промысловых учреждениях дома Строгановых лишь очень кратко даются некоторые сведения. Ограниченные размеры монографии не позволили также изложить материал о работах строгановских теоретиков музыки (произведение по контрапункту «Музикию» композитора Дилецкого); руководстве для строгановских художников-иконников — «Строгановском лицевом подлиннике» и, наконец, об изумительном шедевре — руководстве для строгановских мастерских по «списанию» рукописных книг — «Азбуковнике» 1605 г. с каллиграфическими образцами скорописи XVI и XVII вв. и богатейшим ассортиментом «буквиц», орнаментальных книжных заставок и концовок, образцов «вязи» и т. п.¹

Характерным для всех Строгановских промышленных предприятий было то, что они не были мануфактурами. В XVI—XVII вв. в Русском государстве еще господствовал феодальный способ производства, в условиях которого еще не могли сложиться в законченном виде организации мануфактур. Но отдельные элементы мануфактурного производства у Строгановых появляются. Все средства производства — полная собственность хозяев-предпринимателей; налицо разделение труда, иногда очень дробное: у иконников, «списателей» рукописных книг, в буровом и солеваренном деле, в судостроении, в кузнечных работах. Техника работ базируется на ручном труде, но уже при изобилии специализированного инструмента, ассортимент которого на протяжении XVII в. постоянно увеличивается. Работы производятся в одном помещении — хозяйских избах, варничных дворах, в людских «чуланах». В. И. Ленин указывает, что XVII век — новый период русской истории, когда складывается всероссийский рынок и зарождаются буржуазные связи, носителями которых были купцы². Строгановы — крупные купцы, и они являлись характерными носителями связей буржуазных, которые, однако, сами по себе еще не создавали буржуазного способа производства, но были предвестниками их.

¹ Собрания работ строгановских резчиков по дереву находятся в Сольвычегодском краеведческом музее и особенно богатое — в Пермском областном художественном музее.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ТОРГОВЛЯ СТРОГАНОВЫХ В СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ В XVI-XVII ВЕКАХ

В родовом гнезде Строгановых в Сольвычегодске центром административным, торговым и земского самоуправления являлась Троицкая восточная сторона, раскинувшаяся на песчаном бугристом высоком берегу многоводной стремительной Вычегды. Здесь стоял воеводский двор, дворы приказных людей, казенный двор с зелейным погребом, ямчужный двор, изба таможенная, изба судная. На центральной площади храм соборный «Воскресения Христова», 2 кабака, 28 нетяглых дворов церковников.

Вокруг соборного Воскресенского храма раскинулся торг. В мирские интересы торгова втянута была и эта главная святыня посада. Свои подвалы Воскресенский храм сдавал под склады кабацкого вина, и «от того вина в церкви живет дух великий». «Из-под той церкви целовальники вино продают в ведра и в полуведра, и в четверти, и в осмушки, и на кабаки, на стойки, вино отмеривают, а которое вино на кабак принимают и то вино под тою ж церковью ставят».

Такое совместительство соборного храма с кабаком было мало благолепно: «А хто купит вина под церковью, осьмушку или четверть, и тое вино тут и пьют. А как в церкви обедню или вечерню поют и в те поры под церковью бражники песни поют и всякое бесчинство чинят»¹.

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску № 1, л. 85 об., 86 об.

Напрасно центральное правительство предписывало, чтобы у церкви не было «никаких скоморошских игр и безлепишных гласов в церквах не слышно было». Кабацкие головы, а среди них был и сам именитый человек Иван Строганов, радея о государевой пьяной прибыли, отписывали: «Переносить из-под церкви вина до году, покаместа продастся немочно для того, что бочки великие, сосновые и еловые ветхи, обручи на бочках такие ж сосновые и подо многими бочки для течи стоят подставки и только те бочки с места тронутца и на бочках обручи не устоят, а вину будет поруха».

Союз соборного храма с кабаком был плодотворен для государевой прибыли, многочисленные клиенты церкви и кабака, во множестве кружившиеся на торгу, «испропивались». Неся последнюю рубаху под заклад целовальникам, они давали блестящую прибыль: «Во 1618 (126)-м году и во 1619 (127)-м был у Соли Вычегодской у нашего таможенного и у кабацкого збору в головах с Иваном Строгановым с товарищи полтора года,—отписывает на Москву товарищ Строганова по руководству кабаками М. Крылов,—и в кабацком зборе перед прошлыми годы, учинили нам прибыли больше тысячи рублей»¹.

Вокруг соборного храма раскинулся Сольвычегодский торг, где было «54 лавки да 15 мест лавошных да 7 онбаров... да площадное место, что против Воскресенья Христова... да 9 изб харчевных, да 2 мест пустых... та 21 кузница»².

Сольвычегодский торг имел двоякое значение: во-первых, он был центром местной торговли для уезда и, во-вторых, служил транзитным пунктом и межрайонным торгом для пушных товаров, шедших с Печоры и далекой Сибири. Обороты Сольвычегодского рынка снижались от неурожая, малого съезда покупателей и торговцев, войн и эпидемий. Так, в 1634 г. таможенные головы из Сольвычегодска сообщают в Москву, что «у Соли на посаде и в Усольском уезде стала скудость великая, на кабаках питухов мало и торгов у Соли и в Усольском уезде в волостях нет, что в прошлом во 1633 (141)-м году, на нынешний, на 1634 (142)-й год хлебу недород, а достальный хлеб и хмель позябл и Усольцы посадские люди и волостные крестьяне в наших четвертных доходах и в солдатских деньгах и в ямских отпусках и во всяких мирских розметах стоят на правеже, а иные бредут врознь»³.

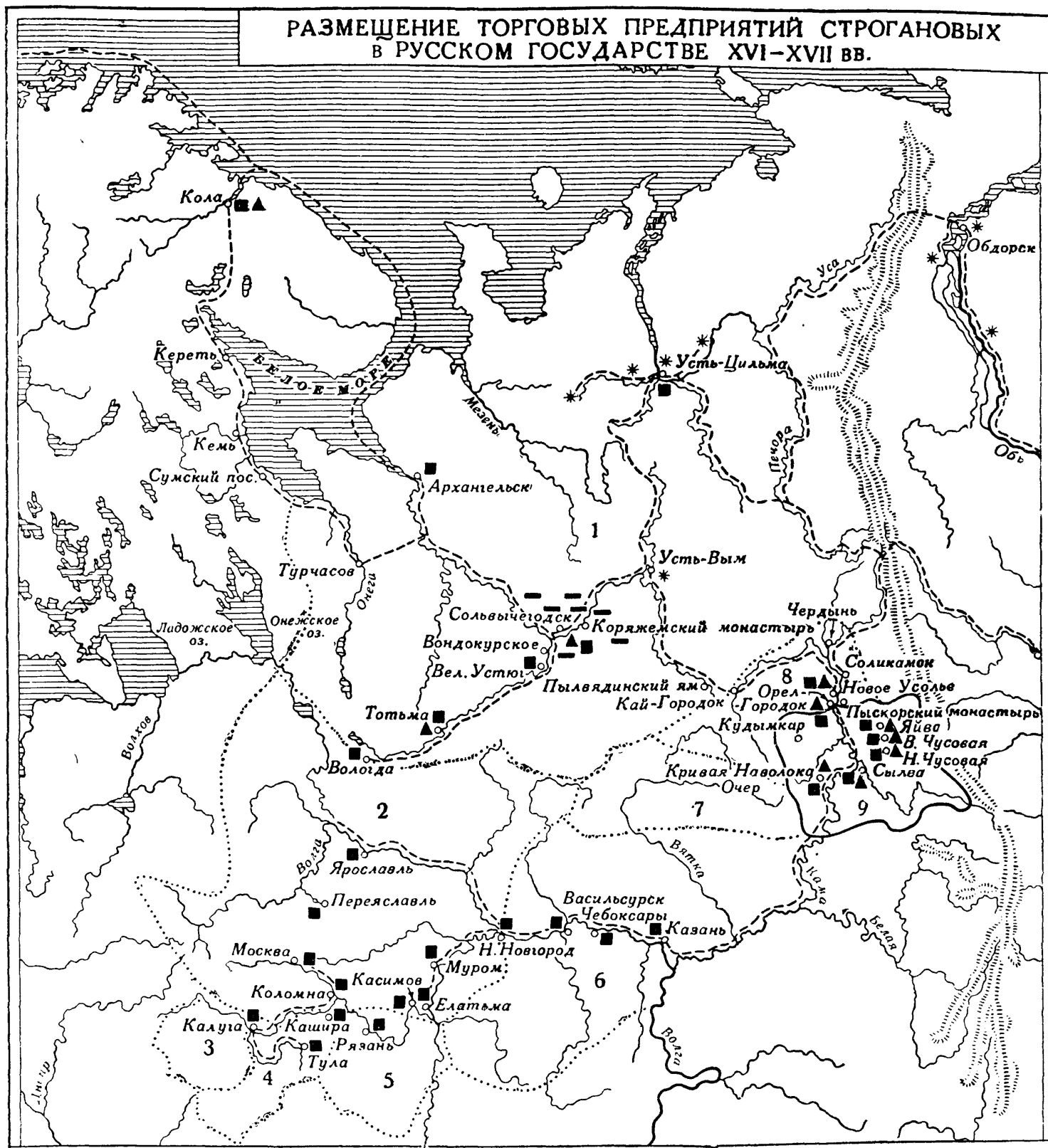
Неурожай тотчас же отзывался на покупательной способности: «в нынешний 1633 (141)-м году у Соли Вычегодской на посаде и

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску № 1, л. 89, об., 90.

² ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 4, № 2, роспись Соли Вычегодской, л. 2—3.

³ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску № 1, л. 160—161 об.

РАЗМЕЩЕНИЕ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СТРОГАНОВЫХ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI–XVII вв.

ОБЛАСТИ:

- Граница областей Русского Государства в XVI–XVII вв
- Сольвычегодские вотчины Строгановых
- - - - - Торговые пути
- Торговля
- ▲ Соляной промысел
- * Пушной промысел

- 1 Поморье
- 2 Замосковная
- 3 Заодкая
- 4 Украинская
- 5 Рязанская
- 6 Низовая
- 7 Вятка
- 8 Пермь
- 9 Велико-Пермские вотчины Строгановых

в Усольском уезде збираетца наша таможенная пошлина, кабацкая прибыль не велика, для того, что у Соли на посаде и в Усольском уезде в миру стала скудость великая... из городов торговые люди с товары не едут, а на кабаках питухи не пьют, а которое кабацкое питье, вино и пиво, с Семеня дни роздано в долги, и за то кабатцкое питье питухи напойных денег без правезу не платят»¹.

В 1632 г. кризис Сольвычегодского торгога был вызван тем, что «из Сибирских городов промышленных людей вышло... мало для того, что торг у них был на Турье, почему у Соли Вычегодской в нашей таможенной пошлине и в кабацкой прибыли перед прошлыми годы чинитца недобор»².

Подъем Сольвычегодского торгога наблюдался на ярмарках, которых было три: Алексеевская ярмарка перед началом полевых работ (7—14 марта), оживленная Прокопьевская — с 7 по 10 июля (перед уборкой урожая) и Введенская — после сбора урожая (20—27 ноября).

Прокопьевская летняя ярмарка, по размерам своим в половину меньшая, чем осенняя Введенская, была не столько ярмаркой товаров, сколько ярмаркой невест и найма рабочей силы для уборки урожая. Вот как описывает сольвычегодский историк XVIII в. А. И. Соскин древний, сохраняющийся в XVIII в. обычай: «Как те невесты приплывают по Вычегде в лодках и квартируют более под городом на берегу с родственниками и знакомыми своими при тех лодках у продажи своих продуктов. Хотящие же видети их женихи проходят к тем невестам и смотрят их и если покажутся или пондравятся и тогда желания от невест спрашивают, так же и о приданом. И буде стыдливые невесты сами сказывать не похотят, тогда ответствуют вместо их находящиеся родственники и знакомцы и когда согласное условие положат, тогда в церкви обыкновенно и венчаются, а в противном случае, если их никто не возьмет, или сами по себе не изберут, тогда отъезжают обратно во свояси со своим изготовленным приданым»³.

Другой автор, Ф. Протопопов, фиксирует сохранение этого обычая в Сольвычегодске и в XIX в.⁴ «Девки-приплавухи» и русские крестьянки из окрестных деревень и девушки-зырянки из далекой Усть-Выми и Печоры плыли в лодках с сундучками приданого искать на ярмарке женихов, а те из них, кто не находил себе суженого, нанимались в «каза-

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску № 1, л. 157 об., 158 об.

² Там же, л. 146—146 об.

³ А. И. Соскин, История города Сольвычегодской древних и нынешних времен..., стр. 134.

⁴ См. Ф. Протопопов, Записки, веденные по топографо-исторической части, М., 1814, стр. 44.

Благовещенский строгановский собор. 1560—1584 гг.

чихи» — работницы на сенокос и жатвенную работу в деревни Сольвычегодского уезда.

На Прокопьевскую ярмарку с верху Вычегды и с Виляди-реки крестьяне пригоняли плоты и варничные дрова, лодки, с притоков Виляди — молотый хлеб, холстины, лен. Взамен этого запасались серпами, косами и рабочей силой — косцами и женщинами-«жатками» — жать хлеб. Вилядский лен-долгунец славился своим превосходным качеством и шел во множестве через сольвычегодских перекупщиков на Архангельский торг, где его жадно скупали иноземные гости на экспорт¹.

По таможенным книгам можно выявить специализацию торговцев, фигурировавших на Сольвычегодском торгу. Вологжане приезжали с огородными овощами. Так, в 1626 г. в сентябре месяце вологжанин Иван Олексеев Ипатьев доставил 26 000 луку и чесноку; в октябре вологжанин Селиван — 7000 чесноку; вологжанин Первой — «луку 24 чети, 3 осмины луку в пленицах, 100 чесноку — цена товару 35 руб.»; вологжанин Ждан Горбунов «8000 капусты, 4 чети луку да судно — цены 41 рубль»; вологжанин Андрей Федоров — «явили капусты 14 000 кочней, 2 чети луку, да днище — цена 64 рубли»; в октябре тотмяник Федор Сысоев — «явил 10 000 капусты — цена 30 рублей». Сибирские торговые люди, устюжане и сольвычегодцы, промышлявшие скупкой пушнины в Сибири, привозили ее на Сольвычегодский торг. В 1626 г. «ис Сибири Дружинка Борисов, Созонко Володимеров, да Лучка явили 6 сороков пупков, 72 выимка цена 32 рубли», «Устюжского уезда Поспел Олексеев та Онтроп явили 16 соболей, да бобр шубу пунчатую, цена 40 рублей». Иногда привозились соболи редкой красоты и высокой цены: «Усолец Пимен Стрекаловских явил 5 сороков соболей, цена 140 рублей», «усольского уезду Треня Исаков явил 71 соболь — цена 35 руб.», «усольского уезду Микифор Левонтьев да Спиридон Осипов явили 4 сорока, 20 соболей цена — 110 руб.», «усолец Ондрей Яровой, да Гаврила явили 4 сорока соболей, 4 сорока пупков, 6 сороков выимков — цена 166 руб.»

Покупателями сибирских мехов на Сольвычегодском торгу постоянно являлись московские торговые люди, которые приезжали с большими деньгами для закупки партий товара из пушной Калифорнии: «Москвичи — Григорий Цыбин, Богдан Васильев явили денег — 950 рублей», «москвитин Вас. Петров купил... 5 сороков, 36 соболей — цена 100 рублей», «москвитин Офонасей Левашов купил... 9 сороков, 19 соболей, да шубу соболью — цена 180 рубл... он же Офонасей явил денег на

¹ См. Н. Иваницкий, Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность, «Живая старина», вып. 1, СПб., 1898; В. Попов, Сольвычегодская старина. Публ. Библ., Q. IV, 404, л. 37.

покупку — 276 рублей». Шел на торгу и местный товар с Печоры — белка. «Усолец Оника Малой явил пол 4000 белки — цена 100 рублей».

Сольвычегодск, крупный центр солеварения, снимал с местного рынка дровяное топливо, поставляемое из ближних лесистых мест по реке Виляди: «Вилежана Иван Козицын с братьями... явили дров варничных, что соль варют — 549 плот — цена 1098 рублей», «вилежана Фролко с товарищи продали хоромного лесу 1450 бревен цена — 30 рублей», «вилежане Петруша Матенин... с товарищи продали дров варничных, что соль варят 123 плота цена 246 рублей»¹.

Низкая техника оборудования солеваренных печей поглощала огромное количество древесного топлива. Так, у Строгановых в Сольвычегодских варницах выход 10 пудов соли требовал 1 сажени варничных дров.

На Сольвычегодском торгу не видно по таможенным книгам XVII в. крупных московских гостей, нет и больших монастырей ни в покупателях, ни в продавцах.

Основная масса торговцев — средней руки торговые люди и мелкие торговцы, выступающие на рынке с самым разнообразным ассортиментом товаров: вологжанин Бажен Тихонов привез на продажу: 11 кож, четь луку, 40 рубах, 9 голиц, 6 косяков мыла, 100 нашивок опойчатых, 3 крашенины, 3 струга; устюжанин Фома Пареницын — хлеба 8 четей, 13 скотин, 4 пуда железа, 35 куч льну. Сапоги, лоскутья, полицы цренные, грибы сухие, стопы бумаги, рожки, рукавицы, орехи, сало, медь, карты, изюм, замки, иконы, рыба красная с Печоры — все эти товары в самых неожиданных сочетаниях оказываются на руках одного торговца. Впрочем, Строгановы, когда они изредка выступают на Сольвычегодском торгу, являются с таким же разнообразным ассортиментом товаров.

Особое положение на Сольвычегодском рынке занимает торговля хлебом и солью. Хлеба никогда не хватало населению Сольвычегодского уезда, где природа была мачехой. Хлеб крупными партиями поступал с Вятки через Ношульскую пристань и мелкими — от местных крестьян, имевших излишки при хороших урожаях.

Крупным покупателем больших партий хлеба на Сольвычегодском торгу являлось московское правительство. Оно держало целую сеть целовальников и «уговорщиков», которые «уговариваются ставить и вести из городов на Вологду и к Архангельскому городу... впредь покамест хлебная покупка будет». Государевы целовальники и их начальники, гостиной сотни Яким Усов да Богдан Блезин, в 1631 г. закупали хлеб на государя на Вятке и концентрировали его «в Усольский уезд в Ношулу на пристань, где возят наш покупной хлеб». Сольвычегодские тамо-

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1626 г. № 3, л. 17—35 об.

женники, ответственные за недобор пошлин, окладывали в Ношульской пристани «хлебных государевых уговорщиков» пошлинами полозовыми, головщиной, писчими, весчими «и от таких лишних пошлин нашей хлебной покупке гинется мотчание великое и уговорщики на хлеб с пошлинами не уговариваются». Такую же лишнюю пошлину брали с государева хлеба таможенники и в Соли Вычегодской. В 1631 и 1633 гг. Устюжская четь принуждена была не раз осаживать таможенное усердие сольвычегодских сборщиков и предписывать, чтобы на Сольвычегодском торгу и на Ношульской пристани «з денег и с целовальников и с людей головщины, и с судов посаженного пошлин, и с возов полозового, а нашего с покупного хлеба имать не велели»¹.

В соляной продаже на Сольвычегодском торгу выступают исключительно крупные предприниматели, варившие здесь соль. Мелкие и средние торговцы совершенно не участвуют в соляной торговле Сольвычегодского торгога. Но и монополисты соляной продажи торгуют своей солью на Сольвычегодском торгу неохотно, поскольку цена была низка, что было естественно, так как здесь был центр добычи соли. Производители соли стремились увозить ее в Вологду, где и покупателей было больше, а главное, цена за пуд — на одну гривну выше. Возможно, действовала и другая причина на относительно небольшой объем продаваемой соли: относительно небольшое число покупателей, бравших соль только для местного потребления, а не для направления транзитом для продажи по другим городам.

Среди продавцов-монополистов соли на Сольвычегодском торгу мы видим Строгановых и их вотчинный Введенский монастырь. Конкурентами Строгановых выступают: Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь, имевший в Сольвычегодске две варницы, но, впрочем, покупавший рассол из строгановских труб. Далее идут местные владельцы, «лучшие люди» посада — Петр Бутусин, Иван Гогунин и устюжанин Ерофей Исаков, имевшие по одной варнице.

Впрочем, эти последние недолго конкурируют со Строгановыми. После 1626 г., когда они последний раз выходят с продажей своей соли на Сольвычегодский торг, таможенные книги о них молчат. Удержался до конца XVII в. только один конкурент Строгановых — Вологодский монастырь, впрочем, постоянно бывший в зависимости от Строгановых по покупке рассола.

Приводимые здесь таблицы (3, 4, 5) характеризуют торговлю солью как Строгановых, так и их конкурентов на Сольвычегодском торгу.

Настоящие таблицы составлены по хранящимся ЦГАДА городовым и таможенным книгам Сольвычегодска: № 1, № 3, № 6, № 7, № 9,

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску № 1, л. 153, 165.

№ 10, № 12, № 14, № 16, № 17, № 19, № 20, № 22, № 26, № 27, № 28, № 30, № 32, № 33, № 36, № 38. Другие книги не дают данных о соляной торговле и являются книгами ямскими, ружными, пустых дворов, кружечного сбора, мирских денег, приходу и расходу вина, оброчные, кабацкие и пр. Имеются данные только за годы 1626, 1636, 1638, 1639, 1641, 1643, 1644, 1645, 1648, 1649, 1652, 1660, 1661, 1667, 1669, 1675. Но более или менее верное представление об основных тенденциях в соляной торговле XVII в. эти книги могут дать.

При анализе таблицы строгановской торговли прежде всего не следует забывать, что поморский торгово-промышленный дом Строгановых никогда не был единым. Уже в конце XV — начале XVI в. дети Федора Лукича становятся основателями ряда торгово-промышленных предприятий, территориально разьединенных: Степан и Осип Федоровичи организуют солеваренное дело в Устюжском уезде, Афанасий Федорович — такое же дело в Тотьме, Аника и Владимир Федоровичи продолжают отцовское предприятие в Сольвычегодске. Из всех братьев только Анике Федоровичу Строганову удалось в первой половине XVI в. сначала в Поморье, а затем и в пермских вотчинах создать мощное предприятие, которое просуществовало вплоть до Великой Октябрьской революции. Но и фирма Аникиевичей единой была лишь при жизни основателя дома Аники Федоровича, в 1517—1570 гг., и с 1686 г., когда все вотчины опять собрались в одних руках Григория Дмитриевича Строганова, до «баронского раздела» 1749 г.

Братья Строгановы, возглавлявшие отдельно существовавшие фирмы, часто заключают формальные договоры о совместных действиях. Это объясняется не столько родственными узами, сколько деловой необходимостью и хозяйственной связанностью частей предприятия, поделенного по семейным разделам. В единоличной собственности состоят соляные варницы в двух солеваренных районах, Сольвычегодском и Пермском, но рассольные трубы остаются в общем владении, вместе строятся солевозные суда, производится геологоразведка и организация буровых скважин. В поделенных землях, находящихся в индивидуальном пользовании, находим общие владения в виде выгонных земель и пастбищ, рыбных ловель и звериных охотничьих мест, некоторых товарных складов и транспортных средств, цыренных кузниц и углеобжигательных печей, дровяных складов и судовых пристаней. В период 1570—1686 гг. постоянно существуют минимум три родственных дома, координирующие свои действия.

Все Строгановы были солидарны и в своих отношениях к своим крестьянам, половникам, крепостным и наемным людям, чьим трудом создавались их богатства. Общеизвестно, что торговый и ростовщический капитал не создают особого способа производства, равно как и особой

Строгановская торговля в Сольвычегодске в XVII в.¹

	Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли (1 деньга с 3 пудов)	Отвозной соли в мехах	Пошлины с отвозной соли	Продано кожи в юфтях	Продано разных товаров	Пошлины с кожи и разных товаров
1	2	3	4	5	6	7	8
1626 г.							
Максим Макс.	—	—	—	—	14, а также 3 бобра, 5 лис, 5 пупов ² , 6 хвостов соболей	10 фунтов белил, 308 блюд и ков- шей, 4½ воску, 3 пуда меду, 12 косяков мыла, четыре луку.	18 а. 2 д. + 3 а. 2 д.
Иван Макс.	1 500	2 р. 16 а.	152	1 р. 16 а.	—	—	—
Андрей Сем.	432	—	150	2 р. 7 а. 2 д.	—	—	—
Петр Сем.	400	—	172	2 р. 13 а.	—	—	—
1636 г.							
Петр Сем.	—	3 р. 11 а. «и тех денег он не платил»	—	—	—	4 бочки рыбы, 1 пуд красной, 1 пуд хмелю, рыбы на 4 р.	6 а. 2 д.
Андрей Сем.	300	16 а. 4 д.	—	—	—	—	10 д.
Иван Макс.	320	18 а.	11	20 а. 2 д.	—	—	—
1638 г.							
Андрей Сем.	600	1 р.	60	20 а.	—	—	—
Петр Сем.	1 800	3 р.	118	1 р. 6 а.	—	—	—
Иван Макс.	3 000	5 р.	—	—	—	—	—
1639 г.							
Иван Макс.	1 200	2 р.	—	—	—	—	—
Андрей Сем.	—	—	82	27 а. 2 д.	—	—	—
Федор Петр.	360	20 а.	110	1р. 3а. 2д.	—	—	—

¹ В таблице приняты сокращения: а. — алтын, р. — рубли, д. — деньга.² Пуп — вид меха.

	Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли (1 деньга с 3 пудов)	Отвозной соли в мехах	Пошлины с отвозной соли	Продано кожи в юфтях	Продано разных товаров	Пошлины с кожи и разных товаров
1	2	3	4	5	6	7	8
1641 г.							
Андрей Сем.	1 680	2 р. 26 а. 4 д.	—	—	—	—	—
Иван Макс.	990	1 р. 21 а. 4 д.	—	—	—	—	—
Федор Петр.	1 020	1 р. 23 а. 2 д.	—	—	—	—	—
1643 г.							
Петр Сем.	1 000	1 р. 22 а. 1,5 д.	104	1 р. 8 а.	—	—	—
Андрей Сем.	826	12 а. 3 д.	90	30 а.	—	—	—
Иван Макс.	500	23 а. 5 д.	278	2 р. 23 а.	—	—	—
Федор Петр.	1 200	—	150	3 р. 10 д.	—	—	—
Данила Иван.	900	1 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—	—
Андрей Сем.	1 500	2 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—	—
1644 г.							
Андрей Сем.	1 200	2 р.	—	—	—	—	—
Федор Петр.	2 400	4 р. 3 а. 2 д.	—	—	—	—	—
Данила Иван.	930	1 р. 18 а. 2 д.	—	—	—	—	—
1645 г.							
Андрей Сем. и Дмитрий Андр.	900	1 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—	—
Федор Петр.	2 366	3 р. 31 а.	—	—	—	—	—
Данила Иван.	960	1 р. 20 а.	—	—	—	—	—
1647 г.							
Нет данных.							

	Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли (1 деньга с 3 пудов)	Отвозной соли в мехах	Пошлины с отвозной соли	Продано кожи в юфтях	Продано разных товаров	Пошлины с кожи и разных товаров
1	2	3	4	5	6	7	8
1648 г.							
Данила Иван. . . .	990	1 р. 21 а. 4 д.	—	—	—	—	—
Дмитрий Андр. . . .	1 215	2 р. 5 д.	—	—	—	—	—
Федор Петр. . . .	1 500	2 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—	—
1649 г.							
Дмитрий Андр. . . .	893	1 р. 16 а. 2 д.	—	—	—	—	—
Федор Петр. . . .	5 665	9 р. 14 а. 5 д.	—	—	—	—	—
Федор Петр. . . .	1 200	—	102	3 р. 4½ д.	—	—	—
Данила Иван. . . .	2 709	4 р. 17 а. 2 д.	—	—	—	—	—
1652 г.							
Данила Иван. . . .	720	1 р. 10 а.	—	—	—	—	—
Федор Петр. . . .	1 500	2 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—	—
1659 г.							
Федор Петр. . . .	—	—	—	—	—	товаров в шести каюках с Печоры	22 а. 4 д.
1660 г.							
Дмитрий Андр. . . .	315	3 р. 31 а.	—	—	—	—	—
Данила Иван. . . .	880	11 р.	—	—	—	—	—
Федор Петр. . . .	816	10 р.	—	—	—	—	—
1661 г.							
Дмитрий Андр. . . .	1 606	25 р.	—	—	—	—	—
Данила Иван. . . .	1 290	16 р.	—	—	—	—	—
Федор Петр. . . .	1 770	26 р.	—	—	—	—	—

	Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли (1 деньга с 3 пудов)	Отвозной соли в мехах	Пошлины с отвозной соли	Продано кожи в юфтях	Продано разных товаров	Пошлины с кожи и разных товаров
1	2	3	4	5	6	7	8
1667 г.							
Дмитрий Андр.	700	7 р.	—	—	—	—	—
Федор Петр.	400	4 р.	—	—	—	—	—
Данила Иван.	100	1 р.	—	—	—	—	—
1669 г.							
Агафья Тим.	600	6 р.	—	—	—	—	—
Дмитрий Андр.	369	3 р. 25 а. 2 д.	—	—	—	—	—
1676 г.							
Нет данных	—	—	—	—	—	—	—
1679 г.							
Агафья Тим.	460	3 р. 6 а.	—	—	—	—	—
Григорий Дмитр. . . .	900	6 р. 20 а.	—	—	—	—	—
Анна Никит.	—	—	—	—	—	ржи 76 мер	1 р. 16 а. 4 д.
Итого	54 942	—	1 729	—	—	—	—

Таблица 4

**Торговля строгановского вотчинного
Введенского монастыря в Сольвычегодске
в XVII в.**

	Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли
1626 г.	6 082	10 р. 3 д.
1636 "	2 003	3 р. 11 а.
1638 "	3 000	5 р.
1639 "	2 400	4 р.
1641 "	2 000	3 р. 11 а.
1643 "	3 815	5 р. 6 а. 3 д.
1643 "	2 200	3 р. 22 а. 1 д.
1644 "	2 100	3 р. 16 а. 4 д.
1645 "	2 500	4 р. 5 а. 2 д.
1648 "	2 450	4 р. 5 а. 4 д.
1649 "	6 773	11 р. 9 а. 4 д.
1649 "	2 018	3 р. 12 а. 1 д.
1652 "	2 052	3 р. 14 а.
1660 "	1 720	21 р. 50 а.
1661 "	4 060	75 р.
1667 "	540	5 р. 13 а. 2 д.
1669 "	2 100	20 р.
1679 "	1 700	0 р. 13 а. 2 д.
Итого...	48 813	

общественной формации. Торговый капитал функционирует в разных общественно-экономических формациях, ускоряя или задерживая переход от одной стадии к другой, более высшей и сложной. Но в советской исторической науке остается далеко еще не изученным действие торгового капитала на разных этапах развития феодализма, в частности в период усиления феодально-крепостнического гнета. С такой точки зрения изучение прошлого купеческого дома Строгановых представляет большой интерес. На примере его, вероятно, можно подойти к выяснению ряда вопросов, касающихся раскрытия «тайн» образования и укрепления русского капитализма в его далеких, зародышевых истоках XVII в. Светская, и в частности купеческая, вотчина не привлекала достаточного внимания историков, а между тем знание истории купеческой вотчины поможет, как нам кажется, понять «русский вариант» генезиса капитализма.

Торговля конкурентов Строгановых в Сольвычегодске в XVII в.

		Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли	Отвозной соли в мехах	Пошлины с отвозной соли	Разных товаров	Пошлин с разных товаров
1		2	3	4	5	6	7
1626 г.							
	Вологодский Прилуцкий монастырь .	2 015	3 р. 12 а.	—	—	—	—
	Петр Бутусин	402	22 а. 2 д.	—	—	—	—
	Иван Гогунин	2 102	3 р. 17 а.	—	—	—	—
	Ерофей Исаков	2 202	3 р. 22 а.	—	—	—	—
1636 г.							
229	Вологод. Прилуцк. монаст.	1 000	1 р. 22 а. 1 д.	—	—	—	—
	Устюжанин Федор Остафьев	1 000	1 р. 22 а. 1 д.	—	—	—	—
1638 г.							
	Кирилл Гогунин	1 800	3 р.	—	—	—	—
	Вологод. Прилуцк. монаст.	1 800	3 р.	—	—	—	—
1639 г.							
	Вологод. Прилуцк. монаст.	900	1 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—
1641 г.							
	Вологод. Прилуцк. монаст.	1 400	2 р. 11 а. 1 д.	—	—	—	—
1643 г.							
	Вологод. Прилуцк. монаст.	900	—	150	3 р.	—	—
	Вологод. Прилуцк. монаст.	1 300	2 р. 5 а. 3 д.	—	—	—	—
	Кирилл Гогунин	400	22 а. 2 д.	24	8 а.	—	—
	Устюжанин Федор Остафьев	750	1 р. 8 а. 2 д.	5	10 д.	—	—

	Продано соли в пудах	Пошлины с проданной соли	Отвозной соли в мехах	Пошлины с отвозной соли	Разных товаров	Пошлин с разных товаров
1	2	3	4	5	6	7
1644 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	900	1 р. 16 а. 4 д.	50	1 р. 16 а. 4 д.	—	—
1645 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	2 300	3 р. 27 а. 4 д.	172	1 р. 24 а.	—	—
1648 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	1 812	3 р. 4 д.	198	1 р. 32 а. 4 д.	—	—
1649 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	3 450	5 р. 25 а.	—	—	—	—
Вологод. Прилуцк. монаст.	600	1 р.	—	—	—	—
1652 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	600	—	90	2 р. 30 а.	—	—
1660 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	900	12 р. 20 а.	—	—	—	—
1661 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	6 390	120 р.	—	—	—	—
1667 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	1 750	17 р. 50 к.	—	—	—	—
1669 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	1 070	10 р.	—	—	—	—
1679 г.						
Вологод. Прилуцк. монаст.	2 000	16 р.	—	—	—	—
Итого	39 743	—	689	—	—	—

Обращаясь к цифровым данным строгановской соляной торговли на Сольвычегодском торгу, мы видим, что эти сведения по сохранившимся таможенным книгам весьма неполны: из ста лет XVII в. они имеются только за 17.

Но за эти же 17 лет известны данные и о соляной торговле Введенского монастыря, бывшего особой и самостоятельной хозяйственной единицей, и строгановских конкурентов.

Таким образом, несмотря на неполноту, мы имеем материал сравнимый и дающий возможность выявить основные тенденции в развитии и направлении соляного торгога данного края.

Все строгановские фирмы за 17 лет XVII в. продали 54 884 пуда соли и вывезли соли на продажу в Вологду 1729 мехов. Из «деловой» Строгановых 1578 (7086) г. января 5 мы можем узнать об обычном весе соляного меха. Здесь говорится о том, что соль на складах-дворах в Коломне и Переяславле поделена так: Семену и Максиму Строгановым досталось 642 меха, а весу в них соли 20 050 пудов с осминою (значит, вес меха равняется 31 пуду 9 фунтам), а Никите Строганову досталось 324 меха, а соли в них 10 020 пудов без четверти (значит, вес меха соли равен 30 пудам 3 фунтам)¹.

Таким образом, принимая вес меха в 30 пудов, мы узнаем, что строгановские 1729 мехов, вывезенные на продажу в Вологду, равнялись 51 870 пудам соли. Всего Строгановы продали в Сольвычегодске и вывезли в Вологду за 17 лет XVII в. 106 812 пудов. Это далеко не вся соль, которую варили в Сольвычегодске Строгановы. В самом деле, если мы даже примем утверждение Строгановых за истину, что их одна варница в Сольвычегодске давала только 6000 пудов соли в год, а в XVII в. всегда топилось не менее 5 варниц, то мы узнаем, что за 17 лет Строгановы выработали 510 000 пудов соли. Куда же делась их соль в количестве 403 188 пудов? Это огромное количество соли не зафиксировано в таможенных книгах Сольвычегодского торгога. Разгадку этого исчезновения соли мы находим в авторитетном и горделивом заявлении самих Строгановых в их челобитье 1635 г., где они говорят: «А в Усолях, с них пошлин, по нашим старым и по нынешним нашим и отца нашего блаженные памяти Великого государя святейшего Филарета Никитича

¹ См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 98—99. Другие данные свидетельствуют о повсеместности такого веса «меха» или «куля» соли. См., например, С. Коломинский, Торговля солью на Руси в XVI—XVII вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени (далее — С. Коломинский, Торговля солью на Руси...), «Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при университете св. Владимира», вып. 1, Киев, 1913, стр. 115, прим. 4. Здесь вес меха рассчитан в 30 пудов. Впрочем, иногда вес меха мог снижаться до 25 пудов. См. ААЭ, т. 3, № 68.

патриарха Московского и всеа Русии грамотам, имать не велено, да и ныне у одних де у них мех городов Усолья, и хто в Усолье соль не продаст и тут с них пошлин не емлют, а емлют пошлины в тех городах, мимо которые тое соль повезут, как где в котором городе или в месте наша пошлина имать указана»¹.

Отсюда ясно, почему большая часть строгановской выработки соли не попадала в регистрацию сольвычегодских книг: соль в количестве 403 188 пудов, отправляемая в основном водой, в лодьях, в Вологду и не нуждалась в таможенной регистрации в Сольвычегодске. Мы лишены возможности проверить, сколько соли поступало в Вологду от фирмы Строгановых, так как вологодские таможенные книги до нас не дошли. Остается еще один неразъясненный вопрос: почему же при этом порядке экспортировавшаяся из Сольвычегодска соль в некоторой своей части все-таки регистрировалась со взиманием пошлины, т. е. установленный правительством порядок нарушался?

Почему 403 188 пудов соли проскочили через таможню незарегистрированными, а 51 870 пудов в 1729 мехах таможней зафиксированы и обложены пошлиной? Разгадку этого явления надо, по-видимому, видеть в том, что эти 51 870 пудов соли отправлены были не в дальние города, а в окрестности Сольвычегодска и в его уезд, в пункты, местности и деревни, где таможенных точек не было. Именно на такое направление соли указывают замечания таможенных книг о том, что соль в мехах отправляется на возах. Это — обозная соль. Бессмысленно было бы отправлять летом соль в обозах в Вологду, когда под рукой дешевая отправка водой в своих лодьях. Да и отправка гужем стоила очень дорого. «Так, например, для провоза из Устюга в Сольвычегодск 460 пудов 19 гривенок разных снастей и 17 половинок сукна к 1639—1641 (7147—7149) гг. понадобилось 24 подводы; каждая из них нанималась по 13 алтын, 2 деньги»².

Таким образом, попавшая в таможенные книги строгановская соль направлялась в глубинные пункты Сольвычегодского уезда, подведомственные сольвычегодским таможенникам, почему, естественно, эта соль и подлежала обложению на Сольвычегодской таможне. Это же объяснение приложимо и к конкуренту Строгановых Спасо-Прилуцкому монастырю, который также в обозах в летнюю пору отправлял в мехах свою соль и платил пошлину в Сольвычегодске.

Обращает внимание преобладание Строгановых на сольвычегодском рынке за 17 лет XVII в. над их конкурентами. В самом деле, все фирмы Строгановых на рынок выпустили 106 812 пудов соли строгановской

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску № 1, л. 183—183 об.

² А. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения..., стр. 413.

вотчины. Введенский монастырь — 48 813 пудов, а все вместе взятые строгановские конкуренты — 61 413 пудов. Контраст окажется еще большим, если учесть всю выработку соли Строгановыми и их конкурентами за 17 лет: 5 варниц Строгановых дали (исходя из расчета самих Строгановых, по 6000 пудов соли в год с каждой — всего 30 тыс. пудов в год) 510 тыс. пудов. Одна варница Введенского монастыря за эти же 17 лет — 102 тыс. А все конкуренты, вместе взятые (Прилуцкий монастырь с двумя варницами и П. Бутусин, И. Гогунин и Ер. Исаков, имевшие по одной варнице), исходя из того же расчета произвели 298 тыс. пудов соли.

В конечном счете такое соотношение в выработке соли привело в XVII в. к тому, что Строгановы раздавили своих конкурентов и заставили уйти совсем с сольвычегодского рынка П. Бутусина, И. Гогунина, которые ликвидируют свои варницы после 1626 г., и Е. Исакова, поступившего так же после 1636 г. Удержался лишь строгановский Введенский монастырь да вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь со своими двумя варницами. Строгановы не раздавили производства последнего потому, что ему они продавали излишки рассола из своих труб и буровых скважин на Соляном озере и по берегам речки Солонихи.

В борьбе со своими конкурентами — солеварами в Сольвычегодске Строгановы прошли два этапа. В XVI в. Аника Федорович Строганов со своими сыновьями, помощниками и участниками фирмы, Яковом, Григорием и Семеном Аникиевичами давили мелких складников — солеваров, ведущих артельно соляное дело, через скупку их долей, через заклад, кабалу и ссуду с последующим отбиранием себе заложенных объектов при неуплате в срок взятых кабал, закладов и ссуд. Но то же наступление на мелких солеваров в XVI в. вели и фирмы Бутусиных, Гогуниных и др. К XVII в. этот процесс разгрома мелких производителей был закончен. Тогда же началась конкурентная борьба победителей, в которой Строгановы, бесспорно, одержали верх. Все фирмы Строгановых произвели в Сольвычегодске своими 5 варницами примерно 3 млн. пудов соли в течение XVII в. Большая часть ее была реализована в отвоз «по разным городам», в основном в Вологде, и лишь небольшая доля поступила на Сольвычегодский торг.

Неизмеримо выше была производственная мощь строгановского солеварения в их пермских вотчинах, где большая крепость соляных рассолов обеспечивала выработку на одну варницу до 24—30 тыс. пудов соли. Известно, что в конце XVII в. только одни 10 варниц Чусовских промыслов в среднем давали 240—480 пудов соли в год. И в пермских вотчинах Строгановы с блестящим успехом провели на протяжении XVII в. борьбу со своими конкурентами — солеварами и к 1700 г. сумели стать здесь монополистами. Борьба эта полна драматических

моментов, низости приемов и ловкости безжалостных эксплуататоров и коммерсантов — Строгановых.

В своем родовом гнезде, в Сольвычегодске, Строгановы позволяли себе игнорировать закон и в бесспорных случаях необходимости платежа таможенной пошлины иногда отказывались вносить ее. Так, в 1636 г. таможенная книга меланхолически заявляет: «Да довелось взяти и противу иных варниц на Петре Строганове с ево соляново промыслу с двуварниц, с вываренной, с проданной соли 3 рубли 11 алтын — и тех денег он не платил, учинился силен»¹.

Наряду с крупной оптовой торговлей солью Строгановы выступали на Сольвычегодском торгу с мелочным ассортиментом разнообразных товаров. Так, в 1626 г. Максим Максимович Строганов через своего племянника Ивана Ямского «явил товару — 3 бобра, 5 лисиц, росомаха, шапка хвостовая, 5 пупков, 6 хвостов собольих, цена товары 8 рублей». Другой раз в том же 1626 г. Максим Максимович Строганов через того же Ивана Ямского реализует на торгу еще более прихотливо составленный ассортимент: «Иван Ямской явил 14 юфтей, кож красных, 10 фунтов белил, 308 ставцов и ковшиков и блюд, 3 пуда меду, патоки, 8 косяков мыла — портнова, 4 косяка мыла — костромского, четь луку — цена 68 рублей»².

В 1636 г. «Андрея Семеновича Строганова человек Еремей Павлов явил рыбы продать на 4 рубли», «Петра Семеновича Строганова человек Федор Бубнов да наемный человек Михайло Немчинов явили продать товару: 4 бочки рыбы сигов, да пуд красной рыбы и пуд хмелю, цена 15 рублей»³.

С Печорских промыслов кое-что Строгановы реализовывали на Сольвычегодском торгу. В 1659 г. «сентября 25 с Печоры ...Федора Петровича Строганова человек его Никита Крылов, да Данила Ивановича Строганова человек ево Васька Максимов во шти берещеных каюках — довелось приезду по 2 алтына по 4 деньги с человека, с 18 осначей (бурлаков, ярыжек. — Авт.) по 4 деньги с человека, того 22 алтына 4 деньги». Таможенная книга тут отмечает весьма выразительно и кратко: «не платили».

Что привезли с Печоры Строгановы, таможенники так и не узнали, так как строгановские люди их не допустили к таможенному осмотру. Чем торговали с этих каюков, таможенники не увидели, вероятно сознавая, что служебное усердие и опасно и невыгодно перед многочисленными вотчинниками⁴.

¹ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1635 г. № 7, л. 19.

² ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1626 г. № 3, л. 10—12, 21 об.

³ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1636 г. № 7, л. 15—16 об.

⁴ ЦГАДА, Городовая книга по Сольвычегодску 1659 г. № 26, л. 7 об.

В ряде случаев таможенники бывали в затруднительном положении, так как Строгановы имели достаточно обширные иммунитетные права по своим известным гостиним грамотам, дававшим им исключительное звание именитых людей. Обще сформулированные иммунитетные права для Строгановых были конкретизированы правительством специальными «проезжими грамотами», разрешавшими свободный и беспошлинный транзит товаров «для себя, а не для продажи» между пермскими и поморскими их вотчинами. Приведем текст такой в высшей степени интересной «проезжей грамоты» по изложению жалованной грамоты 1651 (159) г.: «Пожаловал великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси Федора Строганова. Как он, Федор, пошлет от себя от Соли Вычегодской с людьми и со крестьяны своими в вотчины свои в Пермь на устье на Орел, и на Яйву, и на Чосовую и на Усолку для своих промыслов на подъем запас всякой, который к промыслам пригожается, людем своим, обувь и одежду. И как ис тех же ево вотчин люди ево и крестьяне учнут возити и мед и иные всякие запасы про себя, а не на продажу летом в судех, в каюках, и в стругах Вычегодою рекою, мимо Еренский городок, а зимним путем на санях через Сысолу, мимо Пыльдинский ям, и с ево людей и со крестьян, со всяких запасов с непродажных, которые запасы и одежи, обувь пошлет он по вотчинам своим, или которые запасы и рухлядь, и рыбу всякую, и икру, и мед повезут к нему из вотчин ево и на Вычегде на Еренском городке, и на Сыsole, на Пыльдинском яму Государевых никаких пошлин имати не велено, пропускати их везде беспошлинно»¹.

Такие права беспошлинного провоза открывали для Строгановых возможность злоупотреблений, хотя грамота и оговаривает необходимость взимания пошлин в случае, если строгановские люди по дороге начнут товарами, предназначенными для внутривотчинного потребления, торговать.

Мелкая торговля у Строгановых, как, впрочем, и у других торговых фирм XVI—XVII вв.—гостей Юдиных, Шориных, Филатьевых и других,—вечный и постоянный спутник крупной их торговли.

Сольвычегодский торг был узок и тесен для размаха строгановской торговли. И не здесь, на маленьком торгу, складывали свои капиталы многомочные именитые люди XVII в. Ареной коммерческой деятельности Строгановых было все Русское государство, поморские города и в особенности города Замосковного края. Для закупки иноземных товаров Строгановы посылали своих больших приказчиков, а то и сами езживали к Архангельскому торгу. Так, в делах Новгородской четверти сохранилась «память» 1671 г. от 24 июня, где приводится выписка из

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 4, д. 8, л. 7—8.

Архангельских городских книг о явке 29 800 рублей на покупку весчих и невесчих заморских товаров именитым человеком Дмитрием Андреевичем Строгановым. Здесь значится в сборе у гостя Ивана Гурьева с товарищи: «Усолья Вычегодского Александров Грибов явил именитого человека Дмитрея Строганова вещаго товару: стопу воска обышново — 19 пуд с полпудом, кож говяжьих, сухих, лутчих. Августа в 11 день приплыл в карбасе именитый человек Дмитрией Строганов, явил вещего товару: 20 фунтов шолку Ряского подлучшим, на невещих товаров: 6 сороков соболей ленских, да шубу соболю цена соболем и шубе тысяча сто шестьдесят рублей, 89 лисиц под лутчими, 52 песца белых лутчих, а те он, все русские вещи и невещие товары променил иноземцам на заморские товары. Цена русским вещим товарам пятьсот семьдесят девять рублей, 4 алтына з деньгою, а невещим товарам — цена 1282 рубли 13 алтын 2 деньги. Торговых и прежних пошлин с вещей 28 рублей 31 алтын полшесты деньги, невесчих — 51 рубль 9 алтын, полшесты денги и обоево с вещей и не с вещей товаров взято торговых и прежних пошлин 80 рублей, 8 алтын, 3 деньги, писчих взято 26 алтын 5 денег. С тех же товаров новые повышенные пошлины с вещей 28 рублей 31 алтын полшесты деньги, не с вещей — 76 рублей, 31 алтын, 3 деньга — и обоево с вещей и не с вещей товаров новые повышенные пошлины взято 105 рублей 30 алтын с полуденьгою писчих взято рубль, 2 алтына.

Именитый человек Дмитрией Строганов явил с своего баркаса 29 тысяч восемьсот рублей денег мелких, серебряных, и на те деньга у Архангельского города, на ярмонке, у заморских иноземцев купил заморские товары, торговые пошлины з денег против невещего товару взято тысяча сто девяносто два рубли, писчих взято 11 рублей, 30 алтын, 4 деньга. Припись дьяка Ивана Патрекеева»¹.

В покупках заморских товаров у Архангельского торго Строгановы черпали свои товарные запасы, которыми и приторговывали с прибылью по городам Русского государства. Торг с иноземцами идет двояко: с одной стороны, через обмен натурой русских товаров (этим обменом получается меньшая доля заграничного товара), а, кроме того, основные партии заморского товара покупаются за наличные деньги, которые в мелком серебре мешками привозились с собой.

Строгановы находились с иностранными купцами в многообразных и постоянных отношениях. Едет Двиной голландское посольство — Строгановы его принимают как гостей в своем Велико-Устюжском дворе; нуждается иностранец-купец в кредите — он его находит у Строгановых. Так, Дмитрий Андреевич Строганов в 1662 г., сентября 25, в своих

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 4, д. 4, 1671 г., л. 3—5.

хоромах в Сольвычегодске дал займы денег 50 рублей иноземцам Ивану Яковлеву Вильсону да Ивану Иванову Берману на годовой срок. Иноземцы-должники в срок отдать денег не сумели и, по-видимому разорившись, поступили на службу в железные заводы в Каширском уезде к Петру Петровичу Марселису. Взыскивать заемные деньги с этих иноземцев пришлось уже Григорию Дмитриевичу Строганову в 1673 г. Удалось получить только с И. И. Бермана шесть рублей, остальные деньги пропали¹.

Большое и многогранное вотчинное хозяйство строгановских фирм ведалось и управлялось самими хозяевами. Каждый из братьев Строгановых возглавлял свое дело. Но вотчинное хозяйство каждого из них было так обширно, что одного хозяйского глаза не хватало. Вот почему во дворе всех Строгановых в Сольвычегодске мы видим их бедных родственников — «хлебоящцев», которые работают под руководством хозяина по управлению производствами или по торговым делам фирмы. Таким образом, главный штаб фирмы сформирован по старозаветным, патриархальным традициям. Максим Яковлевич Строганов, когда стал дряхлеть, а сыновья его Максим Максимович и Иван Максимович были еще молоды, вызвал из Вологды своего внучатого племянника Ивана Ямского «с матерью его Софьицей за их бедностью душою да телом». Иван Ямской с матерью жили в доме Строганова с 1617 по 1626 г. «Пили и ели и платье и обувь носили в те годы наше. И муж мой,— сообщает в челобитье-жалобе на И. Ямского жена уже умершего в 1624 г. М. Я. Строганова Марья Михайловна, урожденная Преподобнова,— Максим Яковлев сын Строганов внука своего того Ивана Ямского в те годы в Сибирские города з деньгами и с товаром посылал, и к городу Архангельскому к (ко)рабельной пристани торговать и покупку всякую про наш дворовой обиход тот Иван на нас покупал. И в прошлом же, государи во 1624 (132) году, как муж мой Максим Яковлев сын Строганов преставился, и тот Иван Ямской, с матерью своею, жил после того у нас же, на нашей земле, в наших хоромех и пили, и ели наше, и одевали и обували их — я же вдова з детьми. И торговал он Иван, отъезжаю(чи) по городом, нашим животом. И у Соли в лавке и в анбаре сидел он Иван за нашим же животом, и дани и оброку, с тяглыми посадскими людьми в те годы он Иван не платил, потому что торговал нашим животом»². А затем Иван Ямской, за девять лет пройдя коммерческую школу Строгановых, решил завести свое дело, купил двор в Сольвычегодске и начал самостоятельную торговлю, прихватив товарные фонды своих «благодетелей».

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 6, д. 2, л. 1—2.

² ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 5, д. 2, 1628 г., л. 1—2.

Но такая самостоятельность пригретого бедного родственника — явление исключительное. Обычно бедные родственники верой и правдой работают в хоромах Строгановых, пользуются их доверием и широкими полномочиями. Отец со своими подростками сыновьями и родственниками — главный штаб управления делами строгановских фирм.

Но финансовая мощь последних в Поморье создавалась трудом их дворовых и наемных людей. Следует изучить положение разных групп низового аппарата, ведавшего коммерческими делами строгановских фирм. Дворовые и наемные люди находились при обслуживании господских дворов в Сольвычегодске, центре управления как поморскими, так и пермскими вотчинами. Из сольвычегодских дворов группы дворовых и наемных людей направлялись Строгановыми на рынки многих посадов и городов Русского государства. Обычно несколько больше половины дворовых и наемных людей бывало в разъездах. Так, в 1681 г. из общего числа 101 «людей дворовых и приказных и рядовых» из двора Григория Дмитриевича Строганова, занятых только обслуживанием торговли, 51 человек был «в отъезде на торгу» по различным городам¹.

Строгановы сносились со своими приказными людьми, разосланными по городам, письмами, где давались текущие распоряжения. Приведем одно такое письмо: «От Григорья Дмитриевича и от Марьи Яковлевны Строгановых в Калугу человеку нашему Дмитрею Истомину, прося б тебе у бога милости промыслом нашим промышлять соль продавать доброю ценою, кабальные и безкобальные долги выбирать без доимки. В нынешнем 1694 (202)-м году Сентября в 2 день писал ты к нам о кобальных деньгах Василья Герасимова, что де у Василья с тобой учинился спор о сте рублех. И в прошлом в 1693 (201) году, как я, Григорей Дмитриевич отпускал тебя ис Переяславля Резанского в Колугу и в то число видел на его Васильеве росписке в уплату сто рублев, да от уплаты оставил взять девяноста пять рублев. А что по той росписке было вполне взять и та ведамасть вся у тебя в Колуге. А нам было денег по той кабале взять триста девяноста пять рублев. Писан 1694 (202) года Сентября в 12 день. Закрепил Григорей Дмитриевич»².

Дворовые (наемные и крепостные) люди не были навечно прикованы к тому или другому Строганову.

Разделы имущества, неоднократно происходившие в течение XVI и XVII столетий, каждый раз вели, между прочим, к перераспределению рабочей силы, обслуживавшей хозяйство Строгановых. Основная масса ее состояла из крепостных и кабальных людей и сравнительно немногих наемных, число которых, однако, с каждым десятилетием увеличивалось.

¹ ЦГАДА, Разряды, дела разных городов, д. 96, л. 703, 714—715.

² ЦГАДА, Дела разрядного приказа, приказный стол, столбец № 2134, л. 3.

Значительное количество рабочей силы было сосредоточено в сольвычегодских дворах владельцев, при которых были расположены солеварные промыслы и где находился главный товарный склад и центр управления всех предприятий.

Каждый из трех сольвычегодских дворов представлял сложное хозяйственное целое с массой разнообразных построек и жилых помещений, где жили рабочие и крепостная дворня хозяев.

Интересны сведения о двух типах жилых помещений: господских и людских. С одной стороны, на обоих дворах двухэтажные хоромы хозяина с рядом пристроек, повалуш, горниц черных и белых, соединенных многочисленными сенями с чердачками и крытыми переходами с лестницами. Внутреннее устройство этих хором достаточно сложное. В федоровском дворе каждая повалуша, например, имеет один-два «жира» — жилых комнаты. Основное здание — «во дворе хоромного строения тройня старая на подклетьях» — состоит из трех соединенных двухэтажных изб с рядом «передних», «средних» и «задних» горенок. Напротив этой «тройни» «повалуша старая ж о четыре жира», соединенная сенями с основным зданием¹.

Внутреннее убранство этих господских хором богато и разнообразно: большие столы с «дубовыми столешницами», богато украшенные кисты в каждой горнице с 24—28 иконами в золотых и серебряных ризах; медная, серебряная и стеклянная посуда; есть здесь и «клетка проволочная попугайская, зголовье деревянное, точеное» и часы «немецкое дело», ковры из шкур белых медведей и всякого рода парчевое, «золотное» платье для парадных выходов, музыкальные инструменты — «цимбалы» и пр.

Иную картину представляют помещения «людские», состоящие из «чуланов людских», раскиданных в переднем и заднем дворах где придется, под лестницами крытых переходов, соединяющих барские жилые избы, примыкающие к «свинарникам с хлевцы». Кроме «чуланов» строгановские люди живут в больших «челядинных» или «семейных» избах, а то и просто в помещениях для скота: «изба скотья, а в ней живут люди ж ея», — говорит опись дворовых строений 1686 г. вдовы Федора Петровича Анны Никитичны Строгановой².

В яковлевском дворе по описи 1622 г. мы насчитываем всего 52 людских чулана, 2 избы челядинные, поварню, погреб людской, мыльню людскую: в семеновском дворе по описи 1686 г. мы имеем 36 людских чуланов, одну избу семейную, в которой «живут служащие... люди», избу столовую, поваренную, мыльню и одну «избу скотью», приспособ-

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, д. 1657 г., л. 112—119.

² Там же, л. 119.

ленную для жилья. Служащих в каждом дворе бывало 250—300, и, таким образом, в каждом чулане жило по 3—5 человек.

Лучшие помещения были у «дьячков больших», приказчиков — главноуправляющих и стряпчих. Эта дворовая аристократия имеет отдельные помещения. В ее руках находится фактическое управление делами фирмы. Эти люди ведут сводные прихода-расходные книги, судебные дела, составляют отчеты и рассылают приказчиков с товаром для продажи по городам и с различными поручениями по промыслам. Впрочем, роль этих приказчиков не всегда одинакова. Они были более самостоятельными в своих действиях, когда во главе фирмы находилась женщина-вдова. Обычно же их роль была скромнее: они только посредствующее звено между хозяином и всей остальной дворней.

Особую группу служащих у Строгановых составляли высококвалифицированные специалисты — «немцы», взятые из тюрем во время Ливонской войны (переводчики, судостроители, мореходцы, врачи). Специалисты выходили и из среды строгановских старослужащих. Так, четыре поколения дворовых деловых людей Игольнишниковых служили Строгановым, один из них, Потап Прокофьев, был человеком с незаурядной интересной биографией. В молодости в конце 60-х годов XVII в. он бежал из пермских вотчин Строгановых и во время восстания Степана Разина был атаманом восставших крестьян и холопов в Нижегородском крае. Отсюда он со своими отрядами пошел на соединение с отрядами Степана Разина под Симбирск. После поражения восстания возвратился снова в пермские вотчины с целью поднять людей Строгановых. После неудачи этой попытки Потап Прокофьев поступил послушником в Спасо-Пыскорский строгановский монастырь на Каме. Пробыв пять лет послушником, стал священником. В качестве такового он служил в церквях Соликамска. Строгановы, узнав о ярких проповедях Потапа Прокофьева, разоблачающих гнусные методы жестокой эксплуатации бедноты соликамскими конкурентами Строгановых, пригласили Потапа Прокофьева протопопом в свою вотчинную соборную церковь «Похвалы Богородицы» в Орле-городке, где он продолжал громить и разоблачать соликамских владельцев, одновременно не осуждая действий Строгановых. Все его проповеди собраны им в рукописной книге «Статир», дошедшей до нашего времени и хранящейся в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве¹.

Избегая преследования правительства, разыскивавшего и казнившего всех участников разинского восстания, Потап Игольнишников скрывался под разными кличками и именами: Илько-атаман, Попов, Долгополов и др.

¹ Собрание Румянцева, ф. 256, № 411.

Умер Потап Игольнишников в Орле-городке в конце XVII века.

Авторство «Статира» и основные факты биографии Потапа Игольнишникова установлены П. Т. Алексеевым в его неопубликованной работе, содержание которой было им любезно сообщено мне.

Следующий разряд служащих — казначей, ведавшие денежной наличностью и хранившие богатую домашнюю рухлядь. Деньги хранились в «мехах», которые складывались в коробья. На обязанности казначеев был прием поступавших денежных сумм, их счет, упаковка по «мехам» и наклейка на «мехах» ярлыков с указанием сочтенной суммы и имени считавших казначеев. Они же ведали и «всякую железную рухлядь и варничный запас», у них же хранилось и «пятно железное, чем соль пятают» и т. д.

В числе дворовых администраторов немалую роль играли «дьячки большие» и стряпчие, специальностью которых было ведение судебных дел и преодоление волокиты в московских приказах. Солепромышленность и торговля Строгановых, их кредитно-ссудные операции в кругу различных по социальному положению клиентов порождали много конфликтов, не всегда завершавшихся мирными соглашениями. В каждый данный момент фирма имела неоплаченные претензии третьих лиц, просроченные платежи своих постоянных или случайных клиентов, земельные тяжбы с соседями, наконец, в силу жалованных грамот в руках Строгановых находились суд и расправа в их вотчинах.

Разрешение всех этих вопросов требовало советов и знаний опытных практиков — дельцов, и на службе у Строгановых можно, действительно, заметить опытных юрисконсультов — стряпчих. Таким, например, был у М. М. Строганова стряпчий Жданко Воронин, «бивший челом во двор» на службу в 1615 г., причем ему было дано высокое жалованье — 30 рублей на год, «да платье ему сулено праздничное по воскресным дням и носильное платье сукно ему всякое, как и иным ево братье всякое платье давано на Москве, а на однорядку на носильную и на зипун и на нагавицы в штанов место посулены ему у Соли настрафильные или англинские»¹. Этот Жданко Воронин, по-видимому, происходил из известной стряпческой семьи суздальских Ворониных, давшей много опытных волокитчиков-дельцов суздальским монастырям, которые их переманивали друг у друга высоким жалованьем.

Вообще следует отметить, что этот верхний слой служащих (главных приказчиков и управителей, больших дьячков, казначеев и стряпчих) был хорошо обеспечен жалованьем и подарками, бывшими своего рода тантьемой. Из духовного завещания М. М. Строганова можно также

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, духовная М. М. Строганова, л. 27—28.

видеть, что эта группа служащих отличена от прочих: «А людям моим,— читаем здесь,— после моей смерти — наделка давати, которые мои люди крепостные кабальные при мне за делами нашими на Москве жили, и по приказам, и в дьячках больших были, и в судовом ходу, и в верховских городах, и в Пермских вотчинах наших, и у Соли у Вычегоцкие, и жили добро, и которые у наших дел близко нас жили у письма, и к нам раденье их и служба прямая была и поруки ни в чем не учинят,— и тем людям моим, большой статье, давать наделка сверх их платья и жалованья што от меня им прежде сево давано, и сверх тово, после моей смерти давати им наделка по пятнадцати и по двенатцати рублей и по десяти рублей человеку и мене по людям смотря, и по раденью, и по разуму, и по службе»¹. Таким образом, мы видим, что люди «большой статьи» после смерти хозяина вознаграждаются годовым жалованьем в качестве «наделка» и, кроме того, по обычаю и по закону отпускаются на волю. Но чаще всего, как мы видим по документам, на другой же день после получения воли бывшие вчерашние холопы опять бьют челом в холопство новому хозяину-наследнику, пишут на себя кабалу и вновь служат до своей смерти или до смерти хозяина.

Как же подбирались эти квалифицированные служащие, откуда Строгановы собирали свою «техническую интеллигенцию»? В XVI в., во времена войн Грозного с Литвой, Ливонией и Швецией, как в столице, так и по другим городам всегда был «полон»: «пленные немцы» и «литва», которых можно было купить как продажную военную добычу и обратить в крепостную зависимость². За скупкой полонных людей и тюремных сидельцев-иностранцев ездят в Москву, Ярославль и другие города сами хозяева, и в результате таких поездок к Строгановым попадают «люди русаки по крепостям и полонские люди немцы и литвяки по купчим именые и купленые». С другой стороны, переводчики, нужные для сношений с жителями Сибири, с которыми велась оживленная меховая торговля, собирались из местного населения пермских вотчин. Оно, по заявлениям Строгановых, было их «старинными недругами», почему и можно было с ним не особенно стесняться. Это население сбивалось в процессе колонизации со своих исконных земель, которые осваивались. Жители, несмотря на поток жалоб в московские приказы на обидчиков Строгановых, попадали к ним в крепостную или холопскую зависимость. Строгановские документы знают многих «вогуличей и остяков и татаров, которые в Перме в Государском жалованье по сей день куплены».

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, духовная М. М. Строганова, л. 24—25.

² С. Ф. Платонов, Строгановы, Ермак и Мангазея, Сб. «Русское прошлое» № 3, 1923, стр. 7.

Служащие «большой статьи», занимавшие особо ответственные должности в хозяйстве Строгановых в XVI в., обычно были из числа полных холопов, но в следующем столетии в этой среде все чаще встречаются наемные специалисты. Так, по деловой 1583 г., у Семена Аникиевича из полных холопов были два больших дьяка — «Василий дьяк Литвин» и «Лучка дьяк малой», а у Максима Яковлевича — «Гриша дьяк Батан». У Никиты Григорьевича в это время был большим дьяком Яков Литвин, позднее сделавшийся управляющим пермскими вотчинами и бывавший часто на Печоре, где Строгановы скупали пушной товар.

Роль этих больших дьяков чрезвычайно велика. В их руках сходились нити управления всех предприятий фирмы. Они вели денежную отчетность, вели учет «мастеровым всяким людям» и их работы, через их руки проходили назначения на должности приказчиков из дворовых людей, они составляли всякого рода «выписки для памяти о челобитье» и при помощи подручных, дьячков и подьячих, составляли вотчинные писцовые книги, которые имели важное значение, ложась, вероятно, в основу официальных писцовых книг. Эти книги, к сожалению, не сохранились до нашего времени.

При помощи своих дьяков Строгановы осваивали огромные территории в Перми Великой и выбивали местное население — пермичей с их насиженных земель. Приведем яркий пример.

В 1609 г. были посланы в Пермь Великую писцы дьяк Сарыч Шестаков и подьячий Второй Ильин для размежевания Соликамских и Пермских земель со строгановскими. Новые писцы отнеслись добросовестно к своей задаче и начали отмежевывать строгановские захваты и возвращать их прежним владельцам, чего Строгановы не ожидали. Строгановские канцелярии заработали, дьяки сами составили проект писцового описания со ссылками на прежнюю и до тех пор действующую писцовую опись Яхонтова от 1579 г., не вполне удовлетворявшую Строгановых, но с которой они примирились и послали в Москву, всячески противодействуя в приказах утверждению нового описания. В черновых набросках строгановской писцовой книги мы постоянно встречаем недовольство новым описанием¹.

И несмотря на то, что описание Сарыча Шестакова, по-видимому, было утверждено правительством², Строгановы игнорировали его и продолжали сечь леса для своего варничного промысла в спорных землях, пока не добились при следующем валовом описании Кайсарова (в 1625 г.) включения этих земель в их владения, причем кайсаровский

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы, неопис. тетр. № 23, л. 23—24 об.

² В. Шишонко, Пермская летопись, второй период, Пермь, 1882, стр. 183.

счет населения и учет земель совпал со счетом и учетом строгановских дьяков, с их вотчинной писцовой описью.

Большие дьяки, играя значительную роль в хозяйстве Строгановых, занимали высокое положение среди дворни и, будучи обеспечены большим денежным жалованьем и одеждой, а также имея возможность накапливать, помимо того, и свое состояние взятками, вели параллельно с хозяйским торгом свою торговлю. Этот верхний слой служащих жил незавидно в том отношении, что их личность не была ограждена от разного рода покушений со стороны властных хозяев. Не говоря уже о том, что обычно служивший холопился по служилой кабале и утрачивал свою свободу, каждый служащий подвергался часто риску потерять и свою жизнь. В моменты сильного налогового нажима со стороны правительства на Строгановых в середине XVII в., когда у фирмы не бывало денежной наличности для расплаты с недоимками и частными долгами, эти служащие, посылавшиеся хлопотать по приказам об отсрочках, попадали на правеж и под жестоким боем батогами расплачивались за временную финансовую немощь своих хозяев, и даже в ряде случаев вместо расплаты деньгами служащие посылаются хозяевами со специальной целью «отстаиваться» на приказном правеже.

Из большого судного дела Афанасия Русинова со Строгановым, полного драматизма, можно узнать много фактов и обычных черточек житейской обстановки, в условиях которой проходила жизнь и деятельность этих служащих. В этом деле рисуются порядки хозяйского управления в сольвычегодском дворе Ивана Максимовича Строганова, обладавшего вспыльчивым характером и жестоким сердцем, непоследовательного в своих поступках. Он был и неудачливым предпринимателем, и в этом отношении среди дельцов Строгановых за два столетия он представляется исключением. Неудачные спекуляции на Москве привели его к закладу соляных предприятий и вотчин в Перми Великой и большим долгам московским гостям. В результате неумелой коммерческой деятельности Иван Максимович лишился многих своих вотчин и соляных варниц, и только энергичное вмешательство родственников и напряженная последующая работа его сына Данила спасли фирму от краха. У такого хозяина тяжело жилось рабочим и служащим, в целях «поучения» которых хозяин нимало не стеснялся в средствах. Так, например, в 1629 г., в «день государева ангела», Иван Максимович «пришел в церковь к молебному пению, бив своих людей кнутом, а пришед из церкви иных своих кнутом бил же».

Властный хозяин, бывший в родстве с семьей царя Михаила Романова, легко на допросе отделался от возводимых на него обвинений, утверждая, что «людям его и крестьяном в тот день никакова поученья от него

Собор Введенского строгановского монастыря 1688—1696 гг.

не бывало»¹. Этому заявлению поверили, и Строганову была выдана царская грамота на его челобитчика Афонку Русинова. Происхождение якобы клеветнического на него челобитья Строганов так объяснил, когда просил царя, чтобы он «Афонкиному ложному челобитью и извету верить не велел, потому что он, Афонка, извещает на него, Ивана, хотя избыть своего холопства». Царская грамота послушно идет за этими объяснениями и велит Русинова отдать в холопство Строганову потому, что по сыску Русинов у Максима и у сына его Ивана Строгановых жил

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 14 июня 1629 (7137) г.—20 октября 1636 (7144) г., л. 46—48.

во дворе исстари, и он подал жалобу на Строганова, «избываючи своего холопства и не хотя у него во дворе служить». Однако Русинов, чтобы не вернуться на службу к Строгановым, сказал за собою «слово и дело государево», что у Строгановых Максима и сына его Ивана был удушен в колоде «без отца духовного для государева дела» Семейка Ярило и что иные люди у Строгановых «у Соли Вычегоцкие обвели пашни и пожни у дозоришков».

Началось дело, в ходе которого всплыло много страшных тайн из внутренней истории хозяйского двора и хозяйского произвола, о которых хорошо был осведомлен старый строгановский служака Русинов, пробывший во дворе еще Максима Яковлевича сорок лет и по обычаю отпущенный на волю с «денежным наделом и платьем» после смерти своего хозяина. Впрочем, Русинов, получив отпускную, недолго гулял на воле. Узнав, что на Москву приехал приказчик Ивана Строганова Кукшин с товарищами «отцовских людей вново во двор принимать охочих на свое Иваново имя», Русинов нанялся на годовой срок в 1625 г. к Ивану Строганову за 16 рублей в год да в прибавку с сукном на платье. По прошествии годового срока Строганов не захотел отпустить Русинова от себя. «Хотячи меня силно к себе во двор похолопить з женишком и з дочеришком и пограбить животы моего отца, ево государя моего даные, чем меня холопа своего благословия поминать собя, кроме денежного наделка взял грабежом на 50 рублей с полтиною»¹, — рассказывает в своем челобитье пострадавший.

Служивший судебным приказчиком Русинов был оговорен своим хозяином в разбойном нападении на строгановскую денежную казну и посажен на Москве в тюрьму, где пробыл больше года, но за недостатком улик выпущен. Однако, как только Русинов приехал в Сольвычегодск, Строганов, как сообщает жалобщик, велел своим людям поймать его, на двор отвести и здесь, раздев донага, бить ослопьем, а затем посадил его у себя в колоду, приковав цепью весом в полтора пуда к стене, где и содержал в течение пяти лет. Случайное обстоятельство освободило Русинова от тюремного сиденья — пожар строгановского двора, во время которого Русинова расковали и выпустили. Очувшись на свободе, Русинов не смог нигде получить работу, так как все побаивались взять к себе опального строгановского человека. Мирское управление, впрочем, сделало попытку пригласить его на службу «к разрубным целовальником (раскладывавшим, «разрубавшим» налоги) в дьячки», но сейчас же к земским разрубным целовальникам явились посланные Иваном Строгановым его люди, которые «с великими угрозами

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 14 июня 1629 (7137) г. — 20 октября 1636 (7144) г., л. 58—59.

не велели ни в какие диячки ставить» Русинова, и, убоясь «Ивановых гроз», мирские власти отказали Русинову. После этого он уже во всем Сольвычегодском округе не мог найти работу и заступничество, так как влияние Строгановых было сильно даже и на царских воевод, по отношению к которым Строгановы ведут себя совсем независимо. Например, Иван Строганов, по словам Русинова, ни о каких делах не докладывал воеводам, «ни во что их ставит, делает самосудом, по своему изволу». Не мудрено, что не считавшийся с воеводами Строганов не стеснялся и с посадским населением. Лишая всюду работы, Строганов «гонит» Русинова «в великую нужу к себе в работу в холопство и морит голодною смертью, чинит... великое насилство... самосудом, по своему изволу, изгоняет всякими грозами, записью и кабалами устрашает», гоняется за живущим на свободе Русиновым, «хотячи поймать, на двор к себе привести и хочет по прежнему сковать в железа и в колоду и в темницу у себя засадить».

Такое обращение со служащими — явление не единичное на памяти человека, посевшего на дворовой строгановской службе. Сохранилась длинная цепь скорбных воспоминаний о погибших и замученных людях. У него же, Ивана Строганова, «людям ево крепостным и крестьяном ево чинятца многие напрасные смерти в темнице, сидячи в колоде в железах тяжких, сидят года по три и четыре и больше и умирают от великого кроволитья от кнутьяных побоев без отцев духовных, морят дымом и голодом. Уморен Семенка Шада, Ждан Оловешинников, да Офонасей Шешуков в колоде и в железах дымом уморены, знаячи за ними Государское слово, а положены на старом городище, погребал их Андрей поп, а нынечи тот поп Андрей живет в вотчине их на Каме реке на Слутке служит у Храму, да в вотчине их на Усолке уморен в колоде и в железах человек их Ярило без отца духовного». Этот мартиролог строгановской патримониальной юстиции может быть продолжен: избит до смерти посадский человек Федор Вихрев, который похоронен «у Соли Вычегоцкие в убогих домах», избит и ходит вспухший от побоев и изувеченный воротный сторож Пашко и т. д.

Следствие отнеслось к заявлениям Русинова формально. Московские приказы ограничились только допросом самого Ивана Строганова, который в своих показаниях вообще замалчивал вопрос о наказаниях своих дворовых людей. Опросили еще архимандрита Введенского монастыря, строгановского ставленника. Был и повальный обыск, но запуганные Строгановыми обыватели посадские сумели показать только то, что «тот Афонка от Ивана стряпчей был, а для варничного Иванова промысла у Соли у крестьян тот Афонка и дрова покупал», да затем высказали общее соображение, что «у Строгановых без служилых кабал и без

крепостей никакие люди во дворе з женами и з детьми не живут и не служат»¹.

Следствие, сделанное вообще очень кратко и, по-видимому, больше для формы, не обратилось к тем лицам, на которых ссылался Русинов. Приказный суд не пошел против многомочных купцов Строгановых и своим решением отдал в «холопство и во двор» обратно Русинова, не входя в рассмотрение по существу ряда уголовных преступлений, в которых обвинял своих хозяев их служащий дворовый человек.

Естественным ответом дворовых, крепостных и кабальных людей на жестокость Строгановых были их выступления против хозяев. Поджоги ненавистного гнезда эксплуататоров-хозяев — их хором в Сольвычегодске — бывали не раз, и всякий раз поджигатели оставались непоиманными. 10 сентября 1618 г. «середь ночи» подожгли «неведомо хто» хоромы Максима Яковлевича Строганова. Сгорело все «наше дворишко... с уличной стороны от Солониhi речки и от Троицкой стороны от проезжие дороги». Все хоромы сгорели «до основанья» «и со всеми животишками и хлебные анбары со всякими хлебными запасы и соляные анбары и солью и со всяким житейским посудьем серебряным и с медным и с конской збруей и с приправою и с людским платьем, згорело все без остатка и нас, государи, со всеми нашими дворовыми людишками, хотели сжечь неведомо хто и вышли мы с пожара с людишками своими босы и наги». Пострадавшие Строгановы просят усилить розыск по кабакам и по базарам Устюга и Соли Вычегодской, где, быть может, «побранясь или подрався или в пьянстве, или кто ни есть меж собой в речах проговорится, хто нас сжег до основанья и тех бы людей переимати»².

Но рассчитывать, что виновных выдадут, было наивно, так как Строгановых люто ненавидело все посадское население Сольвычегодска. Сольвычегодский уездный староста Сергушка Ларионов, сын Сумкин, несомненно, отражая общее настроение посадского населения, в 1679 г. весьма часто говорил «непристойные слова», называл строгановские жалованные грамоты «воровскими и купленными», нелестно отзывался и о столичных властях, покровительствовавших Строгановым. Этот земский староста, Сергушка Сумкин, находясь в официальном месте, в воеводском дворе, самому воеводе говорил, что «в приказе Устюжские четверти и всякими Великого Государя делами начальные люди торгуют», а находясь в своей среде, тот же самый староста выражался еще резче. Так, будучи на именинах у подьячего съезжей избы, своего

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 14 июня 1629 (7137) г. — 20 октября 1636 (7144) г., л. 7, 8, 9—11, 45—58, 74.

² ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, дело 1628 г., № 1—2.

подчиненного, Аники Калистратова, староста Сергушка Сумкин называл царского тестя и столичного сановника Ив. Мих. Милославского «безумным» и говорил, что «боярин Иван Михайлович Милославский купил воз веников и с умом своим выпарился в бане»¹. Боярин Ив. Мих. Милославский был приятелем и добродеем гостей Строгановых.

* * *

Сольвычегодск со второй половины XV в. до 1685 г. был главной и основной резиденцией дома Строгановых. Здесь был до 1685 г. административно-распорядительный центр по управлению всеми поморскими и пермскими вотчинами, где решались вопросы ведения сельского хозяйства, промышленных учреждений и организации разветвленной торговли в Прикамье, Поволжье, Поморье, а также через Колу, Холмогоры, а позже и через Архангельск с zahraniчными рынками Англии и Голландии, а через Астрахань — и с Средней Азией и Персией. Сольвычегодск до организации пермских вотчин был и главным центром строгановского солеваренного промысла. Но с XVII в. главный центр строгановского солеварения перемещается в пермские вотчины и количество сольвычегодской выварки соли начинает значительно сокращаться. Но тем не менее Строгановы ведут конкурентную борьбу с местными солеварами и постепенно вынуждают их к ликвидации своих промыслов, которые переходят в собственность Строгановых. Строгановы не ведут конкурентной борьбы на соляном фронте в Сольвычегодске только с двумя монастырско-предпринимательскими хозяйствами — Сольвычегодским Введенским монастырем, который был вотчинным строгановским монастырем, куда иные из Строгановых шли в монахи и имели общие со Строгановыми торговые дела.

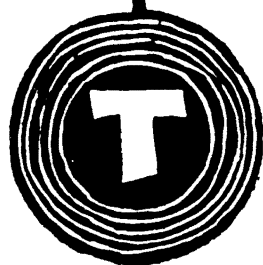
Другой монастырь, который Строгановы не душили конкуренцией, был Вологодский Спасо-Прилуцкий, который не имел в Сольвычегодске своих соледобывающих труб и покупал излишки соляного рассола у Строгановых и целиком от них зависел. Сольвычегодский рынок имел для Строгановых большое значение как центр пушной торговли. Сюда из Сибири завозились драгоценные меховые товары. Строгановы в Сольвычегодске оцепили своим сильно укрепленным острогом на Никольской стороне свои хоромы, дворовые места, мастерские и промыслы у соленого озера. Строгановский кремль с артиллерией — пищальями, своей вооруженной дворней располагался напротив правительственного кремля на Троицкой, восточной стороне города. Строгановы в Сольвычегодске выполняли и правительственную службу —

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 60.

были волостелями в XVI в., гостиными и кабацкими головами, контролерами за деятельностью англичан-купцов и пр.

Сольвычегодские хоромы внутри строгановского кремля на Никольской стороне знали свирепые расправы хозяев с дворовыми холопами и работными людьми, которых здесь били, увечили и даже заживо замуровывали в тайнички трехсаженной толщины стен строгановского Благовещенского собора. Еще в 1928 г. мне пришлось сделать страшную находку при размуровывании такого тайничка в виде скелета и лежавших тут железных кандалов. Велика была ненависть посадского населения и дворовых низов, поднимавшихся иной раз на борьбу с «кровосъедцами» Строгановыми. В 1575 г. в дороге был убит Григорий Яковлевич Строганов, а в 1586 г., когда посадские люди взяли штурмом правительственный кремль на Троицкой стороне, они из захваченных здесь пищалей открыли артиллерийский огонь по строгановскому кремлю на Никольской стороне, в результате чего был убит Семен Аникиевич Строганов, один из организаторов сибирского похода Ермака. Не раз от невыясненных поджогов горели в строгановском кремле строгановские центральные канцелярии и хранившиеся здесь архивы с крепостными документами. Так боролся народ в Сольвычегодске со свирепыми эксплуататорами купцами-феодалами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ТОРГОВЛЯ СТРОГАНОВЫХ В ВОЛОГДЕ В XVI-XVII ВЕКАХ

Торгово-промышленная деятельность в Вологде с начала XVI в. определялась тем выгодным географическим положением города, который был на пограничном рубеже двух хозяйственных районов Русского государства — северного и центрального. Расположенная в начале великого беломорского водного пути, Вологда представляла из себя узел транспортных путей, по которым сюда сходились, с одной стороны, все товары, которые поставлял Север: соль, пушнина, рыба, сало и всякого рода мясо в мороженных тушах, слюда, сермяжное сукно, крестьянская ткань, дмотканка и т. д., с другой — не менее разнообразные товары и из центрального района: хлеб в зерне, железо и металлические изделия, всякого рода экспортные товары для заграничного вывоза, поташ, икра, шелк и другие восточные ткани, лен, пенька и т. д.

Постоянное сосредоточение больших партий разнообразных товаров, прибывавших непрерывно и летом и зимой судовыми караванами и гужевым путем на санях и телегах, оживленный торг с возможностью обширного выбора на большом рынке и в гостиных дворах нужных сортов товара и покупки его из первых рук — все это было побудительным мотивом для периодических приездов всяких торговых людей — от крупных гостей и представителей монастыря, их приказчиков и доверенных лиц до мелких торговцев из окрестных посадов и деревень.

Учитывая важное торговое положение Вологды, сюда тянутся волостные крестьяне, «приторговывавшие» в целях увеличения своего крестьянского бюджета для выплаты государственных податей. Эти крестьяне, как говорилось в одной из челобитных на царское имя, «для податей ...продавали хлеба ржи, или ячменя, или овса, и хмелю четверть или десять, или двадцать, и сукно и скотину, и железа уварят, то все писано в таможенные книги для пятины, и теми денгами платят твои государевы подати, а не торгуют»¹.

Здесь же с начала XVI в. ряд крупных промышленников, имевших постоянные дела с вологодским рынком, основывают свои торгово-агентурные конторы — «дворы» писцовых книг и документов. С середины XVI в., как известно, такие постоянно функционирующие «дворы» основывают и те иноземцы, которые сумели получить в столице привилегии для приложения своего капитала в Русском государстве, заводят такие дворы английская компания (Russian Company), а позже и ряд крупнейших экспортно-импортных торговых фирм из Голландии. Писцовая книга по Вологде в 1627 г. регистрирует целых десять «немецких» дворов на посаде и один двор англичанина Карпа Демулина в городе. Некоторые иностранцы-купцы имели даже и не по одному двору. Так, голландец Иссак Мот (не Исаак ли Масса?) имел два двора на посаде, также два двора имел Фабиан Ульянов (Виллимов); по одному двору имели такие крупные торговые фирмы, как Юрий Клинк, Андрей Бук, Ив. Еремеев, Ив. Выдрус, Елисей Ульянов, Марк Девогелярд и др. Эти иностранцы покупали себе дворы у посадских людей и писцам предъявляли свои купчин, по которым владели этими дворами, причем в 1627 г. оказалось, что торговые иноземцы владели своими дворами непрерывно «лет по сорок и болши»².

С половины XVI в. в Вологде начинают прочно устраиваться и представители отечественного торгового капитала: крупные поморские и иные монастыри и гости. По свидетельству писцовой книги 1627 г., в городе на «Соловецкой» улице стоят дворы: Соловецкого (обширный по своим размерам и хозяйственным постройкам), Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Сийского, Спасо-Каменного (два двора, один на

¹ Е. Д. Сташевский, Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства, ЖМНП, апрель, 1912, стр. 260—261 (документ говорит о крестьянах, приезжающих на Велико-Устюжский рынок, но его данные могут быть распространены и на Вологду).

² См. писцовую книгу по Вологде 1627 г. в издании: «Источники истории Вологды» (Вологда, 1904), а также обработку этих данных: А. Е. Мерцалов, Очерк города Вологды по писцовой книге 1627 года (далее — А. Е. Мерцалов, Очерк города Вологды...), «Вологодский сборник», т. 5, Вологда, 1887, стр. 43 (здесь, однако, не исчерпаны богатые данные писцовой книги 1627 г.).

Соловецкой, другой на Пятницкой улице), Корнильева и Спасо-Обнорского монастырей. Словом, все поморские монастыри, в том числе и некрупные, имели здесь свои дворы. Даже такой отдаленный и сравнительно мелкий промышленник, как Печенгский монастырь на Коле, тоже представлен был здесь своим подворьем.

Крупные купцы-оптовики, державшие в своих руках внутреннюю торговлю «большими свальными товарами», которыми торговали, «отъезжаячи по городам», также рано начали интересоваться вологодским рынком. Некоторые группы этого купечества систематически из года в год здесь начинают активно выступать. Главным образом в Вологде был представлен гостиный, столичный капитал и капитал купеческой группы Поморья. Представители других территориальных купеческих групп по оказавшимся в нашем распоряжении документам пока здесь не обнаруживаются: так, мы не знаем здесь купцов-гостей из Псковско-Новгородского края, Низовских, Рязанских, Заокских и других областей Русского государства. Можно предположить, что если и бывали эти последние группы купцов в Вологде, то спорадически и постоянных связей с местным рынком не имели, находя применение своим капиталам в других хозяйственных районах. Или же они были вытеснены столичными и поморскими купцами, с которыми было трудно конкурировать, или, наконец, имели соприкосновение с Вологодским рынком через посредство и комиссию столичных купцов, имевших широко раскинутую по всей стране агентуру в лице приказчиков, постоянно передвигающихся из посада в посад.

Писцовая книга 1627 г. насчитывает в Вологде пять дворов за столичными московскими гостями. Два двора принадлежали виднейшим в Москве гостям Ивану и Василию Юдиным, имевшим в столице до 30 лавок, по преимуществу каменных; по одному двору — Ивану Коломнетиному и Михайлу Глазовому. Из поморских гостей писцовая книга отмечает только Ивана да Петра Строгановых, имевших свой двор в Вологде «от речки Золотухи по берегу вниз реки Вологды»¹, да устюжанина Усова. Данные писцовой книги о деятельности гостей, несомненно, неполны; так, имеются данные о том, что с вологодским рынком связаны были великоустюжские гости Босовы, Ревякины, Паламошные и др.

В Вологде для обслуживания оптовой торговли столичного купечества и иноземцев был особый гостиный двор с «государевыми анбарами», где в начале летней навигации сосредоточивались экспортные государственные товары, некоторые виды которых были строго «заповедными». Право торговли последними составляло государственную монополию.

¹ «Источники истории Вологды», стр. 118—119.

С закрытием навигации по Беломорскому водному пути здесь также скоплялись разнообразные товары, шедшие на адрес государевой казны в столицу.

Но амбары («анбары») гостиного двора сдавались в аренду оптовикам-гостям, складывавшим здесь привозные «большие свальные товары» и производившим их сортировку, а также оптовую и мелкооптовую продажу рыночным торговцам.

Вологодский гостиный двор, описанный писцовой книгой 1627 г., был новым двором, отстроенным совсем недавно; старый и более обширный гостиный двор вместе с прилегавшим к нему рынком¹ в «литовское разорение» 1613 г. сгорел. Новый гостиный двор, отстроенный, по-видимому, вскоре после пожара, имел вид четырехугольника площадью в 46 сажен в длину и 43 сажени в ширину. По одной стороне нового двора находилось 20 двухэтажных амбаров, рубленных под одну крышу и в одну стену, и по другую сторону — 21 такой же амбар. Верхние амбары имели галерею с устроенными по бокам перилами. Внутри двора была гостиная церковь св. Петра и Павла и находились две гостиных избы с горницами, которые сдавались в наем приезжим купцам. Здесь останавливались те командированные из Москвы с государевыми товарами гости и торговые люди, которые ведали транспортом и продажей этого товара, а также покупкой других товаров, необходимых в данный момент государевой казне.

В связи с постройкой нового гостиного двора следует отметить, что Вологда вообще быстро оправлялась от понесенного ею ущерба в годы интервенции. О темпе выздоравливания пострадавшего посада можно судить по следующим цифрам дворовладения.

До «литовского разорения» 1613 г. Вологда имела 671 двор посадских людей. По дозору (учету) 1617 г. оказался налицо только 201 двор, а убыль посадских людей выражалась в 10%. Описание 1627—1628 гг. насчитывает уже 302 тяглых двора, а всего 1169 дворов, из них 1010 жилых — при 1133 домохозяевах и дворниках. В 1646 г. при переписи обнаружилось уже 836 тяглых, 341 бобыльский двор, а также 57 бедняков и нищих, а всего 1234 двора².

Таким образом, жизнеспособность посада была весьма велика. Конечно, приливу населения способствовала главным образом оживленная торговля, постоянно дававшая заработок и ремесленникам, и чернора-

¹ Старый гостиный двор имел в длину и ширину по 80 сажен. Рынок старый имел площадь 200×100 сажен. Двор и рынок находились «из города, идучи по Московской дороге, по правой стороне» («Источники истории Вологды», стр. 109—110).

² См. П. Смирнов, Города Московского государства., т. 1, вып. 2, стр. 79. Ср. А. Е. Мерцалов, Очерк города Вологды... «Вологодский сборник», т. 5, 1887, стр. 9—11.

бочим, и мелким торговцам, которые, как только миновали политические невзгоды, быстро стали собираться на старые пепелища и «жженные места», где мы видим их по писцовой книге отстраивающимися и обновляющимися.

Новый гостиный двор перенесен был со старого места в город, сюда же в непосредственное соседство с гостиным двором перенесен был и новый, быстро отстроившийся вологодский рынок, уступавший своими размерами в 1627 г. старому.

В городских торговых рядах рынка, где сосредоточивалась местная розничная торговля, из общего количества торговых помещений (318 лавок, 71 амбар, 22 лавочных места, 8 ларей и 1 прилавок) большинство принадлежало вологжанам-посадским, кормившимся «торговлей и промыслишком». В их руках было 194 лавки, 39 амбаров, 6 ларей, 16 лавочных мест, 4 амбарных и одно место «подларь». Дворяне, дети боярские и их крестьяне имели 58 лавок, 17 амбаров, 4 места лавочных, 1 амбарное и один прилавок. Стрельцы, ямщики, рассыльщики и воротники — 7 лавок, 3 амбара и 1 лавочное место. Монастырям, церквям и духовенству и их крестьянам принадлежало 39 лавок, 6 амбаров и 3 лавочных места, и, наконец, крупным иногородним гостям принадлежало 12 лавок.

Таким образом, по количеству рыночных владений гости на вологодском рынке занимают последнее место, но это объясняется тем, что главная их торговля сосредоточивалась не на рынке, а в их дворах и в государевом гостинном дворе.

Интересна рыночная розничная торговля двух последних категорий торговцев — духовных вотчинников и гостей. Собственно говоря, специальностью тех и других была крупная оптовая торговля, но, как мы видим, в некоторых случаях те и другие не гнушались и мелким торгом. Следующие московские гости имели на рынке наиболее обширные лавки («на два лица»), стоявшие на перекрестках и углах торговых рядов: у Григория Никитникова была «лавка кресцовая на два лица» с оброком в 20 алтын; москвитянину гостиной сотни — Михалку Неупокоеву принадлежала в мясном ряду лавка с оброком в 13 алтын 2 деньги; москвитянам гостиной сотни Михалку да Богдашке Глазовских — лавка в москательном ряду с оброком в 23 алтына 2 деньги; в ветошном ряду «московский торговый немчин» Андрей Бук имел одну лавку и две полулавки с оброком в 9 алтын 10 деньги и, кроме того, в москательном ряду — амбар с оброком в 8 алтын 2 деньги (впрочем, этот амбар Андрей Бук к 1628 г. ликвидировал). Московский гостиной сотни Григорий Юдин в москательном ряду имел лавку с оброком в 20 алтын, кадашевец, москвитянин Ортюшка Федоров, — в мясном ряду лавку с оброком

в 8 алтын 2 деньги да в цепяном и лапотном ряду — 1 лавку с оброком в 10 алтын; охотники Московской слободы Богдашко Садывнов и Сидорка Максимов — по лавке с оброком по 10 алтын.

Из монастырей здесь торговали Спасо-Прилуцкий, имевший «лавку» «с четью» с оброком в 20 алтын, и местный Ильинский монастырь, имевший в шапочном ряду лавку с оброком в 4 алтына 2 деньги да две лавки, каждая на 2 лица, в ветошном ряду, и амбар «промеж серебрянова и шапочного ряду» с оброком в 3 алтына, и две лавки, каждая на 2 лица, в ветошном ряду.

Если Ильинский монастырь был сравнительно мелким торговцем на вологодском рынке, пополнявшим розничной торговлей из трех лавок свои небольшие монастырские доходы «на свой обиход», на «темьян и ладон», то Спасо-Прилуцкий монастырь являлся большой не только торгующей, но и производящей корпорацией. Наряду с эксплуатацией своих Унских соляных промыслов, добычей соли в Сольвычегодске на арендованном у Строгановых соляном рассоле из строгановских соляных труб, скупкой где придется соли и ее перепродажей монастырь имел свои кожевенные мастерские, выделывавшие кожи разных сортов, от сыромятных и подошвенных до мягких, разноцветных «козловых», а также кузницы, вырабатывавшие на заказ затейливые оконные переплеты из железа, мелкий плотничий, промысловый и судовой инструмент, и, наконец, с середины XVII в. монастырь широко поставил производство кирпича.

Организация кирпичного дела была особенно любопытна. Спасо-Прилуцкий монастырь получил право по царской грамоте в 1644 г. «на монастырское церковное и на градское и на всякое строение кирпич делать безоброчно на Вологде за посадом под вотчиною Николы Угрешского монастыря, под Дюдиковою пустынею за рекою Вологдою, на посацкой поскотной земле меж зимнею дорогою от Фрулева оврагу к вотчине Михайло Волинского»¹. Сейчас же после полученного разрешения на безоброчное «кирпичное дело» были отстроены монастырем два сарая для выделки и просушки кирпича, печь для обжигания и караульная избушка; глину копали тут же «подле тех сараев». И монастырь начал производить кирпич не столько на монастырское, сколько именно на «градское» строение, т. е. для продажи на рынке. При чем скоро выяснилось, что рыночный спрос не может быть удовлетворен продукцией своих заводов. Тогда монастырь начал раздавать заказы по деревням крестьянам, которые выделывали кирпич вручную у себя мелкими партиями и сдавали его монастырю. В 90-х годах XVII в.

¹ А. А. Колычев, Сборник актов Северного края XVI—XVII вв., Вологда, 1925, № 197 (машинописная рукопись — Библиотека ЛОИИ).

на монастырских заводах изготовлялось ежегодно 450—600 тыс. штук кирпича и скупалось кирпича крестьянской выделки 370 тыс.¹

Таким образом, Прилуцкий монастырь в XVII в. переходит к системе раздачи работ на заказ, закабеляя крестьян выданным авансом и обязательством неременной сдачи всего выработанного товара только заказчику — монастырю. Применяя такую систему не только в кирпичном деле, монастырь становится в Вологодском крае одним из наиболее типичных представителей отечественного торгового капитала, создавая свои богатства главным образом мелкооптовой и розничной торговлей, извлекая прибыли из посреднической деятельности и лишь сравнительно в небольших размерах — из собственных промыслов.

Церковные лавки были у Ростовской церкви Леонтия Чудотворца (в сапожном ряду с оброком в 6 алтын) и у местных церквей: Кирилла Чудотворца, «что на Рошенъе» (в москательном ряду 2 лавки с крупным оброком в полтора рубля); у Покрова Пресвятой Богородицы из «Козлены» (в ветошном ряду пол-лавки с оброком в 4 алтына), и, наконец, поп Богословской церкви и иконописец имел в иконном ряду торговлю по своей специальности в полутора лавках с оброком в 12 алтын 4 деньги².

Очень любопытно участие в мелочной розничной торговле оптовиков-гостей. Даже крупные промышленники, успевшие к XVII в. специализироваться, например, на добыче и торговле солью (Строгановы, Гр. Никитников, Надея Светешников и другие), не брезговали для случайного торга никаким товаром. На ярмарках в Архангельске эти купцы закупали самый разнообразный товар, часто в маленьких партиях, переотправляли его по городам, где продавали его партиями местным торговцам и торговали сами в розницу.

Из всех московских гостей, имевших в Вологде лавки, можно отметить только коммерсантов Юдиных как преимущественно розничных торговцев, специализировавшихся именно на мелкой торговле разнообразным товаром, имевших по городам ряд лавок, а в самой Москве, как указано выше, свыше 30 каменных лавок-магазинов. Отсутствие же вообще у гостей специализации в торговле, неумение сосредоточиваться на оптовом сбыте одного рода товара характеризует в сущности еще младенческое состояние русского торгового капитала, который не так давно начал складываться. Хотя некоторые торгово-промышленные

¹ ЛОИИ, Неописанные столбцы по Вологодскому уезду Архиерейского Вологодского дома, 1694 г., сстава 2.

² «Источники истории Вологды», стр. 24—27, 29, 31, 39—40, 43, 45, 49, 53, 55, 62—66, 71—72.

дома успели уже накопить солидные средства, их хозяева не умели ими распоряжаться.

На вологодском рынке мы не видим лавок таких крупных торговцев — поморских монастырей, как Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Антониев Сийский, Прилуцкий, привозившие на своих судах сотни и тысячи тонн или десятки и сотни тысяч пудов соли, вываренной на собственных варницах, продававших ее здесь и покупавших «на монастырский обиход» большие партии хлеба, материй, железа и пр. Но деятельность коммерческая, особенно усилившаяся после стеснения монастырского землевладения при Грозном, в 80-х годах сосредоточивалась не на розничном вологодском рынке, а на монастырских дворах, где сгружался привезенный товар и происходила оптовая торговля солью и рыбой под присмотром коммерческого руководителя — «старца купчины» того или иного местного монастыря. Кирилло-Белозерский монастырь помимо своего торгового двора имел в Вологде еще и свою слободу «в Еремине навраге», где, между прочим, «живут пять купчинишек монастырских, а три двory пусты»¹. Троице-Сергиев монастырь также имел

¹ П. Смирнов, Города Московского государства., т. 1, вып. 2, стр. 245. Насколько недостаточны сведения писцовой книги 1627 г. по Вологде для характеристики дворового владения крупных монастырей, может показать копия книга Троице-Сергиева монастыря. Так, показания писцовой книги могут быть дополнены рядом сведений о его приобретениях: в 1614 г., января 27, воеводы князя И. И. Одоевский и Г. Г. Пушкин дали монастырю «на Вологде внутри городе за воевоцким двором в углу пустою порозжево места под двор, поперек по улице 15 сажен, а в длину... 11 саж... велети на том месте поставити со всеми хоромы и живучи в том дворе дворником своим никакова воровства держати не велети». В 1625 г., ноября 17, Окинфей Нифантьев, вологжанин-посадский из Владычией слободы, продал Троице-Сергиеву монастырю «свой двор» на Вологде «на посаде в сороку бывшие Владычны слободы на берегу реки Вологды в Пречистенском приходе, а на том... дворе хором: передняя изба со всем избным нарядом на подызбище с нарядом же, да перед тою избою сени рубленые глухие с отходом, да под теми сеньми анбар, да назади двора другая изба со всем же, избным нарядом, да погреб земляной, а над ним напogребища рубленая, ща нат тою погребницею клеть, да передние ворота на брусье, да нат теми ворота пристен рублевой да баня с нарядом да городьба того... двора спереди и сзади и от Рабанского двора в замет бреденная, а по другую сторону городьба Елисея Холмогорца и те все хоромы с кровлями и со всем нарядом, что в стенах держит и з воровою и с огородною землею по старым межам». Этот двор был куплен монастырем за крупную сумму в 60 руб. В это же время вдова «Офонасья Исакова дочь Исаковская жена вологжанка с сыном своим с Олексеем» дали Троице-Сергиеву монастырю «вкладом двор своей на Вологде внутри города в Воздвиженской улице по проезжему мосту и с местом за 50 рублей, а на дворе хором горенка на подклете, а на против ее повалуша, а над повалушкою погреб рубленой, да изба с комнатою, да с сенцы глухие да сенник на подклете, да баня» В 1650 г., ноября 10, слуга Троице-Сергиева монастыря Иван Михайлов Тверитин купил на Вологде «за городом на посаде на реке на Вологде на берегу, в приходе у Вознесенья Христова на Вознесенской улице двор у Фоки да у Демида Остафьевых детей у Ряминых со всем по старине» за 20 руб.

свою торговую слободку в Вологде — «Еремеевскую» в Васильевском конце («сороку») в 19 дворов при 49 человеках населения. Эта слобода была отписана на казну только в 1649 г.

Строгановы, как и целый ряд богатых гостей, не торгуют непосредственно на самом вологодском рынке, в его торговых рядах, а всю главную и основную оптово-торговую деятельность сосредоточивают в своих дворах. Сюда приходят вологодские посадские-торговцы за выбором и покупкой партий товара, здесь заключаются торговые сделки как с этими, так и с приезжими торговцами из близлежащих посадов и сельских местностей. Впрочем, самый товар, шедший не весь в оптовую продажу, хранился в гостиных дворах-амбарах, частью же лежал на судах и в государевом гостинном дворе.

Торговые дворы монастырей и гостей находились на набережной реки Вологды, ниже устья речки Золотухи, тесно прижавшись друг к другу, имея небольшую площадь, обращенную к реке Вологде и сильно вытянутую в длину.

Прибрежное местоположение этих дворов, находившихся в то же время вблизи рынка, позволяло им выполнять двоякого рода функции: они были использованы и «для судовые пристани», для приходявших «снизу», из-под Архангельска, Великого Устюга и Тотмы, гостиных людей с товаром, и «для всякого торгового промыслишку».

Перечислим эти дворы в том порядке их расположения, который дается писцовой книгой 1627 г. с указанием размеров площади под ними. Первым был двор столичных гостей Ив. и Вас. Юдиных размером 60 на 22 сажени, затем один за другим следуют (в скобках — размеры в саженях) дворы: Меньшого, Семена и Бахтеяра Булгаковых (56×30); двор Кирилло-Белозерского монастыря (50×25); Ивана, Петра и Андрея Строгановых (53×33); Спасо-Прилуцкого монастыря (51×32); Спасо-Печенгского монастыря, «что в Кольском остроге» (60×8)¹;

В 1684 г. «воложане Филип, прозвище Смирный, Федоров сын и Томила Фомин дали двор свои вкладу за пять рублей, а тот... двор на Вологде на посаде на Пробоиной улице впуске позади с Троицким двором».

Наконец, в 1686 г., 13 января, вологодский каменщик Леонтей Поздней Васильев «продал двор свой на Вологде на посаде в Новинках на Пробоиной улице в Петровском приходе в дом живоначальные Троице-Сергиева монастыря... а тот двор белой камен — за 6 рублей». ЦГАДА, сборник Троице-Сергиева монастыря, № 522, л. 806—806 об., 807—807 об., 808, 817, 818 об., 820—821.

¹ Из жалованной грамоты Печенгскому монастырю 15 июня 1675 г. (АИ, т. 4, № 254) видно, что в Вологде у монастыря был двор торговый, где сосредоточивалась вся монастырская торговля, но вологодские воеводы заставляли старцев прекратить торговлю во дворе и перенести ее в гостинный двор. Там с каждых монастырских саней, груженных товаром, бралась пошлина в 1 алтын. Этим переводом торговли старцы были весьма недовольны, жаловались в Москву, но, по-видимому, безрезультатно.

Соловецкого монастыря (97×57); Сийского монастыря (97×24); устюжского гостя Як. Усова (97×11); Устюжского Архангельского монастыря (97×6); Николо-Корельского монастыря (97×6); Кандалакшского монастыря, «что на море на Корельском берегу» (97×10); гостиной сотни москвитянина Мих. Глазовского (97×7); Троице-Сергиева монастыря (97×11); «немецких гостей Марка Маркова, сына Девогеларда, да Юрья Иванова, сына Клинкина» (97×43); гостя Ив. Коломнетина (97×18); «гостя немчина» Юрья Клинкина (87×14).

Следует отметить выгодное расположение этих дворов: с одной стороны, сюда к набережной реки Вологды подходили судовые караваны с товарами из Архангельска и отсюда же отправлялись на Архангельск, а с другой стороны, сюда же подходила московская проезжая дорога, по которой было неустанное гужевое движение на колесах и на санях.

Кроме этих торговых дворов на набережной реки Вологды, по городу был разбросан еще целый ряд торговых дворов, принадлежащих купцам-иноземцам. Так, например, из Наказной памяти 1639 г. мы узнаем о существовании в Вологде большого двора с обширными товарными складами-«анбарами» и «погребами» и «с людскими черными избами»; владельцем этого двора был «английский немчин Ждан Блядль», где жил его приказчик, англичанин Иван Азборн, «со многими немцы и с своими приказшики, с Юрьем Крефтом да с Ильяном Филипповым». Далее были на вологодском посаде дворы Томаса Рыцарева, Романа Блядвина, рыцаря Фауля, немецкие дворы Елисея Носа, Ивана Симанова, Ивана Еремеева, двор шведского агента Петра Крузберна с приказчиком Тимофеем Андреевым. Наконец, в Вологде был известный иноземный двор — Андреевский, где в 1639 г. «стояли галанцы Иван Иванов да Аврам Андреев»¹.

Для строгановских провинциальных торгово-агентурных контор, какими по существу были эти дворы как в Вологде, так и в Нижнем Новгороде, Казани, Переяславле Рязанском, Коломне, Калуге и других местах, всегда характерно удачное расположение². Например, в Казани строгановский двор стоит вблизи гостиного двора, на набережной, у начала гужевой дороги на Бежбалду и к волжским пристаням, в Калуге

татно, так как в жалованной грамоте 1675 г. монастырь льготы на дворовую торговлю не получил. Вообще торговля по дворам была незаконной, она лишала казну торговой пошлины и возможности осуществлять надзор за соблюдением торгующими в своих дворах правил о монспольных «государевых заповедных товарах», которыми нелегально поторговывали в таких дворах. Вот почему воеводы с данным видом сбыта боролись, но дворовая торговля многомочных вотчинников и гостей была распространенным явлением и уничтожить ее в XVII в. посадским властям, по-видимому, в полной мере не удавалось.

¹ РИБ, т. 2, № 205.

² См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 95, 96, 100.

их двор на набережной реки Оки и т. д. Расчетливые хозяева осмотрительно выбирают наиболее выгодный пункт для производства своей торговли в данном месте.

О существовании строгановского двора в Вологде мы имеем свидетельство писцовой книги 1627 г. Но возник он много ранее, а именно в 70-х годах XVI столетия. Здесь в это время было пустопорожнее место — «исадные места». В момент проживания в Вологде Ивана Грозного в 1568—1571 гг., когда он предпринял отстройку каменных стен Кремля и начал копать речки Содемку, Шограш и Золотуху, по свидетельству той же книги здесь «лежали государевы городовые бревна, как учат был город делать каменной»¹.

Можно сделать попытку более точной датировки построения Строгановыми этого вологодского двора. В деловой записи от 6 декабря 1577 г. Никиты, Семена и Максима Строгановых о любовном разделе дворов на Москве, Калуге, Переяславле и Вологде мы находим следующие сведения: «Да на Вологде двор, а в нем хором горница с сенми с подклетом, да изба на взмостье, да баня, да клеть, да поварня, круг двора замет». Этот двор по договору достается Никите Григорьевичу Строганову². Так, деловая от 24 января 1578 г. уже уверенно квалифицирует его как «Никитин двор на берегу»³.

Хотя здесь не имеется топографических указаний, мы все же полагаем, что речь идет именно об этом дворе на набережной реки Вологды, так как писцовая книга дает определенное указание о существовании его за Строгановыми «лет 30 и больши». И, что еще важнее, указывает, что ранее здесь был пустырь со складом государевых бревен, шедших на постройку каменного города. Постройка эта началась в 1569—1570 гг., а через семь лет мы уже знаем, что на этом пустыре возник ряд хозяйственных построек, составивших комплекс строгановского торгового двора.

Таким образом, устройство последнего падает на период 1570—1577 гг. Косвенные данные позволяют предполагать, что Строгановы вместе со Спасо-Прилуцким монастырем выпросили места под свои дворы у Ивана Грозного во время его пребывания в Вологде, т. е. в самом начале 70-х годов; к 1570—1571 гг. и следует относить возникновение на данном месте строгановского двора. По получении дворового места Строгановы вскоре же обстроились и, нужно отметить, обстроились основательно. На дворе возник двухэтажный деревянный дом — «хоромы — горница с сенми с подклети», верхний этаж которого служил

¹ «Источники истории Вологды», стр. 117—119.

² См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 95—97.

³ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы.

местом для проживания наезжавших сюда хозяев, нижний этаж («подклеть») был складом хозяйственных принадлежностей двора и архивом местной торгово-агентурной конторы. В «избе на взмостье», вероятно, помещался обслуживавший двор технический персонал — дворовые и работные люди, для которых были устроены баня и поварня. Тут же была выстроена особая клеть — помещение для ценного товара — пушнины, сукон и пр. Сами Строгановы не всегда жили в этом дворе. В отсутствие их здесь находилось их доверенное лицо — приказчик, обычно из полных холопов, командидуемый из состава слуг сольвычегодских хором.

Но и до возникновения этого двора у Строгановых была торговая связь с Вологдой. Обширное хозяйство, развернутое на широких коммерческих основаниях Аникой Федоровичем Строгановым с начала XVI в., имело в Вологде немаловажный опорный пункт для сбыта разнообразных товаров. У Строгановых здесь был и другой опорный пункт для торговли, возникший, по всей вероятности, в первой половине XVI в. Из деловой записи 6 декабря 1577 г., цитированной выше, мы узнаем, что наряду с двором на набережной реки Вологды у Строгановых «на Вологде» была «на гостине дворе горница с комнатою с сенми да с подгорницею анбар». Стало быть, в старом обширном государевом гостинном дворе на Вологде, сгоревшем в сентябре 1613 г., Строгановы имели еще владение и, возможно, не на арендном праве, так как оно передается по деловой записи от одного лица к другому.

До 70-х годов XVI в. Строгановы здесь и производили, по-видимому, свои торговые операции. Характерно для Строгановых, что, имея свои торгово-агентурные конторы в ряде городов еще в XVI в., они как бы стремятся избегать государевых гостиных дворов и стараются обзавестись своими, куда и переносят свои торговые операции. Так было в Казани, в Калуге¹, в Рязани и в других городах. Не было ли здесь стремления быть подальше от надзора правительственных агентов, которые на гостинном дворе могли лучше наблюдать торговые операции гостей, чем во дворах последних?

Обращаясь к рассмотрению конкретных черт коммерческой деятельности Строгановых в Вологде, приходится пока констатировать незначительность и отрывочность наших сведений, хотя нельзя сомневаться, что архивные документы, в массе своей еще неизвестные исследователям и хранящиеся в московских древлехранилищах, должны дать много сообщений об этой стороне деятельности гостей Строгановых в отдельных

¹ Грамота Ивана IV калужскому городовому приказчику Афанасию Третьякову 1579 г., марта 7-го. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 100—101.

городах Русского государства, в частности и в Вологде. Много сведений о торговом обороте города Вологды имеется в городских таможенных книгах. Их изучение в последнее время значительно пополнило наши знания по экономической истории Русского государства. Исследование этих памятников должно быть продолжено.

Мы уже упоминали о том, что хозяйство Строгановых еще в первой половине XVI в. искало выходов для своей продукции сначала на местных поморских рынках. В царской грамоте от 30 июля 1567 г. в части, излагающей существо челобитной Строгановых, до нас дошло известие, что «они ходят в судах с товаром с солью мимо Устюга и Тотмы на Вологды и назад с Вологды мимо Тотмы и Устюга с товаром же»¹.

В этом документе указываются далеко не все судовые пристани и товарные склады при них по Беломорскому пути. Помимо Сольвычегодска, Великого Устюга, Тотмы и Вологды, где у Строгановых были торгово-агентурные пункты по сбыту товаров и где постоянно находились их люди или приказчики, были у них дворы и в других крупных промежуточных пунктах по Двине. Так, между Великим Устюгом и Архангельском, в большом торговом Красноборском погосте, принадлежавшем Соловецкому монастырю, Строгановы имели лавки и амбары. Красноборский погост был крупной судовой пристанью для речной товаро-пассажирской флотилии, курсировавшей между Архангельском и Вологдой и имевшей здесь продолжительную остановку и частичную смену своего экипажа — судовых ярыжек, лямкой тянувших суда. Останавливавшиеся у Красноборья с солью карбасы и дощаники частично здесь сбывали привезенный товар, так как Красноборский погост был одновременно крупным торгом и имел бойкую ярмарку. Монастырскими властями это торговое местечко было обслужено и «чудотворной иконой, привлекавшей богомольцев и содействовавшей оживлению торгова»².

На пути из Сольвычегодска до Великого Устюга на Двине расположен был другой пункт точно такого же характера: большая судовая пристань и оживленный торг для окрестных сел и деревень — Вондокурье, «село Баскачье тож», принадлежавшее целиком Строгановым со второй половины XVI в. Здесь у них были дворы «на приезд людям», жили постоянно приказчики, наблюдавшие за перевозкою товаров, следовавших через этот транзитный пункт, тут же находилось несколько больших соляных амбаров и складочных помещений. Село Баскачье было ближайшей к Вологде товарной базой Строгановых, откуда на вологодский рынок поступали строгановские товары³.

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 89—91.

² М. Богословский, Земское самоуправление..., т. 1, стр. 74.

³ Писцовые книги 1678 (7186) — 1682 (7190) гг. Публ. Библ., Q. IV. 501, л. 975 об.

Транспорт товара, особенно такого громоздкого, как соль, доставлял Строгановым множество хлопот и расходов. Несмотря на наличие своей флотилии — дощаников, лодей и насадов, все же судов не хватало, и их приходилось нанимать у мелких судовладельцев Вологды, Тотьмы и Великого Устюга. Зимой транспортировка товаров совершалась гужевым способом и обходилась довольно дорого. Так, например, на провоз из Устюга в Сольвычегодск в 1629—1631 гг. разных снастей весом в 460 пудов 19 гривенок, а также с 17-ти «половинок» сукна понадобилось 24 подводы. Каждая нанималась по 13 алтын и 2 деньги. Кроме того, значительные расходы были связаны с выполнением таможенных формальностей и уплатой различных, часто мелких, налогов, взимаемых и с товара, и со служебного персонала, везшего этот товар. Приходилось платить, например, проезжую пошлину по 2 алтына с воза, гостиного обора — 2 алтына, амбарного за 15 недель — по 7 денег за неделю, за каждого ярыжного — по 4 деньги, а за каждого «носника» — капитана судна — по 3 алтына 2 деньги. Кроме того, платилась пошлина с объявленной суммы стоимости всего провозимого товара по 5 денег с рубля¹.

В иных случаях таможенная пошлина взималась с судна с учетом его размеров («посаженная пошлина»). Все расходы, связанные с транспортом товаров и с уплатой таможенных пошлин, составляли значительные суммы, уплата которых была под силу только более или менее крупным владельцам. Кроме того, перевозка товаров была сопряжена с постоянными недоразумениями и столкновениями с местной приказной и таможенной администрацией, которая, «кормясь» своими должностями, совершала много незаконных поступков; жалобы на нее постоянно неслись в приказы столицы как с Беломорского, так и Волжского водных путей от заинтересованных в транспортном деле гостей.

Серия таких жалоб от Строгановых вскрывается приводимым ниже документом довольно раннего времени. От 30 июля 1557 г. мы имеем царскую грамоту: «На Устюге земским таможенником Исаку Меркурьеву сыну Попову, да Ондриюше Савену сыну Ходутину, да Дмитроку Маркову с товарищи, да на Тотьму откупным таможенником Семейке Юрьеву сыну Оботурова Москвитину, да Поснику вологжанину с товарищи, которые ведают на Устюзе и на Тотме пошлину судовую емлют с судов мыт и пассаженную тамгу; и всякие пошлины, или кто по вас на Устюзе и на Тотме иные таможенники верные или откупные будут». Из этой грамоты мы узнаем о целом ряде правонарушений, чинимых таможенными администраторами.

Царская грамота со слов жалобщиков, сольвычегодских торговых людей, в числе которых разумеется и самый крупный торговец посада,

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1629 г., № 34; 1632 г., № 11, л. 10—11.

Аника Федорович Строганов с сыновьями¹, так формулирует проступки администраторов на местах: «И вы у них на Устюзе и на Тотме меряете суды саженею малою, а не нашего казенною саженею. Да и без товарные места порожние у них на судах нос и корму и лояло² меряете ж. А меряете... их суды около по порубню³, а не впрямь, и в том... им на Устюзе и на Тотме от вас ставитца продажа и издержка их судом великая. А в те... поры в вашей издержке реки мелеют, и они... своими суды до Вологды в тех в ваших издержках без подвозков⁴ не доходят и им... в том от вас чинятца убытки великие». Грамота предписывает впредь руководствоваться деревянной саженью за «царевой великого князя печатью», имевшейся на руках у торговцев Соли Вычегодской, которой надлежит мерять «у них суды нашею прямою саженею казенною, товарное место, прямо сверх полуб, с носа на корму, как есть меривали на перед сего. А без товарного бы есте порожнего места, на судне у них и около по порубню не меряли»⁵.

В некоторых случаях гости и монастыри имели право на беспошлинный провоз товаров, которым злоупотребляли, чем и наносили ущерб казне. В 1625 г. тотемский воевода и дьяк писали, что «мимо Тотмы с товарами на судах и дощаниках и в каюках и в лодьях проходят английской и голландской земли гости и торговые люди, старцы и слуги Соловецкого, Кириллова, Сергиева, Сийского, Печенгского и Прилуцкого монастырей прикащики и люди гостя Надея Светешникова и немчина Андрея Бука. И довелось на них взять таможенных пошлин с 18 сентября по 25 июля 1613 (122) года — 123 рубля 9 алтын 5 денег... и у них жалованные грамоты за приписью думного дияка Петра Третьякова, а у иных грамот приписи иных дьяков из разных приказов и по тем грамотам с товаров их пошлин имати не велено». Многие из монастырей и гостей-иноземцев имели такие жалованные грамоты с продолжительным сроком действия данных привилегий. Но правительством документы выдавались и по разным конкретным случаям.

В отношении Строгановых мы не замечаем пожалованных им особенных льгот и изъятий из общегосударственной таможенной политики.

¹ Так можно думать, основываясь на факте нахождения этой грамоты в составе фамильного архива Строгановых. Обычно грамоты, затрагивавшие интересы какого-либо круга лиц, хранились у одного из наиболее видных и влиятельных его представителей. Имеются и другие документы, касающиеся торговых людей Сольвычегодска, но постоянно бывшие на руках у Строгановых, являвшихся первыми по своей экономической значимости среди посадских этого города.

² Л о я л о — руль.

³ П о р у б е н ь, п о р у б н я — толстый деревянный брус, которым обшивалась надводная часть судна по ватерлинии вокруг всего судна.

⁴ П о д в о з к и — подтягивание судна к заброшенному вперед якорю.

⁵ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 89—90.

Строгановы, по-видимому, в пределах Беломорского пути не пользовались какими-либо особыми тарханами на длительные промежутки времени. Лишь иногда, впрочем, они освобождались от пошлин и даней. Так, 24 марта 1582 г. Никита и Максим Строгановы получили право беспошлинного провоза к своему «богомолью у Соборного храма у Благовещенья Пречистые Богородицы, да у приходных с девяти храмов да в монастырь у Веденья Пречистые Богородицы» «на свечи воску сорок пуд...». Однако, давая такое изъятие на провоз определенного рода товара по определенному и уважительному случаю, правительство требовало с местных таможенников доводить до сведения «в посольский четвертной приказ дияка нашего Василия Щелкалова» о проследовавшей через таможенные пункты партии товара со сложенной с нее пошлиной¹.

Главным объектом продажи в Вологде у Строгановых была соль, которая добывалась на собственных варницах Соли Вычегодской. Здесь вываривалось, по нашему подсчету, в XVI в. от 200 тыс. до 300 тыс. пудов соли. В первой половине XVII в. выпускалось с сольвычегодских варниц Строгановыми уже 300—500 тыс. пудов соли. Вся она транспортировалась на своих или наемных судах, которые в XVII в. вмещали до 10—15 тыс. пудов. К концу XVII в. у Строгановых бывали насады грузоподъемностью до 20 тыс. пудов. Едва ли не главная масса соляного груза поступала на вологодские строгановские склады, откуда и продавалась как местным розничным соляным торговцам, так и приезжим из Москвы кадашевцам, гостям и торговым людям разнообразных чинов и состояний.

На вологодских складах хранилось, например, в 1615 г. соли «Микитина да Максимова, да Козмина торгу 7883 рубли»², что при средней стоимости в 10 денег пуд составит 157 660 пудов. В 1627 г. «Максимовские Максимова сына Строганова Усольские вари сослано на Вологду 160 рогож соли, а в них весом пять тысяч четыреста пудов»³. Соль у Строгановых была в упаковке тюками — «в рогожах» или «в мехах» — рогожных кулях разного веса. Соль-пермянка упаковывалась в меха по тридцать — тридцать два с половиной пуда каждый.

¹ Интересным документом в отношении Строгановых и их торговли является грамота «Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича всея Руси» (Лжедмитрия I) 1606 г., февраля 13-го, таможенным головам, таможенным целовальникам и откупщикам в Коломну, Каширу и в Калугу с распоряжением: прибывающую в эти города соль Максима, Никиты, Андрея и Петра Строгановых (согласно челобитной Строгановых) весить и записывать в таможенные книги и выдавать в том отписи о взятых пошлинах, чтобы Строгановы не платили вторично таможенной пошлины на этот товар. См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 107—108.

² ААЭ, т. 3, № 68.

³ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 2, 1627 г., № 2, л. 60, 131.

При провозе соли принималась во внимание ее раструска и усушка. Новоторговый устав 1667 г. клал на 1000 пудов соли «100 пудов и слиш-ком» на утечку и усушку. Для XVI в. при низкой технике солеваренного дела и примитивности ее доставки в неприспособленных судах усушка и утечка дает еще больший процент.

У Строгановых в Вологде были сильные и опасные конкуренты в лице монастырей Соловецкого, Сийского, Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Прилуцкого и Печенгского, которые имели право беспошлинного провоза и торговли солью «про монастырской домовой обиход» в разных количествах. В общей сложности они выкидывали на вологодский рынок несколько тысяч тонн или сотен тысяч пудов монастырской дешевой соли. Впрочем, монастырская соль не вся продавалась в Вологде, она предприимчивыми старцами развозилась по ряду городов, где торговые агенты монастырей — «купчины монастырские» торговали ею из своих амбаров на монастырских подворьях. Соль старцы везли на Москву, в Дмитров, Углич, Кашин и т. д.

Следует отметить, что в тех городах и посадах, где у монастырей была оптово-розничная торговля солью, Строгановы не торговали и дворов своих не имели, а, наоборот, выступали там, где не было мощных монастырских торговцев: в Нижнем Новгороде, Рязани, Елатье, Коломне, Кашире, Калуге, Муроме и т. д. Очевидно, Строгановы уклонялись от конкуренции с монастырями.

В Вологде же, в этом центральном пункте, где сходились торговые пути Поморья и Замосковского края, невозможно было уклониться от встречи с монастырской торговлей, и Строгановым приходилось выступать на вологодском рынке не одним, как обычно в ряде других пунктов. Впрочем, были два обстоятельства, смягчавшие конкуренцию со стороны монастырей для Строгановых на вологодском рынке. Во-первых, монастырские купчины, имея дешевую соль, вряд ли пускали ее в продажу по дешевой цене, блюдя свои интересы. По имеющимся в нашем распоряжении документам мы не знаем случаев резкого расхождения цен монастырских и других торговцев на соль, так что с этой стороны Строгановы, по-видимому, могли быть уверенными, что излишнего понижения цены монастыри не допустят.

Рыночная стоимость соли определялась как количеством общего провоза ее на вологодский рынок, так и рядом других причин: количеством выварки соли на местах за данный солеваренный сезон, качеством ее, размером государственной пошлины, наличием экстренных налогов, покупательной способностью рынка и в конечном счете — состоянием урожая в данной области.

Другое немаловажное обстоятельство заключалось в некоторых особенностях монастырской торговли. Для промышленных северных мона-

стырей средней руки была неотложная необходимость в быстрой реализации на рынке очередной партии товара (соли или рыбы) для срочной закупки значительного количества съестных припасов на прокорм братии. Иногда поэтому монастырский товар не продавался, а менялся на муку, крупы, толокно, железо. Необходимость срочной реализации прибывшего груза заставляла монастырских старцев обращаться к посредникам — гостям столицы и торговым людям — вологжанам и к устюжцам, которые имели наготове необходимый для монастырей ассортимент товаров для промена его на соль или рыбу. Обычно у каждого монастыря, не имевшего на вологодском рынке определенной клиентуры покупателей-розничников, имелись определенные, тесно связанные с монастырем многолетним обслуживанием купцы-посредники, которых монастырь ценил, делал подношения «в почесть» и разрешал иной раз бесплатно везти купеческий товар на монастырских лодьях, почему-либо возвращающихся в свой монастырь пустыми или с неполной нагрузкой. Таким образом, монастырская дешевая соль выходила на вологодский рынок через руки посредников-купцов и переставала быть дешевой, так как купцы-посредники пускали ее по обычным рыночным ценам.

Строгановы торговали в Вологде главным образом солью, но не только ею одной, а и другими товарами: у них здесь был «товар всякой», за приобретением которого хозяева фирмы ежегодно сами отправлялись сначала в «Колу на Мурманском», а затем к Архангельскому городу. «Товар всякой» — это иноземные сукна, некоторые предметы роскоши (ювелирные изделия, меха в небольшом количестве — главная меховая торговля была в Москве и Архангельске), а также хлеб, сено, кожи и полотно.

Одно судное дело 1632 г. может нам конкретно указать на те товары, продажа которых производилась в Вологде на строгановском дворе. В 1632 г. Иваном Максимовичем Строгановым был послан «от Соли Вычегодской посажкой человек Тимошка Опляшихин да с ним же послан был человек мой Ивашко Лукин к соляной продаже вместе жити и соль моя продавати и покупка всяка про мой обиход покупати». Так пишет в своем челобитье Иван Максимович Строганов. Этого Ивашку Лукина, однако, вскоре «сыскали... на Вологде на моем же дворишке на пустой избенке под кровлей удавленово», а все посланные с ним товары исчезнувшими. Товары эти, посланные Строгановыми для продажи на Вологде, были следующие: «12 бобров да 2 выдры, цена... бобрам... выдрам 23 рубля; да ожерелье жемчужное женское, цена ожерелью два рубля, да полотен тонких сто аршин, цена полотнам три рублик». Следствие, наряженное властями по челобитью Ив. Макс. Строганова, установило, что убийцей был дворник строгановского же двора на Вологде Богдашка Клементьев. Оказалось, что «с Ивашкой Лукиным тот мой Волоцкой

дворник Богдашко водился и спал по ночам в той избенке с ним вместе на которой избенке того мово человека удушена нашли». Пограбленные строгановские «животы» не удалось обнаружить, так как Богдашка «в животе во всем запирается и где живот допряма не говорит» на допросах, несмотря на неоднократные жестокие пытки. Впрочем, следствие не особенно настойчиво разыскивало «животы», гораздо более заинтересовавшись случайно вскрывшимся обстоятельством — «воровскими письмами», обнаруженными у Богдашки, которыми он «напущал на людей и на женок сухоту, от бога отрекся, а дьяволов призывает и оружие и собак уговаривает и ворожит и гадает».

По существу же дело вскрывает житейскую драму скучающего в долгие зимние дни без дела строгановского дворника, который под влиянием неудачного своего романа с посадской «женкой Федоркой», не удостоившей его своей благосклонностью, решился на крайние средства. Дворник решил разбогатеть через грабеж и убийство и насильно завоевать расположение приглянувшейся ему женки Федорки через магическую науку «как женок к себе привораживать», для чего специально и начал учиться «из Колы Печенгского монастыря у слуги у Федотки тем словам, да у Ивашки Юдина». Проходя свой курс обучения, строгановский дворник старательно списал к себе в тетрадки тексты заговоров на всякие случаи, которые при обыске попали в руки следственных властей, найдены были весьма криминальными и отвлекли внимание правительственных агентов от розыска пограбленных строгановских «животов», так и оставшихся неразысканными¹.

Конечно, только что рассказанный случай с убийством и покражей товара был исключительным явлением во внутренней жизни вологодского строгановского двора. Обычно же здесь шла размеренная и монотонная деятельность, направляемая присланными «большими прикащиками», сносившимися все время отписками со своими хозяевами. Отмеченная выше торговля разнообразным товаром по мелочам наряду с основным и оптовым соляным торгом характерна не для одних Строгановых. В XVI—XVII вв. все гости, и столичные и провинциальные, даже не специализировавшиеся на торге или промысле каким-либо видом товара, приторговывали по мелочам самыми разнообразными предметами.

Строгановы, так же как и другие гости, покупали на ярмарке в Архангельске лично или через приказчиков разнообразный товар из первых рук от купцов-иноземцев.

Жизнь вологодского двора, естественно, всегда интересовала Строгановых. Все, что здесь делалось, было известно из отчетов и отписок

¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 3, дело 1631—1632 гг., № 1, л. 30—55.

приказчиков и их личных рассказов. Кроме того, Строгановы сами в Вологде бывали часто при проезде в Москву, куда те или другие представители фамилии несколько раз в год ездили по разнообразным своим делам. Наконец, немаловажным источником информации были и сообщения родственников и даже посторонних лиц, так или иначе связанных со Строгановыми. Например, в 1611 г. сведения о вологодском дворе Строгановым доставлял в своих письмах вологодский воевода Петр Нащокин, который так описывает в одном своем письме положение дел в Вологде: «Государю моему, кормильцу Максиму Яковлевичу, вскормленник великого твоего жалованья Петро Нащокин челом бьет. Вели, Государь, ко мне писати о своем здоровье и о своих близких приятелях, как вас, Государей моих, бог милует. А о мне, Государь, пожалуешь похощешь ведати, и я на Вологде октября по 8 день телеснее жив, а душой Бог весть. Учини, Государь, память к прежнему своему жалованью ко мне, как Бог по сердцу положит. А на дворе, государь, на твоём на Вологде дал Бог здорово. А хлеб на Вологде не дорог. А соли купят пуд по 4 алтына по 2 деньги. Да пожалуй Максим Яковлевич, вели сослати в Пермь Великую грамоты от бояр к Матвею Михайловичу Годунову, да и мои три грамотки, и яз тебе, государю моему, на всех благих твоих много челом бью»¹.

Упоминаемый здесь двор — это тот двор на набережной реки Вологды, о котором шла речь выше. «Вскормленник» Строгановых Петр Нащокин был незадолго перед этим, в 1610 г., сольвычегодским воеводой. В 1611 г., очутившись по службе в Вологде, он не порывает своих связей с «многомочными» купцами и сообщает в своих письмах ряд интересующих их сведений об их дворе, ценах на хлеб, на соль и пр. Такие сообщения Строгановы имели из Вологды не в единственном числе. Так, у Максима Яковлевича здесь была замужем за посадским жителем Чудиновым сестра Варвара Яковлевна, затем у Строгановых в Вологде были родственники Ямские, которые информировали богатого родственника о вологодских новостях и в конце концов, бросая свои дела, переходили к Строгановым на службу, переезжали в Сольвычегодск и становились у них приказчиками и казначеями.

Вологодский двор Строгановых на набережной реки Вологды был во владении этого дома почти столетие. За это время он бывал то в общем владении всех членов фамилии, то принадлежал одному хозяину, как это было во вторую половину XVI в. и первое десятилетие XVII в., когда им единолично распоряжался Никита Григорьевич Строганов. В общее владение он поступил после смерти последнего в 1618 г. Нако-

¹ Это письмо было напечатано по подлиннику, теперь утерянному, в «Вологодских Губернских Ведомостях» за 1855 г., № 24 и 29.

нец 4 июля 1633 г. вологодский двор был разделен на три отдельных двора между Андреем и Петром Семеновичами и Иваном Максимовичем Строгановыми, причем Андрей Семенович получил треть двора, примыкающую к двору Кирилло-Белозерского монастыря, размером 31 сажень, «поперег от площади до заплоты Кириловского двора», Иван Максимович Строганов — другую треть, примыкающую к двору Спасо-Прилуцкого монастыря, размером в поперечном сечении 33 сажени, 2 аршина, а Петр Семенович получил на свою треть землю, находящуюся посредине третей Андрея и Ивана Строгановых, размером в 34 сажени и 4 вершка¹.

В таком раздельном состоянии вологодский двор просуществовал до 1657 г., когда он был окончательно ликвидирован отдачей его «вкладом» в Кирилло-Белозерский монастырь. Нам неизвестны причины ликвидации вологодского двора братьями Строгановыми. Строгановские документы («данные»), по которым он передавался в монастырь, о мотивах ее ничего не сообщают. Только архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Митрофан, прося в своем челобитье в столицу об утверждении строгановского двора за монастырем, говорит, что «Дмитрей да Федор да Данило Строгановы дали на Вологде за городом на посаде по берегу реки Вологды к церковной нашей земле (к) церкви Петра и Алексея и Ионы Московских чудотворцев и под монастырские обиходы по родителей своих на белой земле дворовое отцовское их старинное место, чем они изстари владели». Но едва ли можно сомневаться в том, что если бы Строгановы ликвидировали свой двор, побуждаемые только необходимостью дать вклад «по родителей своих», то они в своих данных это тщательно бы оговорили, как это делали обычно. Это объяснение мотивов ликвидации двора, по-видимому, целиком принадлежит Кирилло-Белозерскому архимандриту Митрофану. Более правдоподобное объяснение причин ликвидации двора можно найти в следующем предположении: соляная добыча Строгановых своим главным центром во второй половине XVII в. стала иметь великопермские вотчины, и привоз в Вологду сольвычегодской соли из года в год стал уменьшаться, а в начале XVIII в. и совсем был прекращен. Потому и вологодский двор стал ненужным. Конечно, при этом объяснении не могут быть полностью отброшены и побуждения религиозного характера хозяев двора, но они, несомненно, были второстепенными.

И вот в 1657 г., 4 марта, Дмитрий Андреевич Строганов отдает принадлежавшую ему треть вологодского двора по особой данной

¹ Деловая («роздельная память») Андрея и Петра Семеновичей и Ивана Максимовича Строгановых на общий двор в Вологде «на Вологодскому берегу» 1733 г., июля 4; ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 5, дело 1657 (7165) г., фев-
раля 20 — сентября 11, л. 12—13.

«вкладом» в Кирилло-Белозерский монастырь, оценивая ее в 50 рублей, 26 июня того же года Федор Петрович Строганов также отдает вкладом свою треть двора в тот же монастырь, но свой «жеребей — треть дворового места» — «на Вологде на посаде Государево жалованье на белой земле» оценивает в 150 руб. 3 июля Данило Иванович Строганов последнюю треть вологодского двора, принадлежащую ему, ликвидирует, отдавая ее вкладом в тот же монастырь, оценивая свой вклад «за сто рублей». Все эти три данные, одинаково сформулированные, отдают «то дворовое место с выступом на берегу реки Вологды и с садом в Кириллов монастырь в век без выкупа» с обязательством впредь «роду и племени Строгановым до того дворового места... не оступатца». Эти три данные были монастырем предъявлены царю при челобитье, где говорилось, что Строгановы дали вкладом «на Вологде дворового своего места под храм и под монастырские обиходы на вологодском берегу». Монастырь просил утвердить свое новое приобретение, что было сделано правительством царской грамотой на имя вологодского воеводы стольника Алек. Пав. Еропкина и дьяка Савина Завесина в 1657 г., 11 сентября¹.

Общая оценка всего строгановского двора в 300 руб., даваемая в трех документах его хозяевами, едва ли соответствовала действительности. Она представляется слишком высокой. Это можно объяснить лишь желанием жертвователей преувеличить ценность своего дара и отсутствием возражений со стороны получателя — монастыря, которому было безразлично, в какую сумму оценивается переходившее к нему даровое имущество, не налагавшее на него никаких обязательств, кроме разве обязательства «воссылать молитвы» за жертвователей.

В заключение нашего обзора мы можем констатировать, что крупное значение Вологды в XVI—XVII вв. сольвычегодским торгово-промышленным домом Строгановых было использовано в достаточной мере. Нами учтены далеко не все факты, относящиеся к этой деятельности. Так, например, мы почти не касались связей Вологды со Строгановыми во время крестьянской войны и интервенции, когда сольвычегодские купцы энергично встали на защиту старого порядка.

Однако по фактам, здесь собранным и характеризующим главным образом жизнь и коммерческую деятельность вологодского отделения строгановского дома, мы можем догадываться, что перед нашими глазами предстает правильно функционирующий, большой хозяйственный организм. Главный центр его был неподалеку, в Сольвычегодске, родовом гнезде хозяев, здесь живших и отсюда управлявших всеми своими делами.

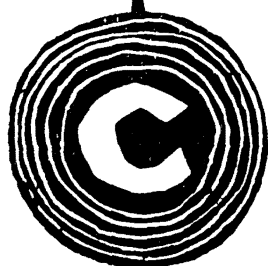
¹ ЦГАДА, ф. 365, Строгановские дела, картон 5, дело 1657 (7165) г., февраля 20 — сентября 11, л. 5—7.

Этот хозяйственный организм не ограничивался энергичной деятельностью только в своем центре, он переносил свою энергию в другие многочисленные отделения — торгово-промышленные конторы, охватившие цепью Верхнее и Среднее Поволжье, Приокский край, Поморье и Пермь Великую.

* * *

Вологда для Строгановых была важнейшим транспортным узлом для движения их товаров с Поморья в центр Русского государства. Сольвычегодская соль шла летом в строгановских судах по Вычегде вниз, затем бурлацкой тягой по Северной Двине, Сухоне и реке Вологде до их вологодского двора на берегу реки около вологодского кремля. Сюда шли из Колы, Холмогор и Архангельска товары, купленные у голландских и английских торговцев, а также ворвань, моржовая кожа, слюда, пушнина с севера Поморья. Вологодский рынок — место оживленных строгановских сделок и с иностранными и русскими купцами. Строгановские приказные люди здесь собирали политическую и деловую информацию о движении цен в Центре и Поволжье. Сюда стекались отчетные данные из строгановских торговых дворов из Калуги, Стародуба и всех приокских и приволжских городов и отсюда отправлялись хозяевам в Сольвычегодск. В Вологде жили многие родственники и свойственники Строгановых, которые часто вовлекались на их службу в качестве приказчиков «для дальних Сибирских посылок» и близких поездок по приречным строгановским торговым дворам по Оке, Волге, Каме. Через Вологду Строгановы осуществляли многосторонние экономические связи с различными экономическими районами Русского государства. Таким образом, многомочные купцы, а с начала XVII в. именитые люди Строгановы выступали и здесь в первых рядах представителей «связей буржуазных», способствовавших образованию всероссийского рынка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ТОРГОВЛЯ СТРОГАНОВЫХ В КАЗАНИ И ДРУГИХ ГОРОДАХ В XVI-XVII ВЕКАХ

строгановы появляются в Казани довольно рано. Писцовая книга 1565—1568 гг. по Казани уже регистрирует здесь у них наличие двора «на приезд их людям». По-видимому, как только началось освоение Строгановыми татарских и коми-пермяцких земель в Приуралье и развернулась выварка соли «в новопожалованных» пермских вотчинах, Строгановы и обосновались в Казани (вторая половина 50-х или самое начало 60-х годов XVI в.).

Аника Строганов ставит свой двор в Казани в районе церкви ярославских «чудотворцев» Федора, Давыда и Константина на улице, шедшей от двора архимандрита Свияжского Богородицкого монастыря, на правой стороне р. Булака, возле бань¹.

Местоположение своего двора Аника Строганов выбрал довольно удачно и, можно думать, не без некоторого расчета и соображения. Вешнею водой с Волги по Казанке-реке строгановские тяжелогрузные насады с солью могли подходить до Бежбалды, откуда дорога, по которой гужевым транспортом шла доставка товара, выходила в Казани как

¹ Новое и полное издание писцовой книги 1565—1568 гг.: «Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 и 1646 г.», Л., 1932, стр. 24.

раз на Булак, к строгановскому двору, поблизости от которого эта дорога и начиналась. Этой же дорогой на Бежбалду, начинавшейся возле двора Аники, доставлялись товары в летнюю пору ямщиками с Волги или от устья Казанки-реки, в сезон мелководья. Затем хотя двор Аники и находился несколько на отлете от центра города, тем не менее отсюда было весьма близко до гостиного двора — центра торговой жизни Казани, где сходились нити и торговых сношений с Востоком, прочно завязанные еще в недавнюю пору Казанского ханства.

Писцовая книга 1565—1568 гг. по Казани не зафиксировала подробностей, касающихся расположения складочных, жилых и торговых помещений казанского двора Строгановых, но некоторое представление о хозяйственном обзаведении, обычном для строгановских транспортно-распределительных контор на местах, можно почерпнуть из других документов. Так, например, из деловой Семена, Максима и Никиты Строгановых от 6 декабря 1577 г. мы узнаем, что в Калуге Семену и Максиму достается «на посаде двор на горе, а в нем хором горница с комнатою, да четыре избы, да погреб, да сенничек на подклете, да поварня, да баня, да анбар, да клеть, круг двора замет»¹.

Такой же тип дворов мы встречаем и в Калуге, Москве, Вологде, Переяславле, Коломне, Елатье, Нижнем Новгороде, Великом Устюге, Муроме и в других посадах.

Можно думать, что и казанский двор оборудован был по обычному для XVI в. типу хозяйственных построек. Таким образом, торгово-промышленные конторы Строгановых в столице и в провинциальных центрах являются перед нами организованным хозяйственным комплексом, где за оградой, «заметом», есть хоромы с горницами для жилья доверенных приказчиков, ведущих текущие торговые операции, и где временно помещаются изредка приезжающие для ревизии, для направления пошатнувшихся дел сами хозяева. К хоромам примыкают соляные амбары, сарай, служившие складочным местом для товара («яловичных шкур», мехов, металлических изделий и пр.), а затем идут и другие подсобные хозяйственные постройки для обслуживающего контору персонала: мыльни, конюшни, поварни и пр.

Двор в Казани, где Строгановыми производилась довольно значительная отпускная оптовая торговля солью и другими товарами, не выделялся из обычного типа провинциальных строгановских дворов.

В своих отделениях Строгановы сосредоточивали значительное количество соли-пермянки, а также и другие товары. Так, например, в 1578 г., к 5 января, в Коломне и в Переяславле, в сравнительно неболь-

¹ А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 95.

ших торговых центрах, у Строгановых на складах оказалось продажной соли 966 мехов весом в общей сложности 30 070 пудов.

Для Казани имеем сведения от 1615 г., когда по распоряжению правительства была составлена роспись, «сколько у Строгановых промыслов объявилось в городах» для взимания с них задолженности по таможенному сбору. В Казани у четырех Строгановых (Максима, Андрея, Петра и Никиты) оказалось 278 тыс. пудов «без цены соли» (еще не расцененной для продажи, но лежавшей на складах). На 5016 руб. оказалось расцененной, по-видимому, приготовленной к продаже соли и 1500 руб. наличными деньгами, которые, возможно, были суммой, вырученной от продажи соляного товара¹. Если принять в среднем стоимость соли для Казани в 20 денег пуд, то окажется, что расцененной соли было здесь 50 160 пудов, а продано было 15 тыс. пудов. Всего, таким образом, по нашему предположительному расчету, в Казани у Строгановых было сосредоточено весьма значительное количество соляного товара — 343 160 пудов. Если даже допустить, что часть соли лежала неразгруженной на судах соляного каравана на Волге, то и тогда будет ясно, что складочные помещения (амбары) в строгановском дворе в Казани были обширны.

Соль хранилась в «мехах» разного веса. В Калуге у Строгановых в 1615 г. «в меху весу» было «по 25 и по 30 пуд». В Переяславле и Коломне в 1578 г. мы видим «меха» по 30 и 31 пуду каждый². Меха представляли собой большой емкости рогожные кули. «А на соляные мехи, рогожи, и на починку давати сопча», — уговариваются два брата Андрей и Петр Строгановы, снаряжая совместную отправку соли для продажи по городам на лодьях в 1621 г. из своих пермских вотчин³.

Интересно восстановить внутреннюю жизнь провинциальных торгово-промышленных строгановских контор. Но в наших документах деловая деятельность этих факторий обрисовывается главным образом в моменты патологических своих состояний, когда нормальный порядок и обычное течение жизни дворов нарушались какими-либо привходящими событиями и когда Строгановы приносят на разрешение высшей центральной власти свои обиды и жалобы. Данные памятников, обрывочные и неполные, говорят главным образом о состоявшемся решении власти, устраняющем ненормальную конъюнктуру в хозяйственной жизни строгановского двора. Нам остается лишь восходить от этих правительственных решений по догадке к истинным причинам случившегося и на основании отдельных черточек устанавливать обычную обстановку

¹ ААЭ, т. 3, № 68.

² См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 118—120.

³ Там же.

нормальной деятельности строгановского двора. Интересующий нас казанский двор не составляет в этом отношении исключения.

У Строгановых в Казани была многообразная заинтересованность. Казань была первым крупным пунктом остановки для их судов, груженных солью, на продолжительном пути от пермских вотчин к верховским городам Приволжского и Приокского края. Она являлась вместе с тем и первым пунктом, где всем проходящим судам чинился таможенный досмотр и взималась пошлина. Из-за таможенной пошлины у строгановских «больших прикащиков», стоявших во главе соляных караванов и судовых команд, ведущих по полномочию своих хозяев самостоятельно все расчетно-финансовые операции, нередко выходили крупные конфликты с местной администрацией, которые не всегда разрешались к обоюдному удовлетворению на месте. Строгановым поэтому приходилось свои обиды и утеснения возносить для разрешения к верховной власти.

От 1578 г. дошло до нас сообщение, что в Казани наблюдается систематическая простойка судов из-за постоянных поклепных денежных исков, которые вчиняются казанскими жильцами и стрельцами на строгановских людей (судовую прислугу) в момент прибытия соляных караванов. Мы не склонны следовать за утверждением строгановских челобитий в том, что все эти иски были непременно поклепными. Весьма вероятно, что многие иски возникали из-за неправомерных действий строгановских приказчиков и поведения их судовой прислуги, которые, зная, что они всегда найдут энергичную поддержку и защиту «сильных и владущих» купцов, нередко позволяли себе ряд незаконных выходов, за которые часто не несли никакой ответственности. В это время сольвычегодская ветвь Строгановых — Аникиевичей пользовалась рядом привилегий. В числе этих привилегий было право неподсудности местным властям всех их людей. Строгановы судили на местах сами, или их судила только центральная власть в столице в определенный срок в году («на Благовещенье день») по всем делам, где были замешаны интересы казны или третьих лиц. Не только строгановские крестьяне, их наемные ремесленники и холопы, но и служившие у них лишь в течение сезона судовые ярыжки, и кормщики, и водоливы из знаменитого на Волге села Дедилово, равно как и территория строгановских вотчин, посадских дворов в разных городах, — все это составляло как бы особый судебный округ, безусловно изъятый из сферы компетенции местных властей, воевод и их приказных, за одним исключением: «опричь душегубства и татинных дел».

И в данном случае мы видим, что Москва высылает распоряжение, подтверждающее строгановскую привилегию о неподсудности местным властям, дающее право местным воеводам срочить статной порукой (обязать прибыть к установленному сроку под поручительством третьих

лиц) истцов и ответчиков для явки их в столичный приказный суд, но не задерживать последних в Казани, что предписывается категорически: «А в Казани бы есте их в тех делах не судили, чтоб для тех судов задержанья никакова не было».

О неправомерных действиях местных властей, нарушивших нормальное течение торгово-промышленной деятельности провинциальных дворов, можно составить некоторое представление из практики других местных строгановских контор в ряде приокских и приволжских городов. Эти примеры столкновений с администрацией уясняют нам обстановку, в которой приходилось действовать Строгановым при транспортировке своих товаров. С другой стороны, эти же примеры познакомят нас с различными случаями затруднений, создаваемых приказными дельцами, возможность которых не исключена и для Казани.

В ближайшем от Казани пункте остановки строгановских соляных судов, в Нижнем Новгороде, бывшем и крупным складочным пунктом, местным воеводой князем Бахтияровым в 1575 г. незаконно задерживаются соляные караваны Строгановых у Нижнего Новгорода¹. Другой нижегородский воевода, Сабуров, в 1582 г. требует взноса соляной пошлины со строгановских судов, в то время как в эти годы Строгановы уже имели привилегию вносить ее непосредственно в Москве, минуя все местные таможенные заставы. В 1579 г. Строгановы жалуются, что в Калуге власти берут с них наряду «с приезжей пошлиной» с привозных товаров еще дворовую подать, заставляют отбывать подводную повинность вместе с посадским населением и, кроме того, в их двор местная власть постоянно вселяет «государственных посланников», приказных дельцов и подьячих². В 1577 г. на Тотьме и в Великом Устюге земские таможенники меряют строгановские соляные суда «саженью малою», а не мерой узаконенного образца, берут лишнюю пошлину и задерживают понапрасну суда. В 1606 г. пришлось из Москвы предписывать таможенным головам и откупщикам в Калуге, Кашире и Коломне о том, чтобы прибывающую из Перми Великой строгановскую соль-пермянку вешали правильным весом, «без уволоки», обязательно выдавая отписи на предъявленную к таможенному досмотру соль, качество соли записывали бы в книги правильной ценою, точно учитывали бы как «соленую продажу», так и остатки непроданной соли, которая увозилась в другой город, чтобы Строгановым не приходилось вторично платить пошлины с одного и того же товара.

Приведенные случаи «зацепок» и столкновений с местной администрацией достаточно красноречивы и не нуждаются в особых коммента-

¹ Грамота от 4 апреля 1575 г. пока неизвестна, сведения о ней см.: Ф. А. Волгов, Хронологический реестр., «Пермский край», т. 3, стр. 152—153.

² А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 100.

риях. В XVI—XVII вв. бесчисленные таможенные заставы, отгораживающие местные хозяйственные районы друг от друга, являлись немалым препятствием для развития торговли. Произвол же местной администрации, жившей главным образом почти узаконенным побором с управляемого населения, часто создавал почти непреодолимые препятствия, разрушавшие правильный товарообмен между областями. Этот произвол иногда доходил до учреждения настоящих заградительных отрядов, прекращавших на некоторое время нормальное движение по водному пути Оки и Верхней Волги. Автор XVII в., описавший такие заградительные отряды, замечает, что «как только снизу Оки подъезжали к заставе [установленной воеводами в Кашире] струги именитого человека Григория Дмитриевича Строганова и купецких всякого чина людей, нагруженные солью, их останавливали у заставы и находившихся на стругах кормщиков, подрядчиков, водоливов и работных людей отводили в город», где «держали в тюрьме и водили к воеводе, который и взял с них: с одного два рубля с гривною, с другого — два рубля с полтиною, с третьего — семь алтын, да соли два пуда. Караул на заставе держали коширяне — служилые люди, а с ними на заставе были и люди воеводы». Такие же заградительные воеводские заставы, вымогавшие в личную пользу местной администрации всевозможные поборы, были установлены помимо таможен и в Юрьеве Поволжском, Муроме, Касимове, Елатмее, Серпухове, Тарусе, Алексине, Калуге, Переяславле, Лихвине, Мценске, Орле. В Белеве изобретательным воеводой даже был протянут через Оку канат, преграждавший путь по реке всем судам. Интересно также указание, что на воеводской заставе под Белевом особенно начинается деятельность воеводских людей по задержанию стругов и вымогательству с них взяток, в то время «как торговые люди едут к ярмарке и назад от ярмарки с товары»¹.

Все эти заградительные отряды на воеводских заставах были снесены правительством только после усиленных челобитий Г. Д. Строганова и других торговцев.

Следующими известиями, характеризующими транспортировку строгановских товаров через Казань, являются сведения наших документов о размерах здешних пошлин с соляных грузов. Так, например, царской грамотой от 12 мая 1582 г. казанские воеводы уведомляются: «По нашему указу имано наперед сего в Строгановых с Пермски соли мымохожие пошлины Казанские с пуда по полуденьге, да Нижегородские пошлины с пуда по полуденьге». А после этого известного уже казанским воеводам распоряжения центральной власти, которое ими проводилось,

¹ А. А. Кизеветтер, Заградительные отряды XVII в., «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922, стр. 315—316, 322.

грамота сообщает новое: «А ныне велели есмя на ту же соль прибавити для новы мест новые пошлины в Казани с пуда по другой полуденьге, а в Нижнем потому ж,— всего велели есмя ныне имати пошлины Казанских с пуда соли по деньге, а Нижегородских с тово ж пуда по другой деньге»¹.

Вокруг крупных сумм, подлежавших взносу в качестве пошлин в таможенных пунктах различных городов, мимо которых следовали строгановские суда, возникало, как мы видели выше, немало конфликтов с таможенниками и местной администрацией, наносившими материальный ущерб предпринимателям. Во избежание этого Строгановы во второй половине XVI в. добились для себя привилегии платить городовую таможенную пошлину, минуя все местные таможни, непосредственно самим в столице, один раз в году — 25 марта («на Благовещеньев день»). В отношении даней и пошлин с пермских своих вотчин Строгановы еще ранее имели подобную же привилегию. Таким образом, все владения Строгановых — территория их вотчин и провинциальных дворов, их транспорт и торговля — представляли из себя особый таможенный округ, куда местные власти и таможенники доступа не имели, за исключением функций контроля и учета обрабатывавшихся товаров. В Казани, как мы видим из грамоты 1582 г. от 12 мая, центральная власть утверждает старую строгановскую привилегию о неподчинении в податном отношении их местным таможенникам и таким образом способствует поддержанию и укреплению уже сложившегося особого строгановского таможенного округа. Грамота эта разрешает казанскую пошлину по-прежнему платить только на Москве. Сведения о весе соляного груза с расчетом размера подлежащей внесению в казну пошлины воеводы должны были отписывать в Москву в Казанский дворец. Этой грамотой такой же порядок подтверждается и для другого крупного транзитного узла и таможенного центра — Нижнего Новгорода, о чем для сведения и сообщается казанским воеводам.

Соляные караваны у Строгановых состояли из лодей вместимостью 30—65 тыс. пудов соли² и насадов, имевших, по описанию Э. И. Идеса 1692 г., «от 16 до 18 сажен длины и поднимавших от 100 до 120 тысяч пудов... Сплавившись рекою Камою в Волгу, эти суда шли в Казань, Нижний и другие верховые города»³. Строгановские лодьи и насады

¹ Грамота от 12 мая 1582 г. находилась в центральном строгановском архиве в селе Ильинском Пермской области. Ныне утрачена.

² См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 128—137.

³ «Древняя Российская Вивлиофика», т. 8, СПб., 1789, стр. 366—367. Подробности о сплаве соляных караванов у Строгановых см.: А. А. Введенский, Заметки по истории труда на Руси в 16—17 вв. Транспортные рабочие-водники, «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1922, стр. 53 и след.

плыли группами в два-три судна. Таким образом, каждый приход партии строгановских судов в Казань и в Нижний давал казне крупный доход. С лодьи приходилось одной казанской пошлыны от 150 до 345 руб., а от насада — до 500 руб. Весь караван должен был давать соляной пошлыны не менее 1500 руб.

Следует учесть, что у Строгановых в Перми Великой, по писцовой книге 1623 г. М. Кайсарова, работало 24 варницы, а к 1647 г. число их увеличилось до 31¹. Каждая варница давала от 20 тыс. до 30 тыс. пудов соли. Таким образом, если взять минимальную годовую варку в 20 тыс. пудов на варницу и считать 4 варницы находящимися в ремонте, то продукция строгановских солеварен в 1623 г. выразится минимально в 350—400 тыс. пудов соли в год². Но в это же время в Перми Великой были и другие крупные солевары: гость Григорий Никитников имел в Соликамском («Усольском») уезде 13, Иван Черкасов — 6, гость Василий Шорин — 4, Богдан Цветной — 4, гость Надея Светешников — 2, посадские люди Соли Камской эксплуатировали 17 варниц³. Все эти 46 варниц давали от 800 тыс. до 900 тыс. пудов соли в год. Пермские промыслы всего выбрасывали в 20-х годах XVII в. на рынок от 1200 тыс. до 1400 тыс. пудов соли. Таким образом, Строгановы вырабатывали треть общей продукции соли-пермянки. Если известная доля вываренной соли и оставалась в Пермском крае, то все-таки большая часть ее вывозилась через Казань, где и облагалась пошлыной.

Для 60-х годов XVI в. казанские таможенные доходы С. М. Середониным определяются суммою не свыше 1553 рублей 10 алтын на основании известия о том, что в 1555 г. «шло прежнему архиепископу Гурью государева жалованья 865 рублей, да Казанские и Свияжские и Чебоксарские из таможенные пошлыны десятые денги 155 рублей 10 алтын». Для 80-х годов XVI в. мы имеем свидетельство Д. Флетчера, который таможенные доходы Казани исчисляет в 11 тыс. руб. Цифра, сообщаемая Флетчером, С. М. Середониным поставлена под сомнение, хотя исследователь и признает наличие быстрого роста казанской торговли⁴.

¹ См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 4, стр. 78, 91 и 97.

² Сведения о годовой выварке соли одной варницы у Строгановых в Перми Великой см.: Ф. А. Волегов. Сведения о Пермском соляном промысле, основанном фамилией Строгановых, «Журнал Министерства Внутренних дел», ч. 14, кн. 10, СПб., 1855, стр. 53—54. Продукция Сереговских солеварен во второй половине XVII в. составляла от 19 до 35 тыс. пудов на одну варницу в год. См.: В. Г. Гейман, Соляной промысел., «Летописи занятий Археографической комиссии», т. 35, Л., 1929, стр. 17.

³ Сведения о варницах см.: П. П. Смирнов, Города Московского государства., стр. 335—337.

⁴ См. С. М. Середонин, Сочинение Джильса Флетчера., стр. 332.

Но принимая во внимание для конца XVI в. большой грузооборот одного только соляного товара в Казани, цифру Флетчера едва ли нужно уменьшать, как полагает С. М. Середонин. Ее следует даже увеличить. Резкое понижение таможенной доходности бывало, например, во время крестьянской войны и интервенции. В своей переписке с другими городами Казань сообщает даже: «А у нас в Казани денег в сборе нет... потому... таможенных пошлин взяти было не с чего, с верхи и с низу ни из которых городов больших соляных и никаких судов не было». Далее, казанцы, обращаясь к пермичам, просят их: «Торговых людей со всякими товары к нам отпущати бестрашно», со своей стороны обещая: «А мы к вам в Пермь торговых людей со всякими товарами отпускаем же»¹. Эти заявления грамоты о полном прекращении товарного движения вряд ли правдивы. Так, П. Г. Любомиров, специально изучавший состояние приволжских городов в это время, говорит: «Даже во время значительного ослабления торговли... в Нижнем были (осенью 1611 и весной 1612 г.) и «люди» Строгановых и торговые люди Москвы и Ярославля»². Бывали эти торговцы и в Казани.

Транспортирование водным путем соляного груза сопряжено было с большим расходом денег для Строгановых и по найму рабочей силы — «ярыжек, как на судах ходят». Каждая лодья грузоподъемностью в 30—65 тыс. пудов соли требовала обслуживающего судового персонала в 60—130 человек. Ярыги-бурлаки день и ночь тянули на лямке суда, по 40—60 человек в смене. Они нанимались или на всю навигацию, или на одну поездку и обязаны были кроме бурлацкой работы в лямке еще и разгружать суда по прибытии их на место назначения. Ярыги вербовались из вольных, гулящих людей — беспашенного крестьянства, во множестве к открытию навигации стекавшегося на Каму и Волгу. Много было и пашенных крестьян, для которых ярыжный труд был отхожим промыслом — подспорьем в деревенском их хозяйстве.

Кроме ярыжек на лодьях были и квалифицированные рабочие — лоцманы-носники, бывшие одновременно и капитанами судов, а также кормщики-рулевые. Носник был один на лодью, кормщиков полагалось не менее двух. Наконец, на лодье был еще водолив, следивший за правильной погрузкой и выгрузкой, ведший учет проданному грузу и заведовавший работами по откачиванию воды из лодей «порнями»-насосами. Таможенные книги дают наглядное представление о количестве судового персонала на строгановских судах. Например, в 1649 г. в Нижний прибыло на 13 лодьях 360 тыс.—400 тыс. пудов соли. Для их проводки Строгановы наняли 1523 человека судовой команды, причем на каждой

¹ С. М. Середонин, Сочинение Джильса Флетчера., стр. 332.

² П. Г. Любомиров, Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг., М., 1939, стр. 12.

лодье было 127—130 человек и на двух лодьях по 150 человек. Пошлины со всего количества доставленной соли было уплачено 1523 руб. 26 алт.¹

Соляная кладь транспортировалась Строгановыми не только караванами, шла она и отдельными, единичными лодьями, плившими не по определенному адресу, а объезжавшими ряд прибрежных городов и селений и продававшими мелким оптом и главным образом в розницу соляной товар. Имеем ряд интересных данных о такой отправке соли из Чусовских промыслов братьев Строгановых — Андрея и Петра Семеновичей. Оба они в 1621 г., января 20, «написали между собою» «складную уговорную запись». Перед наступлением сплавного весеннего сезона чусовские приказчики Строгановых должны были призвать из местного населения крестьян, которым судовое дело «за обычай». С ними приказчики выбирают наиболее подходящее судно: «Которая лодья легчи и которая лодья больши, и лутчи, и не текучие, и чаять, что соли больши подымет,— и тое лодью отпустить на весну с солью». Эта же коллегия из приказчиков-владельцев и выбранных ими крестьян «как соляной набой (нагрузка) поспеет» должна «наблюдати, чтобы соль в меха сообча набивати» в равных количествах из амбаров обоих братьев Строгановых. Затем другие выборные от обоих сторон крестьяне перед погрузкой вешают соль, «не норовя ни Чусовским, ни судовым прикащикам». Запись констатирует большие расходы, связанные с транспортированием одной только лодьи: «На судовой ход деньгами и на казачьи наймы сложитца на по-полам — по триста рублей», — уговариваются братья, — «или по четыреста рублей, или по пятисот рублей, или по штисот, или как будет пригоже, сколько моих Андреевых, столько и моих Петровых во весь судовой ход».

Каждая договаривающаяся сторона ставит на лодью по одинаковому количеству обслуживающего персонала. Ответственные судовые приказчики, с каждой стороны по одному, имеют в общем распоряжении денежную сумму. В пути все расходы производят, а также отдают необходимые распоряжения с общего совета и согласия. В прибылях и убытках и накладных расходах судовые приказчики должны дать отчет большим — главным приказчикам («отчесть большим прикащикам») в Казани и в Нижнем. Большие же приказчики, получив эти отчеты, должны «те их отчетные памятки к нам привозити», т. е. в Сольвычегодск, где жили оба хозяина, братья Строгановы.

Эти приказчики были, по-видимому, подвижным контролирующим аппаратом, выбранным из полных холопов во дворах Строгановых. Часть этих холопов составляли иноземцы, выкупленные в свое время

¹ См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 128—129.

из московских тюрем. Таковыми были у Строгановых Янка Литвин, Стапанка Немчин. Но были и русские люди — Митя Колуженин, Ларка Дьячек Ярославец и т. д. Этих больших приказчиков мы видим с ответственными поручениями при семейном разделе пермских вотчин, где они замещают хозяев; при платеже больших сумм в приказах, при приеме товара в крупных провинциальных центрах, какими была Казань, Нижний и Калуга. Торговля солью производилась с лодьи во время стоянок ее у селений, а также со складов на берегу, куда сгружались небольшие партии товара.

В места нахождения таких временных складов с солью присылался специальный приказчик, который здесь и оставался до полной ее распродажи, в то время как лодья отплывала дальше: «А на которых городах соль нашу судовые прикащики укинути и к той нашей соляной продаже поставить нам по человеку и та соль им сопча продавати». Следует отметить, что и в постоянно существующих провинциальных дворах приказчики не жили круглый год. В тихое время, зимой, если не было на складах товаров, здесь находятся только дворники. Приказчик появляется во дворе-фактории вместе с прибытием партии товара. Он и ведет ее продажу. Эта система является одним из примеров умелой эксплуатации служащих торговым домом Строгановых, который всегда полностью загружал их работой. Другим основным коммерческим принципом фирмы, обеспечивавшим ей постоянное процветание в XVI—XVII вв., был необычно быстрый оборот вложенных в какую-либо коммерческую операцию денежных средств.

Прибывшая партия соляного товара быстро размещается на рынке. Если нет покупателей за наличные, товар отпускается в кредит по кабальным, а солидным покупателям — и бескабальным «записям» — документам. Чаще же соль променивалась на другой товар, который быстро перекидывался на рынки того хозяйственного района, где его не было. Быстрый оборот позволял вести операции с небольшими сравнительно денежными вложениями.

Характерной чертой эпохи так называемого первоначального накопления капитала наряду с его хищническими приемами являлась постоянная и острая нуждаемость больших и маленьких дельцов-торговцев в оборотных средствах. При полном отсутствии кредитных учреждений нужда в кредите удовлетворялась «перехваткой» денег на короткий срок и под большой процент у монастырей, бояр и гостей, которые при больших своих торговых операциях в моменты реализации на рынках партий товаров имели некоторый излишек денежных средств, не требовавших немедленного вложения их в очередные коммерческие операции.

Из этого излишка и шла раздача в заем нуждающимся в кредите средней руки торговцам. Строгановские большие приказчики имеют

право раздачи под кабалы излишков из вырученных от продажи денег и такие раздачи действительно производят обычно под залог лавочных мест, амбаров и дворов провинциального купечества. Обычно мы наблюдаем по имеющимся в нашем распоряжении документам, что в обусловленные сроки деньги не возвращаются. В таких случаях заложенные объекты становятся собственностью Строгановых. Провинциальные их дворы имеют в большинстве случаев именно такое происхождение. Сами же хозяева обанкротившихся мелких купеческих фирм переходят на коммерческую службу к Строгановым на должности их разъездных агентов-приказчиков¹.

Возвращаясь к характеристике строгановской торговли мелким оптом и в розницу, отметим, что складная уговорная запись Андрея и Петра Строгановых заканчивается фиксированием дележа всех прибылей после завершения транспортно-торговой операции — по окончании рейса этой подвижной лавки-лодья с соляным грузом. Дележ прибылей производится по половинам между братьями-предпринимателями². Таким образом, братья Строгановы, имеющие отдельное промысловое предприятие, заключают формальное письменное условие для проведения очередной торговой операции по совместной продаже соляного товара при его отправке. Этот документ интересен тем, что он прибавляет к тем

¹ Интересны для изучаемого нами периода истории России (XVI—XVII вв.) формы циркуляции денежных средств. Эта эпоха, знавшая только одну мелкую серебряную монету — денежку, при больших суммах для купцов представляла то неудобство, что приходилось в дороге возить многопудовые денежные мешки с собою, что являлось неудобным прежде всего потому, что проезжие дороги были весьма небезопасны. Документы отмечают постоянно убийства купцов и грабежи их в пути. Строгановы, как и другие крупные гости, находят выход в том, что вносят деньги в Москве в один из приказов, а на местах их агентам местный воевода выдает из своих таможенных и кабацких сборов внесенную сумму денег. Эти операции правительство в XVII в. производит, не взимая комиссионного вознаграждения. Располагая по дому Строгановых только отрывочными указаниями на такую практику, позволяю себе здесь привести полностью текст документа ввиду того, что такого рода памятники встречаются очень редко. Источник указывает на этот способ переводов денег из практики другого торгово-промышленного дома — Г. Никитникова: «Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой Гришка Никитников. Милосердный государь, царь I великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй государь меня, холопа твоего, и вели, государь, у меня холопа своего взять здесь на Москве в Наугороцкую четверть тысячу рублей денег. И вели, государь, мне холопу своему государеву, воеводе и дияку, што б. мне, холопу твоему, в Нижнем, из твоих государевых и во всяких доходов денги дали назад, чтоб мое судовое промыслишко не стало и твое бы государевой пошлыны поруки не было. Царь, государь, смилуйся, пожалуй. На обороте: 139(1631) году июля в 13 день. Дать грамота, велеть в Нижнем Григорью Никитникову, или ково пришет, дать тысячу рублей, а у Григорья в то место взять на Москве в четверть». Публ. Библ., коллекции Бобринского.

² См. А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 118—121.

скудным сведениям, которые имеются в литературе о торгово-промышленном складстве, ряд определенных, юридически оформленных черт о существе сделки, раздвигающих наши знания об обычном купеческом праве того времени, известном нам только в самых общих чертах¹.

Казань была важна для Строгановых не только как первый таможенный пункт для соляных караванов с пермской солью, но и как рынок крупного сбыта соли и других товаров.

В гостином дворе, где обычно должны были торговать иногородние купцы, мы не находим по писцовой книге 1565—1568 гг. за Строгановыми лавочных помещений. По-видимому, их и не было, и строгановская оптовая соляная торговля сосредоточивалась в их дворе на Булаке, откуда соль отпускалась торговцам соляного ряда казанского гостиного двора. Во дворе на р. Булаке кипучая жизнь наступала с приходом первых караванов с солью из пермских вотчин. С караваном судов приезжал и большой приказчик, который всю весну, лето и осень жил здесь, руководя всеми делами казанского двора. Строгановы в Казани не были монополистами на соляном торгу. Здесь они имели серьезных конкурентов в лице Астраханского Троицкого и Свияжского Богородицкого монастырей, имевших право беспошлинного провоза низовской астраханской соли и беспошлинного торга в Казани «для ради бедности своей» и на «темьян, и на ладан и на свечи». Эти монастыри благодаря праву беспошлинной торговли могли влиять на понижение рыночных цен на казанском торгу, с чем Строгановым приходилось считаться. Кроме монастырей в Казани выступали и другие гости-солевары.

По приходе соляного каравана из Перми Великой соль, предназначенная для продажи в Казани, выгружалась в рогожных кулях — «мехах» на устье Казанки-реки, «потому что,— как объясняют в своем челобитье Строгановы,— в Казанке реке в то время, в которое время суды их приходили в Казань, бывает вода мелкая». Но если «в Казанке вода побольши», то «в то время суды Казанкою до Бежбалды ходят и на Бежбалде соль люди их оставляют же». С места выгрузки дорогой, подходившей прямо к строгановскому двору на р. Булаке, соль подвозилась гужом, для чего нанимались или казанские ямщики или сторонние возчики, и, по-видимому, чаще последние, поскольку они в целях конкуренции и при отсутствии права на перевозку клади брали за провоз дешевле ямщиков. Пользуясь дешевым транспортом местных посадских и окрестных крестьян, Строгановы не могли уклониться от кон-

¹ Складные записи на торговлю или промыслы известны в количестве пока только трех документов, включая приведенный выше. См. также Н. И. Сидоров, Складные записи, в кн.: «Сборник статей, посвященный Лаппо-Данилевскому». Пг., 1916, стр. 241—242 и след.; Е. З. Вулих, Из мира торговых отношений в Москве XVII в., «Россия и Запад». Под ред. А. И. Заозерского, Пг., 1923, стр. 89—90.

фликтов с профессиональными возчиками — казанскими ямщиками, которые имели монопольное право на перевозку клади в Казани и ее окрестностях, утвержденное особой царской грамотой, видимо, в начале второй половины XVI в. при своем здесь поселении на левом берегу Булака.

Казанские ямщики совсем не были склонны поступаться своими правами. Об одном конфликте, происшедшем у Строгановых с этими ямщиками и разрешенном правительством не в пользу Строгановых в 1613 г., сохранилось обстоятельное сообщение в царской грамоте от 21 сентября 1613 г.¹ По словам Строгановых, дело обстояло с провозом соли таким образом: «Как де в Казань людем их для продажи лучитца соль везти с Усть Казанки или з Бежбалды, и Казанские де ямщики мимо себя, людем их извошиков на стороне наймовать, им на своих лошадях возить не дают. А сказывают де они (ямщики.— Авт.) у себя нашу грамоту, что тот извоз дан им. А грамоты де им не покажут, по чему им указано провозу с соляного меха. А с усть-Казанки из Бежбалды до Казанки имать, что де они захотят с них провожу взять, то де возьмут своим произволом, а не по нашему де указу. А всего де с усть-Казанки в город в Казань пять верст. А з Бежбалды — три версты. И они де самовольством емлют у людей их провозу с усть-Казанки по семь алтын с меха соли, а з Бежбалды по пять алтын. И сторонние де люди у них имали провозу менши того. Из них де сторонние люди наймоватца не смеют для их насильства». Строгановы, конечно, утверждают, что «им де от тех ямщиков насильства в прошлых годах и в нынешнем во 1613 (122) году — многие убытки учинились».

Дело кончилось, как указано было выше, не в пользу Строгановых. Правда, частично их челобитье осталось удовлетворенным. Им разрешалось, если «у них лучатца свои лошади», то «товар возити на своих лошадях». Но категорически запрещалось нанимать сторонних возчиков. Следовало всегда обращаться только к ямщикам «и им велети наймовать у ямщиков, в провоз велети и давать им по нашему указу (что) у них в нашей грамоте написано».

Из текста правой грамоты казанским ямским охотникам 1696 г.² видно, что в конце XVII в., действительно, за ними было право монопольной возки различных грузов в черте посада и его окрестностей. Теперь надлежит отнести дарование этого права по крайней мере ко второй половине XVI в. Местные ямщики получили его при первом своем поселении как источник дохода, который их мог бы поддерживать в трудное время первоначального устройства на новом месте.

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы.

² М. Л. Правая грамота казанским ямским охотникам, «Казанский музейный вестник», 1920.

Кроме основного и постоянного соляного сбыта в Казани у Строгановых шел, несомненно, торг и другими товарами, из которых видное место занимала пушнина. Еще в первой половине XVI в. Аника Строганов нашел дорогу на устье р. Оби, где позднее возникает город Мангазея. Аника Строганов сумел наладить правильную торговлю с местным населением этого края и нажил те «страшные богатства», по выражению Н. Витзена, которые легли в основу могущества дома Строгановых.

Мы знаем, что Ивану Грозному по его специальному заказу Строгановы доставляют редкие сорта пушнины — соболей-одинцов. Пушной товар идет «в соляных судишках» Строгановых по Каме и Волге. Они зорко следят за ценами на пушнину на провинциальных рынках. В XVI в. ведется деятельная торговля с Мангазейским краем с севера, по Вычегде через Вым на Печору и Обь, а также через пермские вотчины.

Поиски удобных путей через Средний Урал в Мангазею вызвали в свое время организацию походов Ермака Строгановыми, следствием которых было так называемое покорение Сибири. С другой стороны, мы имеем часто мелькающие в документах сведения о торговле Строгановых с Бухарой и Казахскими землями. Казань могла представлять собой для Строгановых большой интерес как место связи с восточными рынками: «А в Казани в городе и на посаде и в слободах живут тезики и арменья, и искупали дворы и лавки, и поженились, и торги многими торгуют»¹, — сообщают в посольский приказ пятинщики. В 1615 г. восточные купцы во множестве посещали Казань, старый и привычный для Востока торговый центр. Даже в 1613 г., когда темп торговли был несомненно ослабленным и казанцы официально жаловались, что «ни с низу, ни с верху из торговцев у них никто не был», в Казань сразу прибыло 300 торговцев из Бухары и Хивы².

Здесь, на оживленном казанском торгу, Строгановы сбывали восточным купцам пушнину, закупали пряности, шелк и другие восточные материи и серебряную посуду, изукрашенную прихотливым восточным орнаментом, которому так искусно подражали строгановские серебряники их ювелирных мастерских в Сольвычегодске.

Кроме торговых у Строгановых в Казани еще были особые интересы. Дело в том, что в первые годы царствования Михаила Федоровича пермские их вотчины были в ведении приказа Казанского и

¹ С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег, стр. 145.

² См. «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Под ред. Н. И. Веселовского, т. 2, СПб., 1892, стр. 7, 101, 173—174, 182, 226 и след. См. также грамоту 1574 г., 12 августа, о торговле Строгановых с Бухарой; А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 94—95.

Мещерского дворца¹. Но та часть вотчины, которая принадлежала Никите Григорьевичу Строганову, с 1619 г. попадает в управление Новгородского приказа. Это произошло после смерти последнего (1618 г.), когда все его вотчины были казной как выморочное имущество отписаны на государя. Создалась приказная чересполосица в управлении строгановскими вотчинами: вотчины Никиты, отданные казной Строгановым обратно, ведались в Новгородском приказе, большая же часть пермских вотчин продолжала управляться Казанским дворцом. И в 1644 г. Новгородский приказ все еще констатирует двойственность в управлении: все налоги по старому окладу письма И. Яхонтова еще «платят в Казанском Дворце и по ся места»².

Казань, как центр исполнительной власти на местах Казанского и Мещерского дворца, привлекла к себе не малое внимание Строгановых, будучи первой инстанцией по государственному управлению их вотчинами. Кроме того, были и еще особые причины для проявления интереса Строгановых к Казани. За время крестьянской войны и интервенции Строгановы, кровно связанные со старым порядком, энергично поддерживали царя Василия Шуйского в его борьбе с восставшим крестьянством, казачеством и холопством. Не отличаясь личной храбростью и мужеством, Строгановы предпочитали во время «воровского налета» тушинского отряда Яцкого на Сольвычегодск прятаться в своих пермских вотчинах, предоставив своей дворне биться в Сольвычегодском строгановском остроге, окружавшем их дворы на Никольской стороне. Но, сидя в глубоком тылу, Строгановы ведут агитацию среди населения Пермского, Казанского и Поморского края, организуя материальную поддержку власти Василия Шуйского. Особенно удачной была строгановская деятельность в Казани в 1608—1609 гг. Собирая для армии Василия Шуйского полушубки, формируя отряды «наемщиков», организуя сбор средств среди крестьянского и посадского населения, Строгановы вели широкую агитацию в Казани и Казанском уезде в пользу правительства. Эта их деятельность была оценена царем Василием Шуйским по достоинству. В 1610 г., 4 февраля, незадолго до своего падения Василий Шуйский жалует сначала Андрея Семеновича, а затем и его брата Петра, как и всех других Строгановых, правом именоваться с «вичем». Строгановы с этого времени становятся единственными именитыми людьми в купеческой среде Русского государства. В жалованной имениной грамоте от 4 февраля 1610 г. деятельность Строгановых в Казани определяется так: «В Казань людей своих и наемщиков посылали, с тем чтобы в Казани и в иных городах стояли крепко и воровской ему те

¹ См. С. Веселовский, Сошное письмо, т. 1, М., 1915, стр. 76.

² Там же, стр. 76—77.

ни в чем не верили, и посыльщики ваши в городах всем людям сказывали, что божим милосердьем и пречистые богородицы, и великих чудотворцев заступленьем, мы, великий государь, на Московском государстве дал бог здоровой»¹.

И при новой династии Романовых, когда она более или менее укрепилась на своем «прародительском престоле», Строгановы настойчиво подчеркивали свои заслуги по поддержанию своим кошельком старого порядка. Не довольствуясь своим званием именитых людей, которым на практике они и не пользуются, Строгановы усиленно ищут при дворе новых воздаяний за свою «службу». Учитывая благожелательное для них настроение правительства, они начали подавать челобитья о даче им разных льгот и новых земельных пожалований в районе управления Казанского дворца.

Эти челобитья Строгановых правительством удовлетворялись с необычайной для бюрократических порядков московских приказов быстротой и легкостью. Именно в это время они получают жалованные иммунитетные грамоты, в которых были объединены разновременно им данные льготы: несудимые, гостинные и именитые льготы составили единый текст новых иммунитетных грамот, выделивших Строгановых из среды остального первостатейного купечества «не в образец» «и не в пример» прочим. Именно с этого времени они стали не просто купцами, но именитыми купцами, особенно тесно связанными с новой самодержавной властью. Это облегчило им эксплуатацию русских рынков и населения, сблизило их с руководящими верхами московского дворянства, подготовило и облегчило переход Строгановых в ряды русской знати в начале XVIII в.

В первые годы правления Михаила Романова Андрей и Петр Семенович Строгановы просили о пожаловании им земель в Казанском уезде «повыше Осинские слободы от реки от Тулвы по Каме в верх по правой стороне, а от Никитиной вотчинной межи Строганова до речки до Аману тридцать пять верст» и, конечно, как обычно, со всеми «речками малыми» с устьями и до их вершин, с «лесами дикими», «с селищами чуцкие» и пр. Словом, неопределенностью географической терминологии челобитья очерчивалась огромная территория. По расчету строгановского главноуправляющего имениями первой половины XIX в. и первого строгановского историографа Ф. А. Волегова, территория эта равнялась 163 280 с лишним десятинам земли². Правительство дало 20 сентября

¹ ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы.

² См. Ф. А. Волегов, Историко-статистические таблицы на пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 год. «Памятная книжка Пермской губернии» за 1889 г., Пермь, 1889, стр. 7.

1614 г. желаемую жалованную грамоту на просимые земли¹, а 21 сентября 1614 г. уже была послана царская грамота к казанским воеводам с извещением о состоявшемся пожаловании и с распоряжением им учинить отвод этой территории, послав для этой цели из Казани «дворянина добра-отдельщика»².

Отвод новопожалованных земель, которые, по словам челобитных Строгановых, были землями «пустыми и порозжими, а изстари никаких людей на тех местах, пашенных сел и деревень и починков нет», был делом большой сложности для местной администрации, так как не всегда и не во всем такие утверждения строгановских челобитий бывали правдой. И в данном случае можно сильно сомневаться, чтобы в действительности пожалованная территория по Каме была незаселенной, о чем, впрочем, у нас будет речь ниже.

Грамоту от 21 сентября 1614 г. об отводе пожалованных земель казанским воеводам привозит в Казань сам Андрей Семенович Строганов, как это видно из пометы на документе: «1614 (123) году ноября в 14 день привез Андрей Семенов сын Строганов».

Получив с Казанского воеводского двора «дворянина добра», Андрей Строганов отправился с отводчиком на вновь пожалованные земли для их отвода и межевания. Все обошлось благополучно благодаря, конечно, личному присутствию владельца. Так, из одного документа мы узнаем: «Отводил те пустые места (Андрею Строгановы), по государеву указу и по наказу из Казани боярина и воеводы князя Ивана Михайловича Воротынского, да князь Юрья Петровича Ушатова с товарищи во 1614 (123) году Андрей Хохлов». И далее читаем: «а в той меже поселились Казанского уезда Осинской слободы крестьяне»³. Мы понимаем это указание документа так: оказывается, что в только что отведенных «пустых и порозжих» землях уже население, которое, по видимому, не желая остаться под сеньориальной властью Строгановых закидывает челобитными государственные учреждения Казани и

¹ Она находится в сборнике «Строгановские акты» (Публ. Библ., Q. IV. 290, л. 9—11 об.). Ранее полный текст грамоты был неизвестен исследователям. А. А. Дмитриев о ней знал только по реестру Ф. А. Волегова, который дал о ней следующие сведения: «Сент. 15. Грамота того же царя [Мих. Федор.] Андрею и Петру Семенов. Строгановым на пожалование мест выше Осинские слободы по Каме вверх до Ошапу на 35 верст» (Ф. А. Волегов, Хронологический реестр., стр. 157). Текст указанной грамоты впервые полностью напечатан А. А. Введенским: «Строгановы в Казани в XVI—XVII вв.». «Труды исторического факультета Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко», т. 3, 1939, стр. 86—87.

² ЛОИИ, ф. 125, Строгановские столбцы. В реестре Ф. А. Волегова не значится; нет о ней сведений и у А. А. Дмитриева. Документ до сих пор был неизвестен.

³ Сводная пожалованная грамота 1692 (7200) г., июля 25; Н. Устрялов, Именитые люди Строгановы, стр. 54.

Москвы, которые и принуждены обратить на это внимание и исправить свою «ошибку».

Основанием такого понимания служит текст писцовой книги М. Кайсарова 1623—1624 гг., который дает совершенно ясное указание: «А по новому письму писцы Михайло Федорович Кайсаров, да дьяк Марка Мартельянов, да подьячий, тем Андреевым и Петровым пустым землям и угодьям учинили межи выше старые межи по реке по Каме вверх по обе стороны Камы реки от речки Палю до Микитинской вотчины Строганова до речки до Ошапу, по тому, что по отводу Андрея Хохлова в той их в Андрееве да Петрове меже Строгановых, поставили дворы государевы крестьяне Казанского уезда Осинские Никольские слободы»¹. Значит, «дворянин добр» межевик Андрей Хохлов размежевал земли живущих здесь крестьян в межу строгановских владений, что Андрею Строганову было весьма на руку, так как он получал территорию, население которой поступало в ведение и распоряжение Строгановых. Вследствие протеста крестьян новый межевщик писец М. Кайсаров, на месте убедившись в справедливости крестьянских протестов, в 1623—1624 гг. произвел перемережку и освободил крестьян, выходцев из Осинской слободы, из-под власти Строгановых. Однако пока крестьяне протестовали и добились перемережки земель, они в течение 10 лет, с 1614 по 1624 г., были в управлении и эксплуатации Строгановых².

Таким образом, мы видим на «пустых землях» Казанского уезда население, идущее от слободы Осы как раз в сторону пожалованных Строгановым вотчин. Строгановские земли закрыли дорогу свободной крестьянской колонизации. Вряд ли это колонизационное движение крестьянства следует мыслить начавшимся только с водворением здесь Строгановых. Это движение и расселение «государственных крестьян» происходило и до них.

Изучая кайсаровскую писцовую книгу в части, касающейся этих мест, мы можем подметить, что колонизационный процесс в этих землях начался по крайней мере с конца XVI в. и население здесь оседает задолго до отвода этих земель Строгановым. Например, через несколько месяцев после пожалования, в 1615 г., Андрей и Петр Строгановы на

¹ А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 4, стр. 125.

² Так же понимает цитированное место грамоты 1692 г., 25 июля, и А. А. Дмитриев. Он пишет: «Как было и при других отводах земель Строгановым, Андрей Хохлов был подкуплен их деньгами и представил пустыми земли, уже заселенные крестьянами Осинской слободы, которые и жаловались на Хохлова. Новый отвод предписано было поверить известному писцу Михаилу Кайсарову, который в 1623—24 гг. составлял свои известные писцовые книги по всей Перми Великой. Он нашел жалобу крестьян правую, почему межу вновь Строгановым землям установил выше р. Тулвы по речке Палю, левому же притоку Камы», А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 4, стр. 91.

пограничной р. Тулве прикупили к своим владениям пустошь Поспеловскую у крестьянина Осинской слободы Фомки Исаева, по прозванию Двинянина, причем оказывается, что эта пустошь, округлявшая земли Строгановых, находится вся в межах, со всех сторон окружена владениями «государевых крестьян» Осинской же слободки Ананьи Костылева, Ермака Матвеева, Нечайки Архипова¹.

Строгановы знали, что просить. Им, конечно, было известно, что земли по Каме «повыше Осинские слободки» выгодно расположены на колонизационных путях русского крестьянства, которое в поисках «землицы» двигалось на восток, так что эта территория не могла долго остаться пустой. Пришлое население должно было быстро заселить ее и помочь своим трудом поднять целину для Строгановых. Строгановы не ошиблись в расчетах. Их новая казанская вотчина быстро населялась. Соседняя с владениями Андрея и Петра Строгановых очерская вотчина Никиты Строганова, полученная им «пустой» в 1597 г., в 1614 г., по описи Девятого Змеева, имела уже 88 дворов с населением в 143 человека, жившего в одном острожке, семи деревнях и пяти починках на огромной², впрочем, территории, по расчету Ф. А. Волегова, равнявшейся 586 382 десятинам. Таким же темпом шло заселение и казанской вотчины Андрея и Петра Строгановых³.

Вотчины Строгановых, расположенные в Казанском уезде, играли в жизни края и значительную политическую роль. В крае было местное, немирное население. Причин, питавших его частые мелкие и крупные восстания, было много. Безудержная и ничем не стесняемая эксплуатация, постоянные захваты земель Строгановыми — все это в разное время побуждало местных жителей браться за оружие.

Строгановские казанские вотчины имели здесь острожки с ратными наемными людьми «для обороны». Так, Очерский острожек, по описи Девятого Змеева, имел 20 дворов пищальничьих с 23 ратными людьми, содержащимися полным коштом Строгановых. Острог был оборудован на случай осады надлежащим образом: «Острожек Очер на реке на Очере, а в другую сторону острогу речка Кусылга, впала в Очер же реку, с одной сторону, с приезде зделана городовая стена, на ней три башни, а с трех сторон сделан острог». При наличии сколько-нибудь значительной опасности от восставших купцы-вотчинники немедленно призывались местной казанской администрацией на помощь. И Строгановы со своей ратной силой шли на поддержку московского политиче-

¹ См. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 4, стр. 125.

² Сотная выпись Девятого Змеева от 14 декабря 1614 г. ЦГИАЛ, Строгановские дела.

³ См. Ф. А. Волегов, Хронологический реестр., «Пермский край», т. 3, стр. 157.

ского режима. «В 124 (1618) году изменили было Казанские Татарове, Чюваша, и Черемиса, и Вотяки, и Башкирцы и стояли под Казанью и под Казанскими пригородами и к прадеду моему,— вспоминает в своем челобитье от 5 декабря 1672 г. Григорий Дмитриевич Строганов,— писали с Сарапула и с Осы ваши государские приказные люди и старосты земские, что они сидят от воров изменников в осаде, и прадед мой... не жалея своих пожитков, наймовал своими денгами многих людей, и посылал их под те осадные места, и запас всякой, и боевое ружье, и порох и свинец давал и тою посылкою те ратные люди Осу и Сарапул выручили, и Татар многих побили, и Остяков, и Вогулич и Татар под вашу государскую высокую руку привели»¹. В большой Сентовский мятеж, продолжавшийся 6 лет, с 1662 по 1668 г., охвативший огромную территорию, из строгановских вотчин были выделены с пяти дворов по одному человеку-дотечному для усмирения «изменников уфинских Башкир»².

Несение военной охраны своих вотчин было старинным правом и обязанностью Строгановых. И в пермских вотчинах военное дело было поставлено на широкую ногу. В этой уступке своих государственных прав не было ничего необычного для московской власти XVI—XVII вв. Там, где власть не могла сама организовать военную защиту края по недостатку ли служилых людей и средств в данном месте или по другим причинам, она возлагала военную защиту на местных крупных вотчинников, а там, где они отсутствовали,— на местные крестьянские миры. Так, в Поморье Соловецкий монастырь для обороны «от Каянских немцев» держал на свои средства острожки с гарнизонами пищальников. Некоторые поморские крестьянские миры воздвигали на свои средства городки. Таким был Тарнажский городок, снабженный всем необходимым боевым запасом на крестьянские средства.

Но значение строгановских военных острожков было несколько шире: они не только защищали свои вотчины, но и прикрывали недавно укрепленный за Москвой немирный край от вторжений башкирских и татарских повстанческих отрядов и помогали казанской администрации поддерживать здесь авторитет московской власти. Постоянная защита самодержавного режима и помощь государству в Ливонскую войну, в отражении крымцев, в период крестьянской войны и интервенции и, наконец, в Перми Великой и Казанском уезде обнаруживают у Строгановых четкое классовое сознание, заставляющее их оказывать постоянные услуги тому политическому режиму, который их всегда поддерживал в коммерческой деятельности, захватившей многие хозяйственные

¹ ДАИ, т. 6, № 67 (1).

² Там же.

районы Русского государства, режима, благосклонно относившегося к фактам чрезмерной эксплуатации населения, если это непосредственно не шло вразрез с фискальным интересом казны.

Таким образом, всесторонний анализ документальных данных о торговле Строгановых в Казани и в других приволжских и приокских городах в XVI—XVII вв. позволил установить организацию и тип провинциальных торговых дворов, а также методы и приемы оптовой и розничной торговли солью и другими товарами.

Исследованный материал позволяет выяснить характер провинциальной таможенной политики, определить приблизительно оборот соляных товаров на указанных водных путях.

Очень важно установление факта своеобразной формы финансового кредита, которым пользовались Строгановы и другие гости, а также средние торговцы.

Большое значение имеет и выяснение роли администрации казанского центра и его политического влияния на нормализацию жизни во второй половине XVI в. на обширной территории по р. Каме, завоеванной у татарского ханства.

Выясняются характерные особенности организации обороны этих обширных территорий, порученной вотчинникам Строгановым и казанским воеводам.

За свои постоянные услуги Русскому феодальному государству Строгановы были щедро награждены огромными территориями в вотчинное владение и постоянно поддерживались правительством в их коммерческой деятельности.

Казань была для Строгановых широкими воротами для выхода на приволжские рынки строгановской соли-пермьянки, сибирского и уральского пушного товара, местом встреч со среднеазиатскими и персидскими купцами, у которых из первых рук Строгановы покупали восточные товары: шелк, парчовые ткани, ювелирные изделия в серебре, драгоценные камни и косметические товары.

Казанские воеводы в административном отношении ведали значительной территориию пермских вотчин Строгановых, почему для последних Казань была центром, где строгановские стряпчие — ходатаи по приказным делам имели постоянные деловые связи по судным, налоговым, таможенным и другим спорным вопросам.

Через Казань в пермские вотчины Строгановых шел поток крестьян-переселенцев, вольные гулящие люди и ярыжки, искавшие работы и находившие ее в вотчинах купцов-феодалов.

Казань была важным центром, связывавшим экономические районы Приуралья и замосковных городов, Среднего и Нижнего Поволжья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы знаем, что в советской исторической литературе за последние тридцать лет идет оживленное научное обсуждение формы и содержания перехода от простого товарного производства к капитализму в России. Этот переходный период является эпохой так называемого первоначального накопления.

В печати появилось столь значительное число монографий, статей и отчетов о происходивших дискуссиях, что явилась возможность написания историографического обзора работ советских историков по истории эпохи первоначального накопления в России¹.

И несмотря на вдумчивое и плодотворное обсуждение проблемы, остается много еще не разрешенных вопросов из-за отсутствия в научном обороте должного конкретного исторического материала.

С такой точки зрения изучение истории торгово-промышленного дома Строгановых за три столетия его существования может оказаться полезным.

Остается спорным вопрос о хронологических рамках эпохи так называемого первоначального накопления в России.

¹ М. Д. Курмачева, Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской исторической науке, «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей, М., 1958, стр. 9—38.

Ряд авторов считает, что эпоха первоначального накопления в России падает на XIX в. Эта позиция защищается С. М. Дубровским¹, В. Н. Яковцевским², П. Н. Ляшенко³ и другими.

Другие историки относят начало этой эпохи к различным десятилетиям XVIII в. (Н. М. Дружинин⁴, А. М. Панкратова⁵, И. В. Мешалин⁶, Е. И. Заозерская⁷, Б. Б. Кафенгауз⁸).

Третья группа ученых (Н. В. Устюгов⁹, С. В. Бахрушин¹⁰, А. А. Новосельский¹¹, Н. И. Павленко¹² и другие) считают, что эпоха так называемого первоначального накопления в России начинается в XVII в. С. Г. Струмилин приводит важные подсчеты роста вольнонаемного труда, который в промышленности России к концу XVII в. равняется 52%, а труд крепостных падает до 48%¹³.

Совокупность проанализированных нами фактических данных по истории торгово-промышленного дома Строгановых в XVI—XVII вв. является еще одним доказательством тезиса о начале в России эпохи так называемого первоначального накопления в XVII в. В этом состоит главный результат нашего исследования.

Методологические основы понимания этой эпохи и конкретно-историческое раскрытие ее содержания на фактах истории Англии даны К. Марксом¹⁴.

¹ С. М. Дубровский, К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, М., 1929.

² В. Н. Яковцевский, Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1959.

³ П. Н. Ляшенко, История народного хозяйства, т. 2, М., 1956.

⁴ Н. М. Дружинин, Генезис капитализма в России. В кн.: «Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации», М., 1956.

⁵ А. М. Панкратова, О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму, «Вопросы истории» № 9, 1958.

⁶ И. В. Мешалин, Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в., М.—Л., 1950.

⁷ Е. И. Заозерская, Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., М., 1953.

⁸ Б. Б. Кафенгауз, История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. 1, М.—Л., 1949.

⁹ Н. В. Устюгов, Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке.

¹⁰ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. 1—4, М., 1952—1959.

¹¹ А. А. Новосельский, Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII в. Сб. статей вып. 1. Памяти Александра Николаевича Савина. 1873—1923, М., 1926 («Труды Института истории»).

¹² Н. И. Павленко, О некоторых сторонах первоначального накопления в России, «Исторические записки», т. 54, стр. 382—419.

¹³ См. С. Г. Струмилин, История черной металлургии в СССР, т. 1, М., 1954, стр. 363.

¹⁴ См. К. Маркс, Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 725—773.

Однако в целом советские историки еще не до конца выяснили все стороны этого процесса в России. Для этого требуется более полное знание всех конкретных фактов из истории страны в период позднего феодализма.

Исследованные документальные материалы по истории Строгановых вводят в научный оборот ряд новых данных о том, как происходил процесс отделения средств производства от непосредственных производителей в вотчинах Строгановых в Поморье и в Перми. Он проходил по-разному в тех и других владениях. В поморских вотчинах Строгановы скупали доли земельных участков в деревенских крестьянских общинах или доли в солеваренных складнических союзах посадских людей и таким образом овладевали через ростовщические операции целыми земельными и варничными владениями. Прежние их владельцы, обездоленные Строгановыми, либо превращались в строгановских крестьян-половников на полукрепостном положении, либо уходили с родных земель в Приуралье и далекую Сибирь, либо вынуждались заниматься отходным промыслом в качестве наемных ремесленников на посадах, казаков и ярыжек на водном транспорте. Во всех трех случаях вытесненная Строгановыми деревенская и посадская беднота лишалась навсегда своих средств производства, которыми завладевали Строгановы трех их ветвей: тотемские, циренниковские и в особенности сольвычегодско-пермские. Таким образом, сгон непосредственных производителей в Поморье у Строгановых проходил в той классической форме, которая была указана К. Марксом.

Расхищение земель и отделение средств производства от непосредственных производителей в пермских вотчинах происходили в иной форме.

Присвоение земель Строгановыми в Приуралье происходило в форме царских пожалований многих миллионов десятин земли по Каме, Чусовой, Яйве, Очеру, Сылве «от устья и до вершин». Это было беспрецедентное в русской истории расхищение земельных территорий частными владельцами с разрешения правительства, которое передавало Строгановым и часть своих функций. Например, оно уступило им обязанность обороны пожалованных земель.

Огромные и малонаселенные территории уральских вотчин Строгановых остро нуждались в рабочих руках, которые собирались владельцами из пришлого населения, бежавшего из центра и Поморья. Новопришельцам была предоставлена двадцатилетняя льгота, по истечении которой крестьянское население попадало в полную крепостную зависимость от многомочных владельцев.

Процесс отделения средств производства от непосредственных производителей во всех строгановских вотчинах проходил болезненно и

остро для трудового населения. Крестьяне и посадская беднота в Поморье в XVI—XVII вв. выработали специфическую форму классовой борьбы и классовой самозащиты против эксплуататоров — «одиначество»¹ — временно возникавшие договорные союзы трудящихся для солидарной защиты своих классовых интересов — «стояти за один».

Формой самозащиты было бегство зависимых от Строгановых людей. Оно было распространено и в поморских деревнях Строгановых. Но с особой силой движение беглецов-крестьян происходило в пермских их вотчинах, где наблюдались многие случаи организованных уходов в Сибирь десятками и даже сотнями семей.

Вотчинники Строгановы знали и вооруженные восстания против себя со стороны утесняемых ими крестьян и работных людей (1587 г.).

Таким образом, все формы отделения средств производства от непосредственных производителей: сгон с земли, бегство и отходничество — имели место во всех строгановских вотчинах. Значит, первая и главная сторона так называемого первоначального накопления налицо в строгановских владениях.

Строгановские документальные материалы подтверждают выводы академика С. Г. Струмилина о возрастании применения вольнонаемного труда в XVII в. Но этот процесс пронизан противоречивыми тенденциями. Свободный мастер-специалист, нанимающийся к Строгановым с погодичной денежной платой и придачей корма и платья, через ряд лет благодаря не отданной в срок ссуде становится крепостным и холопом и вступает в состав строгановской дворни. В условиях XVI—XVII вв., когда феодальный способ производства на Руси был на восходящей еще линии, увеличение вольнонаемного труда не вело к разрушению феодальных отношений. Более того, вольнонаемный работный человек трансформируется в крепостного и даже холопа Строгановых. Этот наш вывод, к которому мы пришли на основе изучения многочисленных памятников, позволяет существенно уточнить представление о генезисе капитализма в России.

В организации строгановских производств едва ли можно усмотреть наличие мануфактуры. Налицо всего лишь зачаточные формы некоторых ее элементов.

Солеваренные дворы Строгановых как в Сольвычегодске, так и в их пермских вотчинах не отвечают всем условиям, необходимым для мануфактуры. Невелико число основных работных и вольнонаемных людей — всего 2—3 человека на варнице. Значительное число крепостных подсобных работных людей было занято на валке леса на дрова, его

¹ См. А. А. Введенский, Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII вв., «Вопросы истории» № 5, 1955.

подвозке к варницам. На погрузке соли в амбары и на суда мы видим и вольнонаемных ярыжек и крепостных крестьян. Налицо разделение труда, дифференцированные орудия труда, но отсутствуют машинные приспособления и господствует ручной труд.

Все средства производства принадлежат Строгановым.

Такую же картину можно видеть и в других строгановских производствах. Таким образом, налицо лишь некоторые элементы мануфактуры. Полностью мануфактура у Строгановых сложится лишь во второй половине XVIII в.

Что дают нового наши документы для понимания второй стороны так называемого первоначального накопления в России XVI—XVII вв.— о накоплении денежных средств Строгановыми и источниках этого накопления?

Основным источником обогащения Строгановых была соледобыча и продажа соли на внутренних рынках страны. При падении стоимости денежного металла и изменении стоимости денег цены на соль все время возрастали. В XVI в. эти цены испытали три подъема: в 20-х, 50-х и 70-х годах. В среднем цены на соль в XVI в. выросли на 33%¹. В XVII в. рыночные цены на соль поднимаются на 100%, а к 1647 г.— на 200% против уровня самых высоких цен XVI в. На увеличении прибыли солепромышленников сказывалось и наблюдающееся падение стоимости производственного оборудования на протяжении XVI и XVII вв.

На устойчивости высокой прибыли от продажи соли сказывалась быстрота денежного оборота, так удивлявшая англичан-торговцев, знакомых с русским купечеством. Строгановы уменьшали и накладные расходы путем усиления эксплуатации крепостного труда на заготовке и транспортировке дров к варницам и труда транспортных ярыжек на солевозных судах.

Крупной статьей доходов была у Строгановых оптовая и полуоптовая продажа хлеба, цена на который только в XVI в. выросла в 4½ раза².

Ряд советских историков преуменьшает значение колониального грабежа для сложения купеческих капиталов в Русском государстве в XVI—XVII вв. Прибыль, извлекаемая из эксплуатации путем неправомерной торговли с нерусскими народами Сибири, и прямой вооруженный грабеж во время походов Ермака играли заметную роль в накоплении богатств Строгановыми.

¹ А. Г. Маньков, *Цены и их движение в Русском государстве XVI века*, М.—Л., 1951, стр. 67.

² См. А. А. Введенский, *Торговый дом XVI—XVII веков*, стр. 72—73.

Характерное для русского купечества соединение оптовой торговли с розничной мелочными и разнообразными товарами мы видим и у Строгановых.

Таким образом, денежные средства Строгановых в основном складывались в сфере обмена. Они извлекали прибыли из широко развернутых ростовщических кабально-ссудных операций с крестьянами, посадскими и торговыми людьми, гостями и различными торговцами.

В деятельности Строгановых мы видим типический пример превращения ростовщического и торгового капитала в промышленный путем организации крупных ремесленных предприятий с ручным специализированным трудом как вольнонаемной технической интеллигенции, так и крепостного крестьянства и работных людей. Такой путь в XVII в. прошли наряду со Строгановыми и другие крупные торговцы и промышленники: гости Филатьевы, Светешниковы, Шорины, Никитниковы, Босые и другие¹. Но Строгановы выделялись большей мощностью своих капиталов в этой торгово-предпринимательской среде. Судя по наметкам сбора пятинных денег в начале XVII в., они имели от четверти до одной пятой денежных богатств всех гостей Русского государства.

Значителен вклад строгановских мастеров в развитие русской культуры XVI—XVII вв. Работа их иконных горниц положила начало новому направлению в русской живописи, создав нарядно-торжественную «строгановскую школу» иконописания. Строгановы распространили по всей стране полифонию в церковно-певческих хорах через своего служилого человека, композитора и дирижера Дилецкого. Они пустили на книжный рынок рукописные, каллиграфически оформленные книги, писанные в их мастерских. У Строгановых создана и Строгановская летопись о походах Ермака.

Строгановская каменная и деревянная архитектура развила ранее сложившееся народное творчество, утвердила и распространила ее образцы в строительстве.

Должна быть особо подчеркнута близость Строгановых к верховной власти, которой не было ни у одного из гостей Русского государства XVI—XVII вв.

¹ К таким же выводам о путях образования крупных соляных предприятий приходит Н. В. Устюгов. Одни предприниматели (Суровцевы, Ростовщиковы) вырастали из мелких предпринимателей, которые постепенно расширили свои промыслы, раздавив в конкурентной борьбе мелких промышленников, путем усиления эксплуатации наемного труда и вложения своих торговых капиталов в производство. Другие (гости Строгановы, Филатьевы, Никитниковы) вкладывали капиталы, накопленные в торговле, в соледобычу. См. Н. В. Устюгов, Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 147, 188, 201.

Строгановы в XVI—XVII вв. — влиятельные и авторитетные агенты русских царей. Будучи в XVI в. городовыми приказчиками по правительственному управлению Сольвычегодском и уездом, неограниченную власть они имеют также в пермских вотчинах, где строят пограничные крепости-городки, содержат свою вотчинную армию, ведут по своему усмотрению пограничную войну с нерусскими народами, подданными сибирского хана Кучума, организуют поход своего полководца Ермака в Сибирь для ее завоевания. Они контролируют деятельность английской торговой компании. По полномочию митрополита «Московского и всея Руси» строят церкви в пермских вотчинах, называют попов и смещают их. В XVII в. Строгановы — финансовые агенты правительства у таможенных и кабацких сборов, финансисты, снабжающие правительство безвозвратными и срочными ссудами на большие суммы, консультанты правительства при выработке новоторгового устава. Эта срочность Строгановых с самодержавной властью сильно облегчала их торгово-предпринимательскую деятельность и увеличивала их влияние на ход экономической жизни страны.

Исследования С. В. Бахрушина о предпосылках образования всероссийского рынка показали, что уже во второй половине XVI в. определилось хозяйственное разделение труда по районам страны, преимущественно специализировавшихся на производстве тех или иных товаров. При этой специализации хозяйственных районов строгановское производство соли в Сольвычегодске и особенно в их пермских вотчинах оказало глубокое воздействие на экономику страны.

Особенно возрастает влияние многосторонней строгановской торговли в Камском, Волжском и Приокском бассейнах. Строгановы в XVII в. играют заметную роль в образовании связей буржуазных и в укреплении образующегося всероссийского рынка.

Люди умирают, документы остаются, запечатлевая в веках их дела. Строгановские документальные материалы сохранили свидетельства не только о конкретных фактах экономической истории России XVI—XVII вв., но и о причинах ряда явлений. Исследованные нами памятники по-новому освещают сложные и неизученные проблемы так называемого первоначального накопления и образования всероссийского рынка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- ЦГАДА — Центральный Государственный Архив Древних Актов в Москве.
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории.
- ЦГИАЛ — Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде.
- Публ. Библ. — Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, рукописное отделение.
- ГИМ (Барсов) — Государственный Исторический музей, рукописное собрание Е. Н. Барсова, № 1819.
- ААЭ — Акты Археографической экспедиции.
- АИ — Акты Исторические.
- АЮ — Акты Юридические.
- ДАИ — Дополнения к Актам Историческим.
- ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
- ПСРЛ — Полное Собрание Русских Летописей.
- РИБ — Русская Историческая Библиотека.
- СГГД — Собрание Государственных Грамот и Договоров.
- ЧМОИДР — Чтения в Московском Обществе Истории и Древностей Российских.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Издания источников

- Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей, СПб., 1821, 234 стр.
- Берх В. Н.* Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии, СПб., 1821, 125 стр.
- Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII веков, Л., 1924, 182 стр. («Памятники социально-экономической истории России». Под ред. А. И. Заозерского и В. Н. Кашина).
- Волегов Ф. А.* Усольская летопись. «Пермские губернские ведомости» № 96, 97, 1882 и отд. Пермь, 1882.
- Волегов Ф. А.* Документы и родословная Строгановых. «Пермский край», вып. 3, 1895, стр. 122—129.
- Волегов Ф. А.* Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых. «Пермский край», т. 3, 1895.
- Готье Ю.* Известия Пальмквиста о России, М., 1899.
- Дмитриев А. А.* Соликамская летопись, Пермь, 1884.
- Дмитриев А. А.* Историко-статистические таблицы на Пермские имения гг. Строгановых со времени пожалования их, т. е. с 1558 по 1850 г. за 292 года «Памятная книга Пермской губернии на 1889 г.», Пермь, 1889.
- Коялович М. О.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1531—1582), СПб., 1867.
- Куриц Б. Г.* Сочинение Кильбургера, Киев, 1915.
- Луканин А.* Церковно-историческое и археологическое описание гор. Соликамска, Пермь, 1882 (Пермские епархиальные ведомости», 1882).
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена, СПб., 1750; изд. 2, СПб., 1787.
- Прозоровский Д.* Старинное описание солеваренного снаряда. «Известия Археологического общества», т. 6, СПб., 1868.
- Савваитов П. И.* Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор по надписям на них. С прил. Соборной описи 1579 г. СПб., 1886 («Памятники древней письменности и искусства», вып. 61).
- Сибирские летописи.* Под ред. Л. Н. Майкова и В. В. Майкова, СПб., 1907.
- Синодик и родительский летописец Строгановых 1605 г.* С предисл. и с примеч. Н. С. Тихонравова. «Чтения Московского общества истории и древностей Российских», 1884, кн. 1, стр. 1—23.

- Смышляев Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. «Материалы для указателя книг и статей о Пермской губернии», Пермь, 1876, 278 стр.
- Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, М., 1957 («Памятники русского права», вып. 6).
- Сторожев В. Н. Писцовые книги Рязанского края. XVI и XVII вв., т. 1, Рязань, 1898.
- Строгановский иконописный лицевой подлинник (конца XVI и начала XVII столетий), М., 1869, [4] стр., 214 л. с илл.
- Шишонко В. Н. Переписная книга И. Яхонтова 1579 г. «Пермские губернские ведомости» № 82—104, 1878.
- Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263—1881 гг. Период 1—5, Пермь, 1881—1889, 7 т.

II. Литература

- Адрианов С. К вопросу о покорении Сибири. МНП № 4, 1893 (по поводу соч. А. А. Дмитриева).
- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, изд. 2, испр. и доп., Л., 1960.
- Андреев А. И. Черепановская летопись. «Исторические записки», т. 13, 1942.
- Анучин И. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Труды Московского археологического общества», т. 14, 1890, стр. 227—333.
- Бахрушин С. В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремизова. «Исторические известия» № 3—4, М., 1916, стр. 3—28.
- Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до пол. XIX в. Сб. «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», вып. 2, Пг., 1922.
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Л., 1935.
- Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в. «Научные труды», т. 1, М., 1952.
- Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, 199 стр.
- Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. 1—2, М., 1909—1912, 2 т.
- Введенский А. А. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пг., 1922, стр. 90—113.
- Введенский А. Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1922.
- Введенский А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв. «Север», кн. 3—4, 1923 и отд., Вычегода, 1923.
- Введенский А. А. Происхождение Строгановых, Вологда, 1923, 24 стр. (Напечатано также в журн. «Север», кн. 2, 1923).
- Введенский А. А. Служащие и работные люди у Строгановых в XVI—XVII вв. Сб. «Труд в России», кн. 1, Л., 1924, стр. 54—71.
- Введенский А. Крестьяне — Строгановы в 16—19 вв. «Труды Тбилисского государственного университета», т. 10, 1939, стр. 21—58.
- Введенский А. А. Строгановы в Казани в XVI—XVII вв. «Труды исторического факультета Киевского Государственного Университета имени Т. Г. Шевченко», т. 3, 1939.
- Введенский А. А. Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII веках. «Вопросы истории» № 5, 1955.
- Веселовский С. В. Семь сборов запросных и пятинных денег, М., 1908.

- Волегов Ф. А. Исторические сведения о Пермских соляных промыслах, основанных фамилиею Строгановых, «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 10, отд. 5, стр. 51—56.
- Волегов Ф. А. Исторические сведения о гг. Строгановых. «Пермские губернские ведомости» № 100—102, 1876; № 81, 1882.
- Воронихин А. К биографии Ермака. «Вопросы истории» № 10, 1946.
- Гейман В. Г. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII веке. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35, Л., 1929.
- Головачев П. Г. Покорение Сибирского царства и личность Ермака. «Сибирский сборник», т. 1, М., 1891.
- Дмитриев А. А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае, вып. 1—6, Пермь, 1889—1900.
- Дмитриев А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири. ЖМНП, № 1—2, 1894.
- Дмитриев А. А. Федот Алексеевич Волегов. «Пермский край», т. 3, 1895, стр. 22.
- Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. «Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации», М., 1956.
- Дубровский С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, М., 1929.
- Дунаев Б. И. Город Сольвычегодск, М., 1914.
- Дьяконов М. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.), СПб., 1898, стр. 151.
- Знаменский Ю. П. Жемчуг на Севере. «Наука и жизнь» № 6, 1938.
- Икосов П. С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 году. Изданная В. Шишонко, Пермь, 1881.
- Катанаев Г. Е. Еще о Ермаке и его сибирском походе. «Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва», кн. 15, вып. 2, 1893, стр. 1—36.
- Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный. «Вопросы истории» № 3, 1947.
- Коломинский С. Торговля солью на Руси в XVI—XVII вв. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени. «Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при университете св. Владимира», вып. 1, Киев, 1913.
- Коровин В. К. Краткий исторический очерк дома Строгановых. «Пермские губернские ведомости» № 25—27, 1862.
- Крестинин В. Прибавление первое к географическому известию о Новой Земле полуножного края. «Новые ежемесячные сочинения», т. 31, СПб., 1789.
- Курмачева М. Д. Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской исторической литературе. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей, М., 1958.
- Левитский. О древностях Сольвычегодска. «Вологодские губернские ведомости» № 50, 1839, стр. 397—400, 405—406; № 52, стр. 413—415.
- Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, т. 2, СПб., 1891.
- Любименко И. Труд иноземцев в Московском государстве. «Архив истории труда в России», кн. 6—7, Пг., 1923.
- Люпов С. Н. Ермак Тимофеевич в Жигулях, Н. Новгород, 1916, 31 стр. с илл.
- Майков Л. Н. Черепановская летопись. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 7, СПб., 1887.
- Макаренко Н. Е. Искусство древней Руси у Соли Вычегодской, Пг., б. г., 157 стр.
- Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века, М.—Л., 1951.
- Мерцалов А. Е. Очерк города Вологды по писцовой книге 1627 года. «Вологодский сборник», т. 5, 1887, стр. 43.
- Небольсин П. Покорение Сибири. Историческое исследование, СПб., 1849, 112 стр.

- Новокрещенных Н. Материалы по изучению Пермского края. Участие Строгановых в поступательном движении русского государства на Восток в XVI в., Пермь, 1892.
- Островская М. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII веках, СПб., 1913.
- Оксенов А. Сведения о неизданных сибирских летописях. «Литературный сборник», СПб., 1885, стр. 446—455.
- Очерки по истории колонизации Севера и Сибири (Сб. статей), вып. 1—2, Пг., 1922.
- Петухов Д. Я. Горный город Дедюхин, СПб., 1864.
- Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея. Сб. «Русское прошлое» № 3, 1923, стр. 3—8.
- Протопопов Ф. Записки, веденные по топографо-исторической части, М., 1814.
- Пыпин А. Н. Первые известия о Сибири и русское ее заселение. «Вестник Европы», т. 4, 1891.
- Ровинский Д. А. История русской иконописи. «Записки Археологического общества», т. 8, СПб., 1856.
- Ровинский Д. А. Обзор иконописи в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций, СПб., 1903, 330 стр.
- Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. «Вопросы истории» № 1, 1959, стр. 117—122 с карт.
- Словцов И. [П.]. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2 класса монастырь, Пермь, 1869.
- Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. 2. Количество и движение населения, Киев, 1919, 356 стр.
- Соскин А. И. История города Соли Вычегодской древних и нынешних времен, сочиненная Алексеем Соскиным, природным мещанином сего города Соливычегодской, в бытность его в Соливычегодском городском магистрате членом ратманом, в лето от сотворения мира 7297-е, а от рождества Христова 1789-е, Вологда, 1882, 148 стр.
- Спицын А. А. Земля и люди на Вятке в XVII столетии, Вятка, 1886, стр. 29—32.
- Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922.
- Суворов Н. И. К характеристике одного из знаменитых людей Строгановых. «Вологодские Епархиальные ведомости» № 16, 1893.
- Суворов И. Разорение Вологодского края в 1612—1613 годах. «Вологодский сборник», т. 5, 1887, стр. 90—91.
- Токмаков И. Ф. Указатель материалов для изучения истории и статистики Пермской губернии, Пермь, 1882, 19 стр.
- Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., М., 1957.
- Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы, СПб., 1842.
- Цембер А. А. К истории основания Сереговского солеваренного завода. «Записки Общества изучения Коми края», вып. 2, Устьысольск, 1929.
- Чупин Н. К. Географическо-статистический словарь Пермской губернии, вып. 1—4, Пермь, 1873—74 (приложение к «Сборнику Пермского земства»).
- Шляков Н. Ермак Тимофеевич летом 1581 г. ЖМНП, июль 1901.
- Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ДОМ СОЛЬВЫЧЕГОДСКО-ПЕРМСКИХ СТРОГАНОВЫХ В XVI веке	15
Глава II. ПОРУЧЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИВАНА IV СТРОГАНОВЫМ ОХРАНЯТЬ ВОСТОЧНЫЕ ГРАНИЦЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ ТИМОФЕЕВИЧЕМ	60
Глава III. ДОМ СТРОГАНОВЫХ В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ	112
Глава IV. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА У СТРОГАНОВЫХ В XVI—XVII веках В ПОМОРЬЕ И В ПЕРМСКИХ ВОТЧИНАХ	137
Глава V. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВ И ПРОМЫСЛОВ В СТРОГАНОВСКИХ ВОТЧИНАХ В XVI—XVII веках	156
Глава VI. ТОРГОВЛЯ СТРОГАНОВЫХ В СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ В XVI—XVII веках	215
Глава VII. ТОРГОВЛЯ СТРОГАНОВЫХ В ВОЛОГДЕ В XVI—XVII веках	251
Глава VIII. ТОРГОВЛЯ СТРОГАНОВЫХ В КАЗАНИ И ДРУГИХ ГОРОДАХ В XVI—XVII веках	274
Заключение	296
Список сокращений	303
Библиография	304

Введенский, Андрей Александрович

ДОМ СТРОГАНОВЫХ В XVI—XVII ВЕКАХ. М., Соцэкгиз, 1962.

308 с. с илл.

9(С)13

Редактор *В. Шушарин*

Младший редактор *Г. Захарова*

Художественный редактор *Н. Илларионова*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *С. Новицкая, Л. Чигина*

Сдано в набор 10 августа 1962 г. Подписано в печать 3 ноября 1962 г. Формат бумаги 70×90^{1/16}. Бумажных листов 9,625+0,187 (вклейки). Печатных листов 22,52+0,438 (вклейки). Учетно-издательских листов 20,87 (с вклейками).

Тираж 10 000 экз. А06094. Цена 1 р. 19 к.

Заказ № 3259.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского
городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.